

АЙБЕК

Собрание сочинений

ЛИБЕЖ

Собрание сочинений в пяти томах

Башкент

Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма

1986

АИТВЕК

Собрание сочинений

Том третий

ВЕТЕР ЗОЛОТОЙ ДОЛИНЫ

Роман

Ташкент
Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма
1946

В4Уз
А 37

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Абдулла Арипов, Наим Каримов, Борис Пармузин, Зарифа Саиднасырова, Хайриддин Султанов, Ульмас Умарбеков, Хамиль Якубов

Составители:
Саиднасырова З. С., Каримов Н. Ф.

Перевод с узбекского
С. П. Бородина

А 4702570200-72 —84-86
М352(04)-86

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма,
1986 г. (оформление, составление).

I

В жаркий полдень по широкому большаку, постукивая каблуками начищенных сапог, мерным шагом пехотинца прошел солдат и свернул на ровную мощеную дорогу.

И едва ступил он на дорогу, ведущую в родной колхоз, свежий ветер коснулся его разгоряченного лица, ветер, полный с детства знакомых запахов. Солдат, нетерпеливо приподняв голову, взглянул вдаль, где могли показаться крыши родного селения.

Когда еще из пыльной горячей степи поезд ворвался в прохладную зелень ферганской земли, счастье переполнило грудь солдата, и сквозь слезы он видел, как мчатся ему навстречу тенистые сады, безграничная ширь приземистых виноградников, розоватые стены строений и под сенью деревьев легкие, как воздух, приветливые беседки.

Это счастье возматало, когда теперь он шел по своей земле, а вдоль дороги ласково ворковал ручей, поросший густой травой.

Восемнадцать километров смелым, твердым шагом прошагал по этой дороге солдат, ни разу не остановившись, и лишь у тополевой рощицы дорогу его пересек арык. Здесь солдат поставил свой чемоданчик, положил на него шинель и снял с плеч вещевой мешок. Он сдвинул со лба пилотку, нависшую над его густыми бровями, и левой рукой, где не хватало одного пальца, вытер лицо.

Столько лет шагал он по дорогам войны, от Волги до Будапешта, столько рек перешел, столько видел озер, но нигде так не звучала вода в голубоватом прозрачном воздухе. Эта вода, то сверкая на солнце, то исчезая в

траве, влекла его, как живая. Он склонился к ней и, чертая ее пригоршнями, никак не мог напиться, никак не мог оторваться от нее, вспомнив ее вкус, милый с младенческих лет.

Отерев губы, снова пошел солдат домой, охваченный счастьем предстоящих встреч, шел между рядами стройных тополей, и прохлада с политых полей веяла ему навстречу, а вода текла и текла рядом с ним. Радость росла в нем от неумолчного говора воды.

Только тот поймет эту радость, кто сам рыл арыки и сам пускал воду по их гладким руслам. Без этих животворных струй иссякла бы вся жизнь вокруг, померкла бы зелень полей, облетела бы сень садов, а виноградники почернели бы, словно их спалило степным пожаром. Издревле, вековым неустанным трудом, народ избородил эту землю бесчисленными оросительными каналами, привел сюда воду, напоил пустыню, и чудесными радугами цветущих полей засияла вокруг земля. Шаг за шагом, изо дня в день, земледелец и поныне расширяет свой плодоносный мир, все шире и шире покрывая зелеными полями выжженную солнцем голую степь.

Да и дорога, по которой шел солдат, еще незадолго до войны размокла в дождливое время так, что лошади увязали в ней по брюхо, а в сухие летние месяцы пыль с нее застилала окрестные поля, тяжелой толщей оседала на листве, с головы до ног осыпала прохожих и проезжих; понадобился дружный, общий труд нескольких колхозов, чтобы выровнять и замостить ее. Совсем незадолго до войны ее закончили и обсадили хрупкими саженцами тополей. А теперь солдат шел по ней, и казалось, что и не могло быть иначе, — трудно было представить себе эти любовно возделанные сады и поля без стройной большой дороги под сенью высоких, сильных тополей.

Не все узнавал солдат.

До самого неба протянулось широкое хлопковое поле. А когда он уходил на войну, здесь горбились холмы пустырей, поросшие бурьяном да верблюжьей колючкой.

«Марксовцы тут хозяева. Молодцы! — Он подошел ближе. — Низковат, пожалуй. Видно, запоздали с севом».

Смуглые, черноглазые ребята шумно плескались в арыке и возлились на берегу, норовя столкнуть друга друга в воду.

Девушки перекликались, сбивая с веток спелые абрикосы.

Прорезав их певучие голоса, в глубине сада сухо прострелотала трещотка, которой отгоняли прожорливых птиц от поспевших плодов.

Стая птиц, прошелестев крыльями, низко пролетела поперек дороги. Где-то в стороне загудел трактор.

Издали, от шалашей или от стана бригады, ветер донес запах горячих лепешек.

Только теперь солдат вполне понял, как истосковался он за годы войны по звукам и запахам этой мирной жизни на родине. Но там, на войне, она вспыхивала в памяти то одной, то другой стороной, сквозь снега метелей, сквозь толчею ливней. А теперь она охватила его сразу вся, охватила со всех сторон, словно обняла, и подняла и понесла его, — так легко ему было идти по твердой дороге перед нескончаемым строем тополей, над милым лепетом родной воды.

И война, походы, битвы, все испытанья, пройденные, пока он снова дошел до этих мест, все отвалилось от него, как тяжелый, долго снявшийся сон. Пусть на всю жизнь от этого сна остались приметы — хромота да на левой руке четыре пальца вместо пяти.

Столько глаз навеки закрылось. Столько друзей, деливших с ним всю тяжесть походов и битв, мечтавших с ним о родных краях, навсегда осталось лежать на дальних полях войны. Они живут в нем, они рядом с ним, с ним рядом они сейчас идут к родному дому, и память о павших увеличит силы живых.

По тысячам дорог и троп шли в те дни к своим родным домам солдаты. И, верно, каждый нес в сердце такое же чувство, как и этот узбек, слегка припадающий на левую ногу, но идущий твердо, не сбиваясь с шага.

Иным пришлось вместо родных деревень найти заросшие бурьяном развалины и молча опускаться к могильным холмам. Много горя принес враг родному народу. И об этом тоже нельзя забывать, пока ты жив.

И вдруг словно обожгло его звонким, веселым окриком:

— Дядя Уктам!

Солдат замер, оглянулся на голос и увидел подростка, ехавшего на осле по краю дороги.

Мальчик спрыгнул на землю и побежал к солдату, едва выговаривая, задыхаясь от переполнявших его чувств:

— Вернулись? Живы? Не узнаете меня? Я Қасымкузнец сын...

— Джурабай? Милый ты мой!

Свободной рукой Уктам обхватил мальчика и, как родного, прижал к себе. Там, вдалеке отсюда, перебирая в памяти своих односельчан, Уктам, шепча их имена, припоминал их характеры и привычки, будто приходил к ним, и это согревало его в недолгие походные досуги. Когда же случалось писать домой, он перечислял всех, кого вспоминал, и каждому от души слал приветы. Был среди них и Касым-кузнец.

— Как отец? Здоров?

— На фронте! — отвечал Джурабай, украдкой разглядывая ордена и сверкающие медали. — Не встречали вы его там? Никак мы его не дождемся. Два года ничего не пишет.

— Откуда-нибудь едет сюда. Дождетесь! — уверенно, ободряя мальчика, сказал Уктам.

— Все возвращаются... — словно боясь договорить какую-то мысль, согласился Джурабай, подхватывая ловкими руками вещи Уктама. Он взвалил их на осла и перетянул веревкой.

Подгоняя осла, Джурабай пошел рядом с Уктамом, и столько вопросов накопилось у солдата, что мальчик едва успевал отвечать на них.

Дочерна загорелый, босой, сдвинув пыльную тюбетейку с круглого лба, Джурабай по-взрослому деловито поглядывал шустрыми глазами и старался обстоятельно рассказать обо всем. Но не всегда удавалось ему сохранить то спокойствие, с каким надлежит говорить почтенным людям.

Уктам, слушая его, думал:

«Кости этих ребят окрепли за войну. Не зря говорят, что ум не в бороде, а в голове».

— Почему же вы не предупредили ни письмом, ни телеграммой? Мы бы всей деревней вышли встречать вас, на лошадях бы выехали, со знаменами бы! Весь в наградах, а пришли пешком.

— Не догадался! — засмеялся Уктам.

— Когда дядя Сабир с дядей Хаитбаем вернулись, им на всю деревню устроили пир. Как в праздник!

И от всех этих разговоров Уктам незаметно ускорял шаги.

— Ну, а такой жеребенок чем в колхозе занят? — пошутил Уктам.

— Равняет свой шаг по резвым коням! — засмеявшись, но не без достоинства, сказал о себе Джурабай. —

У нас в «Богатыре» ни один из моих одногодков не опозорился перед народом. Не посраим мы своего года рождения!

— А на школьных успехах это не сказывается?

— А зачем? Школа — одно, работа — другое. Поспеваем и там и тут. Говорит же нам наш председатель: учишься и трудись сегодня, а потехи отложи на завтра. Посмотрите-ка, дядя Уктам.

Джурабай показал на хлопковое поле. Со всех сторон его обрамляли ровные ряды толстых стволов обстриженной шелковицы.

— Хороший хлопок. Кусты и крепки и ровны. Здесь поработали на совесть.

Серьезно и неожиданно, овладев неторопливой речью взрослого земледельца, Джурабай объяснил:

— Участок девичьего звена. Колхоз выделил им это поле. Девушки дали обещание собрать в нынешнем году по сто центнеров с гектара. Ваша сестрица Хакима тоже в этом звене работает.

Когда Уктам уходил в армию, Хакиме было всего одиннадцать лет. Она носила еще тоненькие, как ивовые прутики, косы. Маленькая, худенькая девочка обняла его на прощание и горько заплакала. И вот она уже хлопковод и даже «стоцентнеровик»!

До войны, когда приходилось слышать, что где-либо в Узбекистане хлопковод-опытник добивался стоцентрового урожая, Уктам сомневался:

— Ну как это он мог!.. Хоть бы посмотреть, каков он собой, богатырь, что ли? Небось кетмень того же веса, что и у меня, а как же это ему удалось? Сомнительно что-то...

Может быть, Джурабай заметил недоверие к своим словам в глазах Уктама.

— Правду говорю, дядя Уктам! Много работают и ночью в поле ходят, темноты не боятся. Может, немного и побаиваются, но ходят! Я нарочно по ночам иногда стою на краю деревни и песни пою, чтобы им охотней работалось. А мельникова дочь Тансык совсем ничего не боится. Смелая, вроде нас, ребят.

— Это дочка Мир-Ахмада, что ли? — потирая лоб, вспомнил Уктам.

— Вот-вот, она. Мне бабушка рассказывала, как отец ее пошел пускать воду в желоб, а жена осталась на мельнице одна. Тут у нее родилась дочка. Потому Тансык, может, и не знает страха. Такая, что ей все нипочем. Она-

то и предложила бороться за сто центнеров. Первая из всех. Долго шли они, разговаривая то о колхозных делах, то о ком-нибудь из колхозников.

Наконец, они дошли до поворота, где между двумя голубыми купами кустов джиды начинался проселок к родной деревне.

На кустах висели еще неспелые зеленые ягоды, прикрытые мерцанием длинных серебристых листьев.

Показались первые деревенские домики, полузакрытые густыми, раскидистыми садами.

Джурабай ловко вскочил на осла поверх Уктамовых вещей и крикнул:

— Пospешу к тетушке Соре получить подарок за добрую вест!

Осел мелкими шагами побежал к деревне, поднимая тонкими ножками придорожную пыль.

* * *

Старая Сора сидела во дворе, рассыпав под солнцем коконы для просушки.

Вдруг с улицы до нее донесся крик Джурабая:

— Дядя Уктам приехал! Дядя Уктам!..

Сердце похолодело у старухи. Ноги ослабели. Белая, как хлопок, сидела она, испуганно глядя на появившегося Джурабая.

А мальчик снял с осла вещи Уктама и понес их на террасу.

Вскочив на ноги, старуха заметалась по двору, не зная, за что браться, хватала то одно, то другое. Закричала:

— Хакима! Хакима!

Но отлично знала, что дочери дома нет. Потом босая, простоволосая, забыв обо всем, кинулась к калитке, выскочила на улицу.

Там ее и обнял Уктам.

Они вошли к себе во двор, окруженные притихшей толпой любопытных ребят, пыльных, смуглых, измазанных абрикосовым соком. Едва одному из них стоило сказать слово, как и все другие заговорили, заволновались, загалдели, и двор сразу закипел, как котел, от разноголосого гама.

А старуха Сора тем временем пришла в себя и, глядя сквозь слезы радостными маленькими глазами на сына, по древнему обычаю осыпала его склоненную к ней голову пригоршней монет и сладостей.

Сбежались соседи и родственники. Объятия, пожелуй, вопросы... Под тенистым древним ореховым деревом кто-то уже успел расстелить широкий ковер, положить на него одеяла и пышные белоснежные подушки.

По солдатской привычке Уктам сначала вытер и вычистил сапоги, расстегнул ремень и тогда только сел на почетное место, куда все просили его поскорее сесть.

Мать обложила его подушками со всех сторон, уговаривая облокотиться и отдохнуть с дороги. Но Уктам от такой заботы давно отвык, он осторожно отодвинул подушки, достал табачок, скрутил походную козью ножку и, затянувшись горьковатым дымом, поглядел по сторонам.

На деревьях, озаренных лазурью мирного неба, неподвижно висели плоды. На краю двора, как снег, засверкали на солнце шелковичные коконы. Словно все это видел он впервые, словно когда-то раньше, давно-давно, все это лишь снилось ему.

Уктам смотрел на добродушные, ласковые, родные лица гостей, не сводивших с него восхищенных глаз. Заговорили о друзьях и знакомых, о том, что давно лежало на сердце и на что так долго нельзя было получить ответа.

Эту дружную беседу прервал возникший вдруг перед глазами Уктама незнакомый ему, любезно кланяющийся и широко раскрывший для объятий руки, упитанный человек.

Его шелковую рубашу перехватывал белый вышитый платок. Лаковые сапожки маслянисто сияли, отражая солнечный свет, лицо лоснилось, глазки спрятались в глубине улыбающегося лица, а розовый, кругленький носик выпятился вперед от этой улыбки:

— Братец ты мой! Как же мы тебе рады! Наконец-то! Ах, как хорошо! Как хорошо! Ну, молодец! Ну, молодец! Доехал-то благополучно? Ну, слава богу! Как хорошо!

Затем он не раз прижал к своей пухлой груди сухощавого Уктама, ободряюще, как мальчика, похлопал Уктама по плечам быстрыми маленькими руками, приговаривая:

— Ну, молодец! Молодец. И герой! Ай-яй-яй. Какой герой!

Уктаму стало не по себе. Он смущенно посмотрел на Джурабая. Мальчик, успевший получить от старой Соры

расшитую тюбетейку в подарок за добрую весть, пояснил:

— Это же наш секретарь колхоза. Товарищ Файзуллаев. Это же он!

— Вот именно! — задушевым голосом подтвердил секретарь. — Насимджан Файзуллаев.

Осторожно присев на краю ковра, секретарь продолжал:

— Устраняйтесь, братец мой! Устраняйтесь как следует. Тут вам — отчий дом, как говорится. Заживете своим домком, а мы поддержим. Будем дружить. Ваш покорный слуга здесь не только секретарствует. У меня забот полон рот. Что ж поделаешь, — и колхозные дела, и общественные работы. Сами понимаете: с кадрами у нас беда. Людей не хватает. Крутишься как белка в колесе. Ведь работать надо с душой, не жалея сил. Я за нашего председателя готов и в огонь и в воду. Хороший старик Мир-Хайдар! Отличный. Я за него в лепешку расшибусь. Он все трудные задания и поручения на меня возлагает. Какая жалость, что его здесь нет. Он в степь поехал, к нашим стадам.

Уктам, кивнув, дал ему понять, что уже знает об отъезде Мир-Хайдара.

Кто-то из гостей поинтересовался:

— А почему это вы, Насимджан, так рано сегодня вернулись с базара? Базар плохой, что ли? Какая там сегодня цена на абрикосы?

— А! Пропали он пропадом, этот базар! Не стоит о нем говорить! — отмахнулся Насимджан. — Поговорим лучше о нашем воине, о нашем богатыре! Ведь каждое его слово — золото. Скажет, как рублем одарит.

И повернулся к Уктаму:

— Ну, Гитлера, значит, прямой дорогой к чертям собачьим отправили. Туда ему, проклятому, и дорога. Великий подвиг совершила наша армия. Поздравляю вас с наградами, братец Уктам! Поздравляю!

Он пожал руку Уктаму.

— Как онц вам к лицу! Ведь каждый орден — это такой клад! Будете теперь как сыр в масле кататься. Может ли кто что сказать? Да никто слова не скажет!

Уктам перевел разговор на колхозное хозяйство. Насимджан, успокаивающе помахивая рукой, немногословно уверял Уктама:

— Все в полном порядке.

Или:

— Об этом можно не беспокоиться.

Или:

— В этой части мы имеем обширные планы.

Или:

— Все зависит от урожая. Тут мы уже ничего поделаться не можем — все сделано.

Вдруг Насимджан вскочил и, приложив руку к сердцу, попросил прощения:

— Виноват. Мне надо ненадолго отлучиться. Я постараюсь не задерживаться.

Уктам не стал задерживать секретаря, который крутится как белка в колесе и который в лепешку готов расшибиться ради председателя. Насимджан, легко и мелко ступая в своих сверкающих сапогах, устремился, но не к калитке, а к старой Соре, возившейся около самовара.

Он пошептался с ней и потом, чем-то озабоченный, заглянул в комнаты, в хлев, даже побывал позади дома на огороде.

Уктам, исподтишка наблюдавший за Насимджаном, удивленно спросил Джурабая:

— Откуда он тут появился?

— Приехал года два назад к родственникам и остался у нас. Целый день на ногах, хлопочет, суетится, во всем хочет участвовать, везде норовит руководить.

— А работает-то он дельно? Что о нем говорят?

— Разное. Одни называют краснобаем, другие — пустомелей. Одни считают деловитым, другие — проньрой. Проньрой его у нас и прозвали. Надо вам самому к нему приглядеться. Тогда и увидите, что это за человек.

— Вижу, не очень-то он тебе нравится! — усмехнулся Уктам, сочувственно толкнув в бок мальчика.

Джурабай многозначительно посмотрел Уктому в глаза.

А между тем Насимджан подозвал одного из мальчишек, заполнивших двор, и, погладив его голову поверх тюбетейки, о чем-то распорядился. Мальчуган, сверкая пятками, стремительно умчался. Тут же другому мальчику Насимджан вручил ведро и приказал полить двор. Затем он отправился к тетушке Соре и уже не отставал от нее, куда бы она ни направлялась: в комнаты — так в комнаты, на кухню — так на кухню. И все это с озабоченным и непроницаемым видом. Время от времени он подходил и к Уктому:

— Ну, братец ты мой! Ах, богатырь! Ну, как настро-

еппе-то? Помаленьку приходишь в себя? Да, война, это я тебе скажу, серьезная история. Там не всегда удается сохранить голову.

И снова уходил, озабоченно хмурия брови.

Вскоре в калитку вошел Эшимкул, потомок мясников и сам мясник, неся нож, брусок и топор. Эшимкула Уктам знал с детства, и они крепко обнялись, но Насимджан торопливо прервал их дружеские объятия и позел Эшимкула на задворки.

Уктам подошел к матери недовольный:

— К чему вся эта затея, матушка?

— Мы затем и откармливали барана, чтобы тебя, сынок, с честью встретить. Хакима сама за ним ходила. Я за нею послала, — не пойму, где она задержалась. Что там у них — хлопок ли, собрание ли... А баран... Что ж, мы хуже других, что ли, сынок?

Насимджан непостижимым чутьем угадал содержание этой беседы, он немедленно возник возле.

— Братец мой! Богатырь дорогой! Не огорчай своей матери. Зачем се огорчать? — Он говорил это задушевым голосом. — Тетушка Сора столько слез пролила, столько бессонных ночей проворочалась с боку на бок, дожидаясь героя-сына, — по такому случаю не одного, десять баранов не жалко было бы зарезать. Не жалко! Ничуть не жалко! Не затем ты, братец мой, кровь проливал, чтобы жалеть барана! Да и баран-то доброго слова не стоит, — и худ и мал. Хватит ли? А не хватит, телку зарежем. Она пожирней. Так и делайте, тетушка. Выкладывайте все, что есть. Нечего жалеть! Что припрятано, что скоплено, сегодня все давайте сюда! Сын приехал! Ведь вот он! Вернулся живым, здоровым, с наградами во всю грудь! Ах, дорогой мой, братец мой милый! Как же нам не радоваться? Ведь не успеете вы, тетушка, глазом моргнуть, как народ к вам валом повалит, каждого надо принять, хорошенько угостить! Чем ваш дом хуже других? Чем?

— Ах, какой вы, право, душевный человек, во все умеете войти, все понять, каждому посоветуете. Не знаю, как вас и благодарить, милый. Будто мои мысли читаете. Я уж буду служанкой на пиру детей ваших. Спасибо, прямо скажу, спасибо, милый вы человек!

Только тогда успокоился Насимджан, когда мясник повел на огород высокого, как жеребенок, рыжего гиссарского барана с тяжелым круглым колыхающимся курдюком.

Проводив мечтательным взглядом мясника и вздущийся от жира курдюк, успокоенный Насимджан вытащил из кармана коробку «Казбека», угостил Уктама и закурил сам.

— Может, братец ты мой, тебе надо чего-нибудь? Так скажи. Для тебя я немедленно что хочешь сделаю, Впереди-то у нас с тобой дел много. Работать-то нам вместе придется. Так уж ты не стесняйся. Свои люди. Как говорится, для милого дружка и сережку из ушка.

Но Уктам, затягиваясь папироской, отмалчивался. Его раздражала вся эта сцена и возня в доме, где хотелось найти покой и материнскую ласку, а не болтовню постороннего человека.

Насимджан, держа папироску кончиками оттопыренных пальцев, едва касаясь губами мундштука, пускал, запрокинув голову, кольца дыма и следил, как они плывут одно за другим в безмятежное, бездонное лазурное небо.

Вдруг он, спохватившись, сокрушенно сжал ладонями свою голову в зеленой бархатной тюбетейке и испуганно взглянул на Джурабая:

— Джура! Сынок! Ты ведь на ноги скор, скачи, милый, ко мне и зови немедленно сюда жену мою. Ой, братец Уктам, моя жена уж такая мастерица по части кулинарии. Золотые руки! Нет ей равной. Котлеты ли, — пальчики оближешь. Ах! Едва вспомнишь, слюнки текут. Шашлычок ли, пшеничную ли кашу с мясной крошенкой... А плов! Эмирский повар в Бухаре не смог бы сварить такого. Ведь ее отец был на всю Фергану знаменит своими пирожками, несравненной нашей самсой. У дочки отцовский талант. Вот и зови ее, Джура, немедленно сюда. Пускай порадует нас своим мастерством. Скорее беги!

Джура нехотя встал.

Насимджан отправился на огород помочь мяснику разделывать барана.

Уктам походил по двору, оглядывая несложное свое хозяйство.

Двухкомнатный домик с террасой построил он сам еще до ухода на фронт. Теперь кое-где в окнах вывалились стекла. Желоб на крыше покосился.

Просунув голову в окно, Уктам заглянул в комнату, где мать рылась в своих сундуках, доставая всякие плоды и сладости для украшения стола.

— Матушка, — сказал Уктам, — зачем все эти хлопоты? Не нужно, право.

— Не мешай мне, сынок. Как это не нужно? Праздник должен быть праздником, а пир — пиром.

И она глубоко вздохнула:

— Раз так надо, значит и говорить не о чем.

— Как вы тут жили без меня?

— Ты об этом сейчас не думай. Придет время — поговорим.

Ее маленькие морщинистые руки старательно раскладывали по тарелочкам сладости, плоды, орехи.

— Тысячу раз благодарю бога, что привелось нам свидеться. Ведь мало ли что могло случиться. Ну, видно, кому что суждено, то и сбудется. Суждено было тебя дожидаться, вот и дождалась. А пока война шла, из честных людей никому легко не было. Не легко и нам было. Было да прошло. Вот и слава богу! Хорошо, что государство наше колхозы создало, не будь их, пропали бы мы. Была бы одинокая, незащитная, старая старуха, кому я была бы нужна, кто меня поддержал бы? Кто? Кто б сестрицу твою кормил, поил, одевал? Кому б нужна была сирота?

Успокоенный ответом матери, Уктам вернулся под тень ореха. Вскоре во дворе собрались односельчане порадоваться возвращению воина.

Пришел и Сабир Эрматов. Уктамов друг и ровесник, рослый, неповоротливый увалень, спокойный и добродушный. Он тоже недавно вернулся с фронта. Эрматов вошел с кетменем на плече, с орденами и медалями на широченной груди.

Многих из молодежи Уктам не сразу узнал, — он оставил их еще подростками, крикливыми, порывистыми, драчливыми и беззаботными.

Уктам усадил на почетные места стариков, а сам скромно опустился на краю ковра. За скатертью, уставленной разнообразными лакомствами и яствами, потекла беседа людей, всю жизнь проживших друг возле друга, знавших здесь заботы и радости каждого. Говорили о странах, неизвестных этим людям в прежние, довоенные времена. Говорили о разном оружии, помогавшем народу в борьбе с фашизмом. Старики удивлялись уму мастеров, создавших «катюшу», желали таким мастерам благополучия и долголетия.

Тогда-то и прибежала с поля запыхавшаяся Хакима. От бега и зноя лицо ее покраснелось. Отбросив к стене

кетмень, сестра кинулась в широко раскрытые руки Уктама. На миг сердце Уктама защемило счастливой болью от нежности, от любви к сестренке.

Когда их отец умер, ей было всего пять лет. Умирая, отец сказал ему:

— Если мать будешь носить на руках, сестру носи на сердце.

И Уктам запомнил слезы, блеснувшие при этих словах на глазах отца.

Уктам бережно погладил черные до синевы волосы выросшей сестры, уже вступившей в тот возраст, когда девочек начинают называть девушками.

Она стояла перед братом еще растерянная, с засученными рукавами, и ей хотелось сказать ему что-нибудь самое нежное и ласковое, но слов не было. А может быть, она стеснялась людей, стояла, молчала, смотрела в его лицо большими, опущенными черными ресницами глазами. Потом пошла прислуживать гостям, и гости долго расхваливали ее работу в поле, одобряли труд всей бригады.

— Девушки, почти девочки, а у них учиться можно. Они знают, как надо растить хлопок. Они не ждут, какой там урожай пошлет им бог, — они этот урожай делают своими руками!

Самый старый из гостей захотел сказать, что это за девушки, важно и степенно он поднял палец и сказал как непреложную истину:

— Патриотки!

— Да, молодцы, — добавил Сабир, тайком скосив глаза в ту сторону, где Хакима стыдливо слушала эти похвалы и улыбалась, держа в руках блюдо, позабыв опустить его перед гостями.

Заговорили о событиях последних лет, происшедших здесь, пока Уктам воевал.

Подали суп из баранины. Поставили блюда с пельменями, искусно приготовленными женой Насимджана. А сам Насимджан, вытащив из арыка бутылки с водкой, принялся разливать этот жидкий огонь по стаканчикам молодых гостей. Старики по давним обычаям воздерживались от спиртного. Лишь некоторые из них не выдержали искушения и согрешили, глотнув, но при этом изобразили на своем лице ужас и отвращение, надеясь умягчить этим свой «грех».

До глубокой ночи длился пир. Гости приходили и уходили.

Последним ушел Насимджан.

— В такую ночь только бы сидеть и сидеть нам с тобой, братец ты мой дорогой. Да ведь, сам понимаешь, дел по горло. Надо еще в правление пойти, закончить основные дела. До завтра, дорогой герой!

И двор неожиданно погрузился в глубокую тишину.

Лепетала, словно сквозь сон, вода в арыке. Время от времени кричала ночная птица, и ее далекий голос углублял тишину ночи.

Глинобитные стены казались желтоватыми в лунном свете. Между тополями и высоко над стройными их вершинами мерцали бесчисленные гроздья созвездий.

Уктам полной грудью вдыхал прохладу и знакомый, полузабытый запах родной Ферганской долины.

Наконец, он лег на свою постель, постланную сестрой на террасе, и слушал, слушал негромкий, ровный, как течение ручья, рассказ сестры:

— Ничего нет тяжелее, как ждать дорогого человека. Какая это тоска, если бы вы знали! Пейте чай.

Она протянула ему пиалу зеленого чая.

— Я, когда выходила на работу в поле, одевала то вашу тюбетейку, братец Уктам, то тюбетейку брата Хамдама. И мне казалось, что вы где-то недалеко от меня. А после работы, по вечерам, когда уберемся по дому, садимся с мамой и припоминаем ваши привычки, ваши слова... А когда от вас письма приходили — это был праздник. Какая у нас в доме радость начиналась! Никого счастливее нас не было, никого на свете! Случалось — маме нездоровится, а придет письмо, — она уже здорова, а я на работе хожу и пою, и работа совсем другому спорится. Вы часто писали. А вот от Хамдама уже семнадцать месяцев нет ни одного письма. Семнадцать месяцев! Что могло с ним случиться, братец Уктам?

Уктам думал о своем брате, комсомольце, красивом, умном парне. Что могло случиться? Могло случиться все.

Сора, убрав после гостей посуду, под села к детям. В белом платье, в белом платке, она казалась Уктаму прозрачной в лунной мгле, словно видение, и самой красивой, самой родной из всех людей на свете.

— Ну, расскажи, мама. Ты говорила, что столько надо всего рассказать...

— Спи, сынок. Успеем, наговоримся. Отдыхай, ты ведь с другого края земли вернулся. Теперь опять мы вместе, Опять ты у меня под крылышком. Вернулся бы Хамдам под другое крылышко, совсем было бы хорошо. Тогда

мне и желать больше нечего было бы. Я вот чего не могу понять: как это вы столько лет на той же самой войне были, а друг с другом не встретились? Не могу я этого понять, — ведь война-то у вас обоих одна и та же была. Так ведь? Только одно письмо мы получили от Хамдама. Всего только одно. И как в воду канул. Он с самолета вниз прыгал, говорят. Уж ходил бы себе по земле, как все люди. Тесно ему на земле, что ли? Ни отец ваш, ни дед птицами не были, — куда ж Хамдама занесло? Случается, пролетает над нами самолет, так на него и снизу-то страшно смотреть: душа замирает, как бы не сорвался. А Хамдам вздумал сам оттуда прыгать, подумай только. Как вспомню об этом, так плачу. Не могу, слезы сами собой текут.

Хакима ответила:

— Я ведь разъяснила вам, — парашютисты спускаются вниз потихоньку, а не сломя голову.

— А откуда ты это можешь знать? Ты сама подумай, — где небо, а где земля? Попробуй с нашего сарая спрыгнуть, и то страшно. А они — с этакой высоты. Вот и гадаю, вот и думаю, что там случилось с нашим соколом? Снаряд ли в него ударил, беспощадный ли штык его пробил? Ну, полно, спи, сынок! Спи! Отдыхай. И ты ложись, Хакима. Ночь ведь. Экая темнота. Отдыхайте. А Хамдам жив будет — вернется. А если что, — такая уж, видно, наша доля. Такова, видно, судьба. Да будет над вами мир, покой, благоденствие.

— Золотые слова, мама! — поддержал ее Уктам. — Столько я видел горя, столько отцов и матерей, оплакивавших своих детей, — страшно вспомнить. Да и у нас в деревне таких немало. Проводили многих, а не дождались почти никого.

— Правда это, сынок. Я не ропщу.

И она умолкла, улегшись невдалеке на своей постели.

II

Солнце едва проглянуло из-за деревьев, а Уктам уже проснулся. Ему не лежалось на мягкой постели. Разыскав в чемодане бритву, он устроился на краю террасы и намылил лицо. Бритва заскользила по его щекам.

Тетушка Сора, неся, как букет, зелень с огорода, влажную и яркую, остановилась пораженная: живой, здоровый, ее собственный сын брился. Она еще ни разу не

видела своего сына за бритьем. Он брился, как взрослый мужчина. Маленькая бритва скрипела, легко очищая его обветренную мужественную кожу.

— Какая хорошая бритва! — сказала она.

Уктам с улыбкой взглянул на мать.

Она подошла к нему ближе и остановилась, внимательно разглядывая его. Вчера, в суете, ей не удалось хорошенько к нему присмотреться, а когда гости ушли, во дворе светила лишь луна.

И тут он тоже, словно впервые, увидел мать. Увидел, как углубились ее морщинки. Поседели ее волосы. Только брови были по-прежнему черны, молоды и красивы, да прежней лаской сияли ее внимательные глаза.

Он поговорил и пошутил с ней, чтобы она не увидела его растерянности и огорчения от перемен, замеченных им на ее лице.

— Ну, пойду одеваться! — сказал он.

Она ничего не ответила и ушла готовить завтрак.

Но она забеспокоилась, когда он пришел к ней уже одетым. Он натянул хромовые, еще довоенные сапоги. Надел шелковую рубаху, черную ферганскую тюбетейку, а на плечи набросил шелковый, яркий полосатый халат. Оказалось, что сестра, уходя в поле, успела перевесить все его ордена на халат, и теперь они сверкали на шелку, тихо позванивая.

— Куда же это ты собрался?

— Хочу пойти к бригадам.

— Что ты, что ты! Сколько людей придет посмотреть на тебя, поздравить с благополучным возвращением, а тебя вдруг не окажется дома!

— Я же не молодуха, чтобы собиравались на меня смотреть.

Но мать настаивала, и ему оставалось только подчиниться ей, хотя он не без огорчения поглядывал на калянку.

Видя, что он в душе не согласен с ней, она упрекнула его:

— Они придут почтить тебя, сынок. Придут успокоить свою душу, утолить свое горе. Придут родители, ожидающие сыновей. Придут и те, которые не дождались. И я ведь, пока ты воевал, ходила по всей округе, если узнавала, что к кому-нибудь приехал отпускник. Нынешней весной пошла я через три соседних деревни в четвертую. Долго шла. Пришла. Встретили меня от всей души. Увидела отпускника, спросила, не встречал ли он там вас,

моих соколиков. Нет, оказалось, не встречал. Такой рослый, здоровый, вся грудь в наградах. Долго мы сидели, обо всем поговорили. А когда он пошел меня провожать и стал прощаться, приложил руку к сердцу, вот так, и поклонился. «Не огорчайтесь, говорит, матушка, не горюйте. Скоро все наши вернутся». Так стало легко у меня на душе, с облегчением пошла я домой, шла и радовалась. И вдруг хлынул на меня ливень. Да такой, что все вокруг потемнело. А кругом ни деревни, ни деревца — ровное поле. Дорога сразу размокла, ноги скользят, сухой ниточки на мне не осталось, а я только-только прошла Аксай, весь путь еще впереди. Грязь по колено, молнии сверкают, небо пополам раскалывается. Да и ночь уж вот-вот настанет. Душа у меня замерла... Сама не помню, как добралась до дому...

Перед Уктамом встал весь этот путь матери, столько перестрадавшей, чтобы хоть слово услышать о своих детях, и ему захотелось чем-нибудь порадовать ее, повеселить.

Он остался дома, помогал ей, чем мог, а когда пришли гости, сидел и разговаривал с ними, и каждому старался сказать что-нибудь хорошее, ободряющее. А приходило и уходило очень много людей — родных, близких, знакомых и незнакомых.

После полудня, проведив всех гостей, Уктам пошел побродить по окрестностям. Прошел по родной деревне, замечая все перемены, какие тут произошли за эти годы.

День стоял знойный и ясный. По арыкам плыли упавшие с веток золотистые и розовые абрикосы. Абрикосы валялись и у садовых дувалов. До земли склонялись под тяжестью урожая ветки персиков.

Воздух был наполнен ароматом спелых плодов. Случалось, на фронте, когда бойцы собирались поговорить, заходил разговор о родных местах, и каждый хвалил свою родину, и каждый был уверен, что нет и не может быть на земле места лучше, чем его родные места. Уктам говорил им тогда о таких вот днях в родной Фергане, о плодах, плывущих по арыкам. Ему не верили, что, присев на берегу, каждый может набрать сколько хочет плодов, наестся ими вдоволь, карманы ими набить... И так с раннего лета до глубокой осени плывут и плывут у нас по арыкам фрукты, сменяя друг друга: абрикосы, груши, яблоки...

Уктам прошел через голубую рощицу джиды, и перед ним раскинулись до самого неба пышные хлопковые по-

ля. Всюду шла работа, живая и спорая, было время пропашки хлопчатника. Тракторы вели культиваторы между ровных рядков хлопчатника. Взмахивая кетменями, колхозники осторожно окучивали ветвистые кусты.

Уктам подошел к бригаде своего друга Сабира. Отставив кетмень, бригадир Сабир Эрматов подошел, скуластый, широколицый, вспотевший так, что выцветшая гимнастерка пристала к его телу, плотно облегая крепкие мускулистые плечи. Брюки на нем были закатаны до колен, рукава засучены по локти, лоб перехвачен белой повязкой, чтоб затениться от солнца.

Мимо прошел трактор, не касаясь сильных здоровых кустов, взрыхляя междурядье неглубоко и ровно. Оба посмотрели на быструю и точную работу машины, оставляющей прямые, как натянутые струны, линии рядков.

Сабир повел Уктама к друзьям.

Уктам пожелал успехов маленькому плотному Шакиру, прозванному Кругляшом; угловатому великану Баратбаю, еще безусому, казавшемуся слабым, несмотря на весь его рост; густобровому крепышу Нуртаю, прославившемуся тем, что одним ударом своей маленькой, но словно железной руки он мог расколоть любой кирпич.

Все они благодарили Уктама за добрые пожелания, а Сабир спросил:

— Ну, брат, что скажешь о нашем хлопке?

— Не плох. Но я бы не давал ему так идти в рост.

— Ты хочешь, чтобы он у нас был малышом вроде Шакира?

— И крепышом вроде Нуртая! — засмеялся Уктам. — Ты сколько обязался собрать?

— Планируем центнеров сорок, а то и сорок пять с гектара.

— Тогда никто не поверит, что ты доходил до Одера! Тогда учись у девчат.

Сабир нахмурился:

— Я вчера говорил тебе, что, когда я из армии пришел, хлопок уже из земли выглядывал. Поздно было его подгонять, — урожай надо с осени готовить, да и зимой не зевать. Вот в будущем году другой разговор будет.

— И сейчас не поздно. Еще многое можно сделать. Будешь его поить, кормить в меру, так и урожай успеешь собрать. Урожай, сам знаешь, прибывает с каждым днем.

Сабир призадумался:

— Посмотрим. Что сможем, сделаем. Если дело толь-

ко в труде, труда не пожалеем. По труду руки еще с войны скучают.

С первых лет жизни знали друг друга Сабир и Уктам. Им хотелось о многом поговорить по душам. Но здесь, в поле, разговаривать было некогда. Условились встретиться вечером.

Попив зеленого чая, остуженного в холодной воде, Сабир снова взялся за кетмень. Уктам ушел по узенькой тропинке, собираясь пройти к звену своей сестры.

Из хлопка выглянула тетушка Хадича. Пятидесятилетняя, высокая, еще красивая, она вдруг встала перед Уктамом. Он замер от радости.

Тетушка Хадича одной из первых в Фергане сбросила паранджу и открыла свои смелые, прямые, как стрелы, брови над прямым носом, свои узкие, неумолимые глаза. Когда колхозы еще только начинали жизнь, когда враги еще отовсюду совершали отчаянные вылазки против молодых колхозников, Хадича выступала на собраниях и митингах, красноречиво и горячо призывая к новой жизни, к колхозному труду, к раскрепощению женщин.

— Здравствуй, львенок! Здравствуй, мой дорогой. Прости старую тетку, что не выбралась вчера повидаться! Такой у меня вчера день выпал, что волос расчесать некогда было. Да и узнала о твоём приезде поздно.

— Это мне надо просить прощения, что не явился сразу проведать вас, тетушка.

— А я нынче весь день сорняки выпальваю. Никак не могу их одолеть. Сегодня выполю их, проклятых, наутро они опять мне кланяются! «Здравствуй! Салам алейкум!» Теперь машину пушу на них. Привезли к нам в колхоз такую машину с зубцами. Доконаю негодяев. Ну-ка, посмотри на мой хлопчатник. Каков?

— Хорош, по-моему.

Она высыпала на ладонь зеленый табачок из круглой, как яйцо, табакерки и ловко бросила с ладони под язык.

— Как поживает дядя Карабай?

— Хоть маленькими шажками, а идет вперед. Два года назад орден получил. В прошлом году в Ташкент ездил. Мне не приходилось краснеть за твоего дядю.

Прохаживаясь по краю необозримого поля, Уктам и Хадича поговорили еще немного. Глядя на тетку, он вспомнил 1931 год, когда только еще разгоралась борьба за колхозы. Уктам было двенадцать лет. На деревенском базаре шумела сходка. Ребята забрались на деревья. Сидя там, как воробей, Уктам зорко следил за всеми

событиями. Когда кончил свою речь районный уполномоченный, слово взяла Хадича. Она перечислила по именам всех кулаков и богатеев своей деревни и о каждом сказала несколько точных, убийственных слов, каждого из врагов вывернула наизнанку, всему народу напоказ. Досталось и мулле Шахобиддину, получившему от нее прозвище Совы в чалме. Рассказала она о хитростях и кознях сельских богатеев и о путях, которыми они, каждый по-своему, опутывали народ. Разоблаченные, словно выставленные нагишом перед всеми, кулаки в бешенстве и неистовстве выступили против нее один за другим, а когда заметили, что своими ругательствами подтверждают ее слова, когда поняли, что народ на злобу их отвечает гневом, смолкли, затаились, но собрались вместе, готовые ринуться в новую схватку. Тогда ребята спрыгнули со всех деревьев и кинулись к коновязи, увели кулацких лошадей в колхозную конюшню и заперли там. Сабир положил в карман ключ от конюшни и заявил:

— Хватит им красоваться на аргамаках. Они, видно, хотят заварить тут кашу, да и ускакать прочь. Черному иноходцу в моих руках будет веселее. А к тебе, Уктам, прикрепим гнедого жеребца Аминова, караванщика.

Уктам обиделся, и ребята подрались. Их разняла Хадича, и Уктам получил от нее подзатыльник.

После этой сходки, когда окончательно сложился колхоз, богатеи возненавидели Хадичу. Если б могли, привязали бы ее к хвосту коня и пустили бы его вскачь, по древнему обычаю. Много коней и денег они обещали тому, кто снимет с нее голову. Она не отступила. За своей спиной она чувствовала большую силу — силу великой ленинской партии и поддержку деревенской бедноты. И эта сила оберегала ее.

Однажды ночью головорез Кушак подстерг Хадичу, но о намерениях Кушака узнали отец Уктама и нынешний председатель колхоза Мир-Хайдар. Они выследили Кушака и, когда он подбирался к дому Хадичи, так его проучили, что бандит даже потерял голос. Его отправили в тюрьму.

В другой раз Хадичу встретил мулла Шахобиддин. Он отозвал ее в сторону:

— Ты безбожница и вероотступница! Со времен пророка не было мусульманки гнуснее и грязнее, чем ты. Но и теперь еще есть время, покайся! Сойди с дороги греха на путь праведный. Раскаянием и покаянием достигнешь прощения и милосердия.

— Со своей дороги я не сойду, а вы посторонитесь! — ответила ему Хадича.

Почернев от негодования, мулла пригрозил:

— Если я прокляну тебя на коране, тебя на всю жизнь разобьет паралич.

— Проклинайте! А я посмотрю на этот ваш паралич.

Так шла Хадича, не отступая, в те тяжелые годы, когда враги кишели вокруг. Но колхоз был создан, и она вступила в него первой из женщин.

Теперь, прощаясь с Уктамом, она сказала:

— За годы войны колхоз наш отстал. Но война кончилась. Народ вернулся к мирному труду. Думаю, теперь наладятся наши дела. Ты куда направился? Иди к нам. Я скоро вернусь, такой тебе плов сварю... с перчиком!

Но Уктам отказался.

— Ну, ладно. Пир за мной не пропадет. Вижу, собрался в девичье звено? Выросли девушки. Глаза у них огнем горят. Выбери-ка себе одну. Я сосватаю, я и свадьбой заправлять буду.

Уктам покраснел.

— Все-то вы шутите, тетушка.

— Почему? Настало время свадьбы играть, пиры пировать, праздновать, — новая жизнь начинается на нашей земле!

Поля разделялись рядами остриженных шелковиц или темно-зеленых раскидистых плодовых деревьев. На разных полях хлопчатник развивался по-разному. Уктам это бросилось в глаза особенно там, где сходились границы полей. Рядом с плотной зеленью коренастых растений, сплошь покрывших один участок, казались бледными, хилыми растения на другом, — между кустами просвечивала земля, как проплешины на больной лошади. Уктам понял, что уход за хлопчатником не во всех бригадах хорош, не во всех звеньях одинаков.

Уктам шел в тени деревьев, тихо колыхавшихся в знойном воздухе. Гибкие ветки джиды задевали его. В беседке, скрытой деревьями, пел патефон. Верно, там и отдыхали девушки.

Обойдя стороной беседку и деревья, Уктам вышел в поле.

Солнце вспыхивало на кетменах. Разноцветные платя работающих, вкрапленные в густую зелень, сверкали, как цветы, колеблемые легким ветром. Уктам пошел быстрее.

Прежде бывало так, что, проходя мимо работающих

в поле женщин, мужчины приветствовали их лишь издали. Так поступал и Уктам. Но на этот раз он пошел к ним смело, как к близким друзьям. Он сказал душевно и ласково той, которая работала ближе:

— Желаю удачи, сестрица!

Она доверчиво подала ему руку и спросила, благополучно ли он доехал. Опершись о рукоять кетменя, пожаловалась:

— Жарко.

Вглядевшись в лицо девушки, черноволосой, быстроглазой, он отметил ее рот, о котором древние поэты Востока сказали бы, что он подобен еще нераскрывшейся розе:

— Вы не мельникова ли дочка?

— Да, Мир-Ахмада, мельника.

— Как же вы успели вырасти! Ведь вы здесь звеньевой, сестрица Тансык?

— О, вы, оказывается, уже все знаете! — И она опустила глаза, чтобы скрыть довольную улыбку.

— Почему вы не провели культивацию? Хотя бы конную, это очень вам помогло бы, ведь на этом участке работают не двадцать богатырей, а всего только...

— Мы это учли, — перебила его звеньевая, — что здесь не богатыри, а девушки, и культивацию провели. Но мы считаем, что окучка кетменем сейчас полезнее, чем повторная культивация. Это одобрил наш почтенный председатель.

В ее словах была только твердость. Уктам не уловил в них ничего обидного. Он знал, что Мир-Хайдар, председатель, знает хлопок лучше кого бы то ни было в колхозе, и не возразил девушке.

Оглянувшись в поле, Тансык крикнула:

— Хакима-а-а!

И опять взялась за кетмень.

Уктам внимательно смотрел, как скоро и точно работают ее руки. Прежде он и сам искусно орудовал кетменем.

Девушка временами разгибалась, отирала вспотевшее лицо и, облизнув пересохшие губы, снова склонялась к хлопчатнику. Уктам ревниво следил, как она взмахивала кетменем, равномерно и точно. Годы прошли с тех пор, как он, так же ловко и легко, вонзал округлое лезвие в податливую землю.

Скинув на грядку свой парадный халат, он подошел к Тансык и протянул руку к рукоятке кетменя:

— Дайте-ка!

— Что вы! Зачем?

Но Уктам держал рукоятку так крепко, что девушка уступила:

— Ну, попробуйте!

Руки, привыкшие к винтовке и к автомату, ловко бросавшие гранату, утратили то чувство меры, которым бессознательно владеет хлопковод. Уктам опасался задеть корни растений, стеснялся ударить мимо намеченной черты. Былая уверенность покинула его. Он исподтишка взглянул на Тансык.

Девушка, затягивая узел своего голубого платка, пристально следила за движениями Уктама. Он разогнулся и сказал смущенно:

— Руки отвыкли от кетменя.

— Я этого не заметила. Хорошо получается.

Засучив рукава шелковой праздничной рубахи, он снова взмахнул кетменем. Оттого ли, что Тансык ободрила его, вернулся ли к нему полузабытый навык, он вскоре почувствовал, что дело идет на лад и кетмень ему послушен.

Время от времени он поглядывал назад, на Тансык, но уже не смущаясь, а уверенный, что заслужил ее похвалу.

Он был доволен своей работой. Кусты хлопчатника словно выпрямились после его окучки, казались ему крепче и зеленее. Но голову ему пекло солнце, губы пересохли, пот собирался на бровях и ресницах, рубаха липла к телу, стягивая плечи. Это мешало ему. Уктам не понимал, бывало ли так же душно и прежде на полевых работах или это лето выдалось особенно жарким.

Подошла Хакима. Она удивленно посмотрела на Тансык. Тансык, как бы оправдываясь, сказала:

— Вырвал у меня кетмень. Скажи ты ему, довольно Я сама могу работать. Вчера человек приехал, а сегодня уже в поле работает. Неловко ведь.

Хакима хотела было сказать брату, что ни к чему в праздничной одежде копать в земле, но заметила, с каким увлечением и радостью отдается Уктам своей работе, промолчала и сходила за остуженным зеленым чаем для него.

Глотнув чаю, он отер руками лицо и почувствовал легкую, сладкую усталость во всем теле.

— А ну, Хакима, давай потягаемся!

— А не устанете? — усмехнулась сестра не без озорства.

Лишь часа через два Тансык с трудом отобрала у Уктама свой кетмень.

Отходя в тень деревьев, Уктам присел, утираясь платком. По арыку, журча, протекала вода, веял легкий, веселый ветерок. Вода и тень дерева — лучшее пристанище в знойный узбекистанский полдень. Полежишь, может быть, вздремнешь недолго, и силы возвращаются, и можно все начинать сначала, все, чем до этого был утомлен.

Когда солнце ушло за тополя, озолотив их, под деревьями сошлись все девушки из звена Тансык. Простые, скромные, трудолюбивые ферганские девушки, обожженные солнцем, собрались отдохнуть здесь после долгого дня.

Тансык похвалила круглолицую Дильшад. Девушка удивленно смотрела тяжеловатыми миндалевидными глазами. Не по возрасту рослая, сильная, она держалась позади своих подруг.

— Ей какую работу ни поручи, — сказала Тансык, — она шутя со всякой справляется. Не девушка, а богатырь!

— Богатыри съедали по целому барану! — засмеялся Уктам.

Дильшад, покраснев, отвернулась. Но тотчас взглянув Уктаму прямо в глаза, простодушно улыбнулась:

— А, право, ем я не больше вашей сестры Хакимы. Хакима не осталась в долгу:

— Рокотом бубна меня не осрамишь!

Все засмеялись, потому что «Бубен» было прозвище круглолицей Дильшад.

Прозвища были и у всех других девушек звена, но хранили они эти прозвища в тайне. Поэтому Уктам не понял шутки.

Краснолицая, веснушчатая Анзират, заплетавшая множество косичек, словно устыдилась столь непринужденного разговора своих подруг с малознакомым мужчиной, скрылась за деревом. А резвая Анархон, забравшись на абрикосовое дерево, стряхивала оттуда спелые плоды и задорным, звонким голосом звала подруг:

— Девушки! Идите сюда! Кушайте, пожалуйста!

Несколько подруг побежали к ней, а Уктам встал и, набросив халат, пошел по приволью полей дальше, напевая песню.

Поздним вечером тетушка Сора, надев очки, сидела около лампы, чинила колхозные мешки и слушала разговор Уктама с Хакимой.

Хакима рассказывала, как в годы войны колхозники посылали на фронт подарки, как женщины заботливо и любовно вязали теплые носки, вышивали платки, шили кистеты.

Со счастливой улыбкой Сора поглядывала на своих детей и по временам дополняла рассказ дочери:

— А я шила мешочки и наполняла их изюмом, орехами. Может быть, думаю, какой-нибудь попадет сыну, а не сыну, так его товарищу.

Неожиданно к ним пришел председатель колхоза Мир-Хайдар.

Его встретили сердечно и почтительно. Сора достала из ниши лучшие одеяла, которые берегла лишь для самых дорогих гостей, постелила их, чтобы достойно усадить его.

Председатель заходил в дома колхозников часто и запросто, но встречали его всегда с почетом.

Уктам соскучился о Мир-Хайдаре, ровеснике и друге своего отца. Когда-то широкие и могучие, плечи Мир-Хайдара теперь опустились, и в густой короткой бороде не осталось темных волос, седина покрыла всю его бороду, а глубокие морщины изрезали лоб. Но глаза, широко расставленные под густыми бровями, по-прежнему были ясны и пронизательны.

Простой землелепец, скромный и молчаливый, Мир-Хайдар любил работу, но стеснялся выступать на собраниях и свое мнение чаще высказывал в разговорах, чем в речах. Года за четыре до войны председателем «Богатыря» был крикливый, но беззаботный человек, щедрый за счет колхозного добра и любитель спокойной жизни. Потеряв терпение, колхозники сняли его и единодушно избрали председателем Мир-Хайдара, который никак не ожидал этого.

— Но я ведь, братцы, и речей-то говорить не могу, — возражал растерявшийся Мир-Хайдар.

— А мы тебя не в ораторы выбрали, а в хозяева, — ответило ему собрание.

Мир-Хайдар за дело принялся с жаром. Он любил посоветоваться со знающими людьми, прежде чем приступить к чему-либо.

— Ум хорошо, а два лучше.

Он говорил, что без любви к делу работа не спорится, учил настойчивости и терпению в труде.

— Терпение и труд все перетрут.

Колхозные остряки, сидя на досуге в чайной, любили подтрунивать над склонностью председателя к пословицам и повторяли великое множество Мир-Хайдаровых изречений. На вопрос, пить ли чай с изюмом или с конфетами, кто-нибудь отвечал:

— Обдумаем, обмозгуем, обсудим, тогда и увидим.

И всем присутствующим было ясно, что шутник переразнивает председателя. А если оказывался при этом сам Мир-Хайдар, он в таких случаях смеялся веселее других.

Он любил рассказы о боях и подвигах фронтовиков, но, войдя в дом Уктама, спросил лишь о здоровье и самочувствии хозяев и заговорил о своей поездке в горы и в степь в поисках пастбищ для колхозного скота. Рассказал о совещании, которое сейчас, возвратившись из поездки, провел, несмотря на поздний вечер. Он говорил усталым голосом, но, видно, был доволен и спокоен.

Уктам спросил, успешно ли идут дела в колхозе, не померла ли за эти трудные годы добрая слава «Бога-тыря»?

— Я слышал, ты сегодня уже обошел наши поля. Сам видел хозяйство. А лучше ли оно стало, тебе свежими глазами виднее. Я так думаю: отсталым колхозом нас не назовешь, но и былой славы не найдешь. Пожалуй, свое название не вполне оправдываем. Бывали случаи, когда мы оказывались впереди других. До войны мы первыми построили для колхозников новые дома. По новому плану, не прежние мазанки. И клуб поставили неплохой. А главное, за урожай боролись, поголовье общественного скота увеличили. Фермы у нас построены такие, что из многих колхозов приезжали к нам смотреть их, чтобы у себя такие же строить. Хозяйство мы тогда создали крепкое, большое. Это дало нам силы выстоять в годы войны. И у нас в доме нужды не было, и фронту помогали, как могли. Как говорится, чем богаты, тем и рады. Когда наши солдаты подняли знамя Победы, я подумал: «В этом знамени хоть одна наша штучка, а есть!» И сейчас, милый Уктам, мы неплохо работаем. Но ведь много молодежи мы фронту отдали, рабочих рук не хватало. Вот мы и поотстали. Но партия и правитель-

ство нам помогают. С их помощью мы засеяли четыреста тридцать гектаров одним только хлопком. Будем трудиться, и колхоз наш, как сад, расцветет.

Уктам постелил скатерть, разломил лепешки, протянул председателю пиалу чаю.

Вокруг лампы вились ночные бабочки, ударяясь о стекло, падая на пол, взлетали снова, жужжа, как жуки. Уктам слегка прикрутил фитиль лампы и от души сказал Мир-Хайдару:

— Спасибо, отец, что в трудные годы удержали колхоз на добром уровне. Спасибо, что наши семьи нужды не знали.

— У меня, мальчик, не мало было промахов в работе за эти годы. Ошибки скрывать незачем. Говорится ведь: куй железо, пока горячо. А я не всегда успевал ковать, пока соберусь, глядишь — железо-то уж остыло. Рук не хватало, один всего сообразить не мог, — и животноводство, и хлопок, и зерно, и шелк. За всем надо было уследить, все держать в памяти. Спасибо райкому, всегда успевали мне помочь, подсказать, направить меня. За что проберут, а за что и похвалят. Но годы сказываются, трудно мне, сил мало, здоровья мало, грамотности не хватает.

— Ну, отец! Вы еще крепки, как чинар! Мне двадцать семь лет, а у меня уже седые виски. А вы еще бодры и молоды.

— Человека старит не работа, а забота.

Мир-Хайдар отвел глаза от Уктама, словно что-то рассматривал в углу комнаты.

— Друг-то твой Алимджан...

— Что с ним? — вздрогнул Уктам.

— Еще в сорок третьем извещение принесли. Я от жены это скрыл. Тяжело матерям получать такие вести. Ведь единственный сын...

И ладонью прикрыл пиалу в знак того, что сказанное должно остаться в тайне.

Уктам опустил голову. Сын Мир-Хайдара был ему близким другом. Веселый красавец Алимджан любил петь своим сильным и чистым голосом. Уктам не знал, какими словами утешить старика.

— Я, правда, не одинок. Есть у меня и сынок и дочка. Русские, сироты. Пусть они живут и здравствуют! Я их усыновил, в них мое счастье.

И председатель снова заговорил о колхозе. Уктам

взял себя в руки и, чтобы не возвращать старика к печальным раздумьям, поддержал этот разговор:

— В этом году план будет выполнен?

— Об этом день и ночь забочусь. Как говорится: что посеял, то и пожнешь. Значит, сейчас первая задача — закрепить посеянное, хорошо ухаживать за всходами. Я не люблю кричать: «план обеспечим!», пока его не выполню. Ведь сам знаешь, от слов «халва» во рту сладко не станет. Дело нельзя выпускать из рук с самого начала, крепко держи узду до конца пути. Вставай пораньше, ложись попозже. Добивайся, чтобы хлопковые коробочки были плотно набиты волокном. Оберегай их от опасностей, тогда и надейся на выполнение плана. Я надеюсь, я всеми силами его обеспечиваю. Но я не скажу тебе: «план обеспечим», мало ли еще понадобится от каждого из нас и сил и бдительности. Мы в прошлом году тоже с душой работали, а на пять процентов план недовыполнили. Значит, чего-то недоглядели. Ты не поймешь, как мне, старому, было стыдно. Людям в глаза смотреть не мог.

— Ну, в этом году, надо надеяться...

— Я в этом году дал слово взять по тридцать два центнера с гектара. Не знаю, может, маленько перехватил? Намерения-то были благие, да весна нас подвела, на некоторых участках пришлось по несколько раз перепахивать. Ты сам знаешь, что это значит.

— Значит, и в этом году не все ладно? Не придется ли снова краснеть?

— Смерть легче позора. Но я хочу сперва десять раз отмерить, тогда уж и отрезать. Сколько сил хватит, все сделаю. А если краснеть придется, будем краснеть вместе... Или ты намерен податься на сторону?

Уктам промолчал, задумавшись. Потом поднял голову и улыбнулся:

— Вы подумали, что я мог забыть хлеб-соль родного колхоза?

— Хвалю, сынок. Как ни высоко орел залетает, а гнезда своего не забывает. Возвращайся в колхоз. Отдохни, погуляй, а там и за дело берись. Ты своего отца помни: бывало, все успокоится, вся деревня уже отдыхает, а твой отец один работает в поле или дома. Устали не знал.

Председателя позвали в сельсовет.

За ним зашла девушка, прижимая локотком истрепанную толстую шапку. Девушка с нежной улыбкой взглянула на Уктам. Может быть, она и бежала сюда по

ночной деревне, чтобы взглянуть вблизи на фронтовика. Стоя возле него, пока Мир-Хайдар поднимался, она охорашивалась, то поправляя тибетейку на голове, то одергивая свою коротенькую жилеточку.

Мир-Хайдар еще пошутил с тетушкой Сорой и с Хакимой, сидевшими на террасе, а потом спокойной, но быстрой походкой пошел к воротам, и девушка едва поспевала за ним торопливыми шажками, отчего все двенадцать косичек раскачивались за ее спиной.

III

В густой ивняковой рощице на берегу арыка дымил самовар колхозной чайной. Над чисто выметенной, хорошо политой площадкой перед чайной покачивались тени деревьев, маня сюда истомленных зноем людей.

Секретарь райкома партии Рустам Сайрамов вошел в эту прохладную тень после долгой поездки по полям «Богатыря». Уктам весь день сопровождал Сайрамова.

Сайрамов облегченно вздохнул, повесил на сучок белую, с запылившимся козырьком фуражку, отер широким платком коротко остриженную голову и крепкую, обожженную солнцем шею. Он прошелся по площадке, взял у самоварщика веник, стряхнул густую, почти белую пыль с легких коричневых сапог. Расстегнув свой парусиновый китель, он присел на краю скамейки, поставленной над самым арыком. Птицы оживленно щебетали в густой листве, и Сайрамов поглядывал на них, пока Уктам умывался над арыком.

Самоварщик, зобатый, кривоплечий, старательно вымыл пиалу для Сайрамова, мягкими и ловкими движениями наколот и подкинул в самовар щепок и принес разрисованный пунцовыми розами чайник с зеленым чаем.

— Долго вы сегодня ходили по этакой жаре! Я и в тени задыхаюсь от зноя, а вы целый день на припеке. Разве так можно? •

— А то и хорошо, что жарко. Хлопок жару любит, дядя Дадамат. Как вы думаете, долго такая жара продержится?

— По моим приметам, не только продержится, а и прибавится.

Секретарь оживился. Он прежде работал в Ташкенте на текстильном комбинате и деревенскими приметам не интересовался. Он и на погоду поглядывал равнодушно —

лишь бы под дождь не попасть, лишь бы от солнца укрыться. Но когда три года назад его избрали первым секретарем райкома, пришлось изучить многое, что относилось к земледелию, — не только вопросы агронома, а и приметы старых хлопководов и земледельцев.

Много времени в работе секретаря уходило на поездки по району. Надо было хорошенько узнать людей, местные нужды и местные особенности. Сначала ему казались непреодолимыми множество препятствий, но помогло упорство, помогла Сайрамову чуткая и заботливая помощь колхозников, поддержала его горячая любовь к порученному делу. Ведь недаром же Мир-Хайдар говорил, что терпение и труд все перетрут.

— По какой же это примете видно, что жара усилится? — спросил секретарь.

— Примета простая. Ведь начался только саратон. Начало июня. А когда же это бывало, чтобы самое жаркое время года падало на саратон? Никогда не бывало. Дальше должно быть жарче.

— Однако год на год не похож, — возразил Сайрамов.

— Я что слышал от стариков, то и вам объясняю, товарищ Сайрамов! — обиделся Дадамат.

Выпив пиалу чаю, Сайрамов достал из кармана папиросы, но вдруг на него напала неодолимая дремота. Он попробовал потереть глаза, закурил было, но папироса выкатилась из руки и, когда Уктам, неся свой чайник, подошел, Сайрамов вдруг вздрогнул и улыбнулся.

— Устали? — сочувственно спросил Уктам.

— Поднялся рано.

— Ну чай освежит.

Сайрамову редко удавалось выспаться вдоволь. Часто приходилось работать по ночам: днем некогда было читать, а читать надо было много. А с рассветом начинались дела в колхозах, приезжали люди с неотложными вопросами.

Уктам, расстегнув ремень, осторожно сел на край скамьи и налил себе чаю. Крепкий, чуть горьковатый напиток задымился в плоской, прохладной пиале.

Дадамат обильно полил площадку, разрисованную причудливой тенью ветвей. Пустил воду по арычку в цветник, заросший лиловыми петуньями и белыми гребешками.

Сайрамов пил чай, поглядывая на Уктама.

«Парень решительный. Голова ясная. Если с предсе-

дателем сработается, толк будет», — подумал об Уктаме Сайрамов, подводя итог дневным разговорам.

Сайрамов решил выдвинуть кандидатуру Уктама в секретари колхозной парторганизации. В партию Уктам вступил во время боев у Курской дуги. Когда Уктам явился в райком, чтобы встать на учет, Сайрамов долго беседовал с ним, внимательно приглядываясь к новому коммунисту. Сегодня Сайрамов проверил свое первое впечатление от Уктама.

— А вот и ветерок подул, — сказал Дадамат, ставя ведро около самовара. — Может, отдохнете? Дать вам подушку?

— А кто же это вам сказал, что я устал? — спросил Сайрамов.

Уктам засмеялся и протянул Сайрамову пиалу:

— Чаю?

— Спасибо. С удовольствием.

— Я вот что хочу спросить, — сказал Дадамат, когда Сайрамов снова принялся за чай. — Вы знаете хлопок по всему району. На каком месте мы сейчас? Каков он у нас в сравнении с другими? Мы надеемся на большой урожай.

— Для урожая работать надо. А если засядет народ в чайной, петуньями любоваться, едва ли выйдет хороший урожай.

— Это в мой огород камушек?

Морщины на лице Дадамата, заросшем жесткой щетиной, скривились, словно от боли. Дадамат добавил не без обиды:

— Колхозный дом велик, товарищ Сайрамов, — один хлопок окучивают, а кому-то и чай для них кипятить надо. К тому же, если говорить обо мне, я всего три дня тому назад вернулся с покоса, — рожь убирали. На днях идем на уборку пшеницы. А по-вашему выходит, будто я только и делаю, что сижу тут и слушаю, как самовар песни поет.

— Ну вот, обиделся. Кто же не понимает, что и без чайной нельзя обойтись. Меру только знать надо, Дадамат.

— Это наш председатель говорит: «Делу время, а потехе час». Так что на этот счет у нас порядок установлен! — согласился Дадамат.

— В том-то и дело. Костер можно и на снегу разжечь, если умело взяться.

Дадамат одобрительно кивнул и бодро отправился к самовару.

— Ну как, скоро соберутся? — спросил Сайрамов Ук-тама.

— Был бы телефон, я собрал бы всех разом. А так, пока ребята всех вызовут, приходится ждать.

— В колхозе «Эльбад» телефоны давно звонят. Почему вы отстааете?

— Я до войны бывал в «Эльбаде», ничего особенного не видел. Кто там теперь председателем?

— Знатная девушка, Камиля Салимова.

— Не слышал о ней. Когда я там был, ничего, кроме глинобитных домиков, не видел. И про колхоз этот никто не поминал, и славы за ним никакой не водилось. Как же это они нас с телефоном опередили?

— Надо туда съездить и посмотреть... В порядке обмена опытом. Там теперь есть чему поучиться...

— А мы отстаем. Вот наш клуб...

Уктам посмотрел в ту сторону, где возле большой дороги, окруженный стройными тополями, стоял белый дом.

— Клуб, а никто туда не ходит, — продолжал он. — Делать там нечего. Часть оборудования за время войны растеряли, часть поломали. Ни газет, ни журналов свежих нет, книги давно зачитаны до дыр, а новых не получают. Души в этом клубе нет, заботы о нем нет.

— Это странно! — удивился Сайрамов. — Я всегда считал, что Мир-Хайдар интересуется вопросами культуры. Наша деревня веками лежала во мраке, только теперь вышла к свету. Надо, чтоб большая культура пустила глубокие корни в нашу жизнь. Вопросы культуры — это вопросы политические. Культура для нас имеет то же значение, что промышленность и сельское хозяйство. Хорошее хозяйство способствует развитию культуры, а культура поднимает наше хозяйство на более высокую ступень. Это как дважды два. Это все в наших руках, товарищи коммунисты.

Уктам долго с доверием и вниманием слушал секретаря. Сайрамов с виду был добр и мягок, но когда надо было, становился строгим и взыскательным. Уктам посмотрел секретарю в глаза.

— Без вашей помощи нам не справиться.

— Тем более, что ваш предшественник был слаб. Это видно не только на примере клуба, но и на всех участках, за которые он...

— Какой предшественник?

— Я полагаю, что ваша партийная организация избрет вас секретарём. Я поддержу вас.

— Товарищ Сайрамов! У меня нет никакого опыта!.

— Но я вам только что обещал свою помощь.

— Спасибо, это большое доверие...

— Безусловно большое. Вам придется много поработать. Показать пример... А в хозяйственных вопросах вас поддержит председатель. Он опытен. Да и сам учиться не стесняется.

— Нет, не стесняется. У нас был как-то такой случай, — про глобус знаете?

— Нет, про какой глобус?

— Когда Мир-Хайдара избрали председателем, он еле-еле мог расписываться. В газете читал только заголовки. Но решил учиться. Бывало, крихтит, но читает. Нередко заходил в школу, садился позади учеников и слушал уроки.

Уктам отпил глоток чаю.

— Однажды учитель рассказывал ученикам свою жизнь, чтобы показать разницу между старым и новым бытом. Когда урок кончился, председатель отозвал учителя и сказал: «Завтра учите их арифметике. Это им не менее важно знать, чем о свадьбе вашей бабушки. Нам в колхозе нужны люди, умеющие хорошо считать».

Затем Уктам рассказал, как однажды Мир-Хайдар попал на урок географии. Учитель принес глобус, поставил перед учениками и начал урок. Глобус стоял, поблескивая на столе, временами поворачивался. Перед Мир-Хайдаром раскрывалось новое представление о земле и жизни.

Когда занятия кончились, Мир-Хайдар взял со стола глобус и велел учителю идти следом. Так они прошли через всю деревню, — председатель с глобусом впереди, а за ним удивленный учитель. Дойдя до чайной, Мир-Хайдар поставил глобус на скамью и подозвал отдыхающих колхозников. Когда они его окружили, сказал: «Что вы видите перед собой? Шар. На нем все мы находимся. И наш «Богатырь» находится на нем. И чайная тоже находится на этом шаре». Он заметил удивление и растерянность собравшихся, но ничего не мог добавить к сказанному. «Почтенный учитель вам объяснит все то, что известно вашим детям — школьникам, но до сих пор непонятно вам. Вы были заняты пустой болтовней, а сейчас проведете свой досуг с пользой». Он поклонился учителю: «Объясните им, товарищ учитель, какова наша земля. Покажите им Москву, столицу нашего государства». И учитель, слегка робея перед столь многочисленной и

столь неоднородной по возрасту группой, прочитал свою лекцию с таким увлечением и так красноречиво, что колхозники потом еще несколько раз просили его читать им о Земле, крутя перед очарованными глазами этот послушный и наглядный мир.

Сайрамов оживился, слушая рассказ Уктама.

— Мир-Хайдар человек замечательный. Но в последнее время возраст его сказывается. Надо поддержать его, помочь ему. Это наша обязанность. С ним хорошо работать — можно многому и его научить, многому и у него поучиться.

Неожиданно строго Сайрамов спросил Уктама:

— А что вы сами предложите для повышения урожая?

— Трудный вопрос. Если подтянуть отстающие участки, это подтянет и работу передовых, — они не захотят, чтобы их догнали. Тогда план будет вполне обеспечен. Сейчас хлопок только что начинает набирать волокно. Если бороться за каждый грамм, осенью такой грамм станет тонной.

— А конкретно что вы предлагаете?

— Полностью использовать механизацию. Надо день и ночь следить за ростом, за окучкой, за поливом. Все нужно делать своевременно, без проволочек.

— Дадим новые машины. Но одна механизация вопроса не решает.

— Развернем социалистическое соревнование. Соберем колхозный актив, заинтересуем людей.

— У вас соревнование объявлялось и прежде. Люди соберутся, дадут друг другу обязательства, а потом остывают и забывают свои слова. Появляется равнодушие, спокойствие. Это нужно учитывать, товарищ Уктам. А кто возглавит соревнование? Намечаете передовых людей?

— Коммунисты. Мы должны быть впереди.

Сайрамов встал, застегнул китель и вместе с Уктамом пошел к правлению, где уже собирались коммунисты колхоза.

В этот вечер Уктам Насыров был избран секретарем партийной организации колхоза «Богатырь».

IV

Наспех привязав к дереву усталую, взмокшую лошадь, Насимджан Файзуллаев снял с седла переметную суму, туго набитую всякой всячиной. Не глядя по сторонам,

сосредоточенный и деловитый, он прошел в свою калитку, отнес суму на террасу и побежал к густым зарослям кукурузы.

— Эй, Мастура! Куда ты провалилась?

— Здесь я! — сварливо откликнулась жена.

Голос прозвучал откуда-то сверху, и Насимджан увидел на краю плоской крыши Мастуру — молодую пышную женщину. Ее лицо напоминало рыхлую сдобную лепешку.

— Ну-ка, слезай! Куда это тебя занесло в такую жару?

— Я сушила абрикосы. А теперь собираю. Полных три мешка. И еще много осталось.

Насимджан поморщился и кивнул ей:

— Иди сюда!

Вытирая лоснящееся лицо краем какой-то тряпки, Мастура поинтересовалась:

— Мой заказ выполнен?

— Купил, купил. Все купил. Этот твой крепдешин, и еще с цветами, меня замучил. Едва нашел, с ног сбился.

— Все-таки нашли?

Он показал глазами на суму, и жена благосклонно улыбнулась.

Проклиная скрипучую старую лестницу, Насимджан таскал с крыши тяжелые мешки сушеных абрикосов. Он убирал их в темный чулан, довольный женой, так ловко собравшей колхозные плоды.

— Ты приготовь сегодня хороший плов, милуша.

— Опять гости?

Мастура с детства была приучена к мелкой торговле. Зимой и летом она толклась на базарчике и по городским улицам, продавая твердые шарики сухого творога, папиросы, спички, конфеты. Едва появлялись в магазине новые товары, Мастура была тут как тут. Нужно ли ей, нет ли, она покупала. Она всегда норовила оказаться первой, если собиралась очередь из таких же, как она сама, перекупщиц.

Такова была эта девушка, когда с ней познакомился мелкий служащий Насимджан. Она увлекла его неутомимой предприимчивостью. Он тоже начал скупать товары и с выгодой перепродавать их, зорко следя за перебоями в снабжении тем или другим товаром и за районами, куда этих товаров не завозили.

Насимджан бросил службу, увлекся темной жизнью базаров и шелестом легких денег, а Мастура познакомилась с женой Насимджана и ловко добила ее доверия

и расположения. Простодушная Насимджанова жена звала Мاستуру своей приемной сестрой и охотно отпускала с ней Насимджана в кино или в театр. Провожая их, она говорила:

— Пойдите, милая Мастура, погуляйте. А из театра возвращайтесь с Насимджаном сюда, — ночь длинна, посидим, поговорим, я приготовлю хороший плов.

Так продолжалось около двух лет. За это время Мастура вполне завоевала Насимджана, — бросив доверчивую жену, он женился на Мастуре и подчинился этой ненасытной, сообразительной, неутомимой стяжательнице. Ее воля заменила ему собственную волю. Ее настроение и вкусы стали казаться ему его собственными вкусами и настроением. Безвольный, послушный, он ни в чем не мог ей отказать и готов был для нее на любой обман, на любой подлог. Не раз он обзаводился своим хозяйством, но по желанию Мастуры спускал его ради ее прихотей. Не раз он попадал в опасные положения и мог не только надолго расстаться с обожаемой перекупщицей, но и со своей свободой. Ему удавалось вывертываться, и хотя каждый раз это становилось труднее, он уже не мог трезво взглянуть на действительность, изменить свое поведение и вернуться к трудовой жизни. Трудовая жизнь осталась позади, настоящее принадлежало Мастуре, а будущее... оно будет видно, когда станет настоящим.

Но деятельность перекупщиков стала со временем суживаться, а известность Насимджана и Мастуры расширяться. Они решили покинуть город, подыскать тихое местечко, и переехали в колхоз.

Так эта чета оказалась в «Богатыре».

Пряча улыбку под черными лоснящимися усами, Насимджан предложил:

— Позовем Уктама.

Глаза Мастуры, как черные шарики, закрутились от негодования.

— А какая от него польза? Противный, неприятный человек. Не успел приехать, а уже всюду сует свой нос. Прежде я была спокойна, а теперь, стоит мне зайти в колхозный сад, сердце замирает, — не попасться бы ему на глаза. Пока нарвешь ведерко абрикосов, не столько на дерево смотришь, сколько по сторонам. Сегодня утром пошла на огород, ведь не сидеть же нам без лука, так на огороде уже сторож торчит — сопливый Касымов, голодранец.

— Это, значит, Уктам в начальники метит, свою сме-

калку показывает. Я тоже заметил, он везде поспеваает — то с колхозниками разговаривает, то за ремонтом арбы наблюдает, то с председателем сидит. Председатель наш мягок, доверчив. Уктам норовит все дела к своим рукам прибрать.

— А может, сам в председатели собрался?

— Дай только срок, я председателю глаза открою на этого молодца. Он и с райкомом на короткой ноге. Вот я и думаю: надо нам раскусить Уктама, докопаться до его тайн, заглянуть ему в душу, глядишь, что-нибудь оттуда и вытянешь на свет божий. Покажешь людям: гляньте-ка, мол, какие такие тайные сокровища лежат на дне сего океана, какие алмазы скрыты в этой пещере, уместно ли их иметь советскому человеку. А эти алмазы должны найтись, у кого их нет? Только каждый их искусно прячет до лучших времен, а мы первыми увидим, первыми дадим знать, кому надо. Глядишь, человек и перестанет застилать нам солнечный свет. Вот почему надо поближе с ним дружбу свести, в доверие к нему войти, до поры до времени тешить его.

Мастура согласилась со своим рассудительным мужем.

— Так и быть, пригласите... — Но тут же спохватилась: — Ведь сегодня к нам лекарь хотел прийти?

— Зачем?

— Мухиджан болен. Весь как в огне. У вас это единственный сын, а вы даже забыли, что он болен.

— Так это, верно, малярия? Дай ему хинин. У нас есть в маленькой коробочке. А лекаря предупреди, пускай в другой раз придет. Лепешки у нас есть?

— Зачерствели.

— Испеки штуки четыре. Хороших, слоеных, да опусти в арык две бутылки.

Мастура побледнела:

— Слишком жирно! Хватит и одной. У нас есть початая. Подумаешь, какой гость!

Насимджан не решился спорить. Пошел и переоделся, намереваясь поскорее уйти с глаз сварливой жены. Заметив, что он направился к калитке, она крикнула:

— Вы куда?

Оглянувшись, Насимджан заметил тревогу на ее лице.

— А что?

— Не вздумайте приглашать его в комнату, я там прибрала, развесила ценные вещи.

Почесав продолговатую, как тыква, голову, Насимджан кивнул на старую скамью возле арыка:

— Ладно, здесь посидим. А комнату запри. Да и на садовую калитку повесь замок, у нас участок в три раза больше нормы.

Мастура беспокойно вздохнула.

* * *

Мягкие, нежные ветви плакучей ивы, спускавшиеся почти до земли, укрыли Насимджана, когда он остановился, чтобы заглянуть в ярко освещенное окно.

Он увидел большую комнату: там выступал Уктам. Его взволнованный голос встревожил Насимджана. Члены правления, бригадиры, звеньевые, десятки колхозников внимательно слушали речь Уктама. Он говорил об ответственности каждого колхозника за свою долю труда.

— Эта ответственность обеспечит увеличение урожая...

Насимджан растерялся. Он прежде входил с независимым видом на любое совещание колхозников; сегодня, услышав голос Уктама, Насимджан потерял эту уверенность: шло совещание членов правления с колхозным активом. Как активиста Насимджана никто не звал, а членом правления он тоже не был. Насимджан пошел к самовару, взял у самоварщика пару горячих чайников и понес их в зал.

Уктам говорил. Никто не повернул головы к вошедшему на цыпочках Насимджану. Торжественно неся перед собой пузатые цветастые чайники, он проследовал в президиум и благоговейно поставил чай перед Сайрамовым, который досадливо отвернулся, боясь пропустить слова Уктама. Так же неслышно Насимджан вернулся к двери и здесь остановился.

Теперь Уктам говорил о социалистическом соревновании на полях, о мастерах хлопководства, прославивших свои колхозы на всю страну.

Мир-Хайдар сидел за столом около Сайрамова и слушал, полузакрыв глаза, сложив на груди руки. Иногда он кивал в знак согласия и одобрения. На подоконнике сидела Хадича, повязавшаяся, как девушка, шелковым платочком. Сайрамов, дымя панирзой, что-то записывал.

Насимджан наклонился к сидевшей у двери Тансык:

— А товарищ Сайрамов еще не выступал?

— Выступал, — коротко ответила Тансык, недовольная, что ей мешают слушать.

Насимджан, надеясь, что кто-нибудь следит за его лицом, покачал головой и нахмурил брови, стремясь изобразить сожаление, что пропустил такого оратора.

Уктам говорил о недочетах и промахах в полевых работах, подтверждая это примерами, он многое заметил на колхозных полях.

— А ведь мы знаем свое дело. И понимаем, что иногда делаем не так, как надо. В пятой бригаде воду пустили на все поле. Теперь в низких местах стоит вода, целое болото, а верхняя часть участка недополучила воды. Можно ли здесь ждать ровного урожая? Болеем ли мы душой за каждый отдельный куст хлопчатника? Стоит пройти по дороге, чтобы увидеть по обочинам изломанные или затоптанные кусты. А ведь дорога длинна, ведь эти заброшенные кусты бесчисленны. Сколько пропадает у нас хлопка оттого, что мы не бережем прилегающие к дорогам края полей? Если подсчитать по всему колхозу, из-за этого пропадают миллионы коробочек... Подумайте об этом.

Недавний фронтовик Сабир Эрматов борется за семьдесят центнеров хлопка с гектара. Глядя на работу его бригады, можно надеяться, что он выполнит свое обязательство. А другой фронтовик, Дехканбаев, запустил свой участок. Могу и еще привести примеры...

Вслед за Дехканбаевым последовали имена других отстающих и примеры, подтверждающие их отставание, — опытный хлопкороб Зуфар, отстранившийся от работы на поле; сын хорошего бригадира Халбатырова Ильясхан, уваливающий от работы...

В такое время, когда каждый человек на счету, необходимо разоблачать лодырей, любителей прохлаждаться в чайных, бездельников, шатающихся по базарам.

Насимджан кинулся было сменить чайники, чтобы показать всем свое усердие, и вдруг попался на глаза Уктаму.

— Скажите вот хоть вы, товарищ Файзуллаев, когда заживут зубы у вашей уважаемой супруги?

Насимджан обмер с чайником в руке, не замечая, что чай льется из опущенного носика.

Хадича, не шевельнувшись на подоконнике, с сокрушением и скорбью вздохнула:

— Ах, сынок! От даровых харчей зубы всегда болят!

По залу прокатился взрыв смеха. Насимджан хотел было что-то сказать, но то ли обжегся чаем, то ли вспомнил о чем-то, он вдруг побледнел и бессмысленно посмотрел

рел вокруг. Сделав вид, что вспомнил о чайнике, он, так и не проговорив ни слова, выбежал вон.

А Уктам продолжал называть бездельников и притворщиков.

— Сноха Каримкула, председателя совета урожайности, если для отвода глаз и выходит в поле, работает, как говорится, кончиками пальцев. Мы уважаем Каримкула, но просим его повлиять на свою сноху. Лень, как пятно, лежит на иных людях. Называя их здесь, мы ждем, чтобы трудом они смыли с себя это пятно. А не догадаются этого сделать по доброй воле, мы сами сумеем излечить их от такой немощи.

После Уктама выступала Хадича, как всегда взволнованно и убедительно.

После ее выступления все вышли на прохладный двор, остановились около цветника, яркого, как ферганский шелк.

Сайрамов рассматривал цветы. Он любил их с детства. Любовь к цветам он перенял от отца: бедняк-поденщик все свободное время отдавал цветам, и маленький дворик, в котором прошло детство Сайрамова, от ранней весны до первого снега благоухал и сиял цветами.

Осторожно продвигаясь между цветущими кустами, Сайрамов сорвал огненно-красную, как пылающий уголь, розу, соскоблил с нее шипы и заложил под черную тюбетейку восьмидесятилетнего дедушки Алимкула. На одном из торжественных собраний старик дал слово за каждый прожитый свой год собрать по одному центнеру хлопка и создал отдельное звено из стариков. С тех пор все в колхозе стали звать Алимкула — отец Саксан, что означает восемьдесят.

Когда роза заалела из-под тюбетейки над желтым стариковским виском, лицо старика вспыхнуло нежным светом и помолодело. Все еще статный и крепкий, дедушка Алимкул посетовал:

— Вернули бы мне мои годы, хочется потягаться с вами.

— Душа у вас молода! Вы еще много увидите.

Но старик рассказал Сайрамову древнюю притчу о соловье и розе. С детства знакомая, она прозвучала по-новому. Соловей любил розу и каждое утро, пока в саду еще туманилась предрассветная мгла, пел над розой о своей любви. Утомленный песнями, соловей засыпал перед восходом солнца, а с первыми лучами роза раскры-

вала свои лепестки. Она цвела, пышная, согретая сиянием солнца.

— Так вот и сложилось у них, — вздохнул старик, — соловей не видел ее расцвета. Всю жизнь, восемьдесят лет, бился я над землей, мечтая. А теперь, когда наступил великий рассвет, пришло мне время кончать песню.

— Ну, дедушка, вы еще здоровы и крепки. Еще много у вас впереди...

Старик отмахнулся, но взглянул весело и лукаво.

В это время к ним подошла Хадича, на груди ее сверкал орден Трудового Красного Знамени. Она одернула черную бархатную жилетку и приосанилась.

— Забыл ты про меня, товарищ Райком. У всех побывал, а меня миновал.

— Потому что за вашу бригаду я спокоен, тетушка Хадича.

— Спасибо в таком случае! — И повернулась к старику: — А роза вам к лицу, дедушка.

— Роза всегда идет мужчине, ибо душа мужчины всегда молода.

Хадичу все любили за чистую, светлую, правдивую душу, и старик ласково погладил ее черные, как смоль, волосы.

В это время кто-то принес с поля большой мешок скороспелых дынь. Сабир Эрматов вывалил их на землю и вынул из красных узорчатых ножен острый нож.

Перебирая нежные розовато-желтые ароматные дыньки, он нарезал длинные доли и угостил собравшихся. В это время года маленькие дыни — хандаляки — золотятся в руках у каждого колхозника по всей Ферганской долине. Тонкий запах этих дынь слышится из каждого сада. Все ребята ходят измазанные сладким соком. Всюду валяются золотые обрезки дынной кожуры, и осы гудят над ними.

Колхозники весело занялись дынями. Они проводили дольками по губам, и нежная мякоть исчезала с тонкой кожуры. Отбросив в сторону кожуру, тянулись за новым куском. С пальцев Сабира стекал сок, и Сабир восклицал:

О красавица ты моя, Фергана!

Белое золото, сладость ты, моя Фергана!

За долгие годы войны полюбил он эту песню, тоскуя о далекой родине.

Старик шепнул Сайрамову:

— Как услышу крик, подобный крику Сабира, как увижу довольство на лицах наших крестьян, весна во мне раскрывается. Золотые дни наступают в нашей долине!

— Если эти дни золотые, как назовем будущее? Ведь оно еще краше будет. Ведь путь наш широк, и с пути мы не собьемся, — его нам указывают кремлевские звезды.

* * *

Уктам шел полевой тропой к одному из отстающих участков. Советы Сайрамова и его обещание помочь успокоили Уктама.

Он размышлял, как от слов перейти к делу, как осуществить все задуманное.

Вдруг Уктама окликнул председатель совета урожайности Каримкул. Он лежал на клевере в тени ветвистой джиды. Уктам пошел к нему. В глазах Каримкула, неподвижных и хищных, как у совы, Уктам уловил недобрый огонек.

— Что скажешь? — не собираясь присаживаться, спросил Уктам.

Тучный Каримкул сел, поджав ноги.

Обмахиваясь полой широкого халата, Каримкул попытался пошутить:

— Да сядь ты, непоседа.

— Некогда, право.

— Непоседливость молодым к лицу, а мне она...

Каримкул взглянул на Уктама исподлобья и смолк.

— Договаривай, что ж ты?..

Каримкул побледнел.

— Непоседлив ты, и устали не знаешь, когда на собрании выступаешь. А хлопок растет не на собрании, а на поле. Я лучше знаю, чего в котле много, а чего там нет. Пустые слова любишь говорить. Пустыми словами людям в глаза пылишь.

— Знаешь, чего в котле нет?.. Уважаю поваров. А только урожай — это не плов, а поле — не кухня. Тут нужен труд, тогда котел переполнится, а если сидеть, глядя на огонек, котел останется пустым.

Каримкул толстыми пальцами покрутил усы:

— А девушек ты разглядываешь на поле тоже для того, чтобы котел наполнить?

Уктам вспомнил, что на собрании он назвал лентяйкой Каримкулову сноху.

— Вот, оказывается, откуда ветер дует! Да, разглядываю. Не девушек, а их работу. И вашей работой тоже интересуюсь. Стыдно гневаться на справедливую критику. Это дрянная привычка.

Каримкул налился кровью. Усы его поднялись, но ответить он не успел: подошла Хадича, и Каримкул, неуклюже поднявшись, попытался улыбнуться и пошутить.

* * *

Насимджан Файзуллаев вернулся домой. Мастура торопливо вытаскивала лепешки из глиняной печки, пристроенной у стены сада. Крупное лицо Мастуры пылало, волосы кое-где опалились. Она то и дело заглядывала в печь, срывая с ее стен горячие лепешки.

Разгребая длинной палкой угли в печи и морщась от жара, она спросила:

— Чего это вы насупились?

Насимджан отмахнулся, делая вид, что ничего особенного не случилось.

Душистые горячие лепешки лежали возле печи в круглой корзине.

— Ну, где же ваш гость?

— Отказался. Я просил, умолял. А он поблагодарил и обещал как-нибудь в другой раз зайти. Сегодня чем-то занят.

— Ну вот еще! — рассердилась Мастура. — Не хватало еще умолять, он должен ценить, что ему честь оказывают, в хороший дом зовут. А лепешки мы и без него съедим. Хорошо, что плов еще не начала готовить. Вам я сегодня суп сварю.

Насимджан присел на ступеньке террасы и закурил. Удрученное лицо его встревожило Мастуру.

— Что это у вас за настроение?

— Дело не в настроении, — глухо отозвался Насимджан.

Мастура совсем потеряла покой:

— Что случилось? Говорите, не томите меня.

— Уктам на собрании смешал нас с грязью. Тебя называл! Спрашивал, почему ты на работу не выходишь. Интересовался,живают ли твои зубы. А эта бешеная Хадича назвала тебя дармоедкой.

— Меня? — охнула Мастура и вскочила, словно ее ужалил скорпион. — Они хотят, чтобы я работала в поле! Меня мама не за тем родила, чтобы я пеклась на солнце. Но вы-то что сказали? Чем меня оправдали?

Насимджан молчал. Он сидел, обхватив голову, а Мастура наступала:

— Разве может хороший муж снести поругание своей жены?

— Я хотел им объяснить. Причины у меня были готовы. И очень основательные. Справки о твоей болезни я имел при себе. И представь, не смог выступить. Меня будто ползном по голове бахнули. Слова застыли на языке. Меня и прежде задевали на собраниях, я всегда находил убедительные слова в ответ, а сегодня не смог.

— Вы слюнтят! Не смог! Как не стыдно. Ведь причина. Если б я там была, подняла бы руку и такое бы им сказала! Я бы так их отчитала, что они обрадовались бы, что я не выхожу на работу. А вы трусились перед бесстыдником Уктамом. Язык свой проглотили! Да пускай болтает. А мне наплевать! Попадется он мне когда-нибудь! Я тоже сумею покритиковать.

Насимджан печально покачал головой.

Вдруг Мастура охнула и кинулась к печке. Она опоздала, — лепешки сгорели.

Вечером, невесело сидя за рисовым супом, супружеская чета обсуждала надвигавшиеся неприятности, с тревогой поглядывая на свой большой участок, засаженный плодовыми деревьями, засеянный разными овощами для базара.

— Что же делать? — размышлял Насимджан. — Ведь этот участок не платок. Его в карман не спрячешь, в сундук не запрешь. Надо что-нибудь придумать. Участок надо непременно сохранить. А?

Мастура гневно ударила ложкой по чашке:

— Ни клочка не уступим! Надо крепко стоять за свое! Я не спущу этого Уктаму.

Насимджан застонал, словно от зубной боли:

— С такими лучше не связываться. Тебе надо для отвода глаз дня два поработать в колхозе. Выбери что-нибудь полегче, прополкой займись или абрикосы в саду собирай. Можно и у весов постоять. Когда увидят, что ты работаешь, оставят нас в покое.

Мастура, сердито ворча, отвернулась.

Суп остывал. Есть уже им не хотелось. Какая-то птица кричала в деревьях, словно неотступно напоминая су-пругам:

— Сад ушел, сад ушел...

* * *

Каримкул шел с поля, шутливо разговаривая с тетушкой Хадичой. Шутками он пытался скрыть нараставшее беспокойство. Разговор с Уктамом наполнял его сердце неотвязной тревогой.

Дома Каримкул застал жену, дочь и сноху. Усевшись в тени, женщины лепили пельмени, весело о чем-то разговаривая и смеясь. При появлении Каримкула они замолчали.

А он прошел к широкой скамье и лег на одеяла. Облокотившись на подушку, он тяжело вздохнул:

— О-ох...

Настроение его было явно подавленным.

Семнадцатилетняя дочь Каримкула, черноволосая, смуглая, коротконосая, пытливо глядя узкими длинными глазами, подошла к отцу.

— Опять что-нибудь случилось?

Каримкул еле выговорил:

— Неважные дела. Опять говорят: «Когда все колхозники работают, ваши женщины прохлаждаются дома». Это насчет вас. Понятно? Надо, значит, вам ходить на полевые работы.

Дочка заохала, словно закудахтала курица:

— Ох! Кто это сказал? Чтоб он издох! Есть у нас труженицы, как Тансык, как Хакима. Чтобы у них руки навек присохли к кетменю! Пускай они и потеют. Хуже, что ли, будет, если я по-прежнему останусь на базаре фруктами торговать? От базара у меня барыша больше, чем от трудодней!

Обе женщины, застыв с пельменями в руках, слушали речь рассердившейся девушки.

Наконец, жена объявила:

— Я уж сразу по вашему виду поняла: неприятности. А не горюйте: такие разговоры в колхозе не редкость. Кто на них обращает внимание?

Толстая, непозоротливая сноха скривилась, пренебрежительно передернула плечами:

— Что ни день, то новости. Лучше я сяду тюбетейки вышивать, либо платки.

Муж ее, сын Каримкула, еще до войны был арестован

за большую растрату, когда заведовал магазином, и теперь где-то отбывал наказание.

Женщины снова занялись пельменями. Жена и сноха лепили пельмени пышные, кругленькие, а расчетливая дочка лишь размазывала мясо по тесту и спешила завернуть почти пустой пельмень.

Каримкул не мог успокоиться. Он встал и пошел расхаживать по двору, досадливо отталкивая склонявшиеся к голове ветки, отбрасывая сапогом подвертывавшиеся под ноги предметы.

Он остановился около сарая, где стояли три откормленных больших барана, один жирнее другого.

Глаза Каримкула посветлели, брови расправились.

История этих баранов была темна. Воспользовавшись сговорчивостью старого приятеля — пастуха, Каримкул сумел отбить их от колхозного стада. Пастух не то объявил, что трех баранов у него унес волк, не то просто обменял упитанных, курдючных баранов на хилых, дрянных, подсунутых Каримкулом. Так или иначе, бараны попали к Каримкулу в сарай и здесь отъедались, ожидая неизбежного своего часа.

Из трех Каримкул отобрал одного барана, оттащил его в сторону и позвал внука:

— Иди отгони его к Уктому и скажи: «Дедушка посылает барана вам в подарок». Понятно?

Мальчик с удивлением кинулся к животному и, бес-толково вцепившись в густую, горячую шерсть, потянул барана к калитке.

Видя это, женщины все разом вскочили, как вспугнутое стадо овец, и закричали наперебой:

— Стой, стой! Кому это?

— Куда его?

— Опомнитесь! Что вы делаете?

Мальчик замер, прижавшись к барану.

Каримкул загадочно улыбнулся и махнул рукой.

Но женщины, узнав, что баран отправляется к Уктому, снова завершали:

— Что же, мы для тетки Соры, для старой обжоры растили его? А?

— Да чтоб она им подавилась! Такого жирного, да отдать!

Больше всех взволновалась дочка. Ее лицо даже почернело от огорчения.

Но, вникнув в доводы Каримкула, женщины наконец поняли его и смирились.

Каримкул говорил им:

— Рот опасного говоруна надо заткнуть. Поняли, со-роки? Не разобрались, а трещите на весь двор.

Жена Каримкула подошла к внуку и, в сердцах взяв его за ухо, напутствовала:

— Скажи там, баран, мол, от дедушки и от бабушки. В подарок. Бабушка и дедушка поздравляют, мол, Уктама с благополучным возвращением. Желают ему счастья. Скажи там, бабушка, мол, на днях зайдет навестить их. Запомнил?

Мальчик кивнул.

— Ну вот, молодец! Иди да помни! Да смотри у меня! Дочка в ярости ударила себя кулаком по колену.

— Что ж, решили за каждую грубость дарить по барану?

-- Эх, доченька! — печально ответил Каримкул. — Ты не видишь, что ли, как высоко этот Уктама занесся? Ни с чем он не считается. Никого знать не хочет. А если примет нашего барана, сразу переменится: издали будет нам кланяться, ручки к сердцу прижимать.

Внук выгнал барана за калитку, и, хоть тот никак не хотел уходить от своего двора, мальчик все же доволок его до Уктамова дома.

Сора из кухни сердито посмотрела на мальчика и на барана, ввалившихся в ее двор.

Растерявшись перед ее строгим взглядом, мальчик забормотал скороговоркой все слова, запомнившиеся, когда бабушка трепала его ухо:

— Бабушка велела сказать: на днях сама придет. Сама придет бабушка. На днях бабушка к вам придет. Дедушка с бабушкой через два-три дня поздравляют дядю Уктама. Баран с благополучным возвращением сам придет.

Слыша все это, тетушка Сора быстро поняла мальчика.

— Милый ты мой! Зачем это вам нужно таким богатым подарком нас жаловать?

Осыпав мальчика ласковыми словами и щедрыми похвалами, тетушка Сора проводила его, а сама, взяв веревку, поводила подарок по двору, чтобы баран полакомился свежей травой. По всем статьям он понравился Соре: курдюк его был кругл и тяжел, шерсть густа, грудь широка, горбоносая голова горда, а глаза ласковы и покорны. Оставив на привязи, старушка вернулась на кухню к прерванным делам.

Когда Уктам вернулся, он спросил удивленно:

— Этот откуда взялся?

Тетушка Сора с удовольствием объяснила:

— Хорош? Как падишах! Это Каримкул тебе прислал, с благополучным возвращением поздравляет.

Уктам отшатнулся:

— Каримкул?..

Сразу Уктам вспомнил все сказанное о Каримкуле на собрании и сегодняшний разговор с ним. Он задумался: принимать ли подарок от такого человека?

С одной стороны могло быть, что подарок послан от чистого сердца, в знак уважения от земляка, с чувством отеческой заботы и расположения. В этом случае отказ от подарка был бы оскорблением для Каримкула. Но, с другой стороны, это могло быть сделано с дурным расчетом, с намерением расположить к себе Уктама, бараньей шерстью заткнуть Уктаму глаза. Если так, барана следовало немедленно отогнать обратно.

Этими сомнениями Уктам поделился с матерью. Но мать резко возразила:

— Ой! Не позорь меня! Ты оскорбишь их, обидишь, если не примешь подарка! Как это можно? Одумайся, сынок. Что ты! За что же обижать соседей?

Уктам не решился спорить с матерью. Он подумал, что при первом удобном случае он отдарится от Каримкула равноценным подарком.

А Сора приняла барана на свое попечение.

V

Фергана и ночью красива, когда, как чеканное золотое блюдо, большая луна выкатывается из-за гор и, словно прозрачные, тянутся в небо такие высокие тополя, что на их вершинах мерцают звезды. Тогда от арыков поднимаются шепоты, шелесты и прохлада.

Опершись на рукоятку кетменя, Тансык смотрит на тонкие серебристые струи, бегущие вдоль рядков хлопка. В знойные летние месяцы хлопок поливают по ночам. Растения за день жадно впитывают тепло и свет солнца. Прогретые, пронизанные светом, они хотят пить, и ночью, в прохладе, в тишине им дают воду.

Вытекая на поле из головного канала, струи ворковали, как голуби, пробегая во тьме под низко поникшими,

тяжелыми ветвями джиды. Вода струилась по арычкам, где, засучив штаны до колен, Тансык следила за ее течением. Шаловливый, своенравный поток постепенно подчинился воле умелой и расторопной девушки. Вода разлилась в десятки мелких канавок, а по ним на сотни тоненьких струй, утолявших жажду хлопчатника, истомленного зноем. Чтобы так равномерно распределять воду, нужно умение, нужны сноровка и опыт.

Тансык хочет напоить растения неторопливо и вдалеке. Она иногда проходит по вязким междурядьям, и ноги ее скользят; девушка зорко следит, чтобы струи не размыли гребни гряд, не разлились бы, не затопили низин, а поили бы растения равномерно, не спеша. Ей нужно соразмерять приток воды, не пускать в борозду слишком большую струю.

Вет ночная прохлада, касается девичьих волос, но Тансык еще вся прогрета дневным жаром, ей душно, время от времени она склоняется к голубым, пронизанным лунным сиянием струям и плещет в лицо торопливой водой. И вода из ее маленьких крепких ладоней снова убегает в тень, в поле.

На это поле Тансык со своими подругами вышла, когда на мерзлой земле еще лежал снег. Девушки дали слово собрать по сто центнеров хлопка с гектара, а подготовку земли им следовало начать задолго до посева. Много труда они вложили в эту землю с тех пор. Они высмотрели за много километров от своего поля заброшенные, обветшалые глинобитные стены, оставшиеся на пустыре от прошлых времен. По словам опытных хлопководов, такие стены, прокаленные солнцем, обветренные ветрами многих лет, были отличным удобрением для хлопка. Это подтвердил районный агроном Соколов: оказалось, что с годами в такой пористой глине скапливалось много азота, приносимого дождевой водой.

Девушки разломали стены и тяжелые большие обломки перетаскали на свой участок. Здесь они раздробили крепкие, как камень, комья и рассыпали их по всему полю.

Свое поле Тансык знает, словно любимую песню, девушка стоит теперь и смотрит, как, то исчезая между кустами, то вытекая на озаренные луной места, вода струится и сияет, и вспыхивает голубыми, синими и золотистыми искрами вдоль и поперек всего этого поля.

Вода струится мимо Тансык, воркует, как голубиная

стая, а с другого конца поля долетает песня. Голос Анархон звенит:

Наш колхоз к труду готов.
Кони рвутся с поводов.
Мы оденем наши степи
В зелень ленинских садов.

Тансык, опершись на кетмень, слушала.

Наш колхоз богатым стал.
Счастье наш народ узнал.
Эту силу дал нам Ленин,
Мудрый наш учитель дал.

Песня смолкла, и Тансык крикнула:

— Ну, что же ты? Пой еще?

Тогда запела другая девушка, и Тансык угадала голос Хакимы:

Соловей в саду поет,
В сердце праздник настает.
Слава, слава Ленину!
Славно наш колхоз цветет!

Партии привет, привет!
Она жизни нашей свет!
Умножает нашу силу
Мудрый ленинский совет.

Подруги Тансык, девушки из ее звена, все были на этом большом поле в ту ночь, занятые поливом. Вместе со всеми работала и крепкая, коренастая Дильшад; помогая друг другу, хлопотали над водой Анархон и Хакима. Вместе они пели, вместе направляли ручейки по тонким, как нитки, бороздкам. К подругам с кетменем на плече подошла тихая Анзират. Три дня ее трепала малярная, и девушка заметно побледнела и осунулась.

Тансык внимательно посмотрела на нее:

— Ты зачем сюда явилась?

— А мне лучше стало, жар спал.

— С малярной не шути. Иди домой и отдыхай.

— Это что же получается? Я буду отдыхать, а вы работать?

— Управимся и без тебя.

— Все равно я лежать не буду. У меня бессонница. Ну, право, Тансык...

В ее голосе слышалась мольба. Тансык смилостивилась:

— Ну, ладно. Только в воду не лезь.

В полночь Анархон присела на траве, влажной от росы.

В такую ясную, теплую, ласковую ночь стало ей одиноко и грустно. Много времени прошло с тех пор, когда рядом с Анархон стоял Джамал, смелый, ловкий, как сокол.

Они познакомились на общественных работах. Он был ее односельчанином. На строительстве девушки жили в отдельной землянке: Анархон, Тансык, Анзират. Утомленные за день работой, шумом машин и гулом голосов, покрытые пылью, проголодавшиеся, они собирались у своей землянки, и она была мила им, как родной дом. Здесь они мыли пропыленные волосы, с завидным аппетитом ужинали, стирали, и эта землянка, сухая, опрятная, радовала их. Никто из мужчин не переступал ее порога, уважая девичью скромность.

Если нужно было сказать что-нибудь хозяйкам, говорили, не переступая через порог.

Один только Мир-Хайдар, когда приезжал из дому навестить своих колхозников, приходил к девушкам и располагался у них как дома. Каждую расспрашивал о житье-бытье, слушал их пожелания и просьбы, добрым отеческим словом утешал или ободрял девушек.

Да еще Джамал каждый день в обеденный перерыв находил какую-нибудь причину пройти мимо заветной землянки и, словно невзначай, заглянуть в нее. То заглядывал, чтобы передать газеты, то сказать, что на одном участке женщина перевыполнила свою норму в пять раз, то выразить удивление, что силач Иргаш один перетаскал огромный камень, то спрашивал, не найдется ли у девушек иголки с ниткой и, может быть, заранее откручивал на рубаше пуговицу, чтобы его не уличили в хитрости. Но по какому бы делу он ни заглядывал, глаза его нетерпеливо искали только Анархон.

Однажды вечером девушка оставалась в землянке одна. С площадки через репродуктор лилась песня: Меджнун пел о своей неутолимой любви. Девушка сидела над огнем, ожидая подруг. Огонь лизал черное тело кувшина, где закипала вода для чая. Анархон грела усталые руки и слушала песню, когда вдруг раздался голос Джамала:

— О чем загрустили, Анархон?

Девушка вскинула голову, сердце ее замерло, — вошел Джамал.

— Это песня вас разволновала?

— Да, песня. А вас?

Голос Джамала дрогнул:

— Он будто мои мысли поет. Это самое меня томит. Анархон поняла его. Она склонила голову, отвернувшись. Он опустился рядом с ней. Ее дыхание пресеклось от волнения:

— Зачем вы вошли? Сейчас подруги придут!

— Зачем? Я скажу: я очень, очень люблю вас, Анархон. Очень люблю!

Он ловил ее руки. И поймал.

— Я правду говорю, слышите?

Руки ее дрожали в его руках. Он настаивал:

— Я не хочу с вами расставаться. Никогда в жизни. Ну, скажите: да! Давайте всю жизнь проживем вместе.

Она молчала.

— Наши родители согласятся. Я их уговорю!

Наконец, она перевела дух:

— Вы что-то непонятное говорите. Что с вами? Уходите! Ведь сюда сейчас придут!

Она еще ниже опустила голову, а Джамал крепко держал ее руку. Он, трепеща и не отрываясь, смотрел, как лицо ее, покрасневшее от огня и стыда, уже не отворачивается.

Несмело и неловко он погладил ее волосы.

— Я все сказал, Анархон, теперь ваша воля.

Анархон молчала, настойчиво высвобождая руку из его руки.

Вдруг послышались голоса подруг. Джамал быстро выпустил ее руку и горячо шепнул:

— Ладно, ухожу. В другой раз поговорим. Но знайте, я правду сказал. Мое сердце в ваших руках. Знайте это и решайте, Анархон!

Он торопливо ушел.

О любви Джамала к Анархон догадывалась только Тансык.

Однажды, возвращаясь из большого барака, где в тот вечер показывали кинокартину, Анархон отстала от своих подруг. Джамал взял ее руку, и они пошли куда-то в темноте, натываясь на камни, оступаясь на выбоинах, перешли несколько небольших холмов и, когда под ними заскрипел мягкий песок, сели. Ночь была темной, дул холодный ветер, вдаль завывали шакалы, но для них никогда не было ночи прекрасней, чем та непроглядная тьма.

Слушая Джамала, девушка то говорила, задыхаясь от волнения, то смеялась и никак не могла остановить свой смех. То она вздыхала и ей казалась душной сырая, холодная степь. Но Анархон не призналась ему в любви, потому что и сама не знала, была ли это любовь или только первая девичья тревога.

Вскоре Анархон узнала, что Джамал призван в армию и уехал на фронт.

Ей было грустно переживать эту разлуку. Однообразно потянулось время. Писем от Джамала не было. Встречая сестру Джамала, она, будто из вежливости, спрашивала о нем. Но и сестра ничего ей не могла сказать.

И вот теперь сидела она, опустив голову на согнутые колени, одна в сияющем просторе лунной ночи, над мирным говором утекающих ручейков.

Анзират нарушила ее раздумье:

— Э, Анархон! Иди сюда! Посмотри-ка!

Схватив кетмень, Анархон поспешила на зов подруги.

Тансык с Хакимой сбегали в персиковую рощицу и натрясли там полные подолы скороспелых плодов. Тансык созвала все свое звено. Девушки, сидя у шалаша, принялись уплетать прохладные, сочные, ароматные персики.

Неожиданно совсем рядом раздался голос Уктама:

— Здравствуйте, уважаемые красавицы!

Девушки обрадовались и стали наперебой угощать персиками.

— Откуда же это вы так поздно?

— Из МТС. Могу вам сказать, милые сестрицы, дела у нас не так уж плохи. Получим скоро новые машины.

— Ой, как хорошо! — воскликнула Анзират. — А то эти кетмени...

— Тяжелые работы лягут на плечи машин, мы посвободнее станем. А станем посвободнее — сможем заняться книгами, начнем учиться. В этом сила колхозной жизни: она не только кормит, но и учит. Понятно вам, умницы-красавицы?

Тансык отнеслась к его словам деловито.

— Читать мы находим время. Но книг негде взять. Как быть? Что-то нужно придумать.

Этот вопрос воодушевил Уктама.

— Организуем библиотеку при клубе. Книги появят-

ся. А когда-нибудь все у нас здесь электрифицируем — и полив, и пахоту, и обмолот. Даже коров доить, белье гладить, даже плов варить нам будет электричество. Вот так...

Анзират шепнула подружке:

— Он не под хмельком?

— Незаметно. Он трезв, потому и видит так ясно, — ответила Дильшад.

Анархон улыбнулась:

— Для начала хоть по одной лампочке на дом дайте, дядя Уктам.

— Начнем с лампочек. Но не по одной. Зачем так мало? Свет нужен и в ваших комнатах, девушки, и на террасах, и в кухнях, и в хлевах.

Уктам вытер персиковый сок с губ и увидел политое поле, мерцающее в лучах луны.

— Вы много успели полить! А теперь — шагом марш домой! Остальное я сам полью, — полив — это дело мужское.

Тансык обиделась:

— Первый раз, что ли, мы поливаем?

— Идите, идите! Отдыхайте: вам завтра ехать в степь на косовицу.

Обмыв и обтерев травой кетмени, девушки пошли по домам.

Уктам стянул сапоги, готовясь приняться за работу. Из-за деревьев показался Сабир с кетменем на плече.

Уктам был рад своему другу:

— Ты чего это полуночищаешь, дорогой Сабир?

— Один мой дорогой друг объявил соревнование. Время сна пришлось сократить, чтобы не ударить лицом в грязь.

— Это кто же из друзей покушался на твои сновидения?

— Тот самый, который неизвестно чем занимается на девичьем участке.

— Он на этом участке ждет помощи от своего друга Сабира.

— Эта помощь пришла! — засмеялся Сабир, разуваясь. — Девушкам надо помочь.

Они разошлись в разные концы поля и, перекликаясь время от времени, управляли водой, лепечущей, булькающей, шепчущей.

Возле шалаша косарей Уктам спешился и повел коня в поводу. Заглянул в шалаш — никого.

Вдали, в необозримом золотом разливе пшеничных полей, цвели яркие, пестрые одежды колхозников, занятых косовицей.

Оставив коня на приколе, Уктам пошел к овражку, откуда расплывался во все стороны густой, белый дым.

Из облака дыма высунулась толстошекая Мастура, усердно протирая красные, слезящиеся глаза, отдуваясь и отплевываясь.

Уктам приветливо поздоровался, но она не ответила. Не вытерев вспотевшее, запыленное лицо, она отвернулась.

Уктам молча прошел мимо нее на кухню. Он почувствовал вкусный запах бараньей похлебки, варившейся в двух больших котлах. Эту похлебку узбеки называют «шурпа», она должна быть густой, наваристой и сохранять аромат баранины и овощей.

Уктам издали взглянул на Мастуру:

— Я слышал похвалы вашему поварскому искусству. Вижу, хотите оправдать свою славу.

Но Мастура гневно подскочила к Уктаму, глядя на него в упор свирепыми глазами:

— Куда это меня завезли? А? Кругом пустыня. Ни деревца, ни кустика, ни тени. До воды пока дойдешь, ноги протянешь. Да и вода — ни вкуса, ни свежести! Ад!

— Эта степь — ад? Нет, для колхоза она милее рая. А каков урожай, от нивы глаз не оторвешь. Как море!

Но Мастура кричала на него, словно пробирала своего покорного Насимджана:

— А вы на меня взгляните! На кого я стала похожа? Руки потрескались, вся в пыли. Что это? Чем это я заслужила?

Уктам ответил спокойно и строго:

— Другие женщины не жалуются. Работают. А ведь среди них и молодые девушки — Тансык, Анархон. Вы старше их. Пора привыкнуть к работе.

— Крутишься, крутишься у проклятых котлов, огонь разводишь, топливо таскаешь, горнишь сама на этом огне. Ох, несчастная я! Несчастливая!

Голос ее стал жалобным и плаксивым. Уктам поспешил отвлечь ее от сетований:

— Конечно, поварское дело — дело тяжелое. Но ведь людей надо кормить. Смотрите, делайте это от души, на совесть. А то дружба врозь! Там вон я привез мясо, сало и рис. Вечером сготовьте плов. Завтра зарежем барана. Желаю успеха.

Хотя гнев Мастуры еще не сошел с ее лоснящегося и грязного лица, она пошла к Уктамовой переметной сумке за припасами.

Уктам осмотрел небольшое хозяйство столовой. Как ни приглядывался он, все оказалось в порядке. На откосах заботливая рука вырубилась ступеньки. Очаги оказались сложенными прочно и надолго, будто здесь собирались зимовать.

«Замечательный народ наши колхозники, — что им в руки ни попадет, все норовят по-хозяйски освоить. Какую ни возьмут себе землю, глядишь — уже обжились на ней», — думал он.

Уктам перешел вброд речку, где струилась голубая вода, столь прозрачная, что просвечивали камни на ее дне. Вдоль речки, по берегу, Уктам пошел к току, где на чистой и ровной площадке колхозники молотили пшеницу. По краям тока высились большие груды обмолоченного зерна, а за ними — длинные скирды соломы.

Уктам зачерпнул рукой горячее от солнца зерно, покатав его на ладони. Пшеница была крупная и полновесная. Несколько зернышек он раскусил, почувствовав крепость и сладость молодой пшеницы.

Уктам смотрел, как подкатывали к току арба за арбой, подвозя снопы, как груды снопов росли и росли, ожидая, пока их кинут в молотилку. Уктам понял, что молотба не поспекает за косовицей и что это затянет сроки уборки. Он рассчитывал на быстрый сбор урожая, чтобы затем перебросить все силы на хлопок. Но для этого нужно было увеличить число молотилок.

Уктам посоветовался с колхозниками: решили попросить молотилки в колхозе «Эльбад».

После обеда, в нестерпимый полуденный зной, Уктам надвинул до бровей глубокий войлочный колпак и сел в седло. Он рад был поездке, давно уже хотелось ему посмотреть «Эльбад», о котором так хорошо отзывался Сайрамов.

Дорога была утомительной и однообразной. Еще не освоенная земледельцами степь тянулась на многие километры, холмистая, желтая, выжженная летним солнцем. Травы, которые так буйно и празднично покрыва-

ют эту землю весной и в начале лета, теперь уже выгорели, высохли и с хрустом рассыпались под копытами коня, когда Уктам сворачивал с дороги. Изредка попадались лениво и царственно шагавшие верблюды, на которых еще висели клочья зимней шерсти, стчего верблюды казались плешивыми.

Солнце пекло. В горле пересохло. Конь взмок, но еще бодрился и шел ровной рысью, по временам вскидывая голову и всхрапывая.

Так ехал Уктам, пока не выехал на ровное плато, голое и накаленное, как сковорода. Отсюда раскрылись перед ним поля и сады «Эльбада». Сразу стало весело на душе: там люди уже оживили своим трудом бесплодную степь. Зелень, тень, прохлада, плоды — все это было свидетельством победы трудолюбивого земледельца. Уктаму показалось, что и воздух стал свежее.

Уктам направил коня по ровной, как стрела, дороге, перевел его на крупную рысь, и вскоре по обе стороны пути зазеленели сочные хлопковые поля. Легко было ехать среди такого приволья — остальная дорога показала Уктаму мгновенной.

Он сошел с коня возле водоема, затененного рощицей густых ив. Невдалеке, под ветвистым древним карагачем приютился помост, окаймленный перильцами, блестящими от свежей краски. Здесь в благодатной тени сидело несколько человек, только что вернувшихся с поля. Ноги их еще покрывала пыль, еще лица не остыли от солнца и горячего ветра, губы пересохли и руки нетерпеливо переливали чай из чайника в пиалу, а из пиалы обратно в чайник, чтобы не только крепче заварился, но и слегка остыл зеленый чай.

Уктам наскоро привязал коня под деревьями и поспешил в тень. Он поздоровался с посетителями чайханы, сунул плетку за голенище сапога и сел на помосте, обмахиваясь своим тяжелым колпаком.

Уктам жадно пил чай, глядя на заросший плавучими травами берег водоема, где томно и витиевато перекалились лягушки.

«Хорошее место! — думал Уктам. — Вокруг такая жара, что птицы могут сгореть на лету, а тут — свежесть и тишина, словно другая земля».

Сидевший рядом с Уктамом колхозник распахнул ворот, открыв смуглую, волосатую грудь. Это был, видно, очень сильный, крепкий человек. Он поглядел в гущу деревьев.

— Хорош над нами шатер! Никто не пройдет мимо, каждому хочется посидеть тут.

Молодой колхозник, сидевший рядом с Уктамом и читавший газету, поднял голову, увенчанную черными курчавыми волосами.

— Вот подождите, такие вырастим рощи, что можно будет заблудиться, как в русских лесах.

Третий, откинувшись на перильце, сидел чуть поодаль, прикрыв глаза. Помолчав, он вдруг, как бы очнувшись, проговорил:

— Все будет. Все! Деревья крепче, когда их много. Когда на нашей земле деревья начнут расти лесами, они станут невиданной силы, неслыханного роста! Винные ягоды созреют тяжелыми и сочными. А айва! Будет размером с арбуз! Попомните мои слова, я старый садовод. На нашей благодатной почве вырастить можно что хочешь, но одного полива нам мало, — нам нужно, чтобы самый воздух стал иным, а иным он станет, если появятся леса, если над землей раскинется тень, если слоняя землю от зноя в летнюю жару и от раскаленного воздуха, когда ветер подует из пустыни. У нас благотворны и солнце, и вода, и почва. Попомните мои слова, будут у нас леса.

— Пустыню тоже скоро уничтожим! — твердо сказал Уктам. — В песках потекут реки и каналы. Поднимутся сады, разрастутся тучные пастбища, и это не мечта, это хозяйственный план, друзья мои...

Неожиданно к водоему подъехала девушка на резвом, веселом коне.

Уктам с любопытством взглянул на смуглое кругленькое лицо девушки, с маленькой ямочкой на подбородке и маленьким ртом. Черные, как агаты, глаза смотрели весело и задорно из-под тонких бровей. Тяжелые, плотные косы были обвиты вокруг головы поверх тубетейки.

Узенькая, из кремового шелка жакетка плотно облегла сильное, гибкое тело. Ферганский атлас ее платья, даже здесь, в густой тени, сиял, как цветущий, залитый полуденным солнцем цветник.

Когда конь ее остановился возле помоста, где Уктам разговаривал с эльбадцами, те почтительно поздоровались с ней и замолкли. А колхозник, сидевший с распахнутой грудью, торопливо спрыгнул с помоста и надел рабочую куртку.

Уктам тоже поднялся, но, еще не уверенный, что

перед ним председатель «Эльбада» Салимова, стал в сторонке, опершись о дерево и засунув руку за солдатский ремень.

Не сходя с коня, девушка заговорила звонким голосом, но, увидев Уктама, повернулась к нему, словно размышляя, кто он и откуда.

Вдруг она решительно соскочила с коня и, накрутив на левую руку повод, правую протянула Уктаму.

Он заметил в её глазах любопытство.

— Я из «Богатыря». С важным делом к вам, — сказал он.

— Отлично. Как здоровье дяди Мир-Хайдара? Как он? Крепится? Я вчера хотела к вам завернуть, да не хватило времени. А вас я никогда не встречала. Вы недавно вернулись из армии?

— Совсем недавно.

Камиля Салимова пригласила Уктама сесть, а сама заговорила с колхозниками о разных делах. Она и не заметила, как кто-то взял у нее из рук повод и отвел беспокойную лошадь к коновязи.

Колхозники слушали девушку внимательно и с явным одобрением. Она говорила свободно, вставляя в разговор то острое словцо, то шутку, то народную поговорку. Ее непринужденная, простая речь легко доходила до собеседников.

Уктаму улавливал в ее голосе то беспокойство и заботу, то шутку и радость.

Колхозники иногда возражали Камиле или высказывали ей свои сомнения. Она одобрительно кивала, если соглашалась с ними.

От голоса ли ее, от манеры говорить или от ее лица Уктаму становилось и самому как-то легко и радостно.

Выпив свой остывший чай, Камиля забеспокоилась:

— Надо ускорить перевозку зерна. План по зерну мы выполнили первыми в районе. Но зерно у нас лежит на току по нашей нерасторопности. Транспорт мы двинули на перевозку далеко не весь. Сегодня вечером поспеем в степь. Я оттуда не вернусь, пока не вывезем весь хлеб, до последнего зернышка.

Она повернулась к пожилому колхознику и тихо сказала:

— Дядя Хусанбай, наш председатель совета урожайности захворал.

— Я знаю, дочка.

— У шестой бригады хлопок нигде не годится. Ни

окучка, ни полив у них не заслуживают доброго слова. Прополку они провели плохо, удобрений как следует не использовали. Бригадир растерялся, я его спрашиваю, а он глаза в сторону отводит. Если к нам приедет бригада из «Большевика» проверять по договору взаимные обязательства, кто будет краснеть? Когда мы в «Большевик» ездим, мы там каждый сорнячок замечаем, тычем им этим сорняком в глаза, будь он хоть с мышинный хвостик. А тут у нас свой бригадир нашелся, агронома не слушает, отговаривается тем, что мать родила его в хлопчатнике, с тех пор, мол, вся его жизнь прошла на хлопковом поле; пускай, мол, агрономы у него учатся. Но наше дело — применять самые передовые открытия науки. Как нам с этим бригадиром быть?

Старик молчал, разводя руками.

— Я вас прошу, дядя Хусанбай, займитесь этой бригадой. Помогите бригадиру.

— Да станет ли он меня слушать?

— А пусть попробует не слушать! Хлопок — дело государственное, опора колхоза. Заупрямится, найдем управу.

К ним подошел секретарь правления, густобровый, ушастый парень. Пальцы его были вымазаны чернилами, а глаза он при разговоре отводил в сторону от собеседника.

— Там кто-то в машине приехал. Спрашивает председателя колхоза.

Камиля спросила Уктама о его деле. Уктам сказал ей о молотилках.

— Охотно поможем! — улыбнулась она. — Мир-Хайдар нам тоже немало помогал. Пойдемте.

Она пошла впереди, мягко ступая в своих легких сапожках. Уктаму хотелось поговорить с ней, но она шла, глядя себе под ноги, задумчивая или озабоченная, и он не решился ничего сказать.

В правлении Камиля передала секретарю просьбу Уктама и распорядилась немедленно исполнить ее.

Уктам поблагодарил девушку. Они, расставаясь, улыбнулись друг другу. Уктам условился с секретарем, что завтра прийдет за молотилкой.

Выйдя из правления, Уктам пошел по «Эльбаду». Он позавидовал исправным дорогам, хорошим колхозным зданиям, построенным по единому плану. По обе стороны дороги тянулись ровные дорожки. Высокие, крепкие тополя затеняли улицы. Некоторые из постро-

ек были только что оштукатурены, в иных еще вставляли стекла. Но всюду — в молодых, любовно посаженных садах, в ярких цветах шафрана и роз — чувствовалось, что ставятся эти дома для жизни привольной, счастливой и долгой.

Позавидовал Уктам и взглянул на провода, тугие как струны, натянутые на столбах вдоль садов, проведенные в каждый дом.

«Непременно нам надо строить электростанцию. Строить во что бы то ни стало».

Уктам обошел вокруг всей площади, где стоял колхозный клуб, посмотрел водоемы и снова оказался возле правления колхоза.

Камиля провожала уполномоченного «Заготзерна». Он сел в запыленную машину и уехал, а Камиля еще стояла, когда Уктам, слегка прихрамывая, подошел к ней.

Камиля отчего-то смутилась и покраснела:

— Вы еще не уехали?

Уктаму хотелось посмотреть колхозную гидростанцию. Он сказал об этом Камиле. Она оживилась:

— Пойдемте! Я тоже туда иду.

Девушка взглянула на Уктама:

— Ничего, что это далековато?

— Я люблю ходить!

Сначала Камиля повела Уктама в большой молодой сад. Среди густой листвы плоды попадались еще редко, но деревца стояли крепкие, коренастые, с богатыми кронами. Чувствовался любовный уход за каждым растением. Земля под деревьями, засеянная клевером, напоминала пушистый ковер.

Они шли по ровному, широкому ряду, тянущемуся от самых ворот и уходившему далеко в глубь сада. Уктам не стеснялся расспрашивать Камилю, и ей, видно, нравилась его простота. Она охотно отвечала на его вопросы.

— Этого сада у нас тридцать гектаров.

— Ого!

— Много? Мы три года назад его посадили. Все яблоны отборных сортов. Главный садовник у нас отличный знаток своего дела.

Яркая листва трепетала над ними. Птицы перелетали понизу, под деревьями. Кузнечики разлетались из-под ног. Камиля старалась скрыть перед гостем гордость за

свой сад, в который и ею вложено было много заботы, труда и любви.

— Зайдемте сюда. У нас здесь небольшое строительство.

Они пересекли вишневый сад и оказались на ровной тенистой площадке. На ее краю строился просторный двухэтажный дом. Вдоль обеих этажей тянулись террасы, украшенные резными столбами. Окна выходили в тень этих террас, чтобы солнце в знойные дни не нагревало комнат.

Пока Камиля разговаривала с плотниками, Уктам поднялся по лесам на верхнюю террасу. Оттуда виднелись далекие горы, сливающиеся с голубым небом.

Когда Уктам спустился, он спросил у Камили:

— Что вы здесь строите?

— Дом отдыха. Для наших лучших колхозников.

— Когда же вы думаете его открыть?

— Весной.

— А для нас найдутся путевки?

Камиля улыбнулась:

— Путевки предоставляются лучшим. Отличникам.

У вас такие найдутся?

— Конечно!

Когда они, выйдя из сада, пошли по тропинке через хлопковое поле, Камиля рассказала об этом доме, о том, каким его представляет себе:

— Перед домом выроем большой водоем. Вокруг разобьем цветники. С другой стороны организуем спортивные площадки. Сделаем все, чтобы людям в этом доме жилось легко и радостно.

— Легко и радостно? Я мечтаю, что так будут жить все наши люди, во всех своих домах.

Они заговорили о строительных планах «Эльбада», а потом Уктам рассказал о том, каким он хочет видеть свой колхоз.

Непринужденность и расположение постепенно росли между ними.

Ему показалось, что девушка хотела знать о нем как можно больше; это волновало и радовало его, но он скрыл свое волнение.

...Гидростанция показалась Уктому несложным сооружением.

Они поднялись наверх.

Уктам смотрел, как стремительный, бурный поток, словно горная река, крутясь и грохоча, низвергался по

трубопроводам. Уктам почувствовал силу воды, обузданной, послушной.

Спустившись внутрь здания, Камиля показала Уктам оборудование и устройство станции.

Здание гидростанции, добротное и крепко сложенное из жженого кирпича, было поставлено хозяйственно и надолго. Станцией управлял всего лишь один человек, молодой колхозник, коренастый и ловкий. Он не без гордости давал Уктам объяснения, и видно было, что ему хочется сказать больше, чем спрашивал Уктам.

Камиля посмотрела на возбужденное лицо Уктам:

— А свою гидростанцию когда собираетесь строить?

— Хотим поскорее. А хотение, говорят, — половина дела.

— Гидростанция даст вашему колхозу столько дополнительной силы, что вполне учесть эту силу вы сможете, лишь построив станцию.

Уктам показалось, что Камиля куда-то торопится. Он поблагодарил ее, сердечно с ней попрощался, надел свой колпак и пошел, но не смог не оглянуться, — девушка шла через зеленое поле, высоко подняв голову, широко шагая. Цветастый атлас ее платья сиял на солнце и переливался.

Когда Уктам оглянулся еще раз, ее уже не было. И ему вдруг захотелось опять ее увидеть, побыть с ней еще немного.

К своим косарям Уктам вернулся поздно вечером.

Мастура, с выражением мученицы, подавала плов на широких блюдах.

Проголодавшиеся люди с усердием занялись едой.

— А плов неплох! — воскликнул Сабир.

Мастура, сидевшая среди женщин, сердито откликнулась:

— А сколько я получу пшеницы за трудодень? Не уточните ли вы это, товарищ Уктам?

— Когда мы зовем вас работать — вы отшатываетесь на сто сажень, а когда трудодни считать — ваш язык работает без устали.

Все рассмеялись.

После ужина мужчины растянулись на теплых кошах, полулежа пили чай, негромко разговаривали, словно боясь спугнуть мирную тишину этого вечера.

Уктам рассказал о поездке в «Эльбад».

Со степи повеял свежий ветер, и в темной высоте

неба распустились одна за другой, как розы, многочисленные звезды.

Уктам подошел к девушкам, сел и ласково спросил:

— Что это вы притихли сегодня, сестрички? Не пробежала ли между вами черная кошка?

— Что вы! Что вы! Мы всегда дружны, — ответила Тапсык.

— Ну, значит, устали. Да и не мудрено: в такой зной работать на току не сладко. Вот Анархон все вздыхает, видно, никак не отдышится. Ничего, будет у нас электричество, станет легче.

— Мы не белоручки!

— Знаю. Вы советские девушки. На фронте меня спасла одна советская девушка.

— Ой, как же это было? — Девушки окружили Уктам, ожидая рассказа.

— Если бы не она, не быть бы мне сейчас с вами...

Уктам задумчиво закурил.

Девушки ждали, а он, позабыв об их нетерпеливом ожидании, молчал, затягиваясь горьковатым дымом.

Одна из женщин, взволнованная словами Уктама, спросила:

— О чем это вы говорили, милый Уктам? Расскажите и нам. Мы тоже хотим послушать.

Уктам сел поудобнее, поджав под себя ноги.

— Бои тогда шли под Великими Луками. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись, цепляясь за каждую кочку. Деревни переходили из рук в руки. Едва отбросим врага, он снова лезет через трупы своих солдат, завязывает бой. А морозы стояли такие, снегу намело столько, что того и гляди замерзнешь, в камень превратишься. В одной атаке меня ранило в плечо. Я пополз было к своим, но поле простреливалось, пришлось прилечь. Минные осколки крутятся, пули свистят. Меня ранило второй раз, в ногу. Двигаться дальше никакой возможности не было. Я разгреб снег поглубже и залег. Ну, думаю, конец: враг рядом, поле, где я лежу, под обстрелом. Вдруг чувствую, кто-то меня тянет. Поднял голову, — рядом девушка, санитарка. Шурочка. Веселая, шутница, мы все ее очень любили. Она взвалила меня на спину и поползла сквозь этот ад. Вынесла из боя, напоила, перевязала. На прощание говорит: «Назад скорей возвращайся. Возвращайся к нам. В Берлин войдем вместе!» Она меня уложила в сани, отправила в медсанбат.

— Родная сестра большего не смогла бы сделать! —

сказала одна из женщин. — Где же она? Какой у нее адрес? Ее надо к нам позвать.

Уктам грустно ответил:

— Когда я вернулся, ее уже не было. Погибла.

Уктам встал и молча ушел в темноту ночи.

Больше никто не сказал ни слова. Анархон плакала, тихо всхлипывая.

Немного времени спустя, Гансык сказала:

— Давайте, девушки, завтра поработаем так, будто Шура работает в нашей бригаде. Выполним сверх своих норм еще и Шурину.

Девушки горячо приняли это предложение.

VII

Старый Мир-Хайдар не был дома со вчерашнего дня. Он вместе со взаимопроверочной бригадой ездил в колхоз «Свободный труд», с которым у «Богатыря» был договор на социалистическое соревнование.

Целый день, то в седле, то пешком, он осматривал поля соседей, зорко и взыскательно приглядывался к посевам, к обработке земли, к большому хозяйству сильного колхоза. Потом он сидел на собрании колхозников. Собрание затянулось до полуночи. Усталый, он наконец ненадолго прилег, а перед рассветом, наскоро позавтракав в чайхане, отправился на свои поля.

Он особенно любил обходить поля, разглядывая посева, присматриваясь к растениям, ревниво следя, чтобы не было изъянов в обработке хлопчатника. В этот день, как и всегда, он был требователен и заботлив. Некоторых из колхозников ободрил похвалой, другим сурово указал на промахи в работе. В посевах одной бригады он заметил сорняки. И хотя сорняков было мало, и еще предстояла не одна прополка, Мир-Хайдар позвал виновных и долго укорял их:

— Мы вчера смотрели хозяйство «Свободного труда». Вот-вот пожалуют к нам. Что мы им покажем? Ведь попадись им такой сорнячок или ничтожная букашка на хлопчатнике, они заметят, скажут об этом на собрании. Что мы ответим? Какие объяснения вы подыщите для них, а?

С полей председатель вернулся в селение, но домой не пошел, а отправился по домам бывших фронтовиков

посмотреть, как они живут, не испытывают ли в чем нужды.

Только в сумерках добрался он к себе домой.

Навстречу Мир-Хайдару выбежала белокурая пятилетняя девочка. Старик бережно поднял ее на руки, и она прижалась к его смуглому лицу, перемешав завитки своих льняных волос с сединой бороды Мир-Хайдара. Борода щекотала ее нежные, румяные щеки, и девочка звонко смеялась и вскрикивала.

— Ну, Юлдуз? Ну, звездочка? Ах, милая моя доченька! Соскучилась?

— А у меня новое платье. Мама сшила. Вот оно!

Он носил ее по двору вдоль арыка, где, беззаботно и уютно журча, струилась неугомонная, говорливая вода.

Из-за дома, с огорода вышла высокая, сухошавая Тилля-биби, жена Мир-Хайдара. На левой щеке ее темнела родинка, в волосах поблескивала седина.

— А где Кутлук? — спросил Мир-Хайдар.

Тилля-биби забеспокоилась:

— Право, не знаю. Такой проказник растет, за ним не углядишь. Целый день по деревьям шарит. Птиц ловит. Достать ему перепелов, что ли? Тогда, может, угмонится.

Председатель возразил с упреком:

— Перепелов! Мало ли книг с картинками я ему привозил. Пускай читает. Или рисует.

В это время откуда-то сверху раздался веселый голос:

— Папа! Здесь гнездо!

Мир-Хайдар оглянулся по сторонам и не сразу нашел Кутлука.

За стеной, на улице, рос раскидистый карагач. На его мощных ветвях и сидел мальчик. Мир-Хайдар рассердился:

— Слезай сейчас же! Куда тебя занесло?

Юлдуз взглянула на отца светлыми, голубыми глазами:

— Кутлук никогда не дает мне книги. Только мальчикам их дает. Потом он в чашку стрельнул из рогатки. Разбил чашку. А я видела, он за арбу цеплялся, кататься хотел. По стене Кутлук ходил, я видела. А мою куклу окунул в арык, и она поплыла.

— Я ему задам, ты не бойся.

— А я сегодня двор подметала. Платок сама стирала.

Мир-Хайдар понес дочку к винограднику и поднял

ее высоко, до самых виноградных лоз, вьющихся по деревянным перекладинам. Спелые гроздья касались ее щек, но девочка не сорвала ни одной виноградинки, лишь поглаживала теплой ладонью черные, подернутые голубой паутиной, тугие гроздья.

— Сорви себе, кушай!

— Не хочу. Мы его будем сушить, а зимой сядем с тобой вдвоем и станем с кишмишом чай пить.

Мир-Хайдар уловил в ее словах мысли Тилля-биби и подбросил дочку в самую гущу больших, узорных листьев. Светлые волосы, как облачко, взлетели к густой зелени, и девочка счастливо засмеялась.

— Слышишь, что дочь говорит?

— Она у меня хозяйственная! — гордо и ласково отозвалась Тилля-биби.

Усадив на ковре девочку, Мир-Хайдар прилег возле, облокотившись на подушку; вскоре появился и Кутлук. Тюбетейка и рубашонка его были в пыли, на светлом, покрытом золотым пушком лице виднелась царапина.

Мир-Хайдар поцеловал выпуклый лоб мальчика и не попрекнул за шалости, — старая пословица гласит: «Кто смолоду не шалун, тот с возрастом не ванн».

— Пойди умойся, сыпак! Скоро спать.

— Ой, папочка, мне еще надо корову пригнать с выгона.

Мальчик ерзал возле отца, не имея терпения посидеть смирно.

— Очень уж ты измазался.

— А я потом окунусь разок в арыке и стану чистым.

— С одного раза, пожалуй, чист не станешь.

Мир-Хайдар понял, что Кутлуку хочется еще побегать. Старик погладил его по голове, и мальчик, как воробей, мгновенно выпорхнул из отцовских рук.

Этого мальчика Мир-Хайдар усыновил зимой 1941 года. Тогда в Узбекистан привезли сирот, эвакуированных из прифронтовых районов. Малышу не было еще и трех лет. Мир-Хайдар дал ему имя Кутлук, что значит священный дар, ибо появление этого ребенка в доме Мир-Хайдара было свято для старика. Это имя означало также и счастливую обновку, и поэтому понравилось Тилля-биби, поспешившейшить мальчику множество всяких обновок — рубашонок, халатиков, курточек. Ма-

ленький Кутлук быстро научился говорить по-узбекски, легко, как на родном языке, — ведь сверстниками и друзьями его игр стала узбекская детвора.

Мир-Хайдар, целые дни проводивший в поле, все же находил свободную минуту, чтобы заняться и посидеть с малышом.

Случалось, посадив мальчика себе на плечи, председатель шел на колхозное собрание. В долгие зимние вечера Кутлук устраивался на отцовских коленях, и Мир-Хайдар рассказывал ему памятные с детских лет сказки или смешил мальчика, подражая ржанию коня, блеянию овец, обиженному реву верблюда.

Год спустя Мир-Хайдар поехал по делам в Маргелан и вернулся оттуда с крохотной девочкой. Ей было не больше полутора лет, и она напоминала куклу с льяными волосами, с голубыми круглыми глазами. Девочка тоже осиротела в годы войны.

У Тилля-биби в разное время умерли три дочери. Самой любимой из них была Юлдуз, — ее имя значит звезда, и эта звезда угасла. Тилля-биби не находила себе места от горя, долго тоска по девочке омрачала ей жизнь. И когда в доме появилась маленькая, беленькая крошка, словно опять засияла звезда в жизни Тилля-биби. Девочке дали имя Юлдуз, и мать перенесла на нее всю любовь, всю нежность, все свои мечты о дочернем счастье. С первого же дня появления девочки в их доме Тилля-биби погрузилась в заботы о будущем маленькой дочки. По старым обычаям, она принялась готовить ей в приданое нарядные сюзане. Эти тонкие вышивки для украшения стен и расшитые древними узорами покрывала требуют кропотливого, усидчивого труда и художественного вкуса.

После ужина, когда старики, тихо разговаривая, сидели возле своих детей, неожиданно пришел Уктам.

Мир-Хайдар, как всегда, рад был его приходу.

Выпив пиалу чаю, Уктам заговорил об уборке.

Неожиданно он сказал:

— У меня к вам просьба, отец.

— Говори, пожалуйста! — ответил Мир-Хайдар, геребя кончик своей бороды.

— Я хочу просить небольшой участок земли.

— Земли? — нахмурился Мир-Хайдар — Но ты ведь знаешь, — у нас и клочка свободной земли нет.

— Да хотя бы немного.

— Сколько же?

— Гектаров пять. Если будет ваше согласие, я сам найду свободный ключок. Где-нибудь на целине. На пустырях.

Мир-Хайдар, услышав в голосе Уктама настойчивость, рассердился. Он хотел было накричать на Уктама, но сдержался. Однако подумал: «Вот бесстыдник. Уж попросил бы у меня весь колхоз! Неужели я ошибался, и на языке у него мед, а на душе лед?»

Уктам, заметив насупившееся лицо старика, сказал тихо и мирно:

— Неужели вы подумали что-нибудь дурное, отец? Ведь у меня даже приусадебный участок меньше нормы. И я не нуждаюсь в ином. А у кого участки превышают норму, я с теми борюсь. Вы это знаете, отец. Я сейчас как раз проверяю, по вашему совету, все приусадебные участки. Кое у кого придется излишки отрезать.

Мир-Хайдар устыдился своих подозрений, но любопытство его возросло:

— Так зачем же тебе земля?

— Комсомольцы хотят своими силами воду на пустырь пустить и разделить его под сады или под хлопок. Прибавить немножко земли колхозу.

Мир-Хайдар задумчиво опустил голову. Выстукивая пальцами какой-то праздничный напев по звонкой чашке, он обдумывал слова Уктама.

— Это хорошо. Земля нам нужна. Вот, к примеру, сады... Но самое главное у нас — хлопок. Прежде всего мы хлопководы. Это главное. Нельзя распыхать силы.

— Верно. Но я рассчитываю освоить землю не за счет колхозных средств. Мы это сделаем без ущерба для основных работ. Это будет добровольное дело комсомольцев.

— Суп быстрее едят, чем варят. Но сперва его все-таки надо сварить. Скажи, пожалуйста, где это ты возьмешь такие силы, чтобы они нашлись без ущерба для основного дела? У тебя хорошая голова. Ты небось что-нибудь уже придумал?

Уктаму лестно было услышать похвалу от человека, которого он с младенческих лет уважал и ценил. Не без гордости, как мальчик, покраснев от удовольствия, он признался:

— Кое-что мне приходило в голову. Я еще подумаю. А потом подробно расскажу.

Уктам прошелся под виноградными лозами, где, освещенные огоньком керосиновой лампы, искрились тяжелые гроздья. Шутя он поборолся с Кутлуком, увиливавшим от сна, когда Юлдуз уже крепко спала, обняв свою куклу. Потом Уктам пошел с Мир-Хайдаром на заседание правления. Предстояло обсудить вопрос о заготовке кормов.

Еще не все члены правления были в сборе. Уктам сел в одной из комнат, поближе к лампе, чтобы почитать газеты. В это время появился Насимджан с папироской в зубах, с красной розой над виском. Он устало потянулся и сел, словно все заботы по колхозу лежали на нем одном. Уктам дочитал передовую статью в газете и поднял голову. Насимджан тяжело вздохнул и пошел к двери. Уктам остановил его:

— У меня к вам есть дело.

— С величайшим удовольствием, — споткнувшись на пороге, обернулся Насимджан. — Пожалуйста! Как говорит наш председатель: ум хорошо, а два лучше.

Насимджан сел на стул, Уктам вынул из кармана маленькую бумажку, пробежал по ней глазами и сунил обратно. Потом он взглянул на Насимджана, и тот под этим взглядом забеспокоился.

— Я хотел поговорить с вами о вашем приусадебном участке. Вы догадываетесь, о чем идет речь?

— О чем именно? — удивленно поднял брови Насимджан, хотя сердце его покатило в бездну.

— Широко вы размахнулись на колхозной земле. А у колхоза есть ясный устав. Поэтому излишки отрежем. И немедленно.

Насимджан побледнел и задохнулся. Он долго сидел молча, охватив голову руками. Давно он опасался, что все это произойдет, давно готовился к этому разговору, но когда слова наконец раздались над его головой, обмер.

— Очень много труда в этот участок вложено, много пота пролито.

— Да ведь труд-то бесчестный!

— Вы хотите лишить нас урожая, когда он вот-вот поспеет?

— Земля колхозная, и вы ее присвоили.

— Но как же мне быть с урожаем?

— За работу на колхозной земле получите трудодни, а урожай сдадите в колхоз. Свое самоуправство вы мо-

жете смыть честным трудом. Засучите рукава и выходите на работу. В колхозе дел много. Будем считать, что договорились?

Насимджан сделал отчаянное усилие изобразить улыбку, но ничего не получилось:

— Я с удовольствием!..

VIII

Стесняясь ли людей, опасаясь ли выпадов Уктамэ, Каримкул свою дочку и сноху отправил на полевые работы.

Работали они на первых порах спустя рукава. Выходили в поле позже всех, домой собирались всех раньше. От того, что одна не могла торговать на базаре фруктами, а другая — вышивать для продажи платки и тюбетейки, обе ходили в поле с негодованием и не столько работали там, сколько отдыхали, пристроившись где-нибудь в холодке и предаваясь праздной болтовне, переливая из пустого в порожнее.

Каримкул избегал встреч с Уктамом. Если ж деваться было некуда, принимался расхваливать Уктаму хлопок и всячески превозносил виды на предстоящий урожай в «Богатыре». Припоминая стародавние обычаи, отмершие в колхозном быту, Каримкул находил причины являться к односельчанам в гости, предварительно напомнив им, что по данному поводу следует гостя угощать халвой, по другому — пирожками, по-третьему — полагается готовить плов. Так разгуливать по гостям Каримкулу очень нравилось.

Уктам отлично знал, как относятся к работе Каримкуловы дочка и сноха Сарви. Ему захотелось приохотить их к работе. Он старался почаще встречать их, разговаривал с ними и убедился, что дочка постепенно начинает интересоваться хлопком. Но Сарви упорно увиливала от работы, и Уктам никак не мог найти ни средств, ни способов пробудить в ней интерес к земле: то у Сарви болела голова, то являлись внезапные колики в животе; не было случая, чтобы она шла на работу легко и весело, и если на нее смотрели, всегда вздыхала, хватаясь за большие места.

Однажды, в разгар работ, Сарви собрала вокруг себя женщин и заняла их разговорами. Неожиданно к ним подошел Уктам. Сарви напрягла все свое красноречие,

чтобы и Уктама вовлечь в разговор. Но тот угадал ее намерение.

— Ладно, ладно, довольно попусту болтать. У кого много работает язык, мало работают руки.

Все остальные женщины быстро разошлись по своим местам и занялись работой, но Сарви не сдвинулась с места. Она раздраженно проворчала:

— Всех дел никогда не переделаешь. Ничего не случится, если мы тут перекинемся парой словечек. Я сама себя кормлю, в колхоз не хожу за помощью, милостыни ни у кого не прошу.

— Послушайте! — твердо ответил Уктам. — Я совсем не думаю, что на работе надо весь день молчать. Но я как ни посмотрю на вас, вы все время разговариваете, лишь бы не работать. Ведь если вы займетесь вместо болтовни делом, польза будет не мне, а вам. Прежде всего вам. Это ж позор — жить в колхозе и обособиться от всех, делать вид, что колхозные дела вас не касаются. На чьей земле вы живете? На колхозной. Кто воду провел через ваш двор? Колхозники.

В сердцах отшвырнув кетмень, Сарви молча пошла домой, — ей было нестерпимо слышать столь прямые слова Уктама.

Через день после этого разговора Уктам повстречался Каримкул.

У Каримкула было плохое настроение. Он сидел в чайхане и, увидев Уктама, налил пиалу крепкого чая и протянул ему.

Уктам не успел ничего сказать, как Каримкул заговорил, расхваливая работу одной из бригад, о которой Уктам было известно совсем обратное.

Несмотря на возражения собеседника, Каримкул упрямо расхваливал работу этих отстающих колхозников:

— Как это ты попрекаешь крестьян задолго до урожая? Будет погода, благополучно соберем полные крома хлеба да горы хлопка, по ним и станем судить о работе крестьян. А пока люди работают в поле, о результатах рано говорить. Глядишь, выйдет как раз наоборот: кто сейчас красиво работает, тот при сборе окажется с пустым мешком, а кто сейчас работает исподволь да с оглядкой, соберет больше всех. Тут надо подождать с выводами.

Уктам перебил Каримкула:

— Сперва надо изучить мичуринский опыт. Надо его

применить, испытать на своей земле. Почаще советоваться с Соколовым. Увидишь, какие это даст плоды. А у тебя представление о земледелии не сдвинулось с места от допотопных времен. Наука давным-давно увела нас вперед. Не к лицу председателю совета урожайности отставать. Тебе б надо было впереди всех за наукой следовать, а ты ничего вокруг себя не видишь, ничего не понимаешь. У тебя такие ж представления о колхозе, как у Сарви.

— Э! Не на мою ли сноху намекаешь? Как у нее, кстати, идут дела в колхозе?

Уктам сказал:

— Дочка твоя день ото дня лучше работает; начала тянуться к нашим передовым девушкам, а о Сарви...

Уктам рассказал историю с отброшенным кетменем и о том, как она считает себя независимой от колхоза. Уктам попросил Каримкула повлиять на Сарви и предупредил, что, если она не изменится, поведение ее обсудят на колхозном собрании.

Каримкул забеспокоился:

— Нет, нет. Я ей ничего говорить не буду. Знаешь, что это за упряmica? Ее не переубедишь! С ней надо бережно обращаться, ласково. Только лаской можно ее убедить, а словами обуха не перешибешь. Ты учти это.

И тут же Каримкул заговорил, что нужно побольше собрать пшеницы:

— Из свежей пшеницы вкуснейший хлеб выходит. Духовит, легок, пушист. А какие лепешки, Уктам? Мы с тобой вместе попробуем. На днях испечем.

Уводя разговор в сторону от Сарви, Каримкул говорил какими-то многозначительными недомолвками, словно речь о пшеничных лепешках была лишь иносказанием, полным обещаний будущих благ. Благ, общих для них обоих, если Уктам захочет пойти Каримкулу навстречу.

Смутно чувствуя в словах Каримкула какие-то темные намеки, Уктам ответил:

— Сперва надо государственный план выполнить. Потом со всеми колхозниками рассчитаться, обеспечить их.

Каримкул, густо покраснев, заговорил тихо и покорно:

— Ты прав! Государственный план — прежде всего. Это первоочередная задача. А уж тогда только думать о себе. Я разве против?

В это время Уктама позвали к Мир-Хайдару, и, не закончив разговора с Каримкулом, Уктама ушел.

Каримкул, поняв, что Уктама не легко прибрать к рукам, тяжело вздохнул и задумался: как же все-таки повлиять на него?

Тут внезапно, словно вырос из-под земли, в чайной появился Насимджан, раскланиваясь с преувеличенным почтением.

— А, очень рад вас видеть! О чем изволите грустить?

— Иди сюда! Присаживайся! Друзья познаются в беде.

— Что случилось?

— Да все то же самое. Прилип ко мне, как смола, этот Уктама, никак его не отдерешь, — то он приставал, чтобы я на полевые работы дочь со снохой посылал. Я послал. Теперь новые штучки придумывает, то одно, то другое. Пялущку чаю не даст выпить спокойно! На-доел он, просто сил моих нет!

— Ах, ах, ах... Свалился он на нашу голову, как беда. Ведь как хорошо жили! Мирно, спокойно, пока он не появился.

Насимджан зашептал на ухо Каримкулу:

— Хотели мы послушаться председателя — слушались. Не хотели — ухитрялись старика провести. А этого черта никак не объедешь.

Так же шепотом Каримкул спросил:

— Как нам от него избавиться? Что делать? А?

— Я так думаю: надо его с председателем рассорить. В этом вся суть. Удастся нам председателя настроить против — наша взяла. Нет — совсем пропадем. Надо старика убедить, что Уктама сам метит в председатели. Ведь старик такой же человек, как и мы, разве он захочет уступить свое место?

— Умно! Ладно, наметим день и точно договоримся, как и что делать. А ты пока все обдумай. Понятно? Как только Уктама тут появился, он начал ругать людей направо и налево: тот лодырь, другой колхозную землю присвоил, третий с колхозного огорода овощи крадет. Вот этих людей надо взять на учет, они Уктамовых нападков не простят, не забудут. Ты припомни каждого, с каждым поговори, каждого прощупай, каждому нужное словечко шепни. Понятно? Не мешает жалобу написать да послать в район. А какую именно, надо обмозговать. Надо как следует, со всех сторон ее обмозго-

вать. Ты об этом подумай, а я со своей стороны соображу. Может, еще что-нибудь смекнем. Понятно?

В это время он вспомнил, что у одного из односельчан сегодня поминки, устроенные по совету Каримкула по старому обычаю. Каримкул никак не мог пропустить поминальный обед. Он заспешил, оставил чайник и поднялся.

* * *

Когда солнце встало из-за далеких гор и утренний ветер скатился в долину, нивы заколыхались, как золотое море.

Косари поднялись спозаранку и пошли на жатву, дорожа недолгой прохладой.

Анархон хлопотала у очага, готовя чай, потому что Мастура второй день неподвижно лежала, утверждая, что ее хватил солнечный удар.

Сабир Эрматов появился с огромным медным чайником в руках.

— Вода еще не вскипела, чаевник! — засмеялась Анархон.

Сабир, звеня орденами и медалями, сверкавшими на ярком солнце, присел у очага возле двух черных, пузатых кувшинов и подбросил в огонь несколько сухих веток. Пламя вспыхнуло.

Анархон в присутствии Сабира смущалась. На собраниях ли, на работах ли, она сторонилась Сабира: его горячие и смелые глаза неотступно следили за ней. Всегда шумный и громкоголосый, Сабир теперь проговорил тихо и покорно:

— Заварите, Анархон, чайку покрепче. Почаевничаем.

Анархон отодвинулась, словно Сабир положил ей на плечо руку.

— Неужели и одной ппалы не получу я из ваших рук?

Сабир покрутил свои тонкие усы, столь не вязавшиеся с его широким, сильным лицом.

— Странно вы говорите! — пробормотала Анархон дрожащим голосом.

Сабир неожиданно так глубоко вздохнул, что девушка невольно засмеялась.

— Смейтесь сколько хотите, но хоть раз послушайте. Я всего-навсего солдат, но сердце-то у меня есть! Анархон! Одна секунда, один момент...

Не то обижаясь, не то прося, Анархон прошептала: — От бесполезных разговоров какой толк? Что с вами? Отодвиньтесь, люди могут увидеть.

— Люди? А пусть хоть весь колхоз видит! Чего нам бояться? Теперь и гроша не стоят старые взгляды на жизнь, милая Анархон. Нынче надо смотреть иначе. Поэтому я все скажу прямо — мое сердце так рвется к вам, что ничто его не успокоит. Ничто, Анархон! Вы не хотите этого, так я уйду. И ничего вам больше не скажу. Я солдат, встану и пойду. Но ведь боль-то все равно на сердце останется. Боль не пройдет, милая Анархон!

Этих слов Анархон от Сабир не ожидала. Она растерялась. Она было хотела ответить ему грубо и резко. Но вдруг поняв, что нескладно и сбивчиво он доверяет ей свою простую и чистую душу, она сдержалась.

Сабир порывисто встал. Его опьянили непривычные, властные и сладостные чувства.

Сабир видел черные, словно шелк, жгуты ее кос, упавшие поверх тонкого белого платья. Горели камушки в ее серьгах, как капельки крови.

Оба кувшина вскипели одновременно. Сабир проворно вынул их из огня, и Анархон поняла, что он бережет ее руки от жара.

Сабир потер в ладонях сухой чай, засыпал его в свой медный чайник и заварил крутым кипятком.

— Еще вскипятить или хватит? — строго спросила Анархон, подняв голову.

Но Сабир в ее глазах увидел не гнев, а грусть.

— Спасибо, Анархон, не сердитесь. Деревья весной не могут задержать цветения, а юноша не может сдерживать сердца, если оно расцветает.

И Сабир ушел, шагая с непривычной медлительностью.

Весь этот день Анархон провела в смятении. Она старалась не попадаться на глаза Сабире. Вечером вдвоем с Тансык они пошли за водой.

Солнце садилось, но вокруг было еще светло. В степи не успел остыть дневной зной. С высоты звенели голоса жаворонков.

Наполнив ведра, девушки обмыли лица в ручье и, смочив волосы, присели на широкий камень.

Вокруг стояла глубокая тишина. Девушки сидели молча, глядя, как угасает заря на дальних холмах.

Тогда Анархон решила рассказать подруге обо всем, что случилось сегодня.

Весь день она думала о Сабире. Она то обижалась на него, то прощала ему и дерзкие взгляды, и смелые слова. У Анархон не было тайн от Тансык.

Анархон положила руку на плечо подруги и рассказала ей о словах Сабира.

Сперва Тансык помолчала, словно рассказ Анархон рассердил ее. Так промолчала она несколько минут. Потом взглянула в глаза Анархон и улыбнулась.

— Все идет своим чередом. Поздравляю тебя! Сабир хороший парень. Душа у него открытая. Сильный, крепкий, горы своротит. Может быть, немножко грубоват, да мне кажется, это ему к лицу.

Анархон попыталась отшутиться:

— Он бледнел, он дрожал, а когда заговорил, словно соловей запел. Я и раньше в его глазах замечала что-то такое...

— Если бледнел и дрожал — значит любит, значит — огонь в сердце пылает.

— А откуда ты знаешь?

— Будто сама ты не понимаешь!

Анархон притихла и задумалась, потом она отерла слезы.

— Тебе ведь известно, меня другой любил...

— А вернется ли Джамал? И любила ли ты его? Ждать — еще не значит любить. А без любви надо ли ждать? Если б ты любила, я ни слова бы не сказала тебе: тогда надо ждать. Но ты ведь сама мне говорила, что не успела разобраться в себе самой, а тоска и одиночество — это еще не любовь. Идем, надо засветло дойти до стана.

* * *

Рано утром все вышли на хлопковые поля.

На девичьем участке хлопчатник не был ни слишком высок, ни дик, как это случалось в некоторых отстающих звеньях. Коренастый, ветвистый, сочный, он радовал глаз.

Сначала Тансык обошла с подругами все свое поле, придирчиво рассматривая каждый куст.

Молодой колхозник, обнаженный по пояс, надел на голову венок из трав и полевых цветов, чтоб заслониться от солнца. Но солнце сияло на его лоснящемся лице. Он гордо сел за культиватор. Машина пошла меж-

дурядьями, разрыхляя под растениями почву. Тем временем девушки начали окучку.

Анзират сердито била кетменем плети повилки и ростки других сорняков, приговаривая:

— Вот тебе! Вот тебе!

Солнце поднималось выше. Воздух накалялся под отвесными лучами. Близился полуденный зной, когда наступает неподвижная тишина, такая, что и волос на голове не шелохнется.

Хакима не отставала от подруг, превозмогая невыносимую духоту. Ей хотелось перевыполнить норму. Не было времени даже на то, чтобы вытереть вспотевшее лицо.

В полдень девушки пошли к своему полевому стану переждать зной.

Здесь стоял легкий шалаш, сделанный еще весной из переплетенных прутьев ивняка, покрытый ветками. В этом уютном уголке девушки мирно отдыхали; здесь они обедали, пили чай, читали. Сюда было проведено радио.

Они и сегодня разместились на узорном паласе, постланном поверх сена, и долго вволю пили терпкий зеленый чай.

Утолив наконец жажду, Анархон рассказала о проделках шутика-тракториста, искусно подражая его голосу и движениям. Это была импровизация, но все девушки хохотали до слез. Может быть, это означало, что в душе столь долго грустившей Анархон что-то вдруг изменилось и долгожданное счастье вырвалось в приступе веселья.

После обеда Тансык читала вслух свежий номер «Кзыл Узбекистана».

Девушкам понравился очерк о прославленной Назире Махмудовой, мастере высоких урожаев.

Тансык задумалась.

— Если этой зимой доведется поехать в Ташкент на курултай хлопководов, не вызвать ли Назиру Махмудову на соревнование?

Девушкам понравилась эта мысль.

— Тогда посмотрим, кто из нас сильнее!

Вдали показался агроном. Тансык обрадовалась ему.

— Товарищ Соколов! Ау!

Вслед за ней выбежала и Хакима.

— Дядя Миша!

Агроном в широкополой соломенной шляпе, защищавшей его от горячих лучей, приостановился на секунду, затем направился к стану. Девушки давно знали агронома, но особенно сдружились с ним за эту весну.

— Здравствуйте, дочки! — еще издали крикнул им районный агроном.

Михаил Иванович Соколов, плотный сорокапятилетний рязанец, работал в этом районе около четырнадцати лет. Круглый год он проводил в колхозах, хорошо изучил узбекский язык, быт и обычаи узбеков.

Ему нелегко было в первые годы существования колхозов преодолевать вековые навыки, мешавшие внедрению новейшей агротехники, когда, бывало, многие председатели колхозов или не хотели слушать его советов, или, что было еще обиднее, слушали внимательно, но продолжали вести хозяйство по-старому. Многие практики считали обидным для себя слушать советы человека, выросшего не среди кустов хлопчатника, а в городском доме.

Но Соколов упорно, настойчиво, всюду, где была возможность, выступал в защиту передовых методов земледользования.

Колхозники постепенно заинтересовались его работой, его идеями и планами, прониклись уважением и доверием к его знаниям. Он научил их правильному отбору семян и привил им любовь к машинам. Он добивался четкой, бесперебойной смены поливов, окучек, удобрений, рыхлений. Комсомольцы колхоза «Богатырь» первыми применили на своей земле методы Соколова, и урожай, полученные комсомольцами, удивили всех, убедили в справедливости слов агронома.

Соколов остановился среди поля, достал папироску, закурил с помощью карманной лупы и подошел поздороваться с каждой из девушек за руку.

Он вошел под навес и сел на краю паласа, ноги свободно вытянул, наголо выбритую голову вытер платком и вздохнул:

— Ну и жарыща, дочки!

— Пейте чай! Кушайте виноград! — хлопотала Тансык.

Анархон не сдержала любопытства:

— Ну, как выглядит наш хлопок?

Агроном хитро сощурил карие глаза под выгоревшими до полной белизны бровями.

— Более чем «недурно», но менее чем «отлично».

Разрезав на дольки красное кисловатое яблоко, Соколов опустил дольки в пиалу и принялся пить чай.

Отпив несколько глотков чаю, агроном сказал:

— Не жалейте забот для растений. Сколько сил ни вложите в посев, растения все вернут вам стократ. Молодое растение требует заботы, как ребенок молока.

Он снова глотнул чаю.

— Какое молоко? Своевременный полив, удобрение, рыхление, окучка. Но помните: своевременный. Тут нужна предельная точность. Нужен строгий режим, четкий ритм. Я только что был на участке стариков, у восьмидесятилетнего Алимкула. Он поил свой хлопчатник удобрениями. Я понял, что старик соблюдает режим.

Агроном почесал свои рыжеватые усы.

— Книги прочитали?

— Не все. В главе «Биология хлопчатника» у меня стоит много вопросов, — сказала Анархон.

— Вот сегодня приходите всем звеном на лекцию, объясню непонятное. Спасибо за чаёк.

Все поднялись. Соколов пошел к другим бригадам, а девушки, повязав головы пестрыми косынками, вернулись на свое поле.

Соколов шел легкой, размашистой походкой, вглядываясь в молодые кусты хлопчатника, подмечая особенности их роста, словно вокруг стояли шустрые ребята и рассказывали ему о себе.

Временами Соколов останавливался, опускался около растений, разглядывал их, надламывал листок, стараясь определить, не ждет ли хлопчатник полива, вставал и, касаясь ладонью макушек, словно ободряя зеленые кусты, шел дальше.

IX

Вода, крутясь и пенясь, низвергалась между кустами ивняка по двум наклонным желобам к ветхой маленькой мельнице, сотрясая ее всю.

Мир-Хайдар подвел Уктама к самой воде. Старик видел отсюда и мельницу, и колхозного мельника Мир-Ахмада, и сытых воробьев, суетившихся возле мельника.

Мир-Хайдару все было здесь знакомо. Он несколько лет батрачил на этой мельнице, когда она принадлежала еще жадному, сытому богателю Нормату плешивому.

Нет числа мешкам муки и пшеницы, что перетаскал по этой крутой тропинке Мир-Хайдар на своих плечах. Старик рассказал Уктам, как жульничал плешивый Нормат, примешивая к муке отруби. И вдруг сказал:

— Я наметил это место. Оно подходящее. Пускай водица служит теперь нам. Желоб тут уже есть, поставишь под ним свою машину, и твои ребята отсюда протянут провода. Развалину эту снесем, поставим на ее место новый домик, и весь наш колхоз засияет в электрическом свете. Хорошо придумано?

Мир-Хайдар гордо посмотрел на Уктама.

Но Уктам молчал, глядя то на старенькую мельницу, то на Мир-Хайдара, который был явно доволен своей выдумкой.

— Нет, — наконец покачал головой Уктам.

Лицо Мир-Хайдара вспыхнуло гневом. Он спросил:

— Почему?

— Мы собираемся строить гидростанцию или душ?

Мир-Хайдар побледнел от обиды. Глаза его беспомощно заморгали. Голос сразу охрип.

— Ты, я вижу, затеваешь у нас в колхозе Фархалстрой?

— Весь колхоз ждет света. Но одного света нам мало. Нам нужна сила. Строить надо так, чтобы со временем силу станции увеличить, потому что потребности колхоза будут расти вместе с колхозом. Я советовался со специалистами. Я говорил в райкоме с товарищем Сайрамовым об этом. Сайрамов мне советовал вперед смотреть.

— Видно, я совсем стар стал. Но я так считаю: руби дерево по плечу, а не то оно тебя задавит. Где это ты найдешь силы...

— А мы сперва подготовимся. Воду надо брать из большого канала. Там можно пустить ее с огромной высоты. Средств и труда там потребуется больше. Но ведь станция-то будет во много раз сильнее, значит и колхозу она даст силы во много раз больше и себя быстрее окупит. Я верю инженерам. Я выполняю советы Сайрамова.

— Чтобы парить орлом, нужны орлиные крылья.

— Безусловно. Но мы сильнее этой птицы: нам помогают партия и советская власть.

Мир-Хайдар постоял насупившись, молча поглядывая по сторонам; молча заложил руки за спину; молча ушел вниз по тропинке к мельнице.

За мельницей Мир-Хайдару повстречался Каримкул. Взглянув на озабоченное лицо старика, Каримкул сразу понял, что у председателя что-то не ладится.

Мир-Хайдар не любил скрывать своих забот и огорчений. Он всегда спешил поделиться ими. Каримкул спросил:

— Чем это вы озабочены, отец?

— Да вот, показал я сейчас Уктаму место, где надо электростанцию строить, а он не согласен, ему там тесно, будто каменный город задумал...

Обрадованный Каримкул оживился:

— Мельницу ему показывали?

— Мельницу.

— Теперь ясно. Он хочет стать председателем вместо вас. Понятно? Он хочет подольститься к народу. Он каждый раз ждет случая уколоть вас при всех, показать всем, что вы, мол, стареете, что не понимаете современных задач, что вы, мол, думаете по старинке. Рассчитывает на поддержку десяти-пятнадцати пустозвонов.

Мир-Хайдар опустил тяжелые веки и задумался: нет ли правды в словах Каримкула. Но так и не сказав ничего, пошел дальше, оставив озадаченного Каримкула.

Уктам присел у самой воды и опустил руки в ее холодные, как лед, струи. Он играл водой, как ребенок, то пропуская ее стремительное течение между пальцами, то ладонью преграждая ее порыв, и тогда она перекатывалась пенистым гребнем, наваливаясь на руку с настойчивой силой.

Уктам думал о размолвке с Мир-Хайдаром, дорогим для него, как отец, и было горько, что этот умный, добрый старик чего-то еще не понимает, что пора понять.

Быстрые, холодные, прозрачные струи воды успокаивали, но избавиться от огорчения Уктам не мог. Правда, подобные столкновения со стариком неизбежны: серьезных вопросов возникает так много, что если прежде ему со стариком и не случалось спорить, то никак нельзя было поручиться, что у них и впредь по всем вопросам должно быть полное совпадение мнений.

Уктам начал вылавливать проплывавшие мимо него яблоки, абрикосы, персики и снова бросал их в поток, следя, как, покачиваясь и поворачиваясь в воде, они ульывают вниз.

Уктам вспомнил гидростанцию в «Эльбаде» и, глядя на вьющиеся прозрачные струи, вдруг отчетливо представил лицо Камили Салимовой, ее атласное платье, когда они смотрели, как мимо них по желобу мчалась эльбадская вода.

Сердце Уктама дрогнуло. Горячая волна прокатилась по телу.

Он встал и легкой походкой пошел в поле. Но мысли о Камиле не покидали его.

* * *

Под вечер Уктам зашел в колхозную конюшню и взял лошадь — надо было ехать на собрание в соседний сельсовет.

Уктам увидел Мир-Хайдара, седлавшего свою смиренную неказистую лошадку. Себе Уктам вывел резвого вороного коня с белой лысинкой и поехал вместе с председателем.

Заговаривали о многом, но разговор не клеился. Утренняя размолвка на мельнице, видно, глубоко задела старика. Сказав что-нибудь незначительное, Мир-Хайдар умолкал и задумывался, рассеянно глядя вперед.

Когда они приехали, собрание еще не начиналось. Напротив клуба колхоза «Белое золото» на широких помостах, сколоченных из плотных досок, громко разговаривая и смеясь, сидели председатели колхозов, секретари колхозных парторганизаций, работники машинно-тракторных станций, агрономы, заведующие поливом, председатели советов урожайности, весь районный актив.

Около запыленных грузовиков и легковых машин на паласах сидели шоферы. Здесь говорили о запасных частях, о дорогах. Громдого, неуклюжего здоровяка окружили ребяташки, упрашивая посигналить, как он делал это в один из предыдущих приездов.

Невдалеке кричали перепела:

— Спать пора! Спать пора!

Перепела кричали бы еще ближе, но чайханщик, любитель перепелов, чтобы не мешать собранию, перевесил разукрашенные бусами и лентами клетки из чайной в рощицу. Незадолго до этого перепела опозорили чайханщика перед всем колхозом. Из района приехал докладчик. Когда он в своей речи дошел до основного вопроса и вдохновенно усилил голос, перепела один за другим вдруг принялись перекликаться и подняли такой

крик, что голос докладчика утонул в звонких ликующих криках птиц. Речь пришлось прервать, вдохновение гостя угасло, колхозники с укором смотрели на хозяина перепелов, и это показалось чайханщику таким позором, что сгоряча он решил было разогнать всех своих птиц.

Однако страсть в последнюю минуту взяла верх над жестоким решением, и перепела остались на своих местах. С того дня хозяин перед собранием убирал птиц куда-нибудь подальше. Теперь перепела кричали, не заглушая голоса людей. Переключка птиц дополняла мирное сияние дня и успокаивала собравшихся, как журчание ручья успокаивает человека, отдыхающего на берегу.

Уктам забрался на один из помостов. Здесь к нему пододвинули большой поднос, полный лепешек и винограда, почтительно протянули пиалу чая, и Уктам сразу почувствовал себя в родной среде. Но он вдруг забыл о винограде, и чай пролился из его пиалы: среди множества людей он увидел Камиллю Салимову.

Она сидела под тенистым карагачем и внимательно слушала агронома. Временами она отвечала ему, по привычке подтверждая свои слова жестами. И опять внимательно слушала собеседника, склонив набок красивую голову, приветливо улыбаясь. Уктам не мог отвести от нее глаз.

Вдруг Уктам покраснел: ему показалось, что все вокруг видит, как пристально смотрит он на Камиллю, что все догадываются о его чувствах. Он отвернулся, сделал вид, что очень заинтересован корреспондентом областной газеты, который расспрашивал Героя Социалистического Труда, молодого председателя колхоза, что-то быстро записывая в блокнот.

Молодой колхозник, с цветком под тюрбетейкой, взял стоявшую около Уктам пиалу, выплеснул из нее остывший чай и налил горячего.

Вокруг говорили о чеканке хлопчатника, о хлопкоуборочных машинах, о строительстве колхозных бань, о новых сортах хлопка, выведенных советскими селекционерами.

В серьезном разговоре временами, искрясь, вспыхивали шутки. Настроение у всех было легкое и довольное, как на праздничном гулянье.

Уктам не сдержался и снова посмотрел в сторону карагача. Камилли там уже не было. Уктам нетерпеливо встал.

Вскоре он услышал ее звонкий голос. Она шла, разговаривая с председателем колхоза «Передовой».

— Что же это получается, дядя Али-Ходжа? Неужели вам не стыдно? У вас всего-навсего один мост, да и через тот нельзя проехать! Как вы сами ездите? Может быть, прислать к вам наших колхозников, чтобы они починили ваш мост? А?

Круглоголовый, рябой толстяк засмеялся, трясая большим животом.

— С вашей стороны такая помощь была бы поступком благородным, милая Камиля. Очень благородным. Примите нашу благодарность, но мост мы поправим сами. И немедленно. Даю слово! Руки не доходят до всего, как говорится.

— Посмотрим, как вы держите слово!

— Не стыдите меня перед народом, Камиля. Даю слово! Не придется вам ездить в объезд. Прошу вас, выпейте со мной чаю.

Камиля, поговорив с председателем, пошла и наткнулась на Уктама. Сделав вид, что она никак не ожидала его здесь встретить, Камиля удивленно вскинула свои тонкие черные брови:

— А-а-а! И вы здесь. Как же это я не видела вас прежде? Как здоровье дорогого дядюшки Мир-Хайдара?

— А он здесь! — ответил Уктам, задохнувшись от радости. — А вы здоровы? Как у вас дела?

— Жаловаться не на что, да и особенно хвалиться нечем. Ну, желаю вам всего хорошего!

Она вскинула гордую голову, чуть приподняла край белого шелкового платья и перепрыгнула через арык.

Стемнело.

Угомонились беспокойные перепела.

На площади, тесно составив скамьи и табуретки, начали усаживаться съехавшиеся.

Собрание началось.

Слово взял Рустам Сайрамов.

По своему обыкновению, речь он начал негромко, чистым, отчетливым голосом. Он посвятил свой доклад постановлению Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Узбекистана «О недостатках в уходе за хлопчатником и мерах быстрейшей их ликвидации».

Сайрамова слушали внимательно, в полной тишине. Мысли его были остры и конкретны. Каждую мысль он подкреплял живыми примерами. Говоря о недостат-

ках в обработке хлопчатника, Сайрамов приводил случаи из жизни тех или других колхозов. Ему помогло отличное знание не только всех колхозов, но и отдельных бригад и даже звеньев. При этом Сайрамов неоднократно спрашивал присутствующих здесь председателей колхозов, помнят ли они тот или иной случай, и тем оставалось только подтвердить слова Сайрамова или ответить на его вопросы кивком головы, либо смущенным вздохом, либо чистосердечным признанием. При этом присутствующие обменивались замечаниями, подавали реплики, и весь доклад казался оживленным обменом мнений, когда каждому было что сказать и каждый из своей многолетней практики вспоминал неопровержимые примеры, подтверждавшие сказанное секретарем райкома.

Обсуждение доклада затянулось до полуночи.

Когда оно кончилось, Уктам торопливо отвязал своего коня и, ведя его за собой, зорко глядывался в темноту, надеясь разглядеть среди множества людей Камилю. Едва ли он нашел бы ее, если бы в полосе света не сверкнуло ее белое платье. Она уже сидела на лошади, и, мгновенно сам оказавшись в седле, Уктам подъехал к ней.

Она не узнала его и спросила, глядываясь во тьму:

— Кто это?

— Это я, товарищ Салимова.

Камиля промолчала.

Она сидела в седле прямо и крепко, ее силуэт на фоне ночного неба казался легким, словно выточенным тонким резцом.

По временам, когда кони сходились вплотную, ее колени касались колена Уктама.

Оба молчали, но приноравливали ход своих коней, чтобы быть рядом, хотя с ними ехали попутчики.

Тихой и теплой была эта ночь. Дорогу окаймляли высокие, как тени, тополя. Над их вершинами, переливаясь, светили звезды.

Когда случалось проезжать через селения, к лошадям кидались собаки, яростно лая и словно сляясь стащить всадников с седел. Однако так же внезапно собаки смолкали и, надменно ворча, отставали от всадников.

Камиля вдруг спросила:

— Почему вы не выступили? Я ждала, что вы будете говорить, — ведь вы все время что-то записывали.

— Незачем было повторять слова других. Например,

вы многое сказали из того, что хотел бы и я сказать. Меня даже удивило, до чего совпадают у людей мысли.

Видно, все устали за этот день, и ехали молча, окруженные тьмой. Временами всхрапывал чей-нибудь конь, либо звякало стремя, ударившись о чье-то другое стремя, либо ударялась подкова о камень.

Камиля попросила одного из спутников:

— Дядя Наркузы, вы никогда по ночам молча не ездите. Чего же это вы сегодня молчите? Спели бы что-нибудь!

— Мне не до песен, сестрица. Так ко сну клонит, что боюсь из седла вывалиться.

Камиля засмеялась и как-то особенно ласково и просто спросила Уктама:

— А вы?

— По совести сказать, неважный я певец.

— Этак и мне, пожалуй, спать захочется! — поддразнила она.

— Что вы? Я ничуть не хочу спать! — смутился Уктам, боясь, что она может подумать о его равнодушии к ней и к этой ночи, самой счастливой из всех, какие только были за всю его жизнь.

Они разговорились, но негромко. И хотя речь шла о колхозных делах и планах, но в голосе девушки Уктам улавливал ласковую, дружескую нотку. Это было так хорошо, что хотелось протянуть эту дорогу на тысячи верст, эту ночь на тысячи лет, чтобы все это никогда не кончалось, длилось бы всю жизнь, но уже доехали до развилки дорог, и Камиля проговорила:

— До свиданья.

Спутники их тоже начали прощаться:

— Счастливого пути!

— До скорой встречи!

Камиля негромко сказала:

— Приезжайте к нам почаще!

— Спасибо, обязательно! Мы тоже будем ждать вас у себя.

Они расстались.

По дороге к своему колхозу Уктам встретил знакомого поливальщика, но поговорил с ним устало и рассеянно, словно больше не оставалось сил разговаривать и думать.

Приехав домой, он долго не мог уснуть. Незнакомое беспокойство, горячее и счастливое, охватило его всего, наполнило радостной тревогой, предчувствиями, силой.

Мать встретила Камиллю, открыв ей в темноте дверь. Камилля удивилась:

— Что же вы не спите? Почему у вас темно?

Девушка включила свет, и вокруг засияли яркие краски: расписанный потолок, чисто выбеленные стены, нежно-голубые рамы окон, выходящих в засаженный цветами двор.

Камилля переделалась в батистовое платье и подошла к большому зеркалу, то опуская свои длинные, плотные косы на грудь, то откидывая их за спину. Она вглядывалась в свое изображение с любопытством и тревогой, стараясь представить себе, как выглядит для посторонних глаз.

Из зеркала смотрела на нее стройная, крепкая девушка, не слишком смуглая и, пожалуй, недурная собой.

Она надела тапочки и пошла через двор в летнюю кухню, чтобы не утруждать мать, жаловавшуюся последнее время на недомогание.

Камилля разогрела ужин и села на террасе, увитой плющом. Есть ей не хотелось. Заметив это, мать под села к ней, заглядывая в усталые, задумчивые глаза дочери.

— Уходишь ты на заре, приходишь ночью. Ни покушать, ни поспать нет времени. Попробуй-ка суп, да с хлебом. Смотри, какой вкусный и наваристый суп. О чем ты грустишь-то?

Камилля заметила, как пожелтело и осунулось за последнее время лицо матери.

— Мамочка! Не обижайтесь на меня. Мне надо обо всем колхозе заботиться. Ведь вы это знаете.

— Знаю, дочка. Но о себе тоже забывать нельзя. Я вот совсем больна. Что со мною, понять не могу. Давит мне грудь. Дышать иногда тяжело. А ведь мечты и у меня есть. Думаю я, что тебе уже двадцать второй год пошел. Хочется мне на твоей свадьбе попить. Хочется внучат понянить.

Эти пожелания Камилля слышала от матери и прежде. Отмалчивалась, если была уставшей, отшучивалась, если хотела поскорее кончить разговор.

Но сейчас Камилля поняла, что ее пятидесятилетняя мать больна чем-то серьезным, что ни молчать, ни шутить больше нельзя. Ей стало вдруг до слез жаль мать, но она сдержалась и попыталась успокоить ее:

— Не унывайте, мамочка. Скоро Латифджан придет, и я вас с ним отправлю в Ташкент. Там отличные врачи, профессора. Они вас быстро вылечат. Вернетесь сюда здоровой. Тогда и о моей свадьбе поговорим.

Мать оживилась, лицо ее посветлело.

— Что нам пишет твой брат?

— Занятия у него кончились месяц назад. Экзамены сдал на круглые пятерки. Пишет, на днях выезжает. Письмо это я сегодня получила. Оно лежит там, на книжной полке.

Хотя Латифджан писал часто, мать радовалась каждому его письму. Но, поговорив о сыне, она вернулась к прежнему:

— Я хочу сама видеть твое счастье, дочка. Я тебе не указываю, за кого надо выходить. В твои дела я не вмешиваюсь. Ты новый человек, свою судьбу сама решать будешь. Но хочу, чтобы муж твой был умный и честный. Чтобы он достоин был тебя. Вот это меня и беспокоит: кого ты себе изберешь, не ошибешься ли.

— А не надо беспокоиться об этом. Думаю, не одинокой проживу жизнь. Найдется и на мою долю хороший человек.

Сердце матери наполнилось надеждой: впервые дочь говорила с ней чистосердечно и прямо на эту тему.

Забыв про болезнь, бодро и легко мать принялась убирать посуду, хотя Камиля и спешила опередить ее.

Родилась Камиля километрах в трех отсюда, в старой, полуразвалившейся мазанке, которая больше годилась бы для птичника, чем для человеческого жилья.

Когда Камиле пошел восьмой год, ее увез к себе в Ташкент дядя. Там девочку отдали в школу. Учиться Камиля любила и училась хорошо.

Она была в девятом классе, когда умер ее отец. Мать осталась одна с двенадцатилетним Латифджаном. Камиля решила вернуться к матери и в 1940 году поступила табельщицей в их колхоз.

Вскоре она заинтересовалась хлопководством и перешла на полевые работы. Камиля считалась лучшей работницей не только в звене, но и в бригаде. За урожай она боролась настойчиво и упорно. В те годы таких девушек в Узбекистане было еще мало. Когда наступили трудные военные годы, председателя колхоза призвали в армию, а колхозники единодушно избрали образованную, деловитую и предприимчивую девушку-комсомолку своим председателем. Опытные старики, видя ее смуще-

ние и нерешительность, обещали помощь и поддержку во всем, где ей не хватит опыта и мужества. Она согласилась.

Годы были тяжелые. Не хватало многого — и рабочих рук, и пужного инвентаря, а Камиля мечтала об освоении новых земель, о расширении посевной площади колхоза. Для этого требовалась вода, новые оросительные каналы, новые машины, много свободных рабочих рук. И она искала, думала, хлопотала, забывая о личной жизни, о любви и отдыхе.

Когда она училась в Ташкенте, ее одноклассник Мирза, душа школьного литературного кружка, был влюблен в нее, признался ей в этом, ходил с нею в кино. А Камиля скрывала этот свой детский роман от подруг и холдела при одной мысли, что об этом может как-нибудь узнать ее дядя.

Когда Камиле было шестнадцать лет, Мирза посвятил ей много своих стихотворений. Он вручал ей свои стихи большей частью в школьном саду, краснел при этом и спешил удрать, едва она раскрывала послание.

Одно из его стихотворений она помнила до сих пор. Кончалось оно так:

Верьте, светел, как солнце, путь вперед.

Рядом с вами хочу я вперед идти...

Председательнице колхоза иногда приходили на память и другие поэтические посвящения Мирзы, полные многоточий и восклицательных знаков. Помнила она и его подпись, похожую на след крохотной птички на снегу.

Камиля долго лежала в темноте, припоминая давние стихи Мирзы, но вставало перед ней лицо не поэта, а Уктама. Оно почему-то настойчиво вставало перед ней снова и снова, путая мысли и волнуя ее.

Мать подняла голову с подушки.

— Что с тобой, дочка? О чем это ты думаешь, все вздыхаешь, ворочаешься? Спи-ка лучше. Утро вечера мудренее. Скоро светать начнет...

Х

Анархон на небольшой арбе перевозила удобрения на поля. Осел шел под гору, резво семеня маленькими копытцами. Но в гору он тянул арбу лениво, притворя-

ясь, что выбивается из сил. Нетерпеливой Анархон приходилось самой налегать на колесо и подталкивать арбу сзади, покрикивая на осла.

Дильшад и Анзират тем временем возили удобрения на большой арбе, и сильная лошадь была им послушна.

Встречаясь на дороге, девушки подшучивали над Анархон.

— Ты сядь сама на осла, он пойдет веселее!

— Он, видно, обиделся, что арба недогружена, вот и не идет!

Но Анархон не унывала. Лишь в самый солнцепек она остановила осла в тени джиды и села возле прохладного ручья, утоляя жажду сочными персиками.

В это время на пыльной, горячей дороге показалась подружка Анархон, сестра Джамала, смуглая девушка с милым, приветливым лицом. Она несла на голове корзину, полную спелых синих слив.

— Ширин! Ты ли это?

Ширин вошла под тень джиды и сняла с головы тяжелую корзину, прежде чем ответить на приветствие Анархон. Она села рядом, и обе помолчали немного, слушая, как течет вода. Дав подружке отдышаться и ополоснуть лицо, Анархон спросила:

— Что это тебя давно не видно?

— Я только что вернулась из степи. Думала сходить к тебе, да в колхозе сейчас горячее время, некогда. И огорчать тебя не хотелось.

Анархон побледнела, мгновенно поняв все.

— Что случилось, Ширин?

Ширин молча опустила голову. Глаза ее наполнились слезами: догадка подтверждалась.

— Давно?

— Два года назад, оказывается.

— Откуда же вы узнали?

— Когда пришло известие, что Джамал убит, дядя скрыл это от нас. Только недавно он показал извещение маме.

Анархон закрыла лицо руками и опустила голову. Сейчас она не спрашивала себя, любила ли она Джамала; она горевала, что на свете нет этого человека, с которым когда-то ей было радостно и легко.

Так, молча, сидели они, и только вода текла, воркуя, словно успокаивая их.

На дороге послышались голоса. Анархон не хотелось показывать людям свое огорченное лицо, она скрылась за деревьями. Ширин пошла с ней.

— Мы дома плакали, плакали. Все его ждали, а его уже два года на свете нет.

— Мне пора! — сказала Анархон. — Приходи вечером.

Ширин поставила корзину на голову и ушла. Анархон умылась холодной водой и погнала своего осла.

На поле, в шалаше, где все звено было в сборе, Анархон рассказала Тансык о печальном известии.

— Как-то вдруг пусто стало у меня на душе.

— А Сабир?

— Сабир? Это совсем другое. Мне сейчас хотелось бы поговорить с Джамалом, помечтать.

Тансык ничего не сказала ей. Она тоже задумалась, вспоминая, как разговаривал с ними, как шутил, как улыбался Джамал.

Так, думая каждая о своем, девушки вернулись к работе.

Лишь вечером, после работы, снова собравшись, они опять говорили о Джамале, и каждая припоминала то его шутки, то какой-нибудь его рассказ, словно он пришел в шалаш и сейчас сидел между ними.

* * *

Веселая Хакима однажды, запыхавшись, сообщила, что на большом грузовике из города приехали артисты. Вечером предстоял концерт.

После работы девушки не остались, как всегда, в бригадном стане, а поспешили по домам, чтобы успеть переодеться и принарядиться.

Одна только Анархон, неизменная посетительница всех концертов, в тот вечер не спешила домой. Не любовь привязывала ее к Джамалу, но он ей дорог был как друг. Эти дни она ходила потерянная и одинокая, замкнувшись в себе.

А на площади перед чайной расставили скамьи, и каждый колхозник выбрал себе место по вкусу. По углам большого помоста зажгли огромные факелы, пылавшие мятущимся пламенем. Деревья в этом свете стояли такие яркие, словно горели они сами.

Шум и галдеж ребят вдруг смолкли.

На сцену, поправляя галстук, вышел конференсье. и

от имени своего коллектива пожелал колхозу успехов в делах.

Зрители внимательно слушали певцов, изредка охая, когда песня вызывала большие чувства.

Две девушки в сверкающих атласных платьях исполнили плавные, трогательные танцы, соблюдая строгую пластику народных танцев. Бурей аплодисментов отблагодарили их колхозники. Даже ребята, разместившиеся на деревьях, как в зеленых гнездах, восторженно визжали и аплодировали, рискуя свалиться на головы старших.

Дадамат следил, чтобы не иссякло масло в банках факелов, и яркое пламя разгоралось с новой силой, а на сцене появлялись новые и новые исполнители.

Анархон так и не пришла на концерт. Не дождавись ее, Тансык еще до конца концерта поспешила к ней домой.

* * *

Едва вечером Мастура вернулась домой, тотчас, не снимая грязного платья, принялась крошить мясо и лук. Взятая на воспитание девочка-сиротка суежилась возле очага, приносила воду, разводила огонь, покашливая от дыма и чада. Она дрожала и трепетала в испуге перед сердитой Мاستурой. А Мастура, не замолкая ни на минуту, покрикивала на нее: «Чтоб тебя проглотила земля!», «Чтобы ты скорей подохла!» И тут же она давала девочке разные поручения.

Отдуваясь от жары, пришел и Насимджан, тяжело охнув, приподнял ведро, стоявшее возле очага, и большими глотками напился. А Мастура, как обычно, обрушилась на мужа, строча, словно из пулемета.

Насимджан оторвал голову от ведра и пробормотал:

— Говори, говори, но не бормочи. Что-то не могу понять, о чем это ты?

— Вай, что я возле ваших ушей в бубен, что ли, бью, подумать только! — горячась, ответила Мастура. — Что, умерли бы вы, что ли, если бы пораньше ушли из правления и занялись очагом и котлом? Я, несчастная, пеклась под зноем, вся обливалась потом, весь день полола хлопчатник, а теперь, пожалуйста, принимайся за обед. И хлопчатник, чтобы сгорел он, на мою беду весь зарос сорняками...

Муж в широкой улыбке оскалил свои неровные зубы.

— Э-хе, много дел, полно забот. Председатель наш не выходит за черту, которую начертил ему Уктам. Он берет у него уроки, во всем ему покоряется. А у Уктам полно прислужников... Я тоже очень устал, что-то мне нездоровится. И как мы жили тихо, спокойно, милашечка, а теперь весь наш покой разрушен, — с этими словами, снова тяжело вздохнув, Насимджан устало побрел к террасе и присел там.

Дом Насимджана состоял из двух высоких комнат и террасы. Всякими хитростями, используя силы колхозников, построил себе дом Насимджан, сам не приложив ни к чему руки.

Мастура, положив в котел немного масла, пожарила лук и мясо и, залив все это водой, подошла к мужу.

— Вы очень слабохарактерный. Язык у вас отнялся, что ли? Могли бы отчитать их всех как следует. — Слова ее вылетали, словно подпрыгивающие кукурузные зерна на горячей сковороде.

— Э, легко тебе говорить. Раньше я пробовал им прекословить, да, смотрю, — все это напрасно. Лучше всего прикусить язык или говорить, что они правы.

— О, — произнесла Мастура, прищурив глаза, — надо придумать какую-нибудь хитрость.

— Я долго ломал голову, ничего не смог придумать. Бесполезно! Уктам бывалый парень, его не запутаешь.

— Эх! — произнесла обозленная Мастура — Вы сами простофиля. Хорошо, когда человек может немного лукавить. Известно ли вам, что мягкое дерево объедают черви?

— А ну, говори, умница, научи меня, — расхохотался Насимджан.

— Ваш смех ни к чему, оставьте! — сморщив лоб, прошипела Мастура.

— Говори, говори, слушаю тебя, — уже серьезно сказал Насимджан.

— Постарайтесь прежде всего поближе сойтись с ним, для видимости, но ни в коем случае не выдавайте ему, что у вас на душе. Будьте у него на глазах, крутитесь возле него. Как бы то ни было, расположите его к себе. Тогда он полностью будет полагаться на вас, подружится с вами. А я тоже применю одну хитрость. Каждый день, когда бы и где бы я его ни встретила —

улице ли, на дороге ли, — буду завлекать его, улыбаться ему, поняли?

— Ого! — побледнев, произнес Насимджан. — Что это ты? Влюблена в Уктама? Опозориться, что ли, хочешь?

— Ах, — вздохнула Мастура с обидой и, умышленно помолчав, сердито продолжала: — Зачем он мне сдался? Как только у вас хватает совести так дурно думать, простофиля вы! Поступайте как вам нравится, я впредь не буду вмешиваться в ваши дела. — Она хотела было приподняться, но Насимджан, ухватив ее за рукав, посадил рядом.

— Подожди, подожди, присядь! Я стал соображать. А ну, растолкуй-ка подробнее, чем все это кончится?

— Как бы то ни было, я возьму его в свои руки. Постепенно освобожусь от полевых работ и опять начну свои дела на базаре.

Насимджан некоторое время сидел безмолвно, обдумывая намерения Мастуры.

— Все это так, но будь очень осторожна. Умоляю тебя, не опозорься. Ведь это очень тонкое дело.

— Ой, умереть мне, чтобы я... Клянусь, как я могу опозориться? Не беспокойтесь.

Насимджан расхохотался и, с облегчением вздохнув, облокотился на подушку.

— При удобном случае постараюсь еще раз заманить его к себе в гости. Ты примени все свое искусство и приготовь манты, напеки острых, жирных пирожков, лепешек напеки тоже.

— Беда он на нашу голову, — с огорчением произнесла Мастура.

— Пусть только Мир-Хайдар не узнает; он любит ходить по полям. Когда старик уйдет, надо звать Уктама. Пригласи Каримкула и еще кого-нибудь.

Мастура промолчала, встала, направилась к кипящему котлу и, подойдя к очагу, опять накинута на девочку: «Чтоб земля проглотила тебя, разве так сильно можно нагревать котел!..»

* * *

Уктам этот вечер провел у Мир-Хайдара. Председатель устроил на своем дворе ужин для артистов.

Среди веселых, разговорчивых гостей Уктам чувствовал себя беззаботно.

Когда поздно ночью гости уехали в соседний колхоз, Уктам ушел домой и проспал дольше, чем обычно, и на работу пошел вместе с матерью.

Тетушка Сора, дойдя до огородов, где она работала, остановилась.

— Сынок, очень уж далеко до этих огородов. Подыскал бы мне что-нибудь поближе. Я стара становлюсь. Устаю далеко ходить.

— А вы ходите сюда не торопясы! — улыбнулся Уктам.

Сора молча покачала головой, удивляясь несговорчивому характеру сына.

Оставив ее здесь, Уктам пошел на целину, лежащую позади колхозных полей. По дороге он думал о материнской просьбе.

В годы войны Уктам видел много стариков и старух, проявивших подлинный героизм в труде, работавших не щадя своих сил, не оглядывавшихся на свой возраст. Видел Уктам и стариков-партизан, патриотов и мстителей. Вспомнил Уктам седобородого старика, явившегося в их часть, чтобы с оружием в руках отплатить фашистам за гибель своих сыновей и внучат. Слезы обиды и гнева дрожали у него на глазах.

«Тогда это было понятно, — думал Уктам. — Теперь — другое время. Стариков от тяжелой работы нужно освобождать. Они заслужили отдых. Надо их переводить на легкую работу, а со временем освободить от труда. При правильной расстановке сил, отдых состарившихся колхозников никак не скажется на работе хозяйства и не отзовется на доходах».

Думая так, дошел он до целины. Это был заросший камышом склон возле оврага, полученный Уктамом у председателя.

Здесь уже кипела жизнь. Около двадцати комсомольцев и комсомолок очищали от камыша и сорняков просторную площадку. Оставалось расчистить лишь узкую полосу вдоль оврага. На влажной земле лежали две огромные, зеленоватые змеи с размозженными головами.

Усарджан, секретарь комсомольской организации, подошел к Уктаму. Уктам увидел, что лицо секретаря исцарапано колючками, руки изодраны до крови, но в быстрых и веселых глазах искрится озорной огонек. Вскинув голову, Усарджан отбросил назад волосы, спадавшие на лоб, и крикнул возбужденно и радостно:

— К вечеру кончим, дядя Уктам!
— Подходящие темпы.
— Неплохой коврик прибавится в нашем хозяйстве.

Уктам, схватив за пояс Усарджана, одобрительно подергал его, как это делают узбекские борцы, испытывая силу друг друга.

Потом посоветовал:

— Проси у председателя трактор сюда. Завтра же. Надо этот коврик перепахать.

Опытным глазом Уктам прикинул расположение ближнего канала.

— Когда начнете грядки нарезать, не забудьте о воде, чтобы полив шел ровным потоком, а не кое-как.

— Не беспокойтесь, дядя Уктам, учтем. Ручаюсь, в этой лощинке мы будем собирать по пятьдесят тонн овощей. Не меньше. А председателя надо просить еще о плотниках — ведь воду через овраг придется перекинуть, нужно ее сюда по лотку вести.

— Сегодня же выпрошу.

Это поле, долго лежавшее, как бесполезный болотистый пустырь, от оросительного канала отделялось глубоким оврагом. Воду сюда предстояло провести через овраг по желобу, как по мосту.

Уктам с Усарджаном прошли вдоль оврага, выбирая место, где перекинуть желоб. Вдруг, словно спохватившись, Усарджан прервал спокойный разговор тревожным вопросом:

— Я слышал, дядя Уктам, будто между вами и председателем кошка пробежала?

Уктам рассказал о споре из-за места для электростанции. И добавил:

— Мы с Мир-Хайдаром оба хотим пользы колхозу. И хоть в этом вопросе мы и разошлись, мое уважение к старику не убавилось, да и он посердится и сменит гнев на милость. Не в том дело, мне другое не нравится, — кто-то у нас в колхозе любит из мухи слона делать. У нас товарищеский спор, а кому-то хочется представить это как ссору. Мне Мир-Хайдар дорог, как отец. Если сами не договоримся, поедем к Сайрамову, — пускай райком нас рассудит.

— Молодежь на вашей стороне, дядя Уктам. Надо не только о сегодняшней пользе думать, но и в завтрашний день заглядывать.

— Я думаю, старик сам поймет.

— Председатель наш опытный и мудрый. Он хоть и говорит: «Руби дерево по плечу», а ведь и другую поговорку он любит: «Один ум хорошо, а два — лучше. Обмозгуем сообща». Но иной раз он и неспроста упрямится, кто-то ему на вас наговаривает.

— Я сам это чувствую. Но кто?

— А не председатель ли урожайности? Он мне хоть и родня, а характер я его знаю. Ему не нравится, если кто-нибудь ему перечит.

— Да, он своенравный, любит действовать исподтишка. Я это заметил.

В полуденный перерыв сюда пришел Мир-Хайдар. Осмотревшись, он удивился:

— Вот что значит молодость!

Взяв щепотку земли, он размял ее и попробовал на язык.

Старик посмотрел на молодежь веселыми глазами:

— Не жалеете труда, отличный участок будет. Вкус печенья зависит от рук повара.

Уктам сказал:

— Они просят поскорее им желоб наладить, плотников на это дело нарядить.

— Поскорее? Ладно! — согласился старик. — Они скоро да споро все сделали, а мы в своем от них не отстанем. Завтра с утра плотников на желоб поставлю.

— Вот спасибо! — обрадовался Усарджан.

— За что? Не для меня, для всех нас стараетесь, и никому в таком деле отставать не годится.

— И еще они трактор просят. Перепахать, не откладывая.

— Обмозгуем сообща, найдется ли, чтобы не за счет срочных работ...

— А эта разве не срочная? — обиженно проговорил Усарджан.

— Надо плановые дела прежде всего в сроках держать. А которое дело сверх плана, оно не должно плану мешать.

— Вам, конечно, виднее! — огорчился Усарджан.

— Чего ж ты, сынок, нос повесил? Я обещал обмозговать твою просьбу. Думаешь, мне не дорого ваше дело?

Уктам и секретарь поняли, что трактор у старика найдется, но по своей привычке он не хотел соглашаться сразу, а тем более сразу на две просьбы.

Усарджан повеселел.

Мир-Хайдар позвал Уктама с собой посмотреть хлопчатник отстающих участков.

Когда проходили мимо небольшого огорода, затененного деревьями, Мастура окликнула Уктама.

Председатель словно не слышал ее, прошел мимо, а Уктам остановился.

Она сидела на корточках, пропалывая гряды.

— Что скажете? — спросил Уктам.

Мастура смотрела исподлобья, нахмутив брови. На лбу собрались недобрые морщинки. Не поднимаясь, она попросила его присесть рядом.

— Мне некогда сидеть. Слушаю вас, — досадливо отмахнулся Уктам.

Мастура заговорила обиженно:

— Что же это делается? Чем я вам пришлась не по вкусу? Мой участок около дома я сама, своими руками обработала, а когда он стал райским уголком, по вашему капризу у меня его забрали, разрезали на кусочки и раздали бездельникам. Прямо скажу, будто мое живое тело резали. А я стерпела, я и бровью не повела. Теперь новое дело: заставляют меня тут мучиться день-деньской. В этой грязи, в сырости. Уж лучше бы я в степи осталась, кухаркой. От этой сырости кости ломит.

— Вам никак не потрафишь. В степи вам было жарко, на огороде вам сыро. Где вас ни увижу, везде вы страдаете. Там солнечный удар вас хватил, здесь кости отсырели. Ведь прополка — это занятие для старух и для ребят. А вам бы следовало на хлопчатник идти, в бригаду. Если огород не по душе, назначим вас на оучку и потребуем выполнения норм.

Мастуру передернуло. Но, мгновенно овладев собой, она улыбнулась:

— Ну, присядьте сюда. Право, у меня дело к вам есть.

В голове у нее мелькнула мысль: присесть с ним рядом среди этих уединенных гряд, обнять его и подождать, чтобы кто-нибудь увидел их здесь вдвоем. Тогда у нее был бы козырь в руках!

Но Уктам не сел, порываясь скорее прекратить этот разговор и догнать председателя.

Мастура, облизнув губы, осмотрелась по сторонам.

— Вот вы на меня одну злитесь, а того не знаете, что случилось в степи.

— А что там случилось? — насторожился Уктам.

Она придвинулась к нему и зашептала:

— Когда я от удара лежала, совсем больная, Анархон в овражке кипятила чай. Слышу я вдруг — мужской голос! Я незаметно высунулась и вижу: Сабир сидит с Анархон и обвораживает, очаровывает красотку, сбивает ее с пути, подговаривает на любовь. Ты для меня, мол, больше жизни. Я от тебя, мол, без ума! И все такое...

— Все? — брезгливо спросил Уктам.

— А вам этого мало?

Мастура снова опустила среди гряд, сделала вид, что увлеклась прополкой. Она была уверена, что Уктам неравнодушен к Анархон, и ждала с его стороны ревнивых вопросов; ждала, что щеки его побледнеют, а глаза нальются кровью, и тогда между ними — Мастурой и Уктамом — возникло бы столь необходимое ей сообщничество.

Мастура видела, как однажды Уктам с ласковой улыбкой протянул Анархон пиалу чаю, в другой раз Уктам просил Анархон спеть что-нибудь, третий раз она видела, как Уктам, подав девушке руку, помог ей выйти из крутого овражка, где варили колхозный плов. Мастура истолковала это по-своему и теперь ждала плодов от своего сообщения.

— Все? — спокойно переспросил Уктам.

— А вам мало?

— Меня просто это не касается. К тому же, если все это правда, я рад, что мой друг Сабир полюбил отличную девушку. Сабир славный, Анархон красавица. Совет им да любви! Я не откажусь погулять у них на свадьбе. Берусь сам пиром заправлять. А вам незачем за другими подглядывать, лучше к себе присмотритесь. Да попристальней.

Скривив губы, Мастура что-то прохрипела, давась ст ненависти, и отвернулась от Уктама. А он торопливо пошел по тропинке, глядя туда, где вдалеке стоял председатель, разговаривая с бригадирами.

* * *

Духота. Зеленое, безграничное хлопковое море не шелохнется, словно спит...

Возле ручья, журчавшего под стройными тополями, сидел Джура. С самого утра он уже несколько раз обо-

шел поле, выполняя поручение председателя, а теперь присел отдохнуть. Он с деловым видом срывал цветы, нежные, красивые, один лучше другого, которые росли среди зеленой травки, словно изучая их, но его мысли обитали на другом берегу...

Он думал об отце. «Где он сейчас? Почему не пишет?» Джура тосковал, опечаленный, что ничего не знает о родном человеке.

Думал Джура и о колхозе, о людях, которые жили здесь: председатель, Уктам, Каримкул, Насимджан, Сабир...

Вдруг перед Джурой остановился Уктам, истомленный зноем.

— Вы, вижу, устали, дядя Уктам, — сказал Джура. — Посидите, отдохните немного.

Уктам, тяжело опустившись, облокотился на локоть и прилег на бок.

— Тень деревьев, прохлада воды... хорошо! Ты нашел чудный уголок, — произнес он, с улыбкой глядя на Джуру.

— В такую жару даже тень размером в пяточок хороша, — засмеялся Джура.

— Так, что же ты сидишь здесь в холодке, рассказчи-ка! — спросил Уктам, глядя на цветы.

— Сижу, наслаждаюсь, — ответил Джура, не гася улыбки в глазах.

— Наслаждение наслаждением, да дел кругом много, — серьезно напомнил Уктам. — Вот скопил люцерну — она лежит в поле, под солнцем сохнет, горит... Перетаскать нет рабочей силы, нет людей...

— Кое-кто есть, но один из них лентяй, другие — слишком любят базар, — многозначительно прищурился, искрящиеся глаза, плутовато намекнул Джура.

— Правду говоришь. Но всякие такие безобразия помаленьку изживаются. Со временем тунеядцы поумнеют... Но не мало у нас и таких, что работают как во-лы, а людей не хватает. Вот ты молодой, энергии у тебя вдосталь...

— О, если бы мне дали какую-нибудь работу, как бы я был рад! Да вот председатель только и держит меня на побегушках. До каких же это пор Джура будет все еще мальчишкой?

— Тогда собери своих сверстников и друзей. Я думаю, что наберется человек двадцать-тридцать молодых, подобных тебе!

— Конечно, паберется!—радостно воскликнул Джура.
— Начни это дело сегодня же, не откладывая на потом, — подбадривал его Уктам. — Ребята тоже хорошо трудятся, но для них нужно подобрать легкую работу, по силам, не изнурять их. Ты собери всех, а я дам вам поручение.

Джура, расспросив Уктама поподробнее, убежал. Уктам быстрыми шагами пошел к бригадам.

Джура спешил. Он собрал группу ребят, и в обеденный час на краю люцернового поля школьники принялись за работу.

— Где арба, лошадь? Что, ошалел он, что ли? — высмеивал Джуру один из его приятелей.

— Раньше соберем сено в копны, а потом и арба найдется, — решительно ответил Джура.

Под прямыми лучами солнца воздух горел, подобно пламени, но ребята на это не обращали внимания. В короткий срок они собрали стог люцерны.

В одной из подъехавших арб сидел Уктам.

— Подумать только, запоздал, кажется! — шутливо ужасаясь, он соскочил с арбы. — Слава вам, друзья мои!

Ребята, усердно орудуя вилами, принялись нагружать арбы сеном.

— Пусть скорее возвращаются арбы, дядя Уктам, люцерны еще очень много, — сказал Джура, широким взмахом руки показывая на поля.

— Полно, полно, на сегодня достаточно, — тихо сказал Уктам. — Если завтра пораньше приведешь своих дружков, завтра и закончите.

Ребята не согласились.

— Мы собрали примерно на восемь арб. Пусть еще раз приедут, дядя Уктам, — раздались умоляющие голоса.

Ребята, сияя озорными глазами, опять принялись за дело.

Соревнуясь друг с другом, за три дня они убрали всю люцерну.

* * *

Шумная ватага школьников собралась в старом саду, расположенном на склоне холмов. Когда-то этот сад выглядел красивым, но его давно забросили. Там особенно много росло персиковых деревьев — плоды их еще не совсем созрели. Были там и гранаты всех сортов, но тоже еще неспелые. Желтые и красные черешни. слов-

но бусинки, висели на ветках, но снять урожай не хватало рук.

Весело, словно занявшись игрой, перемежая дело с шалостями, набивая рот недозрелыми плодами, ребята начали сбор алычи. Работу школьников возглавили пятеро приветливых стариков, немощных, но неугомонных.

— Светики мои, — сказал один из них слабым, ласковым голосом, держа горсточку черешни. — Не шумите, тише!

Джура, словно взрослый, с достоинством крикнул:

— Тише!

— В этом году очень хорош урожай алычи, раньше поешьте вдоволь, а затем как следует собирайте, — распорядился старик, напрягаясь, чтобы подвинуть под ветки лестницы.

Ребята, захватив ведра и корзины, бросились к лестницам.

Глядя на шалости детей, на их задор и усердие, старики умилялись: на их лицах светилось удовольствие, с любовью поглядывали их умные глаза на тех, что шли на смену.

Один черныш, встав на лестницу, потянулся к высокой ветке и поскользнулся. Все на мгновение всполошились, но он, ловко уцепившись за нижнюю ветку, повис.

— Если не можешь обойтись без своих выходов, сейчас же уходи! — крикнул Джура, сидевший на другой лестнице.

— Виноват, командир! — оглутился мальчик, успевший уже перебраться на самую высокую ветку.

Старики, принимая с деревьев корзины, высыпали их содержимое на землю. Гора алычи росла.

Сбор прервали лишь после обеда, уговорившись с утра, едва солнце выглянет, продолжить, и кинулись к речке купаться.

Джура и его товарищи около двух недель трудились в колхозном саду.

Мир-Хайдар и особенно Уктам радовались этому, похваливали Джуру:

— Молодец! Будешь командиром, ты настоящий джигит!

Он отвечал, солидно растягивая слова, словно взрослый:

— Все они озорники, но работают хорошо.

XI

Рустам Сайрамов вечером пришел домой, быстро сбросил сапоги и китель, устало прилег на дощатый диван над прохладной струей арыка.

Вечерний ветер освежил его широкие плечи. Сайрамов облегченно вздохнул. Его простодушная, домовитая жена удивленно взглянула на мужа ласковыми миндалевидными глазами из-под черных густых бровей: давно уже муж не возвращался так рано. Он почти всегда задерживался на работе, а иногда ночевал где-нибудь в колхозе, если ночь заставляла его далеко от дома.

Но если он и возвращался рано, то всегда приводил с собой кого-нибудь из приезжих. Вместе с гостем они наскоро обедали или ужинали, продолжая волновавшие их разговоры о новых работах или строительстве, о зерновых культурах, о хлопке и воде. Многие из того, что они говорили, интересовало и жену Сайрамова. В разговоры она обычно не вступала и ждала, когда муж останется один, чтобы расспросить его подробно. Но слишком мало времени оставалось Сайрамову для своего дома.

Сегодня же он весело крикнул ей:

— Ну, жена, на весь вечер я себе дал отпуск! Где ребята?

— С дедушкой сидят.

Сайрамов надел шлепанцы и пошел в другой угол двора, где возле арыка, за деревьями, четверо детей Сайрамова окружили своего деда. Сайрамов сел возле них. Из-за пышной бороды и усов старика не было видно губ, и казалось, что голос его исходит из самой бороды.

— Вот беседуем с баловниками. У двоих я не все разбираю, — они по-русски говорят, а старших понимаю хорошо. Ты, сынок, сам поймешь когда-нибудь, какое это счастье — разговаривать с внучатами. Ты доживи до моих лет непременно, тогда так же будешь радоваться. Только б были они благополучны и здоровы.

Деда привезла на днях невестка, ездившая в Ташкент. Старик, сгибая непослушные пальцы, подсчитал, что ему минуло уже восемьдесят шесть лет. Из них десять лет он был батраком, еще десять лет — грузчиком в Ташкенте, третий десяток лет сапожничал. Ему было уже больше пятидесяти лет, когда Великая Октябрьская революция дала ему возможность работать не ради куска хлеба, а для своего собственного счастья. И теперь он радовался этому счастью, выпавшему его детям и ему самому, окру-

женному заботой, уважением, любовью. Кроме Рустама у старика было еще двое сыновей — инженер и врач. Были у него и дочери, а внуков и внучек — двадцать одна душа.

— Не скучаете вы в наших местах? — спросил Сайрамов.

— Как же я могу скучать? — удивился старик, поглаживая свою величественную бороду. — Иной раз выхожу на улицу, смотрю на здешний народ. Люди мне нравятся — доброжелательные, почтительные. Сады славятся плодами, а города — людьми. И вода здесь вкусная.

— Ну, я рад, если наш город вам нравится. Он скоро станет еще красивей.

— Так и должно быть. Раз государство доверило тебе целый город, оправдывай доверие. Украшай город, чтобы людям было счастье, а тебе почет. Ведь ты — сын нищего, бесправного, бессильного, стал полноправным, сильным, богатым. Разве ты не богат счастьем, доверием, почетом? Но доверие нужно беречь и оправдывать.

Сайрамов рад был слышать эти наставления, которые и прежде говорил ему отец, проживший долгую жизнь честно и с достоинством. Услышав голос жены, Сайрамов позвал:

— Пойдемте кушать, отец. Или вам сюда принести?

— Я сыт, сынок. Моя невестка, дай ей бог здоровья, угостила меня каким-то новым кушаньем, — рубленое мясо в тонко-тонко раскатанном тесте. Это не пирожки, но так вкусно, что наелся я на весь день.

— Ну, это давно было, а теперь уже вечер...

— Ты мне скажи, когда думаешь отвезти меня в Ташкент?

— Что вы, отец! Я так по вас соскучился, а вы сразу хотите уехать?

— Мне здесь хорошо. Но ведь гость должен помнить свое время.

— Здесь вы так же дома, как и в Ташкенте, отец.

— Ты хороший сын. Благодарю тебя.

После ужина дети, пошалив еще, вскоре уснули. Только старший, Азад, сидел под лампой, читая какую-то толстую книгу.

Жена, преподававшая в десятилетке узбекский язык и литературу, неторопливо рассказывала Сайрамову о своих учениках. Потом сказала с упреком:

— Вы мало занимаетесь школьными вопросами.

— Школой мы занимаемся немало. И мы устроим

все, что мешает обучению ребят. А ты помоги нам. Если чего-нибудь не доглядели, укажи.

Сайрамов взял газеты. Жена хотела было посмотреть новый журнал, но увидела, что Азад уснул. Он успел заложить карандашиком недочитанную страницу, подсунул под голову подушку, однако раздеться мальчик не успел, и ей теперь пришлось тормошить его, чтобы он перешел к себе на постель.

Неожиданно зазвонил телефон.

Сайрамов снял трубку.

Минуту спустя он уже одевался.

Жена встревожилась:

— Что случилось?

— Дамбу прорвало.

Жена побежала за его кителем и кепкой, ни о чем не спрашивая мужа. Она хорошо понимала значение воды для колхозов и, значит, для всего района в эти дни, когда судьба урожая зависела от своевременного полива.

В районе после постройки Большого Ферганского канала уже не было прежней острой нужды в воде, но сейчас, когда хлопчатник молил об утолении жажды, люди расходовали воду, дорожа каждой каплей.

Воду распределяли между колхозами по очереди, строго придерживаясь установленного порядка. Споры из-за воды порой еще возникали. Споры не только между бригадами или звеньями, но иногда и между колхозами. Приходилось соблюдать жестокий, непоколебимый режим в расходовании воды. И в этот момент прорыв дамбы означал крушение этого режима и порядка.

Прорвавшаяся дамба была временным сооружением. От нее начинался канал, питавший водой несколько колхозов. Вся их работа и все планы оказывались под угрозой.

Был уже поздний час. Районный центр, небольшой зеленый городок, спал. Лишь изредка за деревьями светились огоньки.

С усадьбы МТС доносились голоса, размеренные удары молота по металлу. Над кузницей из трубы вылетали красные искры: видно, механики выполняли срочный ремонт.

Сайрамов заглянул в райисполком.

Председатель райисполкома Зуфар Махкамов торопливо укладывал в папку бумаги.

Сайрамов крикнул ему:

— Уже знаешь?

Сорокапятилетний, крепкий, складный Махкамов быстро разогнулся над бумагами, нервно почесав бровь.

— Только что хотел вам звонить. С водой всегда надо ухо держать востро. Она только того и ждет, чтобы человек зазевался!

Его привычка чесать правую бровь не только при разговоре, но и во время выступлений, была всем известна. Дочь его, работавшая в суде, толковый адвокат и женщина со вкусом, не раз говорила отцу: «Когда выступаете на собраниях, кладите руки в карманы или держите что-нибудь. Ведь совсем нелепо у вас получается в отношении бровей!»

Сайрамов нетерпеливо спросил:

— А начальник водхоза знает?

— Он уже там.

Несколько минут спустя они оба скакали по дороге, и цокот подков будил мирный город.

Свернув на проселок, они ехали уже бесшумно, но позади стелилась густая пыль. Глаза свыклись с темнотой.

Махкамов был человеком быстрым и решительным. Но Сайрамов помнил время, когда Махкамов не терпел никакой критики, когда всех, кто указывал ему на его, махкамовские, ошибки, он считал своими недоброжелателями и врагами.

Заметив это, Сайрамов с первых же дней своей работы в райкоме начал борьбу со слабостями Махкамова, поощряя в то же время его предприимчивость и энергию. Махкамов понял, что критика является выражением взаимной помощи.

Когда Сайрамов с Махкамовым въехали в ворота правления колхоза «Социализм», лишь в одном окне светился огонек. Там сидели девушка-секретарь правления и ее помощник, смуглый, кудрявый мальчик. Оба были заняты бумагами — видно, составляли график работ.

Махкамов, не входя в дом, крикнул в окно:

— Где председатель?

Девушка подняла голову и, слясь разглядеть что-нибудь в темноте, пожала плечами:

— Сейчас ушел домой.

— Дамбу прорвало. Пускай председатель немедленно собирает колхозников и заведующих поливом, чтобы все сейчас же отправились туда.

Оба, и мальчик и девушка, вскочили и кинулись в непроглядную темень.

Сайрамов с Махкамовым рассылали гонцов по колхо-

зам, поднимали людей, снаряжая машины за материалами, направляя все силы на борьбу с непокорной водой.

В колхозе «Герой» председатель со своими друзьями допоздна прохлаждался на красном коврикe около водоема под фонарем. Он возлежал, облокотясь на белоснежные подушки, изрекая нравоучения и назидания почтительным и захмелевшим собеседникам.

Увидев Сайрамова, председатель расцвел пьяной улыбкой:

— Ах, как кстати! Ай-яй-яй! Пожалуйте! Пожалуйте! Отдохните с нами. Эй, Касым-али! Беги ко мне домой. Предупреди, чтоб немедленно...

Председатель в свое время прославился тем, что одним из первых в своей деревне вступил в колхоз, раньше многих других заинтересовался новыми планами хлопководства, пытливей других отнесся к новым сортам хлопка и к новым методам выращивания их.

Постепенно он выдвинулся на руководящую работу в районе. Потом его перевели в область. Но там он загордился, зазнался. В надежде, что он исправится в привычных условиях, его вернули на прежнюю работу в колхоз.

Сейчас, глядя на председателя, Сайрамов нахмурился:

— Этот пир у вас по случаю выполнения плана, что ли? Мне кажется, не к лицу вам столь беспечное времяпрепровождение.

Благостная улыбка сползла с лица председателя, словно его окатили ушатом ледяной воды. Он весь вдруг размяк.

Узнав о прорыве дамбы, он засуетился, заметался, раскричался на недавних собутыльников.

Сайрамов добрался до дамбы. Всеми работами руководил молодой инженер Мурадов. Он поспевал всюду, промокший, измазанный глиной.

Люди прибывали со всех сторон и сразу включались в работу. На машинах привозили тяжелые балки и другой строительный материал.

Инженер командовал:

— Кладите крепче! Валите больше камней! Больше камней, говорю!

— Сделаем!

— Еще подвезут, не жалейте! Кладите крепче!

Кто-то зажег большой факел, и в его свете клокочущие ястоки побагровели. Колхозники, силясь перекричать шум воды, волокли бревна и камни.

Сабир перетаскивал тяжелые камни. Казалось, что делал это он без напряжения, — так силен и ловок он был.

Уктам стоял в воде, и поток то норовил сбить его с ног, то пронизывал нестерпимо холодными струями, то перебрасывал через его голову гребешки пены.

Сайрамову не раз приходилось бывать на больших народных стройках. Он видел тысячи колхозников, их героизм, настойчивость. Эти новые качества людей проявлялись везде: в больших стройках и повседневной работе.

Звезды гасли. Занималась заря.

Сайрамов подошел к Махкамову. Одежда на председателе промокла, на правой брови темнела засохшая земля. Сайрамов стер ее платком, Махкамов засмеялся:

— Сознаюсь, частенько почесывал бровь.

Когда взошло солнце, в титанах уже кипела вода. Зазвенели крышки чайников. Появились лепешки и фрукты.

После завтрака Сайрамов сел на коня и сказал Мурадову:

— Теперь вода угомонилась. Надо хорошенько, без спешки и горячки, укрепить дамбу.

— От железобетона не отличите! — пообещал инженер.

— Народ можно отпустить. Оставьте человек двадцать. Отберите кого покрепче. Вечером я приеду.

— Я знаю: если промахнемся, от вас поблажки не будет.

— Нет, не будет. Идите пейте чай, подкрепляйтесь. Силы надо беречь, дел впереди много.

* * *

Возвращаясь с дамбы, Уктам увидел Камилю. Девушка шла впереди, с кем-то разговаривая. Уктам рванулся было, чтобы догнать ее, и... не решился.

Простую девушку Уктам в своих мечтах и мыслях вознес на недосыгаемую высоту и теперь сам оробел перед ней.

Он дошел до поворота к «Богатырю» и остановился. Увидев, что Камиля уже одна, он решительно прибавил шагу и поравнялся с ней.

— Здравствуйте, Камиля! — И почувствовал, что краснеет.

— А! Товарищ Насыров! Далеко ли? — откликнулась Камиля.

Поздоровались как давние друзья. Опасаясь, что по его лицу девушка угадает ложь, он смутился, но все же солгал:

— По пути с вами. У меня дельце есть в той стороне. Она промолчала.

— Не видел я вас на дамбе. Правда, там было мудрено встретиться — столько народу...

— А вы хотели увидеть?

— А как же!

— А вот я вас видела. Вы себя в воде чувствовали, как рыба.

— Я в воде, как рыба в воде! — засмеялся Уктам. — Вы-то могли бы не приезжать. У вас вид очень усталый. Вы здоровы?

— Как же не приезжать? Мне вода нужна до зарезу. У меня чуть сердце не выскочило, когда я про аварию узнала.

Она помолчала и, взглянув на него, договорила:

— Вы знаете, ведь мы с вами из одного арыка воду берем.

— Знаю, я уже думал об этом.

Она не спросила, что именно можно думать по этому поводу.

Они шли, продолжая разговор о воде, плотинах, каналах.

Нога Уктама заныла. Может быть, он ее застудил в воде. Он приостанавливался время от времени, чтобы потереть больное место, старую рану.

— Эта нога у меня с изъязмом! — виновато объяснил Уктам. — Иногда побаливает, из-за нее и хромаю.

— Лишь бы не болела. А хромота... Не обращайтесь внимания. Если правду сказать, вам это даже идет.

— Ладно, смейтесь! Первый раз слышу, чтобы хромота была к лицу.

— Я не смеюсь. Я вам правду говорю! — обиженно ответила Камиля. — Незачем стыдиться ран, полученных в честных битвах.

Она спросила его о войне, спросила, на каких фронтах сражался. Уктам отвечал.

— Представляю, как ваши дети обрадовались, когда вы вернулись.

— У меня только мать и сестренка. Они, конечно, рады были.

Камиля заметно устала от быстрой ходьбы и пошла тише. Время от времени она пытливо взглядывала на Уктам, но взгляды эти были так быстры, что могли казаться случайными. И снова чуть прищуренные ее глаза пристально смотрели вперед, куда убегала их дорога, добела прогревая полуденными лучами.

Иногда Камиля смотрела на купы деревьев, словно борясь с желанием укрыться в их прохладной тени.

— Как печет! Может быть, отдохнуть?

— Если вам не очень мешает боль в ноге, лучше пойдете: осталось уже недалеко. А я неплохой ходок.

Уктаму показалось, что она не хочет задерживаться с ним наедине.

Пройдя еще немного, он неожиданно остановился: только теперь он заметил, что они уже вошли на зеленую улицу «Эльбада».

— Куда же это я попал! — растерянно удивился он.

— А куда вам нужно? — лукаво и многозначительно спросила девушка.

Уктам явно смутился. Он отер лоб платком и взял ее руку, волнуясь.

— Беседа с вами подобна хорошему вину, — хочется пить, пить, не отрываясь.

Камиля покраснела и, отвернувшись, попыталась высвободить руку из его руки. Впрочем, не очень настойчиво.

Она боязливо посмотрела по сторонам. Смелая и напористая в делах, она держалась с мужчинами скромно и робко. Понимая, что не делает ничего зазорного, она все же не хотела давать пищу для деревенских разговоров. Колхозная молодежь относилась к ней как к старшей сестре, а старшие — как к родной дочери.

Но Уктам понял, что больше уже нельзя держать ее руку, стоя среди улицы, на глазах у всей деревни, и попрощался с Камилей.

Он пошел радостный, возбужденный обратно.

Вдруг замер, когда она крикнула ему вслед:

— Возьмите у нас коня. Пойдемте, я вам его оседлаю.

Но он приложил в знак благодарности руку к сердцу: он не хотел ее затруднять. Она успела увидеть его лицо, блаженное и сияющее.

Камиля пошла в правление.

Здесь почти никого не было. Только бухгалтер шелкал на счетах костяшками.

В небольшом кабинете председательницы было про-

хладно. Через окна, раскрытые в сад, влетел свежий ветерок.

Камиля села за стол и, положив перед собой бумагу и карандаш, позвонила. Начались повседневные разговоры с бригадирами о машинах, о распределении удобрений, о горючем. Разговаривая, она быстро записывала ответы. Получались столбики цифр, определявшие состояние всех работ и положение по всему обширному хозяйству «Эль-абада».

Когда, усталая и голодная, она вернулась домой, мать усадила ее под виноградными лозами в холодок.

Камиля прислонилась к подушке и задумчиво улыбнулась, вспомнив своего прихрамывающего спутника. Она хотела что-то сказать матери, но, прежде чем заговорила, внезапно уснула.

Мать с удивлением посмотрела на счастливое лицо уснувшей дочери и тихо вышла. Вскоре она вернулась с холодной водой и осторожно полила землю вокруг, чтобы в прохладе дочери спалось спокойней.

Проснувшись, Камиля испуганно взглянула на часы. Мать жила по своим часам, по солнышку, и порывистое движение дочери огорчило старушку.

— Чего вскочила? Поспи еще.

Но Камиля умылась из арыка холодной водой и, повязав голову пестреньким платочком, ушла.

У чайханы ее встретил молодой незнакомый человек. Было видно, что он прошел долгий путь и только что сюда добрался, — все лицо его было еще в пыли.

Он представился:

— Художник Насруллаев. Вы товарищ Салимова?

Она взглянула в его темные, задумчивые глаза:

— Салимова. Чем могу вам помочь?

Оказалось, что художник только что приехал из Ташкента, чтобы написать ее портрет.

— Прошу вас назначить время.

— Время? Но ведь его-то у меня как раз и нет. Я художников знаю, начнете работать, забудете о себе и о моих делах.

— Нет, даю слово: много времени у вас не отниму. А портрет я хотел бы закончить к выставке. Для меня это будет ответственной работой.

— С условием: мы сперва выставим его на нашей выставке, здесь.

— А какая здесь выставка? — удивился художник.

— Ваших работ. У нас в колхозе немало есть на-

стоящих героев. И среди молодежи, и среди стариков. Замечательные люди! Если вы напишете портреты наших лучших людей, они украсят наш клуб. Это подбодрит людей. Подумайте об этом. Хорошо?

— Согласен, подумая. Но начнем с вас...

— Нет, меня напишете потом. После всех.

Мысль Камили пришла художнику по душе. Перед ним раскрылась замечательная перспектива. Он готов был немедленно приступить к работе. Весело взглянув на поля, по которым только что шел, усталый и разморенный зноем, он словно впервые увидел их легкие краски, марево вдали, горы.

Камиля провела приезжего через сад и сдала на попечение чайханщику.

Лишь много часов спустя Камиля вспомнила о художнике, столь не соответствующем представлению Камили о людях этой профессии. Голова его была гладко выбрита, а ей казалось, что все они носят длинные волосы. Он пришел пешком и выглядел крепким человеком, а ей представлялось, что все они бледны и немощны, как люди, оторванные от земли.

В поле Камиля встретила агронома Соколова и весело поздоровалась с ним. Они были давними друзьями.

Они разговаривали по-русски. Камиля быстро схватывала его мысли. Советы агронома она неизменно применяла на практике.

— Я тогда не смогла послушать вашу лекцию. Хорошо она прошла?

— Молодежь отнеслась к ней с интересом. Вопросов было много.

— Мне давно хочется организовать у нас кружок по хлопководству и устроить лабораторию. Я слышала, во многих колхозах они уже есть. Как вы посоветуете?

— Отличная мысль. Время, думаю, найдется?

— Время на все нужно, Михаил Иванович, а брать его неоткуда. И все-таки для этого найдем. Ведь у нас еще много есть нерешенных вопросов. Как получить высокие урожаи? Разве потолок достигнут? Разве нельзя увеличивать их?

— Безусловно можно. И значительно!

— Второе: сбор урожая. Ведь мы тратим много времени на сбор урожая.

— Да. Много.

— Разве нельзя найти способ ускорить это? Конечно, если не думать, ничего не придумаешь.

— Совершенно правильно, Камиля! Золотые слова.
— Недавно из Ташкента приезжал профессор. Он работает над скороспелыми сортами хлопка. Мне это дело очень по душе, я просила его первые опыты ставить у нас в «Эльбаде».

Долго они ходили по полям.

Разговаривая, Соколов прислушивался к ее словам и отметил, как богатеет и совершенствуется ее язык, как созревают и становятся точнее ее взгляды на различные стороны жизни.

Когда они проходили мимо раскидистых деревьев, Соколов приостановился в тени, чтобы закурить.

Камиля говорила ему, пока он доставал папиросу из портсигара:

— Когда смотришь вперед, яснее видишь сегодняшние задачи.

— Так, так, Камилочка! Думая о будущем, яснее понимаешь настоящее. Так?

— Вот именно. Глядя вперед, словно обретаешь крылья. Мелочи перестают заслонять главное.

— Тут только есть опасность: взлетая в мечтах о будущем, рискуешь оторваться от действительности. Оторваться от земли.

— Я понимаю.

На дороге Соколова ждал мотоцикл. Прощаясь, Камиля горячо пожала ему руку.

— Знаете, что я вам скажу, Михаил Иванович?

— Что именно?

— Вы замечаете, как вас любят во всех колхозах? Замечаете, как радуются вашим приездам?

— Я очень ценю добрые отношения. Берегу их всеми силами. Ведь я... Ну, а чем я заслужил такое отношение, Камилочка?

— Я как-то думала об этом. Могу вам сказать...

Она заметила, что, ожидая ее ответа, Соколов явно разволновался. Он снял широкую соломенную шляпу и вытирал лоб шелковым зеленым платочком.

— Первое: за то, что вы сами любите нас. Ведь сердечное отношение сразу чувствуешь. Ведь к делу вы относитесь не как к обязанности, а как к своей жизни. А мы относимся так же к своей работе. Вот и получается, что у нас как бы одна, общая жизнь. Это первое. Но это еще не все.

— Действительно люблю. А как же иначе! Спасибо...

— Второе: вы не бережете свои знания. Вы все нам выкладываете. Сами волнуетесь. Сами растете. И выходит, что мы с вами как бы вместе растем. Это воодушевляет нас. И это увеличивает нашу ответственность. Мы как бы опасаемся в душе: не подвести бы вас. Понимаете? А третье, Михаил Иванович, когда мы делимся с вами планами, вы нам говорите: смотрите вперед!

— Камиля, это партия нам говорит! Этому партии нас учит!

Соколов стоял, обмахиваясь своей шляпой, но, видно, это не помогало ему, лицо его горело, глаза смотрели на Камилю так, словно от нее зависело какое-то решающее слово. Она сказала с волнением:

— Мы вас любим за то, Михаил Иванович, что вы мечтаете вместе с нами! День за днем вы направляете наши мечты. Подсказываете, о чем надо мечтать. Вот за что мы вас любим.

Агроном молча взял ее руки, поочередно поцеловал их и сказал, глядя Камиле в глаза:

— Никогда не забуду этого разговора.

Камиля вернулась в правление, когда долгий, жаркий солнечный день уже подходил к концу.

Едва она раскрыла окна своего кабинета, как пришли бригадиры и звеньевые, табельщики и поливальщики. Заявки и заявления, жалобы и доклады сменяли друг друга. Они касались строительства, овощей, зерна, хлопка, животноводства.

Люди приходили и уходили, за окном зелень становилась золотой, и дальние горы погружались в лиловатую предвечернюю дымку.

* * *

Все были в поле. День стоял жаркий. Ни один листок не колыхался на высоком, тенистом карагаче, словно карагач спал... В чайхане сидели старики, распивая зеленый чай и беседуя.

Джура, сидевший, скрестив ноги, в сторонке, был сегодня печален, беспокоен. Мать его заболела, тяжелые мысли об отце вновь не выходили у него из головы.

«Почему не едет отец? Возвращаются многие, что же могло случиться с ним? Возможно, он попал в плен и находится в тылу у врага». Некоторое время он еще сидел, задумавшись. «Нет, не может быть! Нет, нет», — успокаивал он себя.

Услышав шаги, он испуганно приподнял голову и увидел председателя совета урожайности Каримкула.

Что-то буркнув в ответ на приветствие Джуры, Каримкул опустился рядом и, распусая свой длинный кушак, несколько раз обмахнулся им.

— Принеси чай, — приказал он Джуре.

Тот быстро подал чайник и пиалу.

— Так! — сказал Каримкул Джуре. — Почему молчишь? Вижу, ты чем-то огорчен? Да, устал ты очень на люцерне, в саду. Все это бесплодные дела, все это выдумки Уктама.

— Эге, вы, оказывается, еще не знаете ребят. Они все рвутся к работе, они не отстанут от взрослых.

— Да я так просто, — улыбнулся председатель совета урожайности и, искоса посмотрев на Джуру, большими глотками принялся пить чай.

— Как хлопчатник? — деловито спросил Джура.

— Не знаю. Трудное, очень трудное дело хлопчатник, — ответил председатель совета урожайности. Затем, задумавшись, продолжал: — Уход за хлопчатником — дело тонкое, очень хлопотливое дело. Уктам усерден, да вспыльчив, как спичка. Вот если бы не этот его характер... А председатель наш только и знает хвалить Уктама, приписывает ему все удачи: это, мол, дело Уктамовых рук. Поет ему хвалы-похвалы. Короче говоря, результаты увидим осенью, когда созреет хлопчатник.

Джура ответил:

— Если на это дело глянуть по справедливости, работа Уктама всякому видна.

— Светик мой, ты еще ребенок, ты еще зелен, а мы многое повидали на своем веку. Говорят, что знает старец, не знает сатана, — нехотя возразил Каримкул.

Подошел запыхавшийся Насимджан. Увидев друга, он оскалил зубы от радости, быстро сел возле Каримкула и с жадностью принялся за чай. Председатель совета урожайности рассмешил Насимджана и Джуру, рассказав историю про плов. Насимджан, проглатывая горячий чай, сказал:

— Бай-бай, какой строгий режим! Уктам, оказывается, железный человек: никому не дает вздохнуть вольно, бай-бай-бай... — и засеменял прочь.

— Насимджан раньше только и знал, положив голову на стол, в правлении похрапывать, — смеясь сказал Джура, — а остальное время крутился на базаре. Хорошо теперь хоть немного исправился. Помните, как рань-

ше все его искали: «Где секретарь?» А он огрызался, кричал, бывало, на всех. Нужна дисциплина.

Каримкул с помрачневшим лицом пробормотал:

— Чудак ты, придира ты. По правилу бразды правления колхозом должны находиться у председателя, у стариков — советчиков председателя. — После недолгого молчания он добавил: — Ты, пожалуйста, ничего не говори об этом разговоре Уктаму, понял?

Каримкул лениво поднялся. На его голове сияла новая ферганская тюбетейка. Одет он был в белую рубашку. Он медленно зашагал под тенью деревьев.

Джура тоже поднялся. Словно весь ушедший в глубокое раздумье, печальный, он вернулся домой. Было вечернее время. Небо багровело на западе, горизонт менял свои золотисто-алые оттенки. От прохладного, нежного ветерка дышалось легче, тело отдыхало. По темному небу весело пролетали ласточки, то поднимаясь высоко в небо, то пулей бросаясь вниз, то чертили необыкновенные круги в воздухе.

Джура, увидев свою мать, суетившуюся возле очага с котелком, почувствовал облегчение.

— Вам лучше, мама? — спросил он заботливо.

— Да, сынок, хорошо. Надоело мне лежать. Встала, чтобы болезнь не победила.

— Мама, что вы говорите?

— Собираюсь сварить острую похлебку, сынок, — засмеялась мать.

Джура присел возле арыка, умылся ледяной водой и направился к террасе.

Девочка лет десяти весело кружилась по двору, играя в мячик.

— Айниса, принеси зеленого лука побольше, — приказала мать.

Айниса, продолжая подкидывать мяч, побежала в огород.

Джура вошел в маленькую, чисто убранную комнату, просмотрел аккуратно сложенные на полке книги и вытащил оттуда томик стихов Пушкина. Присев на край террасы, он читал книгу по слогам. Учитель русского языка давно жил в этом колхозе и с усердием обучал школьников. Одной из книг, которую он рекомендовал им во время экзаменов, была эта книга. Джура любил стихи Пушкина, он старался читать их с выражением, а многие запомнил наизусть.

Айниса вымыла пучок зеленого лука в арыке и пода-

ла его матери, а сама, подойдя к брату, присела возле. Хотя она и не все понимала, но сидела тихо, внимательно слушая его. Звуки стихов увлекли девочку, и лицо ее стало сосредоточенным.

— Ты поняла что-нибудь? — смеясь спросил Джура у сестры.

— Да, я понимаю русский язык. Тетя Лиза, соседка, меня учила, — ответила Айниса, глядя на брата искрящимися глазами.

Солнце ушло за горизонт. Темнота, словно черный, легкий шелк, окутала небосвод.

XII

Возбужденные ребячьи голоса разбудили Сабир. Он взглянул вверх.

Высоко, на ветках старого карагача, карабкаясь и перекликаясь, ребята искали птичьи гнезда.

— Чье гнездо нашли? — заинтересовался Сабир.

— Иволги! Иволги! — отвечали ему ребята. На этот самый карагач лазил и Сабир, когда был мальчишкой. И однажды даже сорвался оттуда. Но благополучно: зацепился за нижние ветки и, когда ударился оземь, лишь разбил локоть да расшиб колени. Потерев ушибленные места, снова полез наверх, будто ничего не случилось, и кровь постепенно засохла на ветру.

Однажды, уже на фронте, Сабиру случилось сидеть на дереве, наблюдая за противником. Он услышал над собой оживленную птичью болтовню и заметил выше себя гнездо. Соблазн заглянуть в гнездо был так велик, что Сабир не удержался. И тотчас вражеская пуля пробила гнездо насквозь.

Сабир вспомнил этот случай, и ему показалось, что произошел он только вчера.

Возле Сабир, кроясь в траве, протекала вода. Листвой деревьев тихо-тихо шевелил ветерок. Сабир здесь работал с утра, и теперь ему хотелось полежать в прохладе еще немного. Но он преодолел это желание, засучил штаны до колен, взял кетмень и встал. С кетменем он редко разлучался: с ним возвращался домой, с ним ходил на собрания. Однажды мать посмеялась над этой его привычкой:

— Жаль мне твои плечи, сынок. Брал бы кетмень для работы, а ты его носишь будто для украшения.

Он ей ответил:

— Мои плечи четыре года подряд носили винтовку, а теперь кетмень носят. Без такой ноши мне покоя нет, все кажется, будто что-то забыл взять с собой. Как прежде каждую минуту могла понадобиться винтовка, так теперь кетмень наготове держу.

Сабир вышел из-под деревьев.

Был полдень.

Солнечный, знойный воздух сразу охватил Сабира. Сабир шел, разбрызгивая босыми ногами горячую, как зола, пыль дороги.

Возле раскидистой джиды он встретил Мастуру. Она сидела в тени, обмахиваясь платком. По обе стороны от нее стояло по ведру помидоров. Сабир взял красный, большой, мясистый плод и подкинул его на ладони.

— Ну и уродились великаны! Не меньше дыньки-скороспелки!

— Кушайте! Их в этом году такой урожай, что собирать не успеваем, гниют...

— Эх, нашлась бы гут стопочка, как, пожалуй, полведра помидоров съел бы на закуску! — засмеялся Сабир.

— А вы приходите к Насимджану. Он всегда для близких друзей поллитровочку держит. Она у него так и лежит на этот случай в холодном ручье.

Сабир промолчал и пошел было, широко и твердо шагая. Но обернулся.

— Не видели Уктама?

— Как же не видеть! Он в шалаше у девушек. Ой, какой баловник ваш друг! Так и вьется вокруг Анархон! Так и льнет к ней! Влюблен, что ли? Что ж, дай бог! Погуляем на свадьбе.

Сабир опустил голову, словно что-то потерял. Он пошел, раздумывая:

«Неужели правда? Она красива, а Уктам холост. Видно, его мать, как и моя, напоминает ему, что пора подумать о семейном счастье... Ведь Мастура женщина зоркая, цепкая, про всех все знает, про все, что захочет, может узнать. Но по-дружески ли поступает Уктам? Правда, я ему ничего не рассказывал, но он ведь и без того мог видеть мое отношение к Анархон. Да я и намекал ему, когда он вернулся из армии. Разве я ему не намекал на мои чувства к Анархон?..»

Охваченный этими сомнениями, Сабир дошел до своей бригады, но решительно повернул обратно и направился к девичьему шалашу.

Уктам и Анархон сидели в тени. Девушка ощипывала цветок, бросая на землю белые лепестки. Уктам говорил ей что-то. Возле них никого не было. Все работали далеко в поле.

Сердце Сабира заняло:

«О свадьбе договариваются!»

Но Уктам увидел своего друга.

— Сабир, дорогой, здравствуй!

Сабир молча присел возле них. Закурил. Жадно затянулся. Незаметно приглядывался к ним.

Девушка сидела, скромно опустив голову.

По лицу Уктама бродила грустная улыбка.

Но Уктам вдруг засмеялся:

— Спойте песенку, Анархон! У вас такой хороший голос! Верно, Сабир? Послушаем? Вы ту спойте, Анархон, которую тогда пели.

— Не хочется. Лучше расскажите, какую картину вы в районе смотрели. Когда же, кстати, привезут к нам кино? Вы ведь давно обещали!

Сабир встал, нехотя сказал Уктаму несколько слов и ушел.

Уктам заметил, что настроение у Сабира невеселое. Думая, что причиной тому какой-нибудь пустяк, Уктам не придавал этому значения: «Если б было серьезное что-нибудь, он сказал бы».

Анархон, приходившая в шалаш за чаем, взяла чайник и пошла к своему звену. За ней поднялся и Уктам.

Когда он, обмахиваясь колпаком, шел через девичий участок, Тансык крикнула:

— Посмотрите-ка, дядя Уктам, какая у нас завязь на хлопке!

— Вижу, полно завязей.

— Не в том дело, что полно. Их еще больше будет. Я тому радуюсь, что они почти все пятигранные.

— Уже подсчитали? Да их еще и рассмотреть-то нельзя!

— А вы взгляните!

Тансык склонилась к кусту.

— Если в завязи пять граней, значит, коробочки будут полны волокна.

Уктам присмотрелся к завязям и разглядел еле обозначившиеся полоски на еще зеленых, нежных коробочках.

Он засмеялся, покачав головой.

— Ну, молодцы!

— Если каждая завязь даст по одному грамму сверх обычного, подсчитайте-ка, сколько соберем мы хлопка сверх плана.

— Это верно. Из капель состоят моря. Теперь от вас зависит, чтобы все эти завязи окрепли и развились.

* * *

Сабир, оставшись лишь в легких, высоко засученных штанах, подставив палящему солнцу широкую, мускулистую спину, долго и упорно работал.

Он хотел отогнать тяжелые мысли тяжелыми ударами кетменя:

«Она сама себе хозяйка. За кого захочет, за того и пойдет!»

Но Уктама он не мог простить. Он вспомнил, что не только намекал, но и прямо однажды сказал Уктаму, что любит Анархон.

Вечером, скинув кетмень на плечо, Сабир пошел к своему другу Баймату.

Колхозный сторож, инвалид Баймат, все свои дни проводил в одиночестве. Он обрадовался приходу Сабира, которого любил, с которым был вместе на фронте, где потерял руку.

— Ну-ка, доставай, герой, что там у тебя припасено?

Баймат пригласил Сабира на старенькую кошму, посланную у арыка на зеленой траве.

Сабир не спеша вымыл и вытер до блеска свой кетмень, а потом влез в воду сам и долго мылся в ней, свежей и чистой.

Подойдя к кошме, Сабир изобразил удивление:

— Что ты тут сторожишь, уважаемый однополчанин?

Баймат помахал длинной палкой с тяжелым суком на конце:

— Охраняю колхозное имущество от таких, как ты!

— В таком случае, прими меня как гостя!

Баймат, усадив Сабира, ушел в лавку за покупками, а Сабир принялся с толком и усердием готовить салат, резал помидоры и лук.

Солнце село, но было еще светло.

По дорогам возвращались домой стада. Мычали коровы. Блеяли ягнята. Пахло парным молоком.

Ребята, ловко сидя на неоседланных лошадях, гнали колхозных коней. С гиканьем они проскакали мимо Сабира.

Над домами, над густой зеленью усадеб вились голубые струи дыма.

Баймат вскоре возвратился и, отыскав в траве пиалу, подсел к Сабиру.

Баймат, на правах хозяина, должен был наливать вино сам.

Он поднес пиалу Сабиру:

— А ну, гвардия, покажи себя!

Сабир быстро осушил пиалу, а Баймат свою долю выпил маленькими глотками, как воду.

— Как ты себя чувствуешь-то? — спросил Сабир.

— В коллективе человек не может пропасть. Кормлю моих трех птенцов, да и самому остается вдосталь. А без коллектива мне была бы крышка: какой бы мог быть земледелец с одной рукой? Конечно, не оставь я одну руку на Украине, я показал бы, как надо работать. Но и тут не даром хлеб ем. А вот когда птенцы мои подрастут, увидишь, какими они орлами взвоятся.

Хмель слегка разгорячил друзей. Разговор их оживился. Растянувшись на кошке, они вспоминали фронттовую жизнь, вспоминали боевых друзей, с любовью называя их имена.

Сумерки сгущались. Прорумел порыв ветра. Зажглись звезды.

Мирный разговор друзей не скоро бы иссяк, но их неожиданно прервал Насимджан, неведомо откуда появившийся. Баймат налил ему вина, и Насимджан, выпив, начал свои излюбленные жалобы на множество забот, свалившихся на его голову.

Потерев лоб, он вздохнул глубоко и тяжело:

— Так-то вот, братцы. Крутишься, крутишься. А оценит ли кто бескорыстный труд ради идеи?

Баймат рассердился:

— Что у вас за привычка скулить? Жернова, что ли, вы крутите?

— Хуже! Работа в правлении, в канцеляриях там разных — это ж наказание божье! За последнее время столько дел прибавилось, сил не хватает! А дела путанные, не всякий разберет. Все самому соображать надо. Хорошо, что хоть бог разумом не обидел.

Сабир равнодушно повернулся к нему:

— Колхоз растет, значит, и дел у каждого прибавляется. Иначе и быть не может.

Насимджан усмехнулся, но не смог скрыть раздражения.

— Колхоз-то растет. Я о другом говорю.

Сабир насторожился:

— О чем же?

— Да вот, наехал посторонний народ, дела не знают, а всюду нос суют. К примеру, Уктам этот. Взбаламутил весь колхоз. Никому нет от него покоя. Что ни день, то новая выдумка. Похоже, что нашими головами он собирается орехи колоть. Дай ему волю, он и нашего Баймата заставит кетменем работать, не посмотрит, что человек заслуженный, инвалид, орденносец. Посмотрите на меня: меня в покое не оставляет! Сестра моей жены работает в детском саду воспитательницей. Девушка удивительной честности и скромности, имеет большое образование, разбирается в политике, литературный техникум окончила. И что же? Заходит Уктам в детский сад, как будто бы его кто-то просил об этом, и вдруг... такую девушку, такую девушку!..

Сабир приподнялся:

— Ну и что же там случилось?

— Девушка в тот день много работала, устала, прилегла в тени маленько отдохнуть и, понятно, задремала. День-то летний длинный, утомительный, а у девушек сил не столько, сколько у нас. Ну, словом, проспала время, когда надо было этих ребят в саду кормить. Дети бегали на солнце, кричали, какие-то там ребячьи беспорядки натворили. Ну, детей, что ли, мы не видели? Какой у детей порядок? И вот появился Уктам, нашел неполадки и из-за таких мелочей поднял шум-гам. Можно ли из-за чепухи обижать образованную девушку, повышать на нее голос? Учтиво это? Прилично? Уктам переходит всякие границы. Слишком много на себя берет!

Сабир сказал строго:

— Уктам — наш человек. Может, по молодости он и горяч, но мысли у него чистые. Чистые? А? Если где и не так шагнет, так ведь мы его поддержать можем. Главное — идем мы с ним в одном направлении. Голова у него ясная. Это надо помнить. Сердце у него чистое. Этого нельзя забывать. О чем же говорить?

Насимджан перешел на шепот:

— А я думаю, неспроста он так поступает. У него есть цель. Он каждым шагом подбирается к этой цели. Не кажется ли вам, братцы, что задумал он Мир-Хай-дара свалить, а самому на его место? А?

Сабир молчал. Закурили.

Сабир взглянул в упор в глаза Насимджана:

— Что еще скажете?

— Это пока цветочки. А ягодки — впереди. Вот что скажу! — с раздражением, решительно заявил Насимджан и хитро улыбнулся. — Вы-то еще можете тут думать. А я вижу его насквозь! Дело ясное.

Сабир далеко отбросил окурок и с такой ненавистью посмотрел на собеседника, что Насимджан побледнел.

Грубо и хрипло Сабир сказал:

— Дело, ясное для Насимджана, для меня совсем не ясное! Никак!

— Чего кричишь, братец! — замахал руками Насимджан. — Закрой свою трубу. Кругом народ ходит.

— Мне народа нечего бояться! Правду надо говорить вслух. Вслух, а не шепотом. Не шепотом! Понял ты меня? Провокаторы у людей под ногтями грязь ищут. А мне это ни к чему. Ни к чему! Понял? Ты мне скажи: в чем виноват Уктам? В чем? Ну? Он гадам и лодырям житья не дает. И молодец! Мошенникам мешает спекулировать? Так и надо! Хочет недостатки в колхозной работе устранить? Давно пора! Но ведь от этого всем нам польза! Или не всем из нас? Кому-нибудь это вредно? Уктам — честный друг, преданный. Он хочет в колхозе учет наладить, труд ценит, он уважает пот, который я проливаю. А если Уктам наладит электростанцию, разве Насимджан не протянет к себе на двор провода?

Насимджан вдруг положил ему на плечо руку и засмеялся каким-то странным смехом, словно закричала сова:

— Чего ты горячишься, богатырь? Герой ты мой! Я же знаю, вы с ним старые друзья. За здоровье друга и яд не страшно выпить. По правде сказать, Уктому и я друг. Лучший друг! От души! Может, я ошибся, неясно высказался. Люди со времен Адама ошибаются. Я же говорю в порядке критики. Вы не против критики? Или против? Не против? Ну, правильно! Критика полезна человеку, как сливочное масло. Ей-богу!

— Критика критикой, — глухо сказал Сабир, — а клевета клеветой!

Он встал. Глаза его горели яростью.

— И то, что ты тут говоришь, — это и есть клевета. Насимджан сухо засмеялся:

— Пошутил! Ну ей-богу ж! Хотел убедиться, каковы у нашего Уктама друзья. За истинную дружбу!

Он вынул из кармана и широким, размашистым жестом поставил на кошму бутылку водки.

Щелкнув себя по шее, он воскликнул:

— Эй, Баймат! Разливай да поживее! В такую ночь могут пить только поэты! Певца бы нам сюда. Посидели б, душу б отвели! Ну! За...

Но Сабир уже уходил в темноту по тропинке между густыми кустами хлопчатника.

* * *

Дня через три на рассвете Сабир возвращался с поля домой. Всю ночь он занимался поливом и теперь шел, глубоко дыша свежим воздухом и поглядывая на еще безлюдные поля.

За невысокой стеной слышались удары кетменя.

Сабир насторожился и тихонько подошел к стене.

Заглянув во двор, он вздрогнул: Анархон работала на своем приусадебном участке. Она окучивала овощи, пользуясь недолгим временем до начала полевых работ.

На Анархон было из тонкой ткани платье, украшенное затейливыми разводами узора, голову ее покрывал голубой платок.

Временами она распрямлялась. Движением головы отбрасывала косы на спину и снова склонялась к грядкам.

Иногда она прерывала работу, останавливалась, опершись на рукоятку кетменя, и прислушивалась к пению птиц, заполнявших маленький, густой садик.

Потом Анархон снова взмахивала кетменем.

Сабир смотрел и смотрел, словно зачарованный: как складно одежда облегалась ее стройную фигуру! Как ловко работала девушка!

Он стоял, навалившись на стену, и не мог оторвать глаз от Анархон.

Может быть, это было нескромно заглядывать в чужой сад? Но мог ли он сейчас закрыть глаза?

Нет, видно, такова судьба, — как бы он ни любил ее, как бы ни заполняла она все его сердце каждую капельку крови в нем, он должен был отказаться от нее, забыть о ней! Ведь ее полюбил Уктам! И разве Сабир имеет право стать между ними? Нет! Никто не дал ему права на это. Уктам храбр, благороден, честен. Любовь его может быть только твердой и чистой. Девушки не зря любят таких!

Сабир был убежден в этом и решил избегать встреч с Анархон. Если он видел ее, то старался издалека свернуть в сторону. Если сталкивался с ней лицом к лицу,

он проходил с опущенными глазами. Боль он хотел подчинить разуму. И только сейчас не устоял, когда увидел ее среди гряд, под зеленой сенью сада, полного звонких голосов птиц.

Сабир уже разогнулся было, чтобы уйти, и вдруг услышал шаги позади себя.

Он оглянулся и увидел Уктама.

Стыд и слабость охватили Сабира. Он готов был провалиться сквозь землю. Низко опустив голову, то краснея, то бледнея, Сабир поспешил прочь. Не туда, куда шел, а назад, откуда только что пришел.

— Эй, Сабир! — окликнул Уктам.

Но Сабир сделал вид, что ничего не слышит. Пошел еще быстрее.

Уктам пожал плечами: что случилось?

Затем мельком взглянул через забор, улыбнулся.

— Видно, Сабир стал застенчив. С каких же это пор?

А девушка, ни о чем не подозревая, копала и копала свои гряды в тени вишен и персиков.

* * *

Старый Мир-Хайдар, Уктам и позади них Каримкул шли по междурядьям, изредка перекидываясь словами.

На голове председателя высился войлочный колпак, одет Мир-Хайдар был в длинную, с открытой грудью рубаху. Уктам шел в белом льняном кителе, на голове — белая фаружка, на ногах — брезентовые сапоги. Новая, красивая ферганская тубетейка, как всегда, украшала голову Каримкула, шагавшего в новой полосатой сатиновой рубахе.

На краю хлопкового поля в тени густых деревьев они, обмахиваясь, присели на супу, где уже отдыхали несколько человек. Председатель совета урожайности нетерпеливо отошел к ручью, который, поблескивая, протекал между деревьями, и жадно глотая, долго пил.

Мир-Хайдар, улыбаясь, заметил:

— Вы пьете, словно верблюд, дружочек!

Каримкул, приподнимаясь, пожаловался:

— Удивительно, никак не могу напиться. Сколько ни пью — опять хочется пить. Кажется, от жары во мне не осталось влаги.

— Видно, вам мало пришлось работать в поле, — упрекнул его Мир-Хайдар.

С поля, перекрикиваясь, со смехом и шутками появи-

лась стайка девушек. Они присели на берегу арыка и с наслаждением долго мыли ледяной водой руки и почерневшие от солнца лица. Затем напилась и уселась рядком отдохнуть от зноя.

— О, если бы досыта выспаться вот на этой супе, — сказал подошедший Соаткул, обмахиваясь влажным платком.

— Ах, какой хитрый! — отвернувшись от него, с упреком сказала Анархон. — Поспать не плохо бы, да всему свое время. В некоторых местах хлопчатник редок, слаб. Вы об этом не забыли, братец Соатджан?

— Об-бо! — засмеялся Соаткул. — Уж будто бы плохой у нас хлопчатник, будто бы редкий? О боже! Не успеешь раскрыть рта, как на тебя обрушивается критика. Теперь скажете, что и шутить нельзя ни с кем из-за состояния хлопчатника!

Все девушки напустились на Соаткула, посмеиваясь над его «состоянием хлопчатника».

— Подождите, девушки, поговорим с вами осенью, — продолжая обмахиваться, ответил Соаткул.

Девушки весело расхохотались.

— Если есть что в котле, наберется и в половник, посмотрим, посмотрим, — поддразнивали они его.

Мир-Хайдар, громко откашлявшись, заговорил:

— Наш хлопчатник слабый и низкий. Вот посмотрите на хлопчатник колхоза «Свободный Восток», сравните его с нашим. Колхозники из этого хозяйства, да пусть возвеличится их труд, работали с усердием. Какая причина того, что хлопчатник у них лучше? Земля их не лучше нашей, климат тот же. Значит, причина только в труде. Своевременно поливали, вовремя провели культивацию, вовремя — чеканку, все было сделано как надо. Удобрение тоже имеет большое значение. И вот я никак не пойму, почему наши так не работают? Мало заботы у колхозников, очень много у нас лентяев, бездельников, вот в чем причина! Да вот еще упрямство председателя совета урожайности. Говорит, что сейчас хлопчатнику не нужна вода, что у нас еще есть время. Ошибается. Большая польза бывает, когда все делается сообща, общими силами. У нас воды много, не то, что в Кашка-Дарье или в Самарканде. У них трудно с водой. А у нас ее хватит.

Каримкул изменился в лице.

— Днем и ночью я тружусь над хлопчатником, а сейчас слышу такие слова. По моему мнению, еще рано

поливать хлопчатник. Полезно его поливать после того, как он перенесет большую жажду. Председатель наш прислушивается к советам Уктама и ошибается. Ладно, воля ваша, если считаете нужным сейчас поливать — поливайте! — Весь красный, он сел на свое место.

Поднялся агроном Соколов, оправляя свой китель:

— Председатель говорит верно: нет никакой разницы между землями «Богатыря» и «Свободного Востока». Конечно, все дело в труде. Посмотрите на поле у девушек. Их труд достоин похвалы. Не плохие поля и у Саксона-ата и у Сабира. Безусловно, наши колхозники, чтобы повысить урожай, должны трудиться, приложив все свои силы. Сейчас как раз настала пора полива. Иначе мы погубим весь хлопчатник.

Агроном, увлекшись, горячо продолжал свою речь:

— Хлопчатник капризное растение, требует сложного ухода. Молодежь у нас грамотная, но она мало читает агрономических книг о разведении хлопчатника. Это неправильно. Если мы теорию соединим с практическим опытом наших дедов, что может быть лучше!

Стоя прямо, расправив широкие плечи, Сабир заговорил:

— Вот возьмите вторую бригаду, — хлопковые кусты заросли сорняком, хлопок не пошел в рост. Между тем бригадир гуляет. Если мы не будем болеть душой за поля, — с неба, что ли, к нам свалится урожай? Весь секрет кроется в наших силах, товарищи!

Уктам подвел итог всему сказанному ранее:

— Правильно сказали товарищи агроном и Сабир, хлопчатник очень любит уход. Председатель совета урожайности человек вялый, безразличный, но, уважаемый Каримкул, давайте сообща возьмемся за дело. Своевременно начнем полив, удобрение, чеканку, окучку. Давайте потрудимся, подчиняясь всем правилам агротехники, чтобы поля наши блестели свежестью. Однако вы, Каримкул, намотайте себе на ус высказанные здесь советы. Во всяком недуге главное лечение — это самокритика.

Змея гнева, затаенная на сердце Каримкула, вдруг зашевелилась. Весь вспыхнув, он вскочил с места и дрожа, как от приступа малярии, крикнул:

— Уктам-бай, вы очень много наговорили. Ладно, не обратим на это внимания. Самокритика хорошее дело, от нее есть польза, наши плечи выдержат. Но все хорошо, когда уместно. Я земледелец, все мои предки занимались этим делом с самого детства. Я вырос среди хлопчатника. Я изучил и завязал узелком у себя на сердце

полив, чеканку, окучку — все, что касается хлопка. Если мы предпринимали что-либо, то только в соответствии с обстоятельствами. А как только приехал Уктам, началась карусель, началось самоволие, скандалы, сплетни, нарушился порядок. Вот каково положение, люди!

Его гневные, укоряющие глаза обежали всех присутствующих.

— Все недоразумения, неприятности оттого, что Уктам самовольничает. Он придумал для молодежи такие вещи, как футбол, шахматы и прочую чепуху. Он думает, что девушки будут играть в волейбол. Какой это позор! Каждый день ерундовые планы, чепуховые расходы, разорение. Но, светики мои, хлопчатник в большой опасности. Преступление в такую горячую пору морочить головы молодежи футболом и волейболом! Я трудился, вкладывая все свои силы, все здоровье, но теперь у меня нет больше сил. Если возможно, то, уважаемый председатель, освободите меня от моих обязанностей. Мне нужен покой: потрудился и баста... — Каримкул с раздражением сел.

Колхозники заволновались. Одновременно Анархон и Тансык вскочили с мест. Председатель хмуро посмотрел на девушек.

— Дайте мне слово! — попросил Уктам.

— Ответ хорошенько, смотри не оплошай, — крикнул Уктаму Сабир.

Председатель сказал Уктаму:

— Садись, бесполезно заводить словесные состязания. Прекратите пустую перебранку. В ближайшие дни созовем общее собрание. Покушайте маставу, да поплотнее, с хлебом, и отдохните немного, потом принимайтесь за дело, время — золото. Сегодня ночью будем поливать некоторые участки. — Председатель на минуту задержался перед Каримкулом, потом сказал: — Опозорились, стыдно вам! — И быстрыми шагами пошел прочь.

Начался обеденный перерыв, люди собирались группами, и долго не смолкал их разговор.

XIII

Возле двух огромных тополей, одинаковых, как близнецы, остановилась машина. Дорожная пыль взвилась облаком, и Сайрамов, выходя из машины, зажал ладонью рот, чтобы не дышать едкой пылью.

Он отряхнул свой белый китель. Обмахиваясь фуражкой, посмотрел на редкостные старые тополя и пошел вдоль поля.

Шел он медленно, сворачивая то в одну, то в другую сторону, внимательно осматривая налившуюся завязь и равнинная состояние растений на различных участках.

Ему понравился хлопчатник в звене стариков.

Сайрамов, думая об осени, о выполнении планов, всегда приглядывался к работе разных бригад и звеньев, чтобы учесть опыт лучших и распространить его по всему району.

Восьмидесятилетний Алимкул, заслонив от солнца узловатыми пальцами еще зоркие глаза, издали узнал Сайрамова и пошел ему навстречу.

Сайрамов обеими руками пожал руку старика:

— Здравствуйте, отец! Как себя чувствуете? Как здоровье?

— Пожалуйте, милый Рустам! Пожалуйте, товарищ Сайрамов! — приветливо отвечал старик.

Сайрамов любил разговоры со стариками. Беседы их часто длились подолгу. Но Алимкул был не только одним из опытейших мастеров хлопководства, — он за свою жизнь немало повидал. Умный, доброжелательный, многое из виденного он понял и оценил по-своему. Старик умел рассказать о пережитом своеобразно и выразительно.

Усадив Сайрамова на тюфячок, посланный на берегу арыка, старик предложил секретарю отдохнуть.

Сайрамов, хотя и сел, но взглянул на часы.

— Спасибо, отец! Некогда. Дел много. Я к вам по пути завернул. Проведать вас. Любуюсь на ваш труд. На вашу работу стариковскую. Превосходный вырастили хлопчатник. Замечательный! Просто скажу: большое спасибо.

— За что же «спасибо»? На себя работаем, не на хозяина. Я разумею: дел у вас много, а все-таки надо и отдохнуть. Надо выпить чаю. Без этого нельзя. Свободное время у вас бывает когда-нибудь? Чтоб посидеть без забот, без хлопот? Вы, небось, и спите кое-как, все торопитесь, спокойных снов не видите. А перед работой надо видеть счастливые сны. Пейте чай, пожалуйста.

Старик снял с горячих углей медный кувшин, налил Сайрамову крепкого, янтарного чаю и разломил лепешку.

Сайрамов взял кусок лепешки и с любовью посмотрел на старика:

— Ну, отец, как же идут у вас дела? Довольны ли вы жизнью?

— Все идет как надо, сынок. Люди говорят, что я будто заново родился. А уж если люди это заметили, значит, так оно и есть.

Старик засмеялся, мелко тряся белой, длинной бородой.

— Как бы в самом деле не помолодеть мне осенью, когда соберем урожай. Если и не стану молодым, останусь молодым.

— Как у вас дела на поле?

— Мои старики пока крепко держатся. Мы, конечно, кетменем тоже работаем. Что ж поделаешь? Хлопок — не репа и не кукуруза. Его нужно, как цветок, холить, окапывать бережно. Тут без кетменя не обойтись.

— Скоро электрическую силу добавим к хозяйству. Если урожай в этом году удастся, ваш колхоз сможет поставить гидростанцию. Будет дешевая энергия.

— Насчет этого у нас Уктам хлопочет, старается. Ночь станет светлой, как день! Надоели мне керосиновые лампы, ох, надоели, милый Рустам. Стекла у них до того квели! Глядишь, будто все хорошо, вдруг — хлоп! — лопается. Тьфу ты! И сидишь в темноте, как слепой, пока новое стекло не принесешь.

Старик отпил глоток чаю и улыбнулся:

— Недавно говорю невесткам... у меня три невестки, а их мужья, мои сыновья, все трое в армии... Один погиб, средний. А старший и младший здоровы. Они оба на германской земле служат. Командиры Советской Армии. А невестки у меня в доме хозяйничают. Меня и внучатами бог не обидел. Невестки и в колхозе на поле работают, и за ребятами поспевают смотреть, и хозяйство ведут исправно. Хорошие, дружные, из одного котла едим, хлеб-соль не делим. А ведь бывают, милый Рустам, и такие невестки, что едва замуж выйдут, как уже в сторону глядят, норовят отделиться, им легче яд проглотить, чем вместе из одного котла кушать. А у меня — другое дело; без моего совета шагу не ступят. О чем я говорил-то?..

— О ламповом стекле.

— Вот, вот! Я и состарился из-за этих самых ламповых стекол. Недавно говорю невесткам: зажигайте плоско, — она хоть и тускло горит, хоть от нее копоти больше, чем свету, да зато не надо стекол. А они мне: «Найди, отец, стекло!» Это и верно — с плоской ни шить, ни

кроить. И все какие-то диковинные платья теперь шьют. Складка на складке. Пуговица на пуговице. Сразу и не поймешь, с какого конца надевать такое. А поэтому и прошу, сынок, ставь нам скорей гидростанцию! Давай нам свету! Дай мне без забот на свете пожить. Что тебе для этого нужно? Воду? Чудно, право. Никогда не думал, что из воды можно сделать свет. Вот она, вода, что значит!

— Вода — великая сила, отец!

— И великое благо.

— Прежде эту силу пускали на мельницу да на ригорушку, а теперь на реке Сыр-Дарье строим Ферганскую гидростанцию.

— У нас и мельница-то в диковинку была. Помню, как хлеб дома камнем мололи.

— А скоро увидите, отец, как по всему Узбекистану засияют электрические огни. Но электричество нам в колхозах не только для освещения нужно: мы его запрежем в машины, оно нам будет и молотить, и пахать, и овец стричь, и коров доить. Наступает время великих строек. Великих работ. Отвоюем у природы все степи. Вырастут на них сады, зазеленеют поля, раскинутся привольные пастбища. Не по клочкам будем отбивать землю у степей, а целыми районами, огромными областями. У нас есть великая опора для любых дел — наша партия.

Старик, понизив голос, сказал значительно, как о самом сокровенном:

— Партия — родная наша партия нам открывает новые золотые долины. Я понимаю это. Стар я, но понимаю. Я уже вижу счастливую Фергану. Хотелось бы мне открыть грудь перед свежими ветрами нашей золотой долины Ферганы! Душа у меня светла, на сердце всегда теперь радость. Это ж счастье — жить в этакое время. Партия видит весь мир, от нее светло на земле. Пусть здравствует вечно!

Сайрамов смотрел на зарумянившееся, светлое лицо старика, и на душе его становилось легко, словно этот старик благословлял его на новую работу, на трудные дела.

Пришел Уктам.

Под немилосердными лучами солнца они втроем внимательно осмотрели поле стариков. Кусты хлопчатника, обильно унизанные завязями, были крепки. На отдельных кустах Сайрамов подсчитал завязи и весело подмигнул Уктаму.

Но старик сказал озабоченно:

— А все же, как подумаю об осени, начинаю сомневаться: ведь весна подвела нас, задержалась. Не рано нам улыбнулась. Теперь все из-за этого запаздывает. Успеем ли к осени наверстать?

Долго говорили, возможно ли ускорить созревание хлопчатника. Это было давней мечтой Сайрамова. В науке, в богатом стариковском опыте он надеялся найти путь к тому, чтоб ускорить рост хлопчатника, и потому с особенным интересом расспрашивал старого Алимкула.

Алимкул взял кетмень и занялся окучкой. В старых опытных руках кетмень играл, поблескивая на солнце. Старик с детства привык к полевым работам. Привык и к работе под горячим солнцем, легко перенося любой зной и самую тяжелую духоту.

Шадылбай был лет на пятнадцать моложе Алимкула, но казался старше этого восьмидесятилетнего молодца. Все его лицо покрывали морщины. Сам он сутулился, хотя и без того был невелик ростом. Но глядя на работу Шадылбая, Сайрамов удивился проворству и выносливости этого старика: Шадылбай не знал усталости. Он как-то недавно похвастался перед друзьями: «Бьюсь об заклад, я раньше, чем лошадь, пройду столько верст, сколько вам угодно назначить».

Сайрамов осведомился:

— В новый дом переехали?

Шадылбай поправил платок, перехватывающий его лоб для защиты от солнца.

— Переехал, братец, переехал. Будто в ханский дворец попал. Сразу всем просторно стало. А ведь семья-то у меня урожайная — тринадцать душ! И всем вдруг просторно. Просто не мог сперва понять, — как это так: всем хорошо! Вот что значит новый дом!

— А вы собирались в новом доме поставить каждому по кровати с пружинным матрацем. Этот план в каком положении?

— Перевыполнен.

— Как это?

— После кроватей куплен зеркальный шкаф. Дочки мои модницы. Желают себя видеть во весь рост. Пришлось исполнить, не то слез, не оберешься.

— Значит, все в порядке. Молодец, отец!

— Не все в порядке. Ведь у нового дома всегда найдутся причуды. То белить его надо. То на террасу перила нужны. То двери и рамы красить в небесный цвет.

А без этого у дома лица нет. Ведь в старину как говорили: «Без белил-румян мать свою отцу не показывай».

— Подождали бы немного, мы эти белила-румяна навели бы на дом, а тогда ключи бы вам вручили.

— Не надо, сам сделаю. Для меня большая радость — свой дом украшать. Маленько управимся с делами, новоселье отпразднуем. Такой пир закатим, чтобы потом всю жизнь весело было. Я уж целую корчагу черным виноградом набил — свое вино будет. Но одно условие: если сам товарищ секретарь на пир не явится, пир отменяется.

— Благодарю за ласку. Непременно буду. Первыми ударим бокалом в бокал.

— Ну, смотри, держи слово.

Сайрамов пробыл в этом колхозе дольше чем намеревался. Уктам провел его еще в другие бригады. Много ему показал, о многом расспрашивал и советовался.

Сайрамов был доволен осмотром полей «Богатыря», постановкой соревнования, настроением в бригадах. Проведя целый день среди полей, пройдя многие километры по неровным тропинкам между посевами, Сайрамов устал. Губы пересохли от сухого горячего воздуха и жажды. Уктам предложил ему отдохнуть.

Они сели в тени на свежей прохладной траве.

Невдалеке Сабир занимался на своем участке конной прополкой. Его хлопчатник считался лучшим в колхозе. Белый конь резво ходил по междурядьям, послушный твердой руке Сабиря.

Поравнявшись с секретарем, Сабир остановился. Конь покорно смотрел на хозяйшиа усталыми добрыми глазами: видно, стоило коню прервать работу, как он сразу почувствовал и зной и усталость. Сабир накинул ему на голову свой халат, а сам пошел к арыку.

Он принес огромный арбуз. Уктам тронул ладонью зеленую корку:

— Как лед!

Оказалось, Сабир еще с утра спрятал арбуз в траве возле арыка.

Холодный, сладкий, сочный арбуз был хорош в такой знойный, сухой день.

Сабир ушел к своему коню и снова начал пропашку, а Сайрамов вытер платком руки и губы, закурил.

— Вот, товарищ Сайрамов, есть у меня еще вопрос. Он хотя и не велик, а все-таки от него нельзя отмахиваться, — сказал Уктам.

— Какой же вопрос?

— Вокруг нашего колхоза летает одна залетная птичка.

— Хищная?

— Вот именно. Хотя клюв у нее, думаю, давно при-
тупился да и коготки обломаны. А все же...

Сайрамов насторожился.

— Ишаном себя называет. Бродяга, мракобес, а все-
таки...

— Я недавно слышал, что какой-то не то мулла, не
то ишан сунулся было в «Эльбад» предсказывать вся-
кую всячину. Он начал было проповедывать, а люди
над ним смеются. Старухи мне рассказывали: хочет,
говорят, уверить нас, что под паранджой мы кра-
сивее.

— Это, пожалуй, тот же самый.

— Сорняки надо выпалывать с первых же ростков.
Чем больше их запустишь, тем труднее от них избав-
ляться. Сам по себе сорняк и ничтожен, и беззуб, да за
ним следом стелется черная паранджа, прорастают
всяческие пережитки, всякие там приметы и амулеты.

— Мы, товарищ Сайрамов, примем меры.

— Главное не в нем самом. Главное — людям надо
разъяснить, откуда идет этот смрад, кому он выгоден.
В прежние времена ютились такие мракобесы где-ни-
будь около бухарских мечетей. А потом расплозились
поодиночке, шляются по дорогам, ищут, не найдется ли
где-нибудь пожива. Надо, разумеется, разъяснить это
людям.

— Я понимаю, — Уктам кивнул.

— У тебя мать здорова?

— Да, спасибо.

— Вот и с ней поговори о кочующих муллах и про-
поведниках. У нее есть подружки. Она, поняв тебя, по-
старается, чтобы те поняли ее. Ведь говорят же, что у
женщины, которая зайдет за ситом, на языке вертится
сто непросеянных слов. Всякие рассказы о муллах и
мракобесах по душе иным старухам. Ведь эти старухи
и не подозревают, на чью мельницу льют воду. А когда
вы им объясните, они поймут.

Сайрамов подошел к машине.

Шофер, безмятежно спавший возле ручья, ошалело
вскочил, протирая глаза. Смахнул приставшую к лицу
траву, надел фуражку козырьком на затылок и взялся за
руль. Сайрамов сел рядом.

- В Бешбулак, в сельсовет.
— В Фергану, в обком можем запоздать! — предупредил шофер, подавляя зеवоту.
Сайрамов взглянул на часы:
— Если будешь меньше зевать, успеем.
— За нами дело не станет! — с достоинством ответил шофер, выезжая на дорогу. И снова замелькали за стеклом стремительные тополя.

XIV

Ребята, во главе с Джурой, опять собрались в колхозном саду. Там росли яблоки отборных сортов, вишни и черешни, ароматные, мягкие, чуть хрустящие груши, сладкие и кислые гранаты и много-много других плодовых деревьев и кустарников. Что касается виноградника, то, начиная с «хусайни», «якдона», «шивиргона», «чараса» и кончая «бычьим глазом», «черным» и «перепелиным» кишмишом, там росли разные сорта. Они впитывали в себя горячую, солнечную кровь и наливались сладким, ароматным соком, но давно никто не заботился о них, не следил за их ростом. Несмотря на это, на виноградниках было немало ягод, и старики иногда, улучив минутку, срезали их для своего удовольствия.

Мир-Хайдар и Уктам, с сожалением оглядывая сад, не торопясь бродили среди фруктовых деревьев и виноградников. Проворные ребята залили сад водой, пустив ее из арыка. Между делом они шалили, сталкивали друг друга в арык, брызгались. Джура то покрикивал на них, то пытался наладить дисциплину уговорами. Сам он работал, стараясь быть примером для других.

Один из стариков, наполнявший мешки сушеным урюком и алычой, сказал соседу:

— Баловство этих озорников переходит все границы; отправь их, будем сами работать.

— Эх, не обращайтесь на них внимания, ведь они же дети. Баловаться — балуются, но поливают хорошо.

Солнце жгло. Небо было, словно бирюза. Вдали, похожие на мягкий шелк, скользили белые облачка.

Старики полами длинных белых рубах утирали пот с лица и поговаривали, что настали самые жаркие, душные дни.

— Это вот та самая жара, от которой чернеет чарас, — сказал один из стариков.

Мир-Хайдар то отрывисто говорил что-нибудь, то молча бродил по саду.

— Война наделала бед, сад этот был раньше подобен прохладному раю, помнишь? Посмотри на виноград, Уктам, — он тяжело вздохнул, — у меня душа разрывается от жалости...

— Разорено все, очень разорено, — заметил Уктам. — Действительно жалкий вид, посмотрите вот на те яблоки, черешни, как они захирели.

— Правда, они заброшены... Иногда поливал их, но мало. Теперь нам надо найти опытного садовника, который бы любил свое дело. Знаешь бывшего нашего садовника? Два года назад скончался. Был он отличным мастером, понимал в деле толк. И сейчас есть мастера, да некоторые из них переехали в Фергану, а остальные заняты на хлопке.

— Сначала сад нужно очистить от травы, проложить дорожки, разрыхлить землю, окучить... словом, работы хватит.

Когда они остановились возле стариков, кто-то шутя крикнул с крыши:

— Пожалуйста, угощайтесь сушеным урюком!

— Нет, пусть едят те, кому нездоровится, — тут же ответил Мир-Хайдар.

Старики заулыбались, их сморщенные лица оживились.

После короткой беседы, пересыпаемой шутками, Мир-Хайдар и Уктам направились к хлопковым полям.

Вода арыка медленно пропитывала иссохшую, изжаждавшуюся почву сада. Ребята, разрыхляя землю вокруг деревьев и виноградников, направляли воду к корням.

Джура деловито поил одну за другой яблонь, когда перед ним остановился застенчивый мальчик Эргаш.

— Посиди немного, ведь ты устал. Я тот ряд полил как следует, никак не напьются — земля поглощает всю воду.

Они сели вдвоем под дерево.

Достав из кармана бренок клочок бумаги, Эргаш протянул его Джуре и таинственно прошептал:

— Прочитай...

Джура развернул бумагу и прочитал стихи, протяжно, повышая голос, как учитель по литературе.

Эргаш, весь красный, сидел, низко опустив голову и пощипывая травку.

— Эх! — воскликнул он после того, как Джура кончил читать. — Не понимаешь ты стихи, плохо читаешь...

— Удивительные стихи, где ты их взял? — спросил Джура.

— Я их написал, я сам...—тихо ответил Эргаш, краснея еще больше.

— По правде? — растерялся Джура.

— Честное комсомольское слово. — Эргаш, подняв голову, прямо посмотрел в ясные глаза Джуры.

Джура, задыхаясь от волнения, вскочил.

— Я никому их не показывал. Ну как, нравятся ли они тебе? — дрожащим голосом спросил Эргаш.

Джура, стоя, несколько раз шепотом прочел стихи и одобрительно сказал:

— Ты их покажи учителю литературы, он тебе посоветует, поможет. Мне лично они очень нравятся! — И Джура обнял Эргаша за плечи.

— Учитель литературы в отпуску. Кажется, уехал в Андижан.

— Покажи другим учителям, покажи дяде Уктому. Стихи не бросай писать, старайся. Но ты всего стесняешься. Вот, оказывается, в чем дело, вот где тайна! У тебя есть талант, и если будешь стараться, станешь поэтом.

— Два года быюсь,— взволнованно произнес Эргаш. — Два года как мучаюсь. Скажи, хорошие они? — В голосе его послышалась мольба.

— Очень хорошие, есть прямо огненные строки. Но все же ты покажи их дяде Уктому.

Вдруг Джура, схватив кетмень, побежал к арыку.

— Вой-бой, очень разлилась вода! — с этими словами он поспешил поправить плотинки в ручейках.

Закончив работу, он заявил:

— Сейчас мы послушаем стихи одного поэта!

Пока ребята удивленно оглядывались по сторонам, Джура, улыбаясь, приказал Эргашу:

— А ну, читай!

Смушенный Эргаш начал тихо читать.

* * *

Уктам вернулся на поле, где работал Сабир.

Сабир отдыхал, прислонившись к шелковице, росшей в конце его участка.

Они закурили.

Уктам рассказал Сабиру обо всех впечатлениях этого дня. Рассказал Уктам и о мулле, забравшемся в их район.

Сабир слушал с интересом, но молчал. То, опустив голову, задумчиво глядел в землю, то подтверждал слова Уктам кивком.

Наконец Уктам прервал свой рассказ и с любопытством спросил:

— Что с тобой? Что не весел, что головушку повесил?

— Да ничего особенного! — попробовал улыбнуться Сабир. — Давай сядем. Я тоже хочу кое-что рассказать.

Уктам сел, удивленный.

Сабир рассказал о словах Насимджана, сказанных, когда они сидели у Баймата.

— Ты, Уктам, не зевай! Он хочет очернить тебя. Ты ему как следует накрути хвост. Так накрути, чтоб голос у него охрип, чтоб не было ему повадно впредь на честных людей кидаться.

— Насимджану удалось кое-кого расположить к себе. Он угодничал. Он лизал пятки кому попало. И уже есть дураки, вообразившие, что без Насимджана колхоз развалится, что Насимджан незаменим, и без него мы будем как без рук. Оттого этот трусливый заяц и разыгрывает из себя страшного тигра. Но мы его укротим.

— А я бы сразу ударил по таким шептунам. Чтоб нам не мешали работать. А тебе я скажу: будь обходительней с Мир-Хайдаром, чтоб не казалось людям, что у вас есть разногласия. Он — глава колхоза. Ты — секретарь колхозной парторганизации. Вы должны работать в тесной дружбе. И тебе это не трудно: ведь Мир-Хайдар человек хороший. Я так понимаю: трещинку между вами могут изобразить как расщелину.

— Я люблю его как отца.

— А я это знаю.

Сабир пошел к лошади и снова повел свой пропашник по междурядью.

Уктам задумчиво смотрел ему вслед, чувствуя, что Сабир не до конца высказался, что-то затаил.

Уктам захотелось подойти к Сабиру и спросить: «Что случилось? В чем я виноват перед тобой?»

Но вместо этого Уктам, не оглядываясь, ушел с поля.

Он пошел на участок стариков к восьмидесятилетнему Алимкулу.

Старик неумоимо продолжал окучку. Привычным взмахом кетменя он опрокидывал небольшие ломти земли, и они укладывались вокруг куста красиво и точно. Даже в этом было высокое мастерство земледельца.

Увидев Уктама, старик опустил кетмень, и только тут Уктам заметил усталость на лице Алимкула.

— Пора немножко отдохнуть, сынок. Ты что-нибудь хочешь мне сказать?

— Не столько сказать, сколько спросить, отец.

— Ну давай присядем здесь.

— Есть слух, что где-то вокруг нас бродит, как голодный волк, приезжий мулла и сеет сорняки в головы наших колхозников. Вот я и пришел посоветоваться. Как скрутить волку голову, чтобы он не отравлял нас бешеной слюной?

Алимкул, подумав, усмехнулся, помолчал и, снова усмехнувшись, сказал:

— От бешеной слюны человек умереть может. А от укусов мулл нас даже в жар не бросит — прошло их время. Кто послушает муллу? Один из десяти послушает? Нет! Один из сотни? Едва ли. Я тебе одну историю расскажу:

В одном месте была святая могила. И той могилой заведовал очень ученый и очень святой человек с таким длинным и почетным именем, что я теперь выговорить уже не смогу. И к той могиле на поклонение со всех сторон шли и ехали паломники и везли всяческие дары и приношения. И была святому человеку от святой могилы великая польза и огромный доход.

И у того святого человека был ученик, бедный человек, уехавший в Бухару учиться.

Когда бедному бухарскому ученику пришлось совсем трудно, он вспомнил о своем учителе и решил отправиться к нему просить какой-нибудь работы при святой могиле.

На последние деньги ученик купил в Бухаре осла и несколько лепешек, сел на осла и поехал.

Когда оставалось ему ехать еще верст девяносто, старый осел не выдержал, упал и издох.

Ученик растерялся: есть ему было нечего, ехать дальше не на чем, купить что-либо не на что, помощи ждать неоткуда.

Тогда ученик, в слезах, закопал возле дороги своего осла, сел над кучей земли и приготовился умереть здесь от голода и жажды.

Но в это время послышался звон колокола, и ученик понял, что по дороге идет большой караван.

Когда караван приблизился, ученик увидел богатство

купцов, нарядные уборы на верблюдах, и оттого собственная судьба показалась ученику еще печальней.

Один из купцов спросил ученика, что здесь случилось и отчего он здесь тоскует один-одинешенек.

Ученик ответил:

«Видишь, я сижу возле могилы. Я был учеником великого учителя».

И ученик назвал то самое длинное имя, какое я тебе никак не могу припомнить.

«Моему великому учителю было уже девяносто лет, и он перед смертью захотел поклониться святой могиле и приказал мне нести его на поклонение.

И я его понес. И нес его до этого места, но сегодня на заре он умер, и я похоронил его здесь. И вот сижу и плачу и не знаю, как же мне идти к той святой могиле, покинув здесь эту?»

Тогда купцы поговорили между собой и решили:

«Если так велик, мудр и свят был покойный учитель, его могилу нельзя оставлять в забвении и небрежении. Но следует воздвигнуть над ней каменный купол, это будет делом богоугодным и принесет строителям, по милости божьей, великую пользу и успехи в делах».

Так они и поступили.

Купол был воздвигнут над могилой осла, а ученик остался охранять ее и молиться о тех, кому угодно этой могиле поклониться.

Слава о святой могиле разнеслась во все стороны, и если прежде здесь останавливались лишь проезжие, вскоре сюда потекли паломники со всех сторон, жажда исцеления и помощи. И распространился слух о великих чудесах, исходящих от новой святой могилы.

И никто уже не шел к прежней святой могиле, но все устремились сюда.

Оставшись без паломников и без доходов, учитель с длинным и почтеннейшим именем огорчился и решил сам посетить новую святыню и посмотреть, что за человек ею заведует и нельзя ли войти с ним в деловое соглашение.

Старый учитель явился сюда и с великим удивлением узнал своего ученика-бухарца.

«Как же ты догадался устроить здесь это сооружение и отвлечь от меня паломников?»

И ученик рассказал ему, как он нуждался и как поехал на старом осле к нему, и как не доехал, и как закопал здесь осла, и как обманул купцов.

И учитель стоял, словно громом пораженный, и едва смог выговорить от удивления:

«Какое совпадение! Какое совпадение! Ведь то же самое случилось и со мной. Ведь и я начал с того, что у меня издох осел и я его закопал. Но у меня это случилось на пятьдесят лет раньше. Только и всего!»

Алимкул весело сплюнул и повернулся к Уктам.

— Вот, сынок, какую историю лет десять назад слышал я от своего деда. А дед мой жил здесь же, обрабатывал эту землю. Если в те времена народ рассказывал такие истории, не думаешь ли ты, что за годы советской власти он вдруг так изменился, что может верить вранью празднующающегося прохвоста?

— Все это верно, отец. Но есть еще одиночки, которые могут попасться такому мулле на удочку.

— Верно, — согласился Алимкул, — есть простаки. О них нельзя забывать. С ними поговорить не мешает. С поля стариков Уктам пошел к учителю. Уктам вошел во двор, полный цветов.

Учитель истории Сулейман Закиров встретил Уктам приветливо.

Высокий тридцатипятилетний Сулейман улыбался добродушно, и вокруг его глаз возникали сотни мельчайших морщинок, делавших лицо необычайно выразительным.

Учитель был в рубаше, в широких легких штанах, босой. В руках у него блестел кетмень, которым он только что окучивал кусты роз.

Учитель провел Уктам под сень больших, тенистых деревьев и усадил его там.

Двое ребят, оба одного роста и, как в сказке, неправдоподобно похожие друг на друга, с визгом бежали по двору, норовя облить друг друга водой из арыка.

Сулейман утихомирил их и, по обычаю, начал разговор расспросами о житье-бытье, о здоровье, о самочувствии родных гостей.

Уктам, отвечая хозяину, смотрел на виноградную лозу, обвивавшую огромный тополь, полную обильных гроздей, на темные сливы и на яблони, ветви которых сгибались до земли под тяжестью плодов.

По обе стороны арыка, пересекавшего двор, цвели чайные розы. Уктам полюбовался этим ручьем цветов.

— В Узбекистане мы не меньше восьми месяцев живем под открытым небом. Разве жалко потратить несколько дней, чтобы потом до поздней осени дышать ароматом

и жить в цветах? Вот почему их у меня так много, — сказал Сулейман.

Учитель начал собирать с ковра книги, лежавшие вперемежку с тетрадами.

— Я вижу, вы начали готовиться к зимним занятиям с учениками?

— Кроме того, я и сам ученик.

— Как это?

— Я готовлюсь сдавать кандидатский минимум. Здесь я учитель, а в городе я ученик. В педагогическом институте сдаю экзамены.

Во дворе вдруг появилась молоденькая девушка, тонкая и нежная, одетая в яркое платье. Подавая поднос с угощением, она смело поздоровалась с Уктамом.

— Моя сестренка Гульчехра, — представил ее Сулейман, — учится в Москве в театральной студии. Только что приехала на каникулы.

— Значит, скоро в нашем колхозе появится мастер искусства. Хорошо. Очень хорошо!

Он обратился к девушке:

— Давайте уговоримся: когда кончите свое обучение, приедете к нам в колхоз. Вам здесь очень хорошо будет. Даю слово. Вы будете служить народу своим искусством. А народ в долгу не останется!

— Дайте мне сперва кончить студию. Это дело не легкое, не простое. А без народа искусство не растет, это вы верно сказали. Это я буду помнить. Однако до вершин мне еще далеко.

— В искусстве надо всегда стремиться к вершинам. Однако нельзя думать, что путь к вершинам — это путь только искусства. Наш колхозный труд тоже направлен к вершинам.

— Я буду помнить это.

Девушка ушла.

Сулейман Закиров разломил лепешки и, обложив кусками хлеба плоды, уложенные на подносе, придвинул поднос к гостю.

— Прошу откусать!

Уктам взял большое, красное, похожее на гранат яблоко и, отирая его ладонью, объяснил учителю цель своего посещения. Он просил учителя помочь колхозникам в агитационной работе.

Учитель задумался, кладя в рот одну за другой виноградинки.

Уктам, поглядывая во двор, видел, как Гульчехра

мелькала среди деревьев, проходя легкой, шаловливой поступью, и казалось, что красный атлас ее платья по-добен пламени, перебегающему под ветерком.

Иногда мелькало и ее лицо за кустами пышных цветов.

Учитель привел несколько примеров из истории, когда изуверы и муллы пытались погубить деятелей науки и передовых мыслителей узбекского народа.

— Вот вам тема! — сказал вдруг учитель, ударив ладонью по низенькому столику, за которым они сидели.

Уктам встрепенулся и повернулся к нему. Он покраснел, думая, что учитель заметил, как он смотрел на девушку, и торопливо принялся за фрукты.

— «Ходжа Ахрар Самаркандский и его происки» — вот тема для моего первого доклада, — сказал Сулейман.

— Ходжа Ахрар? — спросил Уктам, глядя на учителя. — Слышал я о нем. Про него больше старики говорят. Объясните-ка мне, пожалуйста, когда он жил?

— Этот мошенник слыл ишаном среди всех ишанов, наставником всех суфиев. Жил же этот шейх пятьсот лет тому назад! — сказал Сулейман, подняв указательный палец вверх.

— Вот тебе и раз! — проговорил Уктам с досадой. — Вы бродите где-то далеко в веках, уважаемый учитель. Вы нам помогите разоблачить теперешних аферистов, тех, кто и сейчас пытается обмануть народ. К чему рыться в могиле Ходжи Ахрара?

— Спокойствие, Уктамджан, сохраните спокойствие! — сказал Сулейман терпеливо. — Ходжа Ахрар был известным предводителем духовенства. Он слыл в народе великим чудотворцем, мудрым шейхом и избранником божьим. А на самом деле этот Ходжа Ахрар был самым отъявленным обманщиком и жуликом, самым лживым из всех ишанов. На него работали тысячи рабов, он сосал кровь у тысяч людей и нажил себе такие богатства, которых не бывало у иного царя. Есть даже одна легенда про его несметные богатства. Вот послушайте.

Поэт Машраб, сев однажды на своего осла, отправился странствовать. Вам, должно быть, известно, что Машраб был поэтом с беспокойным пламенным сердцем; он то пешком, то на осле обошел и объездил многие страны. Кроме одного осла и единственного бубна, у него ничего не было. Так вот, этот самый Машраб, однажды выехав из города, видит в поле несметные отары

овец и спрашивает у чабанов: «Чьи это отары?» — «Ходжи Ахрара!» — отвечают ему. Едет дальше и в пустыне видит несметные табуны верблюдов. Спрашивает: «Чьи верблюды?» — «Ходжи Ахрара!» — отвечают ему. Машраб едет дальше и, перевалив через перевал, видит тысячи коней: «Чьи табуны?» — «Ходжи Ахрара!» — отвечают ему. Машраб рассердился. Сойдя со своего осла, он пнул его ногой в бок, крикнул: «Пошел и ты к Ходже Ахрару, пошел!»

— Что же это он, весь мир хотел проглотить, что ли, этот святой делец? — воскликнул Уктам, пораженный.

— А сколько земли и воды ему принадлежало! — продолжал учитель, отхлебнув чаю. — Ого! И ветер не в состоянии был пробежать от одного края его земли до другого. Видите теперь, кем был этот самый Ходжа Ахрар? А ведь он проповедовал отречение от мирской суеты, проповедовал в народе нищету, воздержание и вместо всех мирских благ обещал рай, сулил беднякам богатства в потустороннем мире. А сам? Жадный был человек! Ходжа Ахрар ненавидел просвещение, науки, школы. Был, например, такой случай: один из учеников Улугбека, крупнейший астроном своего времени Али Кушчи, как-то шел со своими учениками по одной из улиц Самарканда. Сидевший в это время у дверей мечети Ходжа Ахрар, увидев Али Кушчи, сказал своим мюридам: «Смотрите, вот идет старая сука со своими щенятами!» Таков был этот мракобес Ходжа Ахрар. Светлый день Самарканда он обратил в темную ночь. Только теперь, в наше время, народ избавился от заблуждений и пережитков, которые некогда проповедовали Ходжа Ахрар и его последователи. Все это — исторические, достоверные факты. Все это описано в этой книге.

Учитель поднял над головой одну из книг и снова положил ее на место.

— Книга эта издана Академией наук. Вот эти исследования и мысли ученых надо донести до народа простым, доходчивым языком. Ваше дело собрать народ, когда будет возможно, а ваш покорный слуга расскажет про похождения Ходжи Ахрара. Заодно мы разоблачим всех ишанов, суфиев и всяких проходимцев, какие попадают еще и в наши дни. Ну как, по душе вам это?

— Безусловно. Но вам нужно выступить самому. Вы сумеете выразить наши мысли простым и доходчивым языком.

— Нужно напомнить народу его прошлое, и тогда он яснее поймет свое будущее. По душе вам это?

— Как раз то, что нужно, чтобы всякие проходимцы не пытались тянуть нас назад.

Они условились о дальнейших встречах и наметили план совместной работы.

Уктам крепко пожал руку учителя.

У калитки Уктам сказал:

— В этом году мы от колхоза пошлем в высшие школы несколько юношей и девушек.

— Хватит у них сил?

— Выберем стойких.

— Хорошо это! А сам я вот о чем думаю: скоро вернутся дети, которых я учил. Они придут с университетским или институтским образованием. Они придут ко мне проведать своего бывшего учителя. А я? Все тот же, на том же уровне. Не хочу я остаться только бывшим учителем. Не хочу! Понимаете вы меня?

— Но ведь вы же учитель?

— Вот об этом я и хотел сказать.

— А моим учителем был Соатджап. Как вы к нему относитесь?

— Он мой друг. У него было отличное образование. Но он давно ничего не читает. Не хочет читать. Возится с перепелами. У него их штук двадцать. Висят в разукрашенных клетках и радуют старика своим истошным криком.

— Он давно учительствует. Многих вырастил.

— Я замечал: стоит ему раскрыть книгу, как его уже ко сну клонит.

— Я редко вижу его с книгой в руках. Это правда. Чаще его вижу, когда он пасет двух старых коз. Как его оторвать от этого занятия? Едва ли это возможно.

— Не беспокойтесь. Долго с ним мириться не будут. Предложат одно из двух — либо учиться, чтобы учить, либо пасти коз и уйти из школы.

— Жестоко это.

— А что же делать?

— Правильно. Другого выхода нет!

Сулейман кивнул.

Невдалеке снова появилась Гульчехра.

Уктам мысленно сравнил ее лицо с лицом Камилы.

Будущая артистка неожиданно подошла к Уктому и вручила ему свежий, еще покрытый капельками прозрачной воды букет.

Сулейман показал несколько цветов Уктаму — это были выведенные им новые сорта.

Уктам поблагодарил гостеприимных хозяев.

Он ушел.

И тотчас же за стеной прозвучал звонкий, чистый голос — Гульчехра запела о Москве.

Уктам приостановился, вслушиваясь.

Песня таяла в золотистом, предвечернем воздухе.

Может быть, девушка тоскует о Москве? Но ведь она только что оттуда вернулась. Она поет о Москве потому, что нельзя не любить Москву, город, в котором встречаются люди всех советских народов, встречаются, как в своем родном городе.

* * *

Болезненная жена Каримкула совсем слегла. Она была суеверна, предпочитала лечение у местных знахарей и верила таинственным заговорам и молитвам. Уже давно она просила мужа разыскать и привести к ней какого-нибудь человека, чтобы он почитал над ней молитвы и помолился бы о ее исцелении. Каримкул тоже не хотел звать к жене врача, он сам верил в чудодейственную силу молитв и заклинаний. Услышав, что в округе появился какой-то странствующий ишан, Каримкул забеспокоился, пытаясь напасть на его след и побеседовать со странником. Болезнь жены давала ему повод привести бывшего ишана к себе и требовала ускорить долгожданную встречу. Каримкул пустился на поиски и после долгих стараний напал на желанный след.

Ишан оказался неподалеку. На краю соседней деревни росли густые заросли древних деревьев. Там, в тени этих непролазных зарослей, в полном одиночестве, он сидел на ветхом коврикe. Маленький, сутулый, он смотрел из глубины глазниц пристальным недобрим взглядом. На голове его красовалась пышная белая чалма. Белоснежная длинная борода ниспадала на грязный, изношенный халат. Увидев Каримкула, ишан встал и с достоинством поздоровался.

Каримкул робко вымолвил:

— Осмелюсь просить вас, господин мой, посетить мою скромную хижину. За этим я и посмел искать вас и шел сюда.

— С божьей помощью, зачем я понадобился? Исцелить от недуга?

— Вы проникли в мои мысли, святой отец, — именно исцелить от недуга мою богоданную половину. Вся разболелась, несчастная. Если бы вы только почитали над ней из корана, бог снизошел бы к словам чистых уст ваших и ниспослал бы великую свою милость на болящую.

Ишан выпул из-под коврика четки, надел на босу ногу калоши и отправился в путь.

Проходя мимо колхоза, ишан сокрушенно бормотал: — Помилуй, господи. Помилуй, господи...

Но тут же он произносил и похвалы колхозам. Наконец спросил:

— Вы-то колхозник ли?

Каримкул гордо показал в сторону «Богатыря»:

— В том вон колхозе я председатель совета урожайности. Понятно?

Ишан одобрительно закивал.

— Так, так, так. Отлично.

Оба, наконец, вошли в дом Каримкула, прочитали вечернюю молитву, и затем ишан приступил к исцелению больной.

Он долго читал стихи из корана, щедро сплевывая в сторону, где по его предположениям притаилась нечистая сила.

Начитавшись и наплевавшись, ишан приступил к обильному угощению, щедро предложенному хозяином.

Каримкул усердно потчевал святого гостя:

— Кушайте, кушайте. Смиренно прошу вас, кушайте!

Ишан, откашлявшись, многозначительно и великодушно обещал:

— У меня есть одна молитва, хозяин. Я ее чернилами напишу вам. Больная опустит молитву в воду и пусть пьет эту воду. Тогда болезнь оставит ее.

— Хорошо. Очень хорошо, святой отец! — горячо согласился Каримкул.

— Эта моя молитва изгоняет всех бесов. И внутренних бесов из человека, и тех, кто терзают людей по наущению дьявола. Сразу и тем и другим станет жарко, и они оставят в покое бедную мученицу. Это не то, что нынешние доктора. Простачки лечатся у докторов, покупают какие-то лекарства, а того не могут уразуметь, что спасать человека надо от нечистой силы, тогда он и станет здоров. Найдутся у вас в доме чернила?

В это время вернулся домой внук Каримкула и с удивлением посмотрел на странного гостя, державшего в руках столь знакомую чернильницу. Узнав, что в гос-

тях у них сидит ишан, пораженный мальчик выбежал из дому. Мальчика, как страшный призрак, потряс вид ишана, свалившегося к ним в дом неведомо откуда, ведь в то время в колхозе столько говорили о вреде предрассудков и религиозных заблуждений. Он побежал прямо к Уктам. Но ни дома, ни в чайхане, ни в правлении Уктама не оказалось. Тогда мальчик поспешил к Усарджану.

Усарджану он и рассказал, что у них в доме сидит ишан.

Усарджан, услышав это, решил:

— Идем к вам домой!

Они пошли быстрыми шагами по кратчайшим тропинкам. Но вдруг увидели Уктама, стоявшего невдалеке с Сабиром.

Узнав об ишане, Уктам присоединился к ним, и все вместе они подошли к дому Каримкула.

Было уже темно. Каримкул, только что проводив гостя, вернулся домой. В это время к нему и вошли Уктам с Усарджаном.

Каримкул встретил их, приветливо кланяясь:

— Пожалуйте, пожалуйте.

Усарджан, не отвечая хозяину, торопливо спросил:

— Где ишан?

Каримкул спокойно и с недоумением развел руками:

— Какой ишан?

— Не прикидывайся! — прикрикнул Уктам.

Каримкул увидел внука и тотчас догадался обо всем. С пренебрежением он отмахнулся:

— А, это вас запутал мой внучек? Он наслушался разговоров об ишане, и ему теперь везде ишаны мерещатся. Мои женщины сегодня звали к себе какого-то лекаря, чтобы он им почитал молитвы. Я этого дела не касаюсь. Что он там читал, не знаю. Он как пришел, так и ушел. Из-за такой чепухи стоит ли поднимать шум?

Но Уктам увидел еще не убранное обильное угощение и понял, что Каримкул врет.

— Мы не поднимаем шума. Каждый может верить во что угодно. Мы только хотели убедиться, что председатель совета урожайности не только не подает пример остальным людям, а сам по уши увяз в старых поверьях, в темных предрассудках. Не только не подает пример, а зовет ишана к себе в дом, колхозников подбивает выполнять допотопные обряды и сам первый ходит при этом по домам, чтобы набить себе брюхо даровым угощением,

будто своего хлеба ему не хватает. Стыд и срам! Пойдем, Усарджан!

Уктам, сказав это, резко повернулся и ушел.

Он привел Усарджана к себе, прошел с ним через двор и показал на барана:

— Вот отвяжи барана и отведи Каримкулу.

Усарджан, торопливо отвязывая барана, приговаривал:

— Наконец-то! Хорошо, что опомнились. Ведь Каримкул везде говорил, что вы приняли от него подарок. Вы не знали об этом? А мы ждали, что вы сделаете. Теперь вы заткнете ему рот. Заткнете ему рот этой грязной шерстью!

Тетушка Сора, выглянув из кухни, с недоумением спрашивала:

— В чем дело? Что случилось?

Уктам говорил не ей, а Усарджану:

— Веди его. Веди скорей.

Тетушка Сора заохала:

— Так я за этим бараном ходила! Вон как он у нас разжирел. Чем это Каримкул провинился? В чем оплошал?

Усарджан ответил:

— Долго рассказывать. Как только этот баран переступил ваш порог, раскрылся грязный рот Каримкула, будто они с дядей Уктамом одного поля ягоды. Не должно этого быть. Не могут они быть вместе!

Тогда Сора покорилась:

— Ну, вам виднее, детки. Ваше дело. Вам виднее.

Усарджан с ненавистью, будто это был не баран, а сам Каримкул, поволок его со двора.

Уктам говорил матери:

— Это я, чтоб вас не обидеть, по вашему настоянию барана принял от Каримкула. Едва избежали позора. Хорошо, что вовремя спохватились.

Еще плохо разобравшись во всем, Сора сказала:

— Ну, ладно. Не расстраивайся, сынок. Не приняли подарок, и ладно. Значит так тому и следует быть.

И не очень весело вернулась к своему делу.

В обеденный час девушки, Уктам и агроном Соколов сидели под тенью деревьев и мирно беседовали. Было душно. Солнце палило огнем, словно от жары все таяло как воск.

— Пусть греет, пусть греет, — сказал Уктам, вытирая пот с загорелого лица. — Очень удачное в этом году лето.

— Верно говорите, дядя Уктам, урожай зависит от солнца, — сказала Тансык, окинув взглядом хлопковые поля, сверкающие под палящими лучами. Лицо ее сияло, в голосе чувствовалась радость.

— Ух, невозможная жара, я вот-вот растаю, — посоветовала Анархон.

Соколов взглянул на нее и усмехнулся.

Уктам вытащил чайник из журчащего арыка, сполоснув пиалушку, налил чай и, потчuya Анархон, сказал:

— Пожалуйста, выпейте холодного зеленого чая. Большое удовольствие, и очень полезно.

— Верно, истинные слова, испытал на себе, — подтвердил Соколов. — А ну, Уктам, дорогой, налейте, — добавил он по-узбекски, отчеканивая каждое слово.

Опорожнив одним глотком полную пиалушку, со словами «живите долго» он вернул ее Уктаму.

Девушки с криками «мне!», «мне!» заторопили Уктама.

— Эй, вы, полно вам, полно! — смеялся Уктам, раздавая холодный чай; наконец, высоко подняв пузатый чайник, нацедил себе половину пиалы и, выпив все, поставил пиалу и чайник на зеленую траву.

— Недавно Михаил Иванович дал мне прочитать одну книжку, — задумчиво сказал Уктам. — Я внимательно прочел ее и подумал: «Если в такой маленькой книжке столько хороших мыслей, значит наука велика, могущественна». Читайте, девушки, много есть интересных книг. Украшайте ваши умы. — Затем помолчал несколько минут и продолжал: — В книге, девушки, много рассказано об удивительных опытах андижанских, нанманганских и ферганских крестьян. Например, около двадцати лет тому назад один крестьянин — забыл его имя — при помощи омача и волов в шахматном порядке посадил хлопчатник и собрал хороший урожай.

— Да, да, много таких интересных случаев было, — бросая папиросу, сказал агроном. — Сейчас в некоторых колхозах и совхозах на отдельных участках проводят опыты. Пашут землю, в шахматном порядке засевают хлопчатником. Вот вы, молодежь, организуйте опытные участки, — обрагился он к девушкам.

Девушки внимательно слушали агронома.

— Видала, видала в Андижане кое-где, словно шах-

матная доска, клетками был посеян хлопчатник, — шепнула Дильшад на ухо Анзираг.

В этот момент подошли тетушка Хадича, Каримкул, Сабир и Мир-Хайдар. Девушки вскочили, приветствуя их.

— Сидите, сидите, мои дочки, — сказал Мир-Хайдар, присаживаясь возле Уктама.

Тетушка Хадича поздоровалась за руку с каждой девушкой и села возле председателя. А толстый Каримкул исподлобья, хмуро посмотрел на Уктама, опустил в сторонке, с трудом согнув ноги, и принялся растирать колени.

Сабир, как обычно неторопливо двигаясь, присел возле Анархон, исподтишка взглянув на девушек.

Каримкул, покосившись на опрокинутый чайник, буркнул:

— Нет чаю?

— Кончился, — ответила Хакима.

— Сбегай быстрее в чайхану, принеси, — сказал он ей.

Хакима нехотя подняла чайник и лениво побрела.

Мир-Хайдар неодобрительно взглянул на Каримкула и обратился к присутствующим:

— О чем беседа? Мы тоже слушаем.

— Очень интересные вопросы, отец-председатель. Мы беседуем об агротехнике, о селекции хлопчатника, вот чем мы заняты, — ответил Уктам.

Каримкул окинул Уктама хмурым взглядом и подумал: «Болтун, покойный отец его тоже любил поговорить. Уктам весь в отца».

— О чем это вы? — шепотом спросил Сабир у Анархон.

— Послушайте, узнаете о чем, очень интересный и важный разговор, — ответила, краснея, Анархон.

— Объясни нам, — громко попросил Сабир Уктама, пододвигаясь поближе к Анархон.

— Гм, — начал задумчиво Мир-Хайдар. — Наука, словно источник богатства, но мы, старики, бессильны, это не по нашим зубам. Вот на вашу долю выпало совсем иное время, светики мои, учитесь, трудитесь, старайтесь!

— Верно, отец Мир-Хайдар, сельское хозяйство ушло далеко. Много есть новшеств. Например, на севере и западе выращивают новые сорта пшеницы, апельсины и лимоны. Ученые работают напряженно, вдумчиво, пыт-

ливо. Хлопчатник — великое дело Узбекистана. Не знаю по каким-то причинам мы на это недостаточно обращаем внимания. С давних пор крестьяне, борясь за высокий урожай, искали всякие пути для получения его. Например, лет двадцать тому назад шахматным порядком посеял хлопчатник один крестьянин.

Сабир, слушая Уктама, еще ближе подвинулся к Анархон и, тяжело вздыхая, нагнулся к ней:

— Удивительные слова!

Анархон чувствовала его горячее дыхание и слушала биение его сердца.

— Хватит, сидите спокойно, — шепнула она ему. Вдруг их взгляды встретились, и девушка, запылав румянцем, отодвинулась.

Девушки, заметив их состояние, перемигивались между собой.

— Да! — покачал головой Мир-Хайдар, подтверждая слова Уктама. — Видел когда-то и я, светик мой, видел и даже говорил с этим крестьянином. На нескольких полях этим способом был посеян хлопчатник. Мне кажется, это интересная затея. Наука — великое дело! Возглавь молодежь, учи их с усердием. Вот есть у нас и Михаил Иванович...

Каримкул, бывший в плохом настроении, схватившись за обе коленки, ворчливым тоном вмешался в разговор:

— Все это пустое дело, фантазии. Уктам всегда всякими «якобы» или «говорят» морочит людям головы. Узбекская земля исстари дает богатый урожай. Для хорошего урожая надо иметь землю и воду, и только! Вот что кормит земледельца! Начиная от прапрадедов, все мы — крестьяне.

— А тракторы, комбайны, культиваторы? — с упреком крикнула тетушка Хадича.

Девушки засмеялись.

Каримкул буркнул:

— Верно, появились такие чудеса, как трактор, комбайн. Но, — он повысил голос, — узбеки с древних времен мастера в хлопковом деле, не забывают этого. Если хорошо поработать кетменем, пролить трудовой пот, осенью получите полный хирман урожая. Я тоже видел мастеров-шахматистов, все это болтовня, пустые словечки. Весь секрет в труде. Уктам отнимает у людей золотое время, забывая их головы пустяками, фантазиями. Выдумка, чепуха!

Наступило молчанье, некоторые грустно перешептывались.

— Все это старая болезнь, — сказала тетушка Хадича. — Всегда он препятствует всему новому. Мы знаем, что узбеки с давних пор — мастера хлопка. Но техника растет с каждым днем. Мы давно избавились от омача и волов. Вместо них пришел богатырь-трактор. Это просто чудо. Жаль, что мы неученые. Хоть немного обучились грамоте к старости. Наука — словно огромная река! Учись, познавай и ты, тебе только всего пятьдесят лет, — она в упор взглянула в глаза Каримкулу. — Шахматный порядок я тоже видела, знаю, что собирают большой урожай. Вы, Уктам, готовьте с агрономом молодежь. Глаза робеют, ухо выдержит. Действуйте с умом.

Мир-Хайдар, сидевший молча, опустив голову, заговорил опять:

— Печально, что долго оставались мы неграмотными, что молодость прошла в невежестве, в неумении читать, — произнес он с едва заметными слезами на глазах. — Но Каримкул неправ, он и нынче подходит к вопросу как неграмотный. Спинной он повернут к жизни. Времена, о которых он говорит, давно минули, друзья. Наука — великое и милое дело. Учитесь, учитесь! — добавил он.

Разгоряченный агроном что-то растолковывал Каримкулу.

Председатель поднялся с места.

— Идите, светики мои, идите на работу, не теряйте времени, солнце уже не так печет. Вставай, Уктам, поедем в райком, как бы нам не опоздать на заседание. На будущий год на двух участках произведем опытный посев шахматным порядком, авось будет удача! — сказал он решительно.

— Ладно, ладно, мы первые начнем, — с этими словами девушки разошлись по участкам.

Каримкул все время хмурился, а в последнюю минуту незаметно исчез.

* * *

Во второй половине дня усталый Джура вернулся домой. Маленькая его сестренка со своими подружками, весело кружась и бегая во дворе, играла в мяч. Джура сел на край супы. Сестренка его, смуглая, с черными, бойкими глазками, увидела брата и кинулась к нему.

— Где ты пропадешь? — торопливо спросила она.

— Какое твое дело, иди играй.

— Ты голоден? Там вон на полке есть яйца. Возьми пожарь себе, — заботливо сказала она и побежала за покотившимся мячиком.

Джура пошел на террасу. Рассеянный и голодный, он растянулся на разостланном одеяле. В этот день ребята собрались с утра в саду. Уктам поручил им очистить сад от сорняков и мусора, пробить дорожки, разровнять широкую, красивую площадку. Садовником назначили человека, который недавно, после ранения, вернулся с фронта. Он хорошо знал садоводство. Прихрамывая, он приходил время от времени проверять работу ребятешек.

— Дорожки получились узковатые, — сказал садовник. — Подровняйте их еще, они должны быть гладкими, как ладони. Посыпьте их песком, вот тогда их можно будет назвать дорожками... — Садовник снова уходил заниматься своими делами.

Когда присаживались отдохнуть, ребята упрашивали садовника рассказать им о фронтовой жизни.

— Э-э, братишки мон, фронт хуже ада, зачем вам слушать все это? Пусть вам будет суждено никогда не видеть войны. Пусть это несчастье минует вас, — с этими словами он садился в круг ребят и начинал рассказывать о фронте. Когда его спокойный рассказ подходил к основным событиям, он забывался и, охваченный воспоминаниями, начинал говорить с волнением, образно, оживленно: «Тогда мы так надавали фашисту...», «На головы их опрокинули огонь ада», «Мы их заставили поджать хвосты», «Мы захватили тогда фашистские машины, снаряды, танки, всю технику».

Дети, притихнув, одни нахмурившись, другие высоко приподняв брови, упоенно слушали его.

Сегодня тоже, как всегда, садовник делился своими фронтовыми воспоминаниями.

— ...Но в этом страшном бою двое из нашего кишлака погибли, были они смелые и бесстрашные джигиты, в сердцах у нас они остались навек, — сказал он, тяжело вздыхая.

— Не мой ли отец? — весь побледнев, спросил вдруг Джура.

— Э-э, братишка, ты Джура? То-то ты казался мне очень знакомым, напоминал... Ты очень вырос. Я думал, что вам известно об отце. Командир написал вам письмо, не получили разве? Мм... — от волнения он закашлялся.

— Нет, мы ничего о нем не знаем, извещения не

получали, — сказал Джура дрожащим голосом, оттого что не смог скрыть своего волнения.

— Судьба... судьба... — сказал после короткого молчания, печально опустив голову, садовник. — Что же делать, братишка, печалью дела не исправишь, возьми себя в руки, будь богатырем. Джигита горе не победит. Отец твой погиб героем, ты можешь гордиться. Он был человеком с большим сердцем...

Он долго успокаивал мальчика. Ребята принялись за дело. Но Джура, охваченный тяжелыми мыслями, с шемящей болью в сердце, встал и, совсем ослабевший, отправился домой. Его всегда сияющие, задорные раскосые глаза были затуманены печалью, время от времени он пальцами вытирал крупные слезы... перед глазами у него оживали одна за другой боевые картины: как под огнем, под взрывами снарядов и бомб его отец... «Отец погиб, погиб», — сказал он сам себе и уже больше не смог удержать града слез. Крупные, горячие капли жгли ему сердце, палили лицо... Долгое время он плакал, уткнувшись в одеяло, лежа один на твердой супе.

Вечером веселая мать вернулась с работы домой

— Знаешь, Джура, мне сегодня председатель и Уктам сказали, что я отличный хлопковод. Жаль, что я такая болезненная, быстро устаю.

— Да, вы хорошая, мама, — дрожащим голосом, с трудом произнес Джура.

— Почему ты такой печальный, глаза покраснели, плакал, что ли? — спросила мать, глядя на своего единственного сына.

— Сядьте, мама..

Мать и сын некоторое время помолчали. Джура, стараясь держаться как можно бодрее, рассказал матери о случившемся.

Мать кончиком платка вытерла слезы и рассказала, что в прошлом году Мир-Хайдар передал ей извещение о гибели отца Джуры, но посоветовал пока не говорить об этом сыну. Оказывается, втайне от Джуры его семья с помощью председателя справила по отцу поминки.

— Где извещение? — спросил Джура.

— Должно быть, у председателя, он хранит в правлении. Сын мой, твой отец был смелым, он мужественно сражался с гитлеровцами. Об этом написал письмо командир полка, а председатель прочел мне его. В письме было подробно написано обо всем...

— Вон сестренка играет, не говорите ей ничего, —

попросил Джура, печально и задумчиво опустив голову.

— Нет, сыночек, надо ей сказать, пусть лучше знает. Сколько людей погибло на войне. Пусть пропадет навеки война, обездолила она нас...

— Айнисе мы скажем потом как-нибудь. Мне ее очень жаль, бедняжку, — со слезами на глазах попросил Джура.

— Крепись, сыночек, крепись. Дай вам бог долгой жизни и счастья. — Мать, похоронившая свое неутешное горе глубоко в сердце, поднялась, чтобы развести огонь в очаге.

Когда стемнело, Джура направился к Мир-Хайдару. По пути встретившиеся ему ребята пригласили его в кино. Очень редко в кишлак приезжала кинопередвижка, поэтому молодежь с радостью встречала этот день. Джура молча, опустив голову, прошел мимо. На площади возле клуба толнился народ. В стороне стоял Уктам, растолковывая Усарджану, как навести порядок.

Ребята со спором, с криком тесно расселись по местам. Отовсюду тащили скамьи. Стулья ухитрились унести даже из правления.

Джура, тихо приоткрыв двери, вошел в правление. Председатель и Насимджан проверяли учетные книги. Стол был завален бумагами. Джура, не переступая порога, поздоровался с ними.

— А, что ты? — поднял голову Мир-Хайдар. — Сейчас начнется кино, светик мой. Посмотри, как расшумелись твои товарищи, словно наш кишлак переезжает.

— Нет, отец-председатель, я не пойду в кино, — тяжело вздыхая, ответил Джура.

— Э, чудак, — произнес Насимджан, приподняв голову. — Беги скорее, я сам бы пошел, но боюсь отца-председателя.

— Что ты хочешь сказать, что тебе нужно? Скажи, светик мой, может, кто обидел тебя?

— Я был в саду, наш новый садовник рассказал, как погиб мой отец.

— О, сыночек, узнал, услышал... Понимаю, понимаю. Но ты не огорчайся, светик, — председатель, нагнувшись, порылся у себя в столе и, достав конверт, протянул его Джуре. — Вот, сынок!

Джура подошел к столу, дрожащими руками достал листок из конверта и прочитал. Командир коротко описал героическую гибель отца. Слезы душили Джуру.

— Не огорчайся, светик мой, — Мир-Хайдар заботливо взглянул на мальчика. — Война закончилась нашей победой. Проклятым фашистам дан урок. Это все славные дела таких мужественных людей, как твой отец..

Джура кончиком рукава вытер слезы и осторожно положил конверт с письмом в боковой карман.

— Будь таким же смелым, как отец, сынок. Твой покойный отец был примерным джигитом, — сказал председатель с глубокой скорбью.

— Хорошо, я постараюсь, возьму пример с отца! — твердо и уверенно сказал Джура и пулей кинулся к дверям.

— Слава ему, слава! Будь мужественным джигитом, — сказал председатель.

— Хороший мальчик, но очень вспыльчивый, — покачивая головой, заметил Насимджан.

* * *

Мать и дочь сидели на террасе, тихо беседуя. Мать рассказала о трудностях войны, о ее жертвах, как бы готовя дочь к мысли, что ее отец, возможно, тоже погиб.

— Нет, папа мой вернется, правда, мама? В эти дни он мне часто снится, — сказала девочка, весело сверкая глазами.

— Возможно, что он пал смертью храбрых, много не думай, доченька, знай себе школу — может, ученой будешь, — настойчиво мать готовила свою дочь к печальной правде. У шаловливой девочки было много подруг, после школы она тут же уходила, не зная отдыха. Уставшая девочка положила головку на подушку и сразу уснула.

Когда Джура вернулся домой, мать сидела одна. Джура положил письмо в шкатулку и вышел на террасу.

— Мама, письмо я положил в шкатулку. Наверное, мы объявим траур. Но сестра будет плакать.

— Нет у нас другого выхода. Два-три дня поплачет, затем примирится. Я обливалась слезами тайком от вас, — сказала мать, стараясь скрыть навернувшиеся слезы.

Джура, печальный, ходил по двору, стараясь успокоиться.

Вдруг с соседнего двора послышались крики.

— Ну, — улыбаясь, произнесла мать, — кажется, лекарь начал лечение. Это все выдумки жены Каримку-

ла. Она, правда, все время болеет, но разве поможет этот лекарь?

— Каримкул суеверный человек. Пусть он лучше доктору ее покажет, — сказал Джура.

— Не наше дело, сынок, пусть поступают как им хочется. То зарежут барана, то заколют овцу, все выполняют какие-то обряды.

— Но Каримкул обкрадывает колхоз. У него несколько коров, есть и овцы, и козы; запасены мешки картонки.

— Помалкивай, ты еще молод. Есть Уктам, есть другие, кто сумеет поймать вора. Конечно, в один прекрасный день все это выплывет на чистую воду, — тихо сказала мать.

Лекарь, приговаривая, несколько раз стукнул камчой и ушел.

Ни Джура, ни мать долго не могли заснуть.

XV

Окончив работы в поле, комсомольцы собрались в колхозном клубе, вынесли к цветнику широкий стол и, снимая рабочей одежды, занялись подготовкой очередного номера стенной газеты.

Усарджан Султанов, заложив за ухо карандаш, диктовал передовицу. Худенький паренек записывал ее, морща лоб от внимания и усердия.

Другие старательно расклеивали материалы и, как художники, сощурившись или отойдя на расстояние, присматривались, хороша ли будет газета внешне.

Уктам принес статью о политическом образовании колхозников. Прежде чем передать Усарджану, он перечитывал ее, остановившись среди цветов. К нему подошел Усарджан.

— Хотели выпустить номер сегодня ночью, да не хватает материала.

— Свою заметку я сейчас отдам. А сам-то ты написал что-нибудь?

— Передовую. О роли молодежи в борьбе за урожай. Да времени не остается, чтобы сделать ее как хотелось бы. Конец не могу найти.

Кто-то крикнул из цветника:

— Усарджану не хватило вдохновения.

Усарджан вздохнул:

— Я уж и на луну смотрел, и на цветы смотрел, а вдохновенье так и не пришло. Хочется писать ясно и красиво. Не получается! А у нас и поэты свои уже появились. Свои собственные. Вот, внук Алимкула написал стихи: «В деревню нашу свет придет!»

— А ну-ка, прочитай! — заинтересовался Уктам.

Усарджан, держа в отставленной руке лист бумаги, запрокинув голову, громко прочитал стихотворение. Оно очень понравилось Уктому. Он улыбнулся.

— Пока только этот поэт построил электростанцию в нашем колхозе!

— Сверхмощную, — засмеялся Усарджан. — Вся деревня уже залита электрическим светом. Что ж, его мечты, может быть, скоро сбудутся?

— Сделаем все для этого! — твердо ответил Уктам. — Обязательно и безотлагательно. А поэта я знаю, сообразительный паренек.

Усарджан предложил послать его стихи на консультацию в Ташкент, в Союз писателей.

— Надо попросить там творческой помощи.

Уктам, одобрив это, посоветовал ребятам:

— Надо высмеять лодырей, написать стихи или фельетоны и в обеденный перерыв пойти по бригадам, почитать на полевых станах.

— Ильясхан заболел, а мы думали нарисовать карикатуры на лодырей. Он хорошо рисует карикатуры. Когда отстало звено Султана-али, Ильясхан изобразил черепаху, а из ее панциря высунул сонную голову Султана-али. Теперь Султан-али краснеет, когда встречается в поле с черепахой.

Их разговор был прерван. Возле клуба показалась стройная всадница.

Уктам стремглав кинулся ей навстречу.

— О, Камиля! Добро пожаловать!

Оставив ее лошадь под деревьями, он повел девушку к цветнику. Уктам смотрел на нее и растерянно, и радостно.

— Садитесь! Пожалуйста, садитесь сюда! — не слушая ее возражений, усаживал он ее в тени.

Камиля нагнулась, разглаживая рукой подол своего легкого платья.

— Верховая езда — мужское дело.

Он засмеялся:

— У вас с мужчинами равные права и обязанности.

Она выпрямилась и запрокинула голову, чтобы поправить волосы.

— А я устаю от долгой езды верхом.

— Такова участь всех председателей колхозов. Пока они не обзаведутся легковой машиной.

— До легковых ли нам! У меня грузовиков не хватает.

— Когда в колхозе есть трехтонки, дела, конечно, идут веселее.

— Еще бы!

Камиля присела на край скамьи и утерла шелковым платочком свое смуглое лицо.

Поверх платья на ней была темно-синяя шерстяная жакетка, и теперь Камиля сняла ее, чтобы стряхнуть пыль.

Ребята, занимаясь газетой, поглядывали на Камилю, тихо переговариваясь между собой. Может быть, смущенная их взглядами, Камиля рассеянно смотрела на цветник, на деревья, густо разросшиеся вокруг.

Уктам подозвал одного из ребят и что-то шепнул ему. Камиля прервала его:

— Не надо никаких хлопот. Я к вам не в гости приехала.

— Не торопитесь, — умоляющим голосом воскликнул Уктам. — Подышите воздухом нашего колхоза.

— Спасибо. Я ведь заехала к вам по пути. Где же Мир-Хайдар?

— В поле. Скоро должен вернуться. Послать за ним?

Камиля опустила глаза.

— Неудобно старика беспокоить. Если у вас есть время, лучше нам самим пойти к нему.

Уктам едва успел скрыть радость от такого предложения.

Они пошли пешком. Было душно. Заходящее солнце озарило все деревья огненно-алым светом.

Они пересекли пыльную дорогу и вышли в поле.

По временам Камиля останавливалась, с любопытством рассматривая хлопчатник. Потом снова узкой тропинкой быстро и легко шла впереди Уктама.

Уктам только теперь понял, как он истосковался по ней, как рад ее появлению, и сокрушался, что повел ее такой короткой дорогой.

Вскоре среди необозримого хлопкового моря зазеленела небольшая бахча. Уктам показал Камиле: под зелеными листьями золотились дыни — ароматные чугуры и

вскрытые тончайшей сеткой трещинок сладчайшие ананасы. Они были так хороши, словно сами просились в руки.

Уктам осенила надежда задержать Камиллю здесь: — Вы умеете выбирать дыни?

— Нет. А вы?

— Умел. Не хотите ли сыграть в «ширинаки»? Это состязание на умение выбирать дыню; спор, чья окажется слаще.

Он с тревогой ждал ее ответа, ему показалось, что она не очень торопится уезжать. Она озабоченно вздохнула для приличия, согласилась:

— Давайте попробуем.

Уктам, осторожно ступая между перепутанными плетями растений, выбрал ребристую дыньку сорта «одинадцать лун», на вид некрасивую. Когда он поднес ее к лицу Камилли и предложил понюхать, девушка даже закрыла глаза, наслаждаясь ее тончайшим ароматом.

— А теперь ваша очередь! — сказал Уктам.

Она долго ходила по бахче, заглядывая под листья, притрагиваясь и принюхиваясь ко множеству разных дынь. Наконец, выпрямилась, смеясь:

— Одна лучше другой. Ума не приложу, на какой остановиться.

Прядки волос, растрепавшись, выбились на ее веселое лицо. Она махнула рукой:

— Ах, на риск!

И быстро взяв одну из приглянувшихся дыnek, принесла ее Уктому.

Они выбрали место и сели на сухой, еще горячей соломе.

— Я, пожалуй, проиграю, — сказала Камилля, приподняв обе дыни и пощелкав их по коже.

— На что спорим? — спросил Уктам. И ей послышалось в его голосе что-то серьезное и значительное.

— Бескорыстно.

Уктам проворно вытащил из-за голенища острый, небольшой нож и мгновенно разрезал дыню, выбранную Камиллей.

Уктам похвалил дыню:

— Сдаюсь! У вас замечательный вкус! Словно соком роз и медом поливали эту дыню, пока она созрела.

— Нет, мне кажется она недоспелой. Зеленовата? А? Режьте-ка свою.

Дыня, выбранная Уктамом, больше понравилась Ка-

миле. Хваля ее сочность и нежность, девушка взяла еще одну дольку от этой дыни.

Уктам возражал ей, говоря, что его дыня менее ароматна, что она не так нежна, что она попросту перезрела.

Уктам рассказал Камиле, как однажды состязался со своим товарищем в «ширинаки» и как за полчаса они разрезали с десяток дынь, пробуя по кусочку от каждой. В конце концов у них перестали ворочаться языки от чрезмерной сладости.

Камиля отерла платочком рот.

— Да продлится жизнь того, кто сеял. И того, кто выбирал!

Уктам, заметив невдалеке ребят, подозвал и отдал им эти дыни.

Камиля шла, то чуть отставая, то чуть опережая Ук-тама, рассказывала о своих планах и о том, что по всему району в колхозах заметен подъем.

Хотя разговор их касался лишь общих и деловых тем, оба чувствовали растущее доверие, чувствовали, как дружба их постепенно крепнет.

— Наши комсомольцы горячо стоят за сильную электростанцию. Хотят сами стронть.

— Стройте непременно сильную. Наша уже слаба. Колхоз растет, сил у нее скоро не хватит.

— Мы еще не начали стройки, а собственный наш колхозный поэт уже воспевает ее, эту станцию.

— Стихи написал?

— Да, я очень доволен, что у нас есть свой поэт.

Камиля вспомнила свою первую любовь, поэта-одно-классника. Ей было немножко досадно, что в таком боль-шом колхозе, как ее «Эльбад», своего поэта еще нет. Она хотела бы, чтобы решительно во всем «Эльбад» был передовым. Она готова была все сделать, чтобы было именно так.

Уктам следил, чтобы ни одна ветка колючих кустов не коснулась развевающегося платья Камилы, забегал вперед и заслонял ее собою.

Когда переходили запруду на канале, он протянул ей руку и потом долго не отпускал, сделав вид, что забыл и не замечает этого. Лишь спустя некоторое время Ка-миля тихо и ласково высвободила свою руку. Покачав головой, она с укором взглянула ему в глаза:

— Не балуйте!

И прикусила нижнюю губу.

Уктам покраснел и невпопад заговорил о каких-то колхозных делах.

Они увидели Мир-Хайдара, пробиравшего одного из звеньевых.

Старик и Камиля встретились так сердечно, как дочь с отцом.

Звеньевой, молодой человек, стеснявшийся слушать попреки в присутствии столь известной председательницы колхоза, хотел улизнуть, но Мир-Хайдар предугадал это намерение и задержал звеньевого, заговорив тем же внушительным отеческим голосом:

— Что ты думаешь получить со своего участка? Ботву на топливо? Посмотри, весь твой хлопчатник пошел в рост. Новые и новые листья пускает. Ты его слишком много поливал. Неосторожно поливал, небрежно. А ведь отец у тебя замечательный хлопковод. И о твоём дедушке я слышал, как он в дупле старого тополя вырастил нежнейший и ароматнейший цветок. Что же ты от них отстаешь? Хлопок ты знаешь, а вот любви у тебя к нему нет. Поэтому и прилежания тебе не хватает. Ты подумай об этом. Я уверен, что ты, если подумаешь, иначе начнешь работать.

Дальше председатель пошел с Камилей, тихо разговаривая.

Насупившись, звеньевой сказал обиженно:

— Ботву рашу! А посмотрите, это что? Завязи? А это завязи? Не понимаю, почему он на меня напал. Не надо мне было попадаться ему на глаза. Увидел несколько рядков с краю и закипел.

Уктам, положив руку на широкое плечо звеньевого, тихо сказал:

— Рядом с твоим поле Усарджана?

— Усарджана.

— Скажи по совести: можно сравнить этот хлопчатник с твоим?

Звеньевой смутился:

— Разница есть.

— В чью пользу?

— В пользу Усарджана.

— А чем ты это объяснишь?

Звеньевой молчал, опустив голову.

— Ну, я тебе сам скажу. Земля у нас одинаковая. Так? Сил у тебя столько же. Он маленько выше тебя, да зато ты покоренастей. А разница в том, что Усарджан работал от души, а ты от души работаешь не здесь, а

на своем приусадебном участке. А надо бы сперва о колхозе думать. Ведь не приусадебный участок, а колхоз вывел твою семью из нищеты. Все твои богатства и вся твоя будущность хранятся в колхозе, а не на задворках твоего дома.

Голова звеньевого опустилась еще ниже. Брови сдвинулись; потупив глаза, он что-то хотел сказать, но выговорил нечто такое невнятное, что даже самому не захотелось договаривать.

Вдруг он поднял голову, строго глянул в глаза Уктам и сердито сказал:

— Ладно. Я еще посостязуюсь с Усарджаном. Скажете не поздно?

— Если труда не пожалеешь, поспеешь. Ведь сказал же Мир-Хайдар. Тебе не хватает опыта. Перенимай у старших. Советуйся с отцом. Желаю тебе...

Уктам крепко пожал ему руку, и тут же беспокойство охватило Уктама. Заговорившись, он потерял Камиллю. Он рванулся чуть не бегом вслед за Мир-Хайдаром, с которым ушла Камилля, но потом сдержал свой шаг, чтобы сохранить достоинство.

Они успели далеко уйти. Оживленно разговаривая, стояли, поджидая Уктама.

Дальше пошли уже втроем, но Уктам шел молча, чуть отстав, прислушиваясь к разговору.

Камилля рассказывала о вчерашнем собрании, где Сайрамов разоблачил председателя колхоза «Гулистан», расхищавшего артельное имущество.

— И правильно, — сказал Мир-Хайдар. — А там, где хозяйничают грязные руки, не будет ни здоровья, ни изобилия. Народу надо всей душой служить, если тебе народ доверился. Каждая украденная у колхоза соломинка со временем вырастет в бревно. У этого председателя было две жены. Позор! Ведь председатель должен колхозникам во всем пример подавать. А он что? Председатель — не князь, а такой же земледелец, как и те, кто его из своих рядов выдвинул. Но только лучше было бы его пораньше разглядеть: меньше бы у «Гулистана» потерь было. Меньше!

Мир-Хайдар пригласил Камиллю к себе в дом. Она отказалась, сославшись на срочные дела в «Эльбаде».

Садясь в седло, она ласково попрощалась с Уктамом. Он грустно упрекнул ее:

— Что же это вы? Даже нашего плова не желаете ответить.

Она, глядя прямо ему в глаза, улыбнулась:

— Спасибо. Но плов сначала пробуем у нас!

И опять он почувствовал не в словах, а в голосе ее что-то более значительное, чем выразили ее слова.

Уктам долго смотрел ей вслед. Задумчивый, грустный, он стоял у края дороги, где остались лишь следы подков ее резвой лошади.

Мир-Хайдар, внимательно взглянув на Уктама, покачал головой.

— Огонь, а не девушка! Умна, поговорить умеет. И душа у нее золотая. Счастлив, кому такая жена достанется.

— По какому делу она приезжала?

— Попутно. Меня, старика, проведать. Мы давно с ней дружим. Она и на собраниях всегда рядом садится. Мы еще на Фархадстрое с ней подружились. Я ее очень ценю, строгая девушка, напористая, деловая. Редкий человек.

Председатель ушел домой.

Уктам заглянул в колхозную чайхану. Напротив, в клубном саду, комсомольцы заканчивали степную газету. Усарджан, засунув руки в карманы, преодолевая дремоту, шагал между деревьями: ему никак не давалась заключительная фраза передовицы. Чайханщик Дадамат, только что возвратившийся с полевых работ, разводил самовар, протирал пилы, звенел чайниками и задумчиво, тихонько напевал.

Сев возле ручья, Уктам смотрел на струящуюся, исполосованную светом фонаря, словно перевитую золотыми змеями воду. Сердце Уктама ныло от радости и тревоги. Он припоминал все слова, движения и улыбки Камили. Ее лицо то возникало рядом, то на мгновение исчезало, то возникало вновь, но уже иное. Он думал, почему она взглянула на него так, а не иначе; почему ответила ему теми, а не иными словами. Но как бы ни смотрела она веселыми, темными, глубокими глазами, какие бы ни говорила слова, как бы ни улыбалась, о чем бы ни задумывалась — во всем уже чувствовал он ее доверие, ее растущее расположение к нему. Его радовало, что она держалась с ним так просто и свободно.

Но она появилась и уехала. И неизвестно, когда и как случится их новая встреча. Это наполняло его тревогой.

Однако Уктам чувствовал, что в следующий раз уже

не растеряется, что за этот день окрепла та ясная простота между ними, которую уже не может сломать никакая случайность. Он подумал, что для встречи с ней достаточно поехать в «Эльбад», а для поездки легко придумать какую-нибудь причину.

Но сомнения опять возвращались к нему:

«Образованной, ей с другими, может быть, интересней и легче? Ведь в ее обращении с Мир-Хайдаром было больше свободы и легкости. Она брала старика за руку и клала руку ему на плечо. Правда, он ей годится в отцы, но ведь ей он не отец все-таки...».

В это время, скользнув между деревьями белым пламенем фар, у клуба остановилась «эмка».

Уктам пошел навстречу приехавшим.

Из машины вышли ученые, которых за три дня до того Уктам встретил в райкоме у Сайрамова.

Они приехали в Фергану в составе большой ташкентской экспедиции. Перед ними стояла задача, изучив местные условия и почвы, разработать способы борьбы с солончаками. Предстояло сделать пригодными для культуры хлопка большие земельные массивы. Предстояло разработать методы обработки земли, прорыть стоки для соленых вод. В «Богатыре» было много солончаков. При мысли об этом глаза Уктам загорались: если бы с помощью науки удалось освободить от соли земли «Богатыря», перед колхозом раскрылись бы невиданные возможности. Сайрамов заметил волнение Уктам и поддержал его мысль. Правда, не было времени спрашивать мнение председателя по этому вопросу, но, видя столь явную пользу для общего дела, Уктам попросил ученых проводить свои опыты и взять анализы почв в «Богатыре». Ученые согласились. Сайрамов обещал Уктам объяснить председателю значение этих работ.

Профессора Акбар Мухтаров и Анна Александровна Комарова одеты были по-дорожному. Они поздоровались с Уктамом так, словно были давно знакомы.

Вынесли из клуба стулья и усадили гостей возле цветника. Мухтаров, смуглый сорокалетний толстяк, казался полной противоположностью Комаровой, высокой пятидесятилетней женщины, тонколицей, морщинистой, коротко подстригавшей свои седеющие волосы.

Заказав Дадамату для гостей плов, Уктам принес большую лампу и принялся снова горячо благодарить ученых за приезд.

— Ну вот, дорогой Уктам, обещали приехать и приехали! Садитесь, потолкуем.

— Отдохните, скоро придет председатель, тогда поговорим о делах.

Придвинув к себе лампу, Комарова что-то записывала в блокнот. Потом сказала Уктаму:

— Как мы и договорились с вами, нам не понадобится ничего, кроме одной комнаты. Нас всего пять человек. Жить мы можем на свежем воздухе, время теплое, сухое. Мы ко всяким условиям привычны. Как вы думаете, Акбар Махмудович?

— Совершенно верно. После адовой жары в песках эта долина кажется раем. Благословенная Фергана!

— Даже слов нет, чтобы высказать, как хороша Фергана! — добавила Комарова.

— В колхозе у нас просторно. Всего у нас в избытке. Мы вам создадим все условия, — сказал Уктам.

В это время Дадамат принес блюдо персиков, еще покрытых искрящимися росинками холодной воды.

Уктам пододвинул блюдо к ученым:

— Отведайте. После знойной дороги не мешает освежиться.

— Спасибо, — сказала Комарова. — По дороге мы столько ели фруктов, что еще есть невозможно.

Мухтаров напомнил ей:

— В Узбекистане не спрашивают, хочет ли гость есть, гостя заставляют есть.

Подняв очки на лоб, Комарова упрекнула Мухтарова:

— Не думаете ли вы, что товарищ Уктам способен совершить насилie?

Все засмеялись.

А между тем, под руководством Уктама стол уже заставили блюдами, полными разнообразнейших ароматных плодов.

Уктам хотел послать Усарджана за Мир-Хайдаром, но раздумал. Он поступил наоборот — с гостями оставил Усарджана, а за председателем пошел сам.

Мир-Хайдар сидел в своей новой беседке. Он протянул на ковре уставшие за день ноги и, облокотившись о перила, разговаривал с Каримкулом, который заметно покраснел и растерялся при появлении Уктама. Подкручивая свои роскошные усы, он отвернулся в сторону сада, и Мир-Хайдар отнесся к приходу Уктама равнодушно и заговорил о каких-то незначительных неполад-

ках в работе бригад, пожаловался на отставание в некоторых звеньях.

Уктам внимательно выслушал Мир-Хайдара, потом сказал о приезде ученых в «Богатырь», о научных целях гостей, о пользе, какую дадут их работы «Богатырю».

— Когда я встретил их в райкоме, я подумал: если они в нашем колхозе будут работать, первым свою пользу получит наш «Богатырь».

Пальцы Каримкула замерли на пышных усах. Он повернулся к Уктаму, подперев свой слоеный подбородок, и усмехнулся. Уктам не обратил на него внимания.

— Я и сказал, что мы будем рады видеть их у себя. И почет нам первый будет, когда на нашей земле они найдут способ обезвредить солончаки всего района.

Когда Уктам сказал это, Каримкул распрямылся и многозначительно откашлялся.

Мир-Хайдар спросил:

— А вы хорошо приняли гостей? Вы их угостите лучше.

— Они скромные люди, от всего отказываются, говорят, что ни в чем не нуждаются.

Мир-Хайдар спросил Каримкула:

— Как быть, с одной стороны, почтенные люди прибыли, с другой стороны, у нас и без них хлопот полон рот?

Каримкул ответил решительно:

— Я бы их хорошо угостил, а потом вежливо отправил бы восвояси!

Уктам сдержался, но дыхание у него перехватило, и гнев ударил в голову от этих слов. Он сказал тихо, но твердо:

— Почему вы так бонтесь науки? Ученые вам рук не свяжут. Расходов от нас никаких не потребуется. А когда польза от их работ будет, вам — почет, а колхозу — доход.

Каримкул уловил в этих словах, спокойно сказанных Уктамом, сдержанный гнев и крикнул:

— Такие вопросы надо сперва на правлении ставить. Такие вопросы только председатель вправе решать. Только он. Дай бог ему здоровья, он один может такой вопрос решить. А вы не слушаетесь его советов, своевольничаете. Когда этому своеволию конец будет?

Уктам не отступил:

— Председателя я уважаю не меньше, чем вы. Если нам и случается поспорить, это не может его обижать.

Он коммунист, понимает, что споры — не личные дела. Мы оба желаем успеха колхозу и работаем для этого. Ради этого иногда спорим. Кстати сказать, очень редко спорим. Мы оба за критику, а некоторые хотят критику звать спором, а спор — ссорой. Но таких людей мы со временем образумим. Что же касается своеволия, в данном случае я согласен с вами. Проявил своеволие. Не было возможности и времени посоветоваться с председателем, посоветовался с секретарем райкома. Он одобрил мое решение, и я пригласил ученых к нам в «Богатырь». Я вред этим принес? Или стремился к пользе? Я порядок нарушил? Разве наука нарушает наш хозяйственный порядок?

Каримкул молчал, отведя взгляд в сторону.

Уктам повысил голос:

— Вам нечего сказать, Каримкул. А вот нам еще придется говорить с теми, кто свои личные интересы прячет за спиной председателя. У нас есть такие, что под видом общественного дела устраивают свои делишки. Мы заставим их ответить за это.

Уктам обернулся к Мир-Хайдару.

— Пускай бы Каримкул подсчитал, сколько у нас солончаков, что мешают развитию хлопководства. Он отвечает за урожай. Пускай бы Каримкул сказал, что сделано колхозом для улучшения почв?

Уктам гневно посмотрел на Каримкула.

— Отчего зависит урожай, — от почвы или от вашей болтовни?

Каримкул сурово сдвинул брови, принял неприступно-горделивую осанку и сказал недобрым, глухим голосом:

— Мы ценим науку. Но земледелию мы не у профессоров учились. У хлопководов наука в голове. Он ее крепче, чем книгу, помнит. Что ученые скажут: ройте сточные каналы, спускайте соль с полей, промывайте землю. Это еще наши деды делали. Какая новость! А свою землю мы и без ученых знаем. Ученые пускай выдумывают то, что им полагается: хлопкоуборочную машину, например. Придумают, я им скажу спасибо, пловом угощу! А эти навезут всякие там инструменты-брументы, перетопчут посева, откланяются, и тем дело кончится. Ну их!

Уктам не ожидал столь прямого выпада против ученых со стороны председателя совета урожайности. На собраниях Уктам неоднократно критиковал деятель-

ность совета урожайности, и видно, это накопело в Каримкуле, и он уже не смог себя сдержатъ.

Мир-Хайдар при этом сидел, закрыв глаза, стараясь изобразить безучастное спокойствие на лице. Но зная Мир-Хайдара, Уктам чувствовал, что старик не остается в стороне, что он вникает в смысл спора, думает, кто здесь прав.

Уктам спросил Мир-Хайдара:

— Что же делать с гостями?

Мир-Хайдар еще не разобрался, кто прав. Он сказал примиряюще несколько слов о необходимости жить дружно и работать спаянно. Потом, помолчав, добавил:

— В словах Каримкула зерно истины есть. Но он перехватил. А опыты у нас в колхозе и меня не очень интересуют. Лучше бы их ставить в других колхозах. Когда установят истину, мы ее перейдем, используем ее у нас.

И поспешил объяснить Уктаму:

— Только смотри, Уктам, чтобы гостей ничем не обидеть. Иди к ним скорее. Объясни им наш взгляд тонко, осторожно. Если я сегодня не смогу их повидать, завтра приведи их ко мне завтракать.

Уктам, вскочив, молча ушел со двора председателя. Тяжесть опустилась ему на сердце. Он не знал, что скажет ученым. Они могли подумать, что приглашение Уктама было безответственным, что все это было обманом и попыткой пустить им пыль в глаза. И вместе с тем Уктам был убежден, что поступил правильно, что иначе и не должен был поступить: он не мог недооценивать глубокого значения исследовательских работ. Он решил завтра же этот вопрос обсудить на партийном бюро колхоза. Надо решить, кто же прав.

Подумав о том, что завтра партийное бюро выскажет свою точку зрения и все станет ясно, он почувствовал облегчение. Спокойный и решительный, он подошел к гостям.

Ученые в это время оживленно объясняли Усарджану, как будет составлена почвенная карта всей Ферганы.

Усарджан слушал ученых с напряженным интересом.

Когда подошел Уктам, Усарджан тревожно шепнул:

— Что случилось? Где председатель?

— Потом скажу. Он не хочет.

— Упрямый старик.

Дадамат подал огромное блюдо золотистого ферганского плова. Он поставил на стол огурцы, помидоры и

лук, столь затейливо и нарядно разложенные на тарелках, что ими можно было любоваться как произведением художника.

Уктам открыл бутылку белого виноградного вина и разлил его по маленьким пиалам.

— Будем пить без председателя? — спросил Мухтаров.

— Он, может быть, попозже придет. В основном вопрос решен. Прошу вас! За успех вашего полезного дела!

Комарова, отпив вина, принялась за плов, похваливая мастерство повара.

Гости мало пили вина и мало ели. Плов на блюде уменьшался медленно.

Выпив чаю и поблагодарив за гостеприимство, гости неожиданно поднялись.

Уктаму пришла мысль, что ученые догадались о мнении председателя. Он растерялся:

— Куда же вы на ночь глядя? Зачем вы хотите нас обидеть? Оставайтесь!

Мухтаров взглянул на часы:

— Нет, спасибо. Мы хотим сегодня побывать еще в «Эльбаде».

Мухтаров не мог не заметить огорчения в глазах Уктам и поспешил объяснить:

— В «Эльбаде» находится часть нашей группы. Мы решили проводить опыты одновременно в нескольких колхозах. Дня через два нам доставят лабораторное оборудование, и начнем работать. Спасибо вашему колхозу за гостеприимство.

Комарова сказала Уктаму:

— По правде говоря, я устала за день и очень бы хотела сегодня остаться у вас. Но мы условились с товарищем Салимовой вечером встретиться у нее. Она девушка принципиальная, любит точность. Так что надо выполнять обещание. Как говорится: давши слово, держись...

Гости уехали, довольные этой встречей с Уктамом, а Уктам, взяв под руку Усарджана, повел его, чтобы рассказать о разговоре у председателя и посоветоваться.

* * *

Когда Каримкул ушел, Мир-Хайдар надел новый халат и собрался пойти к ученым гостям.

В это время пришли родственники, которых председатель давно не видел. Пришлось посидеть с ними.

Наконец, попросив извинить его, он вышел на улицу и по дороге встретил Насимджана.

— Далеко ли вы собрались, отец? — спросил Насимджан.

— К нам приехали ученые гости.

— Они уже уехали! — весело махнул рукой Насимджан.

Сердце Мир-Хайдара упало. Сразу ослабев, он не смог скрыть своего испуга:

— Почему? Куда?

— В «Эльбад»! Вы редкого ума человек, отец! Нельзя не восхищаться. Именно так и следовало повернуть этот вопрос. Мне Каримкул сейчас подробно все рассказал. Можете верить, я вас полностью одобряю! Просто от души рад, что так все кончилось! Опыты! Знаем мы эти опыты! Этим Вильямсам у нас надо учиться, а не нам у них!

Мир-Хайдар молчал. Насимджан разгорался:

— А с чего все началось? С того, что Уктам не хочет вас слушать, не хочет с вами жить в согласии, своевольничает.

Мир-Хайдар вдруг перебил его:

— И правильно делает, что спорит. Он и должен спорить, если не согласен. Уктам не должен соглашаться, если я чего недопонимаю. А какой же он секретарь будет, если на мои ошибки станет кланяться: «Будьте здоровы»! А ты... Знаешь кто ты такой? Ты... болтун. Вредный болтун. К тебе еще присмотреться надо!

Насимджан даже присел, будто ему со всего размаха дали по уху.

Он хотел было что-то сказать, но язык ему не повиновался. Мир-Хайдар и не ожидал от него никакого ответа. Он, не задерживаясь, ушел, опустив голову, думая:

«Что же я наделал? Что обо мне подумают! Вот и слушай дураков и подхалимов. Будешь слушать этих вот насимджанов да каримкулов, не до того дойдешь! Приехали такие люди, каких надо было бы звать и просить, а я...»

Он даже скрипнул зубами от досады и от обиды на самого себя. Невыносимо, когда себя уличишь в глупом поступке.

«Ничего глупей не придумаешь! Ведь если бы опыты удались, они от нас перешли бы к другим колхозам. Не в чести дело, в пользе. Мы бы помогли ученым, а

ученые — всему нашему району. А ведь дело-то наше — общественное. Всему б народу польза была!»

Он шел по темной дороге, ступая тяжело и сердито.

«Они небось подумали, председатель стар, из ума выжил! Председатель, мол, вообразил, что мы к нему пляски плясать приехали. И поехали в «Эльбад», там председатель молодой, голова у него не замусорена, сил ему не занимать!»

Так, мучаясь, не зная, с кем отвести душу, Мир-Хайдар остановился: ему захотелось разыскать Уктама. Но тут же он отогнал эту мысль — сейчас старику стыдно было встречаться с Уктамом.

Мир-Хайдар стоял один в темноте, на черной, ночной дороге. Он был в нерешительности, озирался по сторонам. Слабость и уныние подавляли его.

Вдруг он пошел быстрым, не по возрасту легким шагом. Несколько минут спустя, он уже входил на конный двор.

Кони, всхрапывая, похрустывали свежей, ароматной люцерной. Конюх, напевая, сидел на завалинке. Он, по обыкновению, встретил председателя шутками и прибаутками, но тотчас смолк. Никогда еще он не видел своего председателя в таком гневе.

Мир-Хайдар, едва сев на свою смирную лошаденку, так ее хлестнул, что лошадь с непривычки присела и вздыбилась, а конюх поспешил убраться с глаз долой.

Ночь была глухой. Где-то вдали грустно верещали лягушки. С полей иногда доносились голоса поливальщиков.

Мир-Хайдар обычно ездил не спеша. Но сейчас гнал лошадь вскачь. Он был доволен своим решением, но временами в нем шевелился стыд: удобно ли старику появляться среди ночи в «Эльбаде». Что подумают? Тут же он отгонял эту мысль:

«Пусть думают, что угодно! Что угодно! Дело прежде всего!»

Он подъехал к правлению колхоза «Эльбад».

Кампли здесь не оказалось. Секретарь повел Мир-Хайдара в сад, где устроились ученые гости.

Мухтаров, уже одевший длинный ночной халат, лежал на широкой кровати под электрической лампой и перелистывал книгу. Мир-Хайдара он встретил радушно, приняв его за одного из стариков «Эльбада». Он усадил старика на табуретку и расспросил о здоровье, о житье-бытье.

Мир-Хайдар, чувствуя, что стыдится и краснеет, как мальчишка, придавая голосу твердость, сказал:

— Я председатель колхоза «Богатырь». Не обижайтесь, что побеспокоил вас так поздно.

Мухтаров посмотрел удивленно:

— Пожалуйста! Но мы только что оттуда...

— Вы меня простите. Я совершил большую ошибку...

— Что вы! Не стоит говорить о пустяках. Мы разве не понимаем, как мало времени у председателей колхозов.

— Друг мой, председатель вдвойне виноват, если в таком серьезном и важном деле проявит недопонимание, недооценку.

Мухтаров улыбнулся:

— Но ведь нас встретили хорошо, гостеприимно, приветливо. Мы вашему колхозу очень благодарны. По всем вопросам у нас с вами разногласий нет, мы этому очень рады. Будем работать сообща, помогать друг другу.

Мир-Хайдар почувствовал облегчение. Выпрямившись, он вытер рукавом вспотевший и пыльный лоб. Но все еще не веря своим ушам, спросил:

— А вы у нас будете проводить опыты?

— Непременно! Тут двух мнений быть не может. А вы что же думали, это пустое обещание?

Теперь Мир-Хайдару стало ясно: Уктам не выдал своего председателя, скрыл его ошибку. Если б Уктам сейчас оказался рядом, старик не постеснялся бы крепко обнять его.

Смело глядя в глаза Мухтарову, Мир-Хайдар подробно расспросил о существе предстоящих исследований и опытов.

Мухтаров объяснил. Слова ученого не расходились с тем, что рассказал за несколько часов до того Уктам.

Ученый очень интересовался мнением старика по многим вопросам. Мир-Хайдар отвечал с готовностью и от души. Бывший батрак, еще недавно вместо подписи ставивший на бумагах отпечаток своего пальца, долго разговаривал с профессором и помог ученому прояснить некоторые смутные вопросы. Они разговаривали непринужденно, пересыпая беседу шутками, и прерывали ее нехотя, чувствуя, что эта встреча — лишь начало большой и плодотворной дружбы.

Мухтаров проводил старика до ворот.

Мир-Хайдар посмотрел вокруг:

— А где же ученая женщина, приехавшая с вами?
— Ее товарищ Салимова увела к себе домой.
— Прошу вас передать ей мой горячий привет.
— Спасибо, обязательно передам!
— Так я с нетерпением буду вас ждать! — взволнованно сказал Мир-Хайдар, садясь в седло.

Старик вернулся радостный и возбужденный.

В чайхане Дадамат, протяжно позевывая, убирал посуду. А Каримкул одиноко сидел над шахматной доской, играя сам с собой и пытаясь найти ошибку, из-за которой он проиграл партию комсомольцу.

Появление председателя на взмыленном коне Каримкулу показалось громом среди ясного неба. Каримкула ошеломил и нетерпеливый вопрос Мир-Хайдара:

— А где Уктам? Нет его здесь?
— Только что ушел домой. Позвать его?
— Не надо.

Мир-Хайдар спешился и присел невдалеке от Каримкула.

Сгребая раскатившиеся по ковру шахматы, Каримкул сказал:

— А ну, сыграем, что ли? Мы давно не играли.

— Я по горло сыт вашей игрой! — закричал, теряя самообладание, Мир-Хайдар. — Сыт по горло!

— В чем дело? — вытарашил глаза Каримкул. — У вас дурное настроение? Пакости делает Уктам, а свое раздражение вы срываете на мне, будто я заодно с ним!

— В том-то и беда, что вы не заодно с Уктамом. Не будь вас, у меня меньше было бы споров с ним, больше было бы доверия к достойному человеку.

— Я всегда считал вас близким родственником...

— И я считал. А вы обыграли это, как плут. Нечестный вы человек. И нечистый!

Злоба охватила Каримкула:

— Докажите, в чем я плут?

— В том, что вы у нас воду мутите. В мутной воде рыбу ловите. Я только что из «Эльбада». Ездил позвать ученых к нам в колхоз. У нас будут производиться опыты. Вы отвечаете за урожай, вам следовало бы первому хватиться за помощь науки. А что говорили вы? Чем вам помешает наука? Она помешает вам плутовать!

Каримкул попытался отшутиться:

— Вот тебе и на! Так-то вы цените старую дружбу! Семь пятниц у вас на неделе.

— Я исправил свою ошибку, а вам это не по душе. Нам

нужны люди, способные исправлять ошибки. И чтобы они умели ценить критику и слушать советы умных друзей. А ваше поведение не обеспечит нам успеха в борьбе за урожай! Вы не любите критики. А критиковать любите. Уктама так раскритиковали, что я чуть не поддался вашим словам. Нет! Довольно! И электростанцию будем строить по его плану. Поняли? А о вас я буду говорить на партсобрании и в правлении, и на общем собрании колхозников, чтоб все видели, какие люди еще есть среди нас. Вроде этого муллы, что где-то тут недавно шлялся. Хватит!

Мир-Хайдар с такой силой ударил плеткой по ковру, что шахматы охнули в своем ящике.

Разгневанный старик ушел, а Қаримкул еще долго сидел, обессиленный, не зная, как понять все происшедшее. Наконец он встал и ушел.

ДадаMAT погасил лампу.

* * *

Мир-Хайдар убедился, что нелепые слухи об Уктаме Қаримкул распространял из ненависти, пытаясь подорвать в народе доверие к Уктаму.

Стало ясно Мир-Хайдару и то, что Қаримкул много лет вредил колхозу своей работой, что это вор и взяточник, а не труженик.

Мир-Хайдару было горько осознать, как долго он верил этому человеку, как долго был слеп и глух, как беззаботно отбрасывал все сомнения, время от времени возникавшие в отношении Қаримкула.

После долгих раздумий Мир-Хайдар созвал общее собрание колхозников. Он не объявил заранее повестку. Для многих неожиданным было, что Мир-Хайдар первым взял слово и с непривычной резкостью заговорил о Қаримкуле.

Председатель говорил горячо, убедительно, приводя пример за примером печестной, корыстолюбивой деятельности Қаримкула. Люди давно видели темные дела Қаримкула, но терпели их до поры до времени. Никто не ждал в этот вечер такого выступления, никому и в голову не приходило, что старик с таким молодым жаром заговорит о председателе совета урожайности. Но так убедительно прозвучало выступление Мир-Хайдара, что все горячо выслушали речь своего председателя, поддерживая его возгласами одобрения, дополняя новыми примерами проступков Қаримкула.

Собрание решило немедленно вывести Каримкула из совета урожайности. Но из колхоза решили его не исключать, чтобы, работая рядовым земледельцем с кетменем в руках, смог он смыть со своей совести черное пятно.

XVI

Прохладный ветер смягчал знойную духоту полдня.

Воздух гудел ровным гулом трудового дня. Воедино сливались людские голоса, пение жаворонков и песни девушек, мерное гудение машин, работающих в поле.

Сабир лихо сдвинул со лба тубетейку, засучил по локоть рукава своей еще фронтальной гимнастерки, закурил и пошел через девичий участок на свой.

На полдороге его окликнул Уктам. На непокрытой голове Уктама курчавились растрепавшиеся волосы. Под мышкой он нес кипу газет. Он был оживлен и весел.

Щуря задорные глаза, Уктам взял за руку Сабира и рассказал о приезде ученых и о переменах в Мир-Хайдаре.

Сабир слушал внимательно, то смеялся, то хмурил брови.

— Председатель наш чист душой и сердцем. Но Каримкулу я не верю, даже если он начнет каяться, прикидываться овцой. Ведь Каримкул не только твоей критикой раздражен, он раздражен тем, что не может по-прежнему хозяйничать в колхозе. Дело, думаю, в этом. А если так, значит, доволен он никогда не будет.

— Дело, конечно, в этом! — подтвердил Уктам.

В это время они услышали звонкие голоса. Оба посмотрели на девичий участок. Анархон работала ближе других, и с ней перекликались остальные.

Сабир густо покраснел, быстро взглянул на Уктама и, вскинув кетмень на плечо, пошел было прочь.

Уктам рассердился:

— Стой, Сабир! Стой! Иди сюда!

Сабир нехотя остановился. Уктам подошел к нему:

— Давай, Сабир, поговорим напрямик.

Сабир прикинулся равнодушным.

— О чем, Уктам?

Уктам, чтобы никто не помешал им, потащил Сабира в высокую люцерну, и там они сели в прохладной, душистой зелени.

Едва они закурили, где-то совсем близко в траве закри-

чал перепел. Сабир замер, держа в протянутой руке горящую спичку. Пламя ровно пылало, а перепел, прокричав на своем языке таинственное заклинание, смолк.

Уктам негерпеливо погасил спичку в руке Сабира и строго сказал:

— Я не перепелов пришел сюда слушать, а тебя. Ну, говори.

— О чем, Уктам?

— О том, что у тебя на душе. Какая там тайна?

— Никакой. Я от души желаю тебе успеха.

— В чем? Чего ты отмалчиваешься? Я думаю и не могу понять — в чем я виноват перед тобой? В чем, Сабир? Давай поговорим попросту, по-солдатски.

Сабир опустил голову:

— Ты меня извини. Помнишь, я однажды убежал от тебя. Мне тогда целовко стало.

— Помню, но почему убежал?

— Ты застал меня, когда я смотрел на Анархон. А ведь ты ее любишь...

— Вот в чем дело? Да это же, Сабир...

На душе Уктама вдруг стало светло. Он рассмеялся. Он смеялся, не имея сил сдержать рвущуюся из сердца радость.

Сабир смотрел сначала неодобрительно на смеющееся лицо Уктама, потом удивленно.

Уктам, наконец, выговорил:

— Вот, оказывается, где собака зарыта! Эх, ты! Теперь все ясно. Тогда ты не от неловкости ушел, а ушел от обиды на меня. Ведь я же знаю, что ты любишь Анархон. Знаю, что ты уже сказал ей об этом. Ты просил ее любви, умолял ее. Верно?

Сабир отшатнулся:

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и точка. А было это в стени, когда Анархон кипятила чай. А ты бил себя в грудь, клялся девушке в своей любви. Был такой разговор?

— А разве я обязан перед тобой отчитываться? Как нехорошо со стороны Анархон передать это...

Уктам решительно схватил руку Сабира, чтобы помешать ему договорить.

— Нет, Сабир! Нет, не греши на Анархон. Я тебе скажу. Вас видела Мастура. Она лежала неподалеку от вас, да еще подползла и подслушала. А потом все доложила мне.

— Мастура? Ведь она же говорила мне, что ты любишь Анархон. Это же она мне сказала!

Глаза Уктама сверкнули недобрым огоньком.

— Теперь мне все понятно! Она хотела поссорить нас с тобой. Она знала, что один из нас любит Анархон. Ведь ты ее действительно любишь? Это не Мастура придумала?

— А ты?

— Я люблю, но другую девушку. Только мне далеко до нее добираться. Поэтому я и молчу. А если узнаю, что она меня любит, к тебе первому приду сказать. Дай руку, пришла пора нам с тобой любить. Люби свою Анархон. Желаю вам счастья. Я очень рад, что ты ее полюбил, она чудесная.

— Ну, эту подлую Мастуру я проучу! — решил Сабир, который все еще не пришел в себя от такого неожиданного разговора.

— Мастуре, видно, очень хотелось нас поссорить. Меня она уже видеть не может; я настоял, чтобы пересмотрели их приусадебный участок и его урезали. Я слежу, чтобы она являлась на работу, и ей теперь невозможно ездить на базар. По моему совету Насимджана освободили от секретарства, и он, чтобы его совсем из колхоза не выгнали, вызвался работать с кетменем в руках на поле. Раньше он тут хозяйничал, подхалимничал, изворачивался, спекулировал, а теперь ему приходится потеть. Это им обоим очень не нравится, это им очень не по душе.

— Гнать их обоих надо отсюда.

— Не горячись, силач! Не торопись, — сперва посмотрим, не образумятся ли они на честной работе, не исправятся ли.

— Посмотрим, ладно! — согласился Сабир, которому теперь и люди, и земля, и весь мир казались лучше, чем когда бы то ни было.

С этим чувством оба они вернулись к своим делам.

Несколько дней спустя, вечером, когда стемнело, любовь привела Сабира к девичьему звену.

Он пришел, вопреки своему обыкновению, без кетменя, забытого в саду у Баймата.

Хотя Сабир работал сегодня много, он не чувствовал усталости. Все мысли и раздумья его в эти дни связывались с Анархон. Раньше женитьба казалась ему тяжелым и обременительным делом. На фронте он видел, как бойцы беспокоились о своих семьях, как страдали вдаль от своих жен. Сабир тогда был спокоен и доволен своим холостым положением.

— Когда вернусь домой победителем, тогда и женюсь на красавице. Будем с ней работать рядом на просторных, мирных полях! Выстрою новый дом, появятся дети.

И вот он вернулся. Наступило время труда. Хозяйство его крепнет день ото дня. Трудодни прибавляются.

Нашел он и красавицу себе по душе. Но оказалось, что ее согласия еще предстоит добиться. А добиться его не так-то просто.

Он шел теперь, думая: «Как бы увидеться с ней? Как с ней поговорить? Как добиться ее любви?»

Звонкие девичьи голоса звучали в тихом вечернем воздухе. Сердце Сабира забило.

Он подошел ближе, в сумерках пытаясь разглядеть Анархон. Но ее не было. Тансык, Хакима, Дильшад, взмахивая кетменями, преграждали течение арыка, чтобы повернуть воду на свой хлопчатник.

Они разговаривали и смеялись, вспоминая истории о похождениях и обманах мулл, рассказанные вчера учителем Сулейманом.

Он остановился, гадая, где же может быть Анархон.

Пройдя еще немного, он заметил сидевших рядом Анзират и Анархон.

Сидя так, они следили, как вода растекалась по рядкам густо разросшегося хлопчатника.

Сабир искал какой-нибудь предлог, чтобы подойти к девушкам.

Он подошел и попросил у них кетмень.

Анархон удивилась:

— Но вы никогда не ходите без своего. Куда же он у вас девался?

Сабир молчал, глядя то в глубину темных, ночных полей, то на далекие-далекие звезды. Что он мог ей ответить?

Анзират незаметно толкнула Анархон и встала. Девушки редко скрывают свои сердечные тайны от подруг. О том, что Сабир любит Анархон, знало все звено. Иногда, чтобы смутить или подзадорить подругу, девушки начинали при ней разговор о Сабире, называли Сабира зятем.

Анархон не задерживала подругу. В последнее время она стала чаще и серьезнее задумываться о Сабире. Человек, которого хвалят все и которого все примечают, достоин внимания девушки. Но не только это привлекало к Сабире мысли Анархон.

Она отдала ему свой кетмень, к которому Сабир тут же примерился:

— Э! Да это ж мужской кетмень! Не тяжел он вам?

— Разве у девушек нет силы?

— Но ручки-то у вас нежные, да и вдвое меньше. Не подумайте, однако, что я хотел вас обидеть! — оробел Сабир и, чтобы скрыть свое смущение, принялся работать кетменем.

— Не надо здесь конаты! — забеспокоилась Анархон. — Пусть удобрения хорошенько пропитают землю. Так будет лучше.

— Рад услышать указания опытного хлопководы.

Он близко подошел к ней. Анархон незаметно наблюдала за ним. Она видела, что он волнуется, что без всякой надобности поглядывает по сторонам, что ее кетмень совсем не был ему нужен, и что пришел он сюда никак не ради кетменя. Потому и трепетало ее сердце.

Она не знала, как ей себя вести с ним. Хотела подзвать подругу, но передумала — это могло обидеть гордого Сабира и отпугнуть.

Сабир подсел к ней. Глядя на нее ласково и робко, он шепнул:

— Послушайте...

Она слегка отодвинулась от него.

— Куда вы? До каких пор вы будете от меня бегать?

— Захочу и убегу!

— Догоню, у меня руки длинные, а ноги быстрые!

Чтобы показать ей, как длинны и крепки его руки, он взял ее пальцы. Она попыталась вытянуть пальцы из его руки. Но он удержал их. Она прикинулась рассерженной:

— Сидите смирию, я не люблю... принуждения.

— Принуждения? Разве я принуждаю вас любить меня? В прежнее время принуждали девушек сесть на коня позади жениха.

— Это дело стародавнее. Хотя еще родители наши...

— А вы никогда не слышали, как поженились мои родители?

— Отец украл вашу мать? Что-то слышала, но давно.

— Отец был слугой у богатого купца. А беднее слуг в те времена никого не было — у них ни крова, ни приюта. Но этот бедняк полюбил хозяйскую дочку, а она его. Боясь родительского гнева, дочка молчала. Только плакала втихомолку — ведь тогда бедных не считали за людей и никакой надежды на жизнь с своим отцом у нее не было. У них оставался единственный выход — бежать. Куда? Сами не знали. Но сговорились бежать и однажды ночью сбежали. Трудная жизнь их ждала. Тысячи препятствий

стояли на их пути. Но вот живы они и теперь, счастливы, работают в колхозе... А какие препятствия у нас? Есть они?

Анархон уже не отнимала свои пальцы у Сабира. Она задумчиво слушала его рассказ. Не поднимая головы, посмотрела на него исподлобья, а он ответил на ее взгляд смелым, твердым взглядом.

Девушка, неожиданно для себя, глубоко вздохнула. Она не знала, как и что сказать ему, но чувствовала, что сказать нужно, и что эти слова будут значительнее и решительнее, чем тысячи слов, сказанных прежде.

Она крутила свободной рукой конец платка и молчала...

Анархон почувствовала на своих плечах руку Сабира и попыталась было вскочить, но только ниже опустила голову. Сердце билось в груди, стуча громко-громко в тишине и в темноте ночи.

Сабир почти прикоснулся лицом к ее пылающей щеке.

— Я очень люблю вас, Анархон. Очень люблю. Скажите мне что-нибудь.

Анархон вся горела от охвативших ее чувств. Но попыталась сказать что-нибудь благоразумное, строгое:

— Не торопитесь, Сабир. Надо сперва подумать, и не балуйтесь, не надо.

Но он уловил в этих словах не столько строгость, сколько обещание, и еще крепче прижал ее к своему плечу.

Вдруг рядом прозвучали голоса девушек.

Сабир мгновенно исчез в темноте. Анархон засмеялась его испугу, горячо вздохнула и встала.

Поправив платочек на голове, она взялась за кетмень.

Девушки подошли к Анархон, посмеиваясь.

Тансык сказала:

— Осенний план выполним и такую свадьбу сыграем, что на весь район слава пойдет. Можете, девушки, готовить свадебные подарки для нашей подружки.

— Да, пир, пожалуй, будет знатный — ведь жених и справедливый, и щедрый.

— Вы про нашего зятя Сабира?

— Ну а про кого же еще?

— Вдоволь напляшемся! — обрадовалась Дильшад.

Анархон засмеялась:

— Что ж, надо кому-то начинать наши свадьбы, девушки. Начну я, чтобы подать вам пример.

Благоразумная Анзират прервала их болтовню:

— Тише вы! Недалеко старнки ходят. Могут услышать. Ненадолго притихнув, вскоре они снова уже звонко

говорили, и в ночной тишине голоса их раздавались далеко вокруг.

Когда Тансык заговорила о хлопке, девушки смолкли и задумались.

Тансык посетовала, что бригадир не хочет давать удобрений, хотя следовало бы еще раза два удобрить хлопчатник машинным способом.

Анзират сказала с досадой:

— Почва и так полна. И сегодняшний полив едва ли пойдет впрок. Ты начиталась всяких книг, а теперь и мудришь.

Тансык настаивала:

— Не забывай, о нас в газетах писали. Старики нам говорили: «Не зазнавайтесь, цыплят по осени считают». Вот нам и скажут осенью: «А ну-ка, красавицы, давайте ваших цыплят считать!» Хороши мы будем, если чего-нибудь не сделаем и своих обещаний не выполним.

— Это верно. О нас много говорят. Прославились мы, а теперь позориться, что ли? Надо постараться.

Тансык предложила утром пойти к председателю и попросить у него удобрений.

На этом и порешили.

Над полями поднялась луна.

Стало светлее. Снова все разошлись по участку проверять и направлять воду.

XVII

Свою работу в тот день Тансык закончила рано. Вернувшись домой, она вымыла голову и села возле матери.

Мать, перебирая ее иссиня-черные, густые волосы, сказала:

— Беда, какая ты непоседа!

— Какая ж в этом беда?

— Я б заплела тебе сорок косичек, вот была бы красота!

— Кто же теперь носит сорок косичек? Заплетите мне две косы, и ладно.

— Это уж чересчур! Скоро вздумаеть скручивать волосы узлом, как ташкентские.

— А разве нехорошо? По-моему, можно и узлом.

Мать добродушно засмеялась, похлопав дочку по спине. Она сочла за шутку одобрителное отношение к ташкентским прическам.

— Не болтай глупости!

Тансык любила иногда поддразнить свою мать, с которой всегда они жили дружно.

Вкусы у матери с дочерью расходились во многих вопросах, но особенно резко — в одежде. Мать никак не могла расстаться с простыми крестьянскими обычаями и одевалась, подражая одеждам своих давно уже покойных бабушек и тетюшек, хотя и не носила паранджи. Но до сего времени, если посторонний мужчина видел ее открытое лицо, когда она одна работала в поле, она краснела, смущалась и не знала, куда деть глаза. Своей дочке Тансык она разрешала носить лишь простые, длинные платья, никак не отделанные и ничем не украшенные. Когда года два назад Тансык купила себе в магазине шерстяное клетчатое платье и надела дома, чтоб показаться матери в обновке, мать велела немедленно снять это платье и забыть о нем.

— Пусть руки отсохнут у бесстыдницы, что такую срамоту сшила! Что ж это такое! Весь зад обтянут! Тьфу!

Но всем сердцем любя свою дочь, она старалась все для нее сделать, что могла. Все свои трудодни она тратила на приданое дочери. Остальные дети ходили в латаных ситцевых рубашонках, а для Тансык накапливались в сундуке вышивки по шелку, платья из ферганского атласа, дорогие отрезы и десятки всяких нарядов.

Запрокинув за спину длинные, мягкие, любовно материнской рукой заплетенные косы, Тансык зашла в свою комнату переодеться, надела батистовое платье и приколола к груди комсомольский значок. Покрыла голову черной тюбетейкой, расшитой белым чувстким узором, и вышла во двор.

Во дворе стоял новенький велосипед, недавно купленный брату. Тансык взяла его и поводила по двору, а потом вдруг села в седло и поехала, ловко увертываясь от побежавших за ней с воплями радости и удивления маленьких братьев и сестер, объезжая деревья и мшную сушившися среди двора на циновках яблоки.

Мать, увидев дочь на велосипеде, разгневалась:

— Это еще что? Слезай немедленно. Ну, посмотрите вы на нее! Что делает! Боже мой! Что за наказание! То на лошади вздумала ездить, я мирилась, думала, колхозникам это полагается. Теперь на колеса влезла! Где ж видано, чтоб девушкам ездить верхом на колесах? Боже мой! Бесстыдница ты! Слезай, говорю!

Восьмилетний братишка подлил масла в огонь:

— Мамочка! Она давно катается. Я сам видел, до самого моста ездил. Я сам видел.

— По улице? Среди бела дня? Слезай, говорю!

Но Тансык не уступала:

— Сейчас, мамочка! Сейчас!

Пятнадцатилетний брат Тансык, владелец велосипеда, стоял, пораженный ее искусством. Он сам учил ее ездить, сам же теперь глазам не верил, глядя на успехи ученицы. А девушке хотелось бы на велосипеде ездить на работу и возвращаться с поля. Правда, никто из девушек на велосипеде у них в колхозе еще не ездил, поэтому и Тансык стеснялась показываться в столь необычном виде, но здесь, во дворе, посторонних не было, и она наслаждалась послушной, стремительной, легкой машиной. Она слышала от Хакимы, что брат ее Уктам собирался подарить ей велосипед, и радовалась, считая, что тогда удастся и ей купить себе велосипед и ездить на нем, куда вздумается.

А мать, со страхом глядя на дочь, ужаснулась:

— Скорей надо ее замуж. Пока совсем не одурела. А не то и жениха не найдешь! Она ведь ни перед чем не остановится. Она, небось, и в женях сама кого-нибудь подберет, без материнского совета.

Вдруг Тансык поспешно соскочила с велосипеда: в открытую калитку, покрякивая, въехал на осле пожилой человек.

Тансык, прислонив к стене велосипед, побежала предупредить мать о появлении гостя.

Это прибыл двоюродный брат отца, дядя Аширмат.

Оставив осла на попечение ребят, Аширмат засунул плетку за свою изношенную, грязную чалму и поковылял по двору, стуча, словно деревянными, тяжелыми кожаными калошами, бормоча осипшим и равнодушным голосом:

— Ну как? Хорошо живете?

На одном глазу гостя белело бельмо величиной с горошину. Это не помешало ему скосить глаза на Тансык и оглядеть ее с головы до ног.

— А ерапланом тоже управляешь? Девушке такие дела ни к чему. Пора бы это понять, племянница.

Тансык так резко отвернулась, что ее пренебрежение к словам дяди было выражено в полной мере. Но, взглянув на мать, она увидела, что старуха густо покраснела. Тансык огорчилась, но виду не показала.

«Маме за меня стыдно? А какое дело до меня этому старику?»

Тансык терпеть не могла этого барышника с маргеланского ослиного базара. Ей непонятно было, зачем после трехлетнего перерыва он прожил у них три дня и не только всю их семью, но и соседей извел докучливыми, мелочными расспросами, нечистоплотностью и ненасытной жадностью. Один только отец Тансык не замечал или не хотел замечать, как чужд всем в их доме этот городской торгаш.

Едва усевшись на ковре под деревом, он уже спросил, покосившись на кукурузу, хорош ли был урожай кукурузы в этом году.

Мать послала Тансык:

— Беги на мельницу. Сообщи отцу!

Тансык пошла к Мир-Ахмаду, неторопливо поговорила с отцом о множестве посторонних вещей. Лишь под конец, как бы о чем-то незначительном, добавила:

— Там родственник ваш приехал.

Для мельника Мир-Ахмада было ясно, что появился не кто иной, как Аширмат. Он повеселел:

— Молодец, молодец! Вспомнил меня! Вот, дочка, что там ни говори, а родственные чувства священны. Столько лет не виделись, а ведь тянет друг к другу. Дорогой ты мой Аширмат! Видно, очень уж соскучился, если в такую жару собрался, приехал. Это не легкая дорога — проехать верхом на осле из самого Маргелана! Ну, ты побудь здесь, дочка. Посмотри тут. А я пойду повидаюсь.

— Да чего вы вдруг заспешили? Успеете, навидаетесь.

— Он у меня, дочка, один. Других родных у меня нету. Ты ведь знаешь. В одном году мы с ним родились. Мне году не было, как я круглым сиротой остался. Аширматова мать, моя тетушка, приютила меня, вырастила. С Аширматом мы под одним одеялом спали, из одной чашки ели. Ты молода, не понимаешь еще, как надо уважать родню. Как надо ее беречь.

Отец ушел. Тансык осталась на мельнице.

Внизу kloкотала и пенилась вода. Два огромных жернова ворочались, сотрясая мельницу.

По узкому желобку ровно текла струйка теплой, пахучей муки.

Тансык проверила ковши и, легко подняв мешок, до половины насыпанный пшеницей, высыпала зерно в один из ковшей.

Готовую муку узким совком она пересыпала в мешок.

Любое дело спорилось в ее трудолюбивых, быстрых руках.

Больше пока нечего было делать.

Мельница содрогалась и поскрипывала от ударов воды, от тяжелого вращения жерновов. Тансык постояла в мельничной полутьме, вдыхая запах муки и особый, устоявшийся запах мельницы.

Потом, отряхнув платье и отерев лицо от мучной пыли, вышла наружу.

На старых корявых ивах, росших вокруг мельницы и вдоль канала, воробьи трещали и суетились, как на базаре.

Девушка присела на берегу, задумчиво глядя, как течет, струится, крутится и вдруг низвергается и пропадает в пене поток воды.

Ее охватили сладостные, не вполне ясные, но жаркие думы и мечты.

Она припомнила жизнь разных героев из многочисленных прочитанных ею книг. Вспомнила письма Татьяны и Лейли. Вдруг как живой встал образ Зои. Какая сильная воля, стойкость, любовь к своему народу были в этой девушке! О, если б пришлось пройти через Зоины испытания и самой Тансык! Она устояла бы, хотела бы устоять!

Вдруг кто-то дернул ее за косу. Тансык чуть не вскрикнула от испуга и неожиданности. Но это был ее братишка, отец прислал его ей на смену.

— Глупые у тебя шутки! — сердито крикнула Тансык.

Мальчик, выросший под ярким солнцем, смуглый, сухощавый, крепкий, горячий как огонь, звонко расхохотался:

— Я тут долго сидеть не буду. Пускай Тургун остается.

— Что может сделать Тургун? Он же маленький. А тебе только бы баловаться.

— Баловаться? — возмущенно засверкал брат глазами. — Мы балуемся? Наша команда сегодня работает на приусадебных участках фронтовиков. А потом начнем колхозный клевер возить. Если план не перевыполним, генерал нам спуска не даст!

— Какой генерал?

Мальчик снисходительно взглянул на столь неосведомленную сестру.

— Дядя Уктам! — сказал он с гордостью.

— А-а... — протянула Тансык. — В таком случае я ухожу, а мельницу оставляю под твою ответственность.

Тансык пришла на полевой стан, и девушки встретили ее криками:

— Ну-ка, Тансык, давай нам подарок за счастливую весть!

— За какую?

Анзират щелкнула пальцами, словно собралась пуститься в пляс.

— Сперва давай подарок!

— Я хочу знать за что? — в тон ей ответила Тансык.

Анархон сжалилась:

— Не мучьте ее, покажи ей, Дильшад!

Дильшад подняла руку.

В воздухе блеснула, как серебряный цветок, раскрывшаяся коробочка, полная пушистого хлопка.

Глаза Тансык засверкали. Она быстро выхватила спелый плод из рук подруги, и, светлый, как весеннее облачко, нарядный, как пышный цветок, он обрадовал ее, вошел в нее как счастье.

Она взглянула на подруг. Ей хотелось каждую из них обнять, расцеловать, взявшись за руки, закружиться с ними.

— А у других? Тоже раскрылись? Вы не знаете?

Ответила ей Дильшад:

— Не слышно. Я эту коробочку как нашла? Иду по рядам, задумалась о чем-то, вдруг вижу: белеет! Я туда, смотрю: вот она! Чуть сердце не выскочило. Будто никогда хлопка не видела, смотрю во все глаза, себе не верю. Сорвала и бегом сюда!

Анархон сказала уверенно:

— Это самый первый плод в нашем колхозе. Первая ласточка!

Хакима, по-детски волнуясь, засмеялась:

— Знает наше поле, чем нас порадовать!

Тансык сказала:

— Думаю, если поискать, можно и еще найти. Не может быть, что так вот одна-одинешенька на весь колхоз распустилась. Но мы нашли первыми. А если так, девушки, надо нам идти к председателю, порадовать его.

Анзират деловито, как старуха, покачала головой:

— Подходит время о сборе урожая подумать!

Но маленькая Хакима не унималась:

— Мы же к председателю решили идти!

— Идемте, — согласилась Тансык.

Все звено, возбужденное, торопливое, говорливое, пошло к правлению. Но у двери девушки остановились, не решаясь переступить порог кабинета председателя.

Мир-Хайдар в это время говорил кому-то:

— Что же вы наделали. Пропустили все сроки, а когда земля высохла, ковыряли ее машиной, наваливали комок на комок, а каждый комок — с лошадиную голову. И это называется рыхлением! Да кто так делает? Дети знают, что землю рыхлят после полива, пока она свежая. А у вас что? Не приму я такой работы. Не могу принять! Совесть иметь надо. Крестьянин с одного взгляда должен понимать землю. Должен слушать, что говорит ему растение, — пить ли хочет, подкормки ли ждет, довольны ли всем...

Вскоре из кабинета вышел, вытирая вспотевшее лицо, бригадир пятой бригады. Он был высок. На изъеденном оспой лице борода росла жиденькая, волосы ее были светлы. И они казались еще светлее из-за его покрасневшего лица.

После его ухода девушки вошли к Мир-Хайдару.

Старик встретил их душевно:

— Входите, дочки мои! Входите, красавицы! Садитесь, пожалуйста.

Тансык молча протянула ему, как розу, пышный, сияющий чистотой, раскрывшийся плод хлопчатника.

Старик расцвел от удовольствия:

— Ой, доченьки мои! Ой, молодцы! Всех обогнали! Теперь я могу смотреть людям в глаза, могу хвастаться: «Вот, мол, какие у меня дочери, сумели устоять и в бурях, и в ливнях, и в жаре».

— А не придется нам краснеть за наш хлопчатник? — спросила застенчиво Тансык.

— Хлопчатник отличный. Не ослабляйте своих забот, он вам воздаст во сто крат. Ваша возьмет! Ну, дочки дорогие, чем я смогу отблагодарить вас за радостную весть?

— Спасибо, что найдете подходящим, тем и отдарите, — благоразумно ответила Анархон.

— Трудней нам и без подарков хватает! — сказала Тансык.

— Это верно, вы теперь богатые невесты. Премия вам полагается как материнское молоко. За добрую весть каждой из вас золотые часы, чтоб носили их на ваших золотых ручках. На октябрьский праздник пойдете в них красоваться. Возражений нет?

Девушки благодарили председателя за обещанный подарок. Обещания за ним не пропадали: можно было считать, что часы у девушек уже на руках.

— Ну, а еще чего вы хотите? — спрашивал председатель.

Девушки не отвечали, счастливо перешептываясь между собой. И тогда старик сказал:

— Не хотите назвать своих желаний, так я вам скажу. Маргеланские ткачи начали особенный атлас выпускать. Я видел такой атлас. Огонь. «На радость молодым, на зависть старухам». Не заказать ли вам платья из такого атласа? А, Дильшад?

Дильшад зарумянилась, спрятав широкое лицо, похожее на горячую лепешку, за спину Анзират. Анзират улыбнулась.

Мир-Хайдар, поглаживая бороду, засунул хлопок под тюбетейку:

— К лицу мне?

— О! — одобрили девушки. — Роза!

— Вечером собрание в райкоме. Так и поеду. Покажу его в районе, похвалюсь нашим первым драгоценным плодом. Согласны?

Девушки, выйдя от председателя, с шумом отправились в свой шалаш.

Простодушная Анзират спросила у Хакимы:

— На какой руке надо носить часы?

Дильшад повернулась к Анархон:

— Будет тебе к свадьбе атлас «на радость молодым, на зависть старухам».

Анархон хотела было рассердиться на неуместную шутку, но тут же передумала. Очень ли неуместна эта шутка? Нет ли в ней справедливого намека?

И засмеялась счастливым и беззаботным смехом.

* * *

Своего любезного гостя мельник обнял со слезами радости на глазах. Он так соскучился по единственному своему родственнику, что даже не успел рассмотреть его, торопясь расспросить обо всем, что произошло в жизни гостя за время разлуки.

Лишь потом мельник увидел грязную плетку, заткнутую в замусоленную чалму, и, осторожно вытащив ее из чалмы, бережно, словно стеклянную, положил в сторону.

Однако Аширмат, опасаясь, что непочтительные дети отнесутся к этой плетке легкомысленно и поступят с ней неосторожно, взял плетку и убрал ее под скатерть, уставленную угощениями.

После этого гость принялся за еду.

Отламывая большие куски лепешки, он макал их в ча-

шу со сливками, изловчаясь захватить на ломоть побольше сливок, и ломоть за ломтем быстро отправлял в рот. Казалось, огромные куски пролетают внутрь гостя мгновенно, едва коснувшись губ. Сливки капали гостю на бороду, но он на этот пустяк не обращал внимания. А борода Аширмата напоминала кусок серой пакли.

Чашу он опустошил мгновенно и длинными, толстыми, узловатыми пальцами вылизал ее всю дочиста.

Затем он нацелился своим бельмом на длинные, нежные, благоуханные ломти дыни.

Жалуясь, что на ослином базаре торговля пошатнулась и у перекупщиков заработки сошли на нет, он незаметно для себя съел четыре огромных ломтя, обливаясь золотым, липким соком.

Но мельник не замечал ни прожорливости, ни равнодушия к себе, ни грязных рук гостя. Он думал: «Легко ли такой путь на осле проехать! Не мудрено, что человек проголодался, что истомился от жажды и устал от седла».

Мельник приговаривал:

— Ты, пожалуйста, не стесняйся. Кушай, мой дорогой, кушай!

Аширмат протянул руку к подносу с виноградом, где громоздились гроздья длинного, нежного «хусайни», пурпурного «дили кафтар», зеленых шаров каттакурганского винограда и бледно-золотистого «буаки».

Гость пододвинул блюдо к себе поближе, и вскоре на подносе остались лишь голые веточки да зернышки.

А мельник упрасивал:

— Да кушай ты, кушай! Не стесняйся. У нас этого добра сколько хочешь!

Гость вытер ладонью рот и деловито придвинул к себе тарелку со сливочным маслом.

Но в это время он заметил, что хозяйка искусно режет морковь для плова. Он сообразил, что в животе следует оставить место для плова, и благоразумно отодвинул тарелку с маслом. Однако, пока он сообразил это, на тарелке осталось не больше четверти того, что было подано.

Мельник крепко заварил зеленый чай и подал ппалу гостю, расположившись побеседовать наконец по душам с милым родственником.

Мельник почтительно вспомнил покойную тетушку, скончавшуюся давным-давно, но навеки незабвенную для ее благодарного воспитанника Мир-Ахмада. Сын тетушки Аширмат, когда мать его умерла, предусмотрительно сбежал из дома, чтобы не нести бесполезных расходов на ее

похороны. Он появился лишь несколько дней спустя, со скорбью в глазах и успокоением в сердце. Теперь, услышав, как Мир-Ахмад благоговейно вспоминает о ней, Аширмат тоже сокрушенно вздохнул:

— Ах, мамаша! Какое сокровище сердца! Что за человек! Где такую другую найдешь? Так вот и приходится одиноко жить сиротой!

Извиняющимся голосом мельник признался:

— Я давно хотел тебя повидать. Сколько раз собирался навестить, отвести душу в беседе. Да некогда было. Дела-то ведь не стоят. То одно, то другое. Право, пойми меня...

— Ты, Мир-Ахмад, старше меня на целых полгода. Я это от твоей тетушки, царство ей небесное, слышал. Значит, как младший я тебя должен почитать, а не ты меня. Я тебя должен навещать, а не ты меня, ибо намного раньше начал ты сосать молоко матери. Так уж дозволю мне выражать тебе почтение. Пусть уж я буду сновать, как челнок, между твоим домом и моим Маргеланом.

— Всегда тебе рад! Когда вздумаешь, садись на осла и айда к нам! Я вечный должник перед покойной тетушкой, а ведь ты ей сын!

Голос у мельника слегка изменился, и он договорил с явной горечью:

— У меня на тебя, почтеннейший Аширмат, есть небольшая обида. Я бы о ней и говорить не стал, не будь ты мне родным человеком. Я по-родственному тебя попрекаю, не пойми это как-нибудь.

— Сам видишь, издалека я прибыл тебя проведать, своего брата. Выразить почтение. А ты вздумал какими-то обидами меня корить. Сперва надо разобраться, кто виноват — жернова ли, либо зерно.

— Минутку! Минутку! Все тебе, родной, скажу. Что лежит на душе, таить не стану. Прошлой осенью дошел до нас слух, что женил ты сына своего, моего маленького племянничка. Слышали мы, что большой пир вы отпировали по этому поводу. Дай бог им счастья, твоим деткам! От души желаю тебе дождаться и внуков и правнуков! Но ты сам можешь понять, осталась же у меня обида, — как же это так, думаю, отчего ты нас не пригласил? Отчего? Долго ли было написать пару слов? Почта работает, как часы. На почту не надеялся, передал бы на словах через верного человека. Ведь не с пустыми руками я к тебе поехал бы! Уж привез бы чего-нибудь стоящего своему единственному племянничку. Ведь я же колхозник, а не кто-нибудь.

Аширмат прохрипел, откинувшись в изумлении и терся засаленный ворот выдавшего вида чекменя:

— Вот тебе и на! Да кто ж это меня оклеветал? Покажи-ка мне доносчика. Я ему... Ах ты, господи! Да что ж ты думаешь? Да неужели ж я мог? Да если б женил сына! И не пригласил тебя! Да я б за тобой в фэатоне приехал бы! Что ты говоришь в самом деле! Всю бы твою семью в автобусе увез!

— Ну, послушай, какой же доносчик! Мне же рассказывал человек, сам гулявший у тебя на свадьбе. Он даже рассказывал, что у тебя какой-то там скандал вышел. С родственниками жены, из-за каких-то там расчетов. Чуть-чуть вся свадьба не расстроилась. Будто бы вступились люди и вас помирили. Неужели не так было? Он своими глазами видел, я от него своими ушами слышал. Разве не так? А, Аширмат?

— Ложь! — завопил Аширмат. — Ложь!

Он вскочил, словно ужаленный змеей.

— Ложь! Ну и лжец же этот человек! Совсем не так было... То есть не было!

Аширмат спохватился и принялся укорять Мир-Ахмада:

— Ох, таких легковверных людей я отроду не видел. Как же это ты так легко поддался клевете! На кого тебе клеветали? На ближайшего твоего родственника! А ты поверил словам постороннего человека! Голову ли ты носишь на плечах или пустую тыкву? А?

Мир-Ахмад был явно сбит с толку. Тогда Аширмат твердым и деловым голосом сказал:

— Давай-ка лучше о деле поговорим. Мы в таком возрасте, когда пора подумать о наших детях. Раз уж это к слову пришлось, давай поговорим о свадьбе. Давай считать, что порог твой я переступил, чтобы стать рабом твоим...

Мир-Ахмад оторопел:

— Что ты! Что ты! Каким рабом?

— А, забудь нашу размолвку. Давай мы с тобой разломим священную лепешку, закрепим наше родство навеки. Давай обвенчаем мы наших детей. Ты здесь, а я у себя, начнем готовить их к свадьбе. Надо полагать, что желания наши едины, как и наши чувства. Не так ли? А? Будем с тобой двумя крыльями одной птицы.

Мир-Ахмад замер.

Аширмат продолжал:

— Чего-чего, а невест на свете много. Не потому прошу, что негде невесту взять, а единственно из родст-

венных чувств. Ведь сам знаешь — родственные узы священные и незаблемы. Оттого и прошу тебя, земно тебе кланяюсь. Если мы соединим твою шустрюю дочь с моим отважным сыном, все будет отменно устроено. Мне б и в голову эта мысль не пришла: мою скромность в таких делах сам знаешь, да ведь мне видение было.

Мир-Ахмад насторожился:

— Какое видение?

— Во сне. Приснилась мне покойная мамаша, твоя тетушка, взрастившая тебя своим попечением как родного сына. Идет она и расстилает новые цветастые одеяла на холме, позади моего дома. Расстилает, а сама тихо-тихо зовет моего сынишку и твою дочь. Вдруг взглянула на меня и словно бы вся просияла. «Передай, говорит, Мир-Ахмаду мое благословение. Да не погасит он свечи, мною затепленной!» Проснулся я, лежу, думаю, соображаю. К чему бы это? Поплакал, потужил, припомнил мамашины милости, а чуть рассвело, взял осла, сел да и поехал напрямик к тебе. Видишь сам — покойные живут промеж нас, за каждым шагом следят, нашими заботами озабочены.

Мир-Ахмад был явно растроган. Низко опустив голову, он незаметно стряхнул с посеребренной бороды слезинку. Был он скромн, простодушен, ласков. От малейшего огорчения и даже от радости легко мог прослезиться. Никому не мог отказать в просьбе, даже когда она самому ему причиняла огорчения или ущерб. С умилением вспоминал он свою тетушку, растившую его на сухом хлебе да на холодной воде, заставлявшую с рассвета до ночи пасти хромую однорогую корову. Но всего более удивило его такое внимание тетушки к его делам после ее земной кончины. Это было поразительно. И какая у нее проницательность — даже мертвая предугадывает грядущее! Пришла к своему сыну, когда тот спал, поговорила с ним, посмотрела на него. И, главное, вот он, очевидец, сидит перед ним своею собственной персоной. С одной стороны, какая-то чепуха, а с другой — очевидец палицо.

Умиленный Мир-Ахмад готов был обнять и расцеловать милого гостя. Он готов был сказать: «Согласен. И дело незачем тянуть. Давай, как говорится, честным пирком да за свадебку».

Но вдруг раздумье охватило Мир-Ахмада, и в сердце ему закралось сомнение. Он промолчал.

Он посмотрел на террасу, где только что была его

жена, чтобы пригласить и ее к обсуждению столь значительного вопроса. Но она в то время возилась на кухне.

Аширмат, угадав по взгляду мысль Мир-Ахмада, возмутился:

— Боишься ты, что ли? В таком деле — слово отца меч, а слово матери — ветер. Мне хватит одного твоего согласия.

Мир-Ахмад подумал: «Жалко ни с того ни с сего обижать близкого человека».

Он протянул гостю пиалу с чаем:

— Пей, пожалуйста. После длинной дороги хорошо, полезно выпить чайку.

Но Аширмат ладонью отстранил чай, нахмурился и отвернулся.

— Чего ты молчишь? Воды, что ль, в рот набрал? Чего чванишься, — видел я твою дочь — белобрысая, костлявая, лупоглазая. А поведение — из рук воп! Раскатывала тут на лисапедке. По полю ходит открытая среди мужчин. Разве такие девушки в городе? Эх-хе-хе-хе! Там райские красавицы, гурии небесные... Напротив моего дома государство сад устроило. Туда каждый вечер сходятся невесты со всего города женихов соблазнять. Все ходят в шелках да в атласах. Выступают как павы. Из них каждая моего сына с руками бы оторвала, каждая ему подмаргивает, — ведь сынок-то мой теперь уж не прежний черномазый малый, он теперь истинный лев! От тех чирушков, что у него прежде на шее были, нынче уж и следа не осталось. Какне же могут быть болезни у человека, если его кормить отваром из ежей и змей. А я кормил его этим снадобьем.

Фасонистый парень, если б ты его только увидел. Франт! Одних хромовых сапог имеет две пары. Обе — востроносые. Брюки носит — настоящие галифе. Картина!

Аширмат, наконец, отпил глоток чаю.

— И еще скажу: нету в нем нынешней культуры. Слава богу! Нынче культурным кого зовут? Тех, что и понятия не имеют ни о базарах, ни о ценах, ни о настоящем деле. Так зовут худосочных растяп с книжкой под мышкой. Ох и не люблю я их! С души воротит. А наш сынок, Бакиджан, дело совсем другое. У него и денежки свои водятся. Он, можно сказать, верхом на складе сидит. Прежде-то он работал в артели кассиром. Неблагодарная работа: мешками получает деньги из банка и все до копейки сдает чужим людям, а себе — ни гроша! Насмотр-

релся я на это и говорю: «Бросай! Подавайся на базар! Я сорок лет глотал пыль на ослином базаре и, видишь, человеком стал, в люди выбился». Сын у меня послушный. «Так и так, ладно! Мне тут работать расчета нет — теперь получатели вздумали по десять раз пересчитывать деньги, когда я выплачиваю. Какой же смысл?» И пошел на базар.

Там поставили его контролером по фруктовому ряду. Базар у нас, может помнишь, просторный, фруктовый ряд длинный. Продавцов сотни. Но каждый продавец не может торговать, если не возьмет билетик, а билетик выдает твой будущий зять, мой смышленный сынок Бакиджан. А кто же может получить билет, если не позолотит ручку тому, кто выдает билетики? Без его билетика продавец и шагу ступить не может, а ежели ступит, Бакиджан вынимает длиннейший свисток, подобный флейте. У него особый свист. Милиция на него не откликается. Этот свисток я ему сам сделал. Свист его на весь город слышен. Кому же из продавцов понравится попасть под такой свист? Я по совести скажу: очень доволен сыном. Ему повезло. Твоя поджарая у него растолстеет за два дня.

Аширмат выпил еще чаю, отдышался, посмотрел на Мир-Ахмада и понял, что на мельника его рассказ не подействовал, и мельник ничуть не восхищен лихим кавалером Бакиджаном. Человеку с простой, чистой душой такой ловкач оказался не по нутру.

Мир-Ахмад сидел, молча покачивая головой, будто перед ним стоял живой Бакиджан. Покачивал головой укоризненно, а усмехался презрительно.

Барышник за несколько десятков лет базарных хитростей научился понимать настроение собеседников. Понял, что промахнулся, но не растерялся и решил подойти к вопросу с другой стороны.

Он грустно и сокрушенно вздохнул:

— Воля твоя, братец. Родной мой, жалко мне, что уклоняешься ты от своего слова. Сколько раз ты мне в прежнее время твердил, что станем мы сватами, породнимся ближе и крепче. За язык тебя никто не тянул. И меня уверил, и сына моего Бакиджана уверил. Что ж теперь получается? На попятную идешь? А не грех ли от своего слова отпираться? Ну ладно, допустим, что я для тебя ничего не значу. Но ты оскверняешь блаженную память своей покойной тетки. Она тебя и растила и нянчила, а как ты отнесся к ее воле? Пускай навеки расста-

нутя Аширмат с Мир-Ахмадом, разойдутся в разные стороны, и на том окончится их родство. Не будет ли это грехом?

Мельник беспокойно заерзал:

— Ты свои слова о прекращении родства возьми назад. Я пока ничего не сказал. Подумаем, поговорим. Что-то не по душе мне занятия твоего сына. Не по душе. Какая это работа? Тут что-то надо бы сообразить. А моя Тапсык пользуется уважением. Она комсомолка. Девушка передовая. Я сперва посоветуюсь с парторгом нашим, с председателем колхоза. Без их одобрения такой вопрос не решу. К тому же, время ли сейчас устраивать свадьбы? Свадьбы надо справлять либо поздней осенью, когда с работами покончено, либо ранней весной, до начала работ. Мы не так живем, как ты, Аширмат. Не так, у нас на все свой календарь.

У Аширмата осекся голос, и он уже не хрипел, а сопел:

— Что ты! Что ты! Ни партии, ни председателю ты пока ничего не говори. Ты им скажешь так...

Аширмат сощурил глаза, представляя себе, как говорил бы он сам, если б ему довелось говорить об этом:

— Ты им скажи: жених, мол, большой учитель. А отец его, мол, передовик с Маргеланской шелкомотальной фабрики. В глазах государственных людей это будут достойные тебя родственники. Если ты им так скажешь, они сами наш пир возглавят.

Мир-Ахмад решительно его прервал:

— Ты зря не болтай! Партию обманывать нельзя. Ей всегда надо говорить только правду. Только правду!

Душа Мир-Ахмада возмутилась от одной мысли об обмане своих товарищей.

Но Аширмат удивленно вытаращил глаза:

— Что с тобой? Не узнаю. Ты, видать, изменился. Ладно, не говори пока никому ни слова. Незачем бить в барабан задолго до свадьбы. Все надо делать своевременно. Перед свадьбой и поговоришь с ними, успеешь. Не нравится тебе, говоришь, работа моего сына? Ладно. Не спорю. Уступлю. Можешь его взять к себе, пускай живет с молодой женой под твоим крылышком. Отдам тебе сына. Бери! По рукам? Ну! Они вдвоем с твоей девкой тут горы перевернут. С богом! Из полы в полу! Бери!

Мир-Ахмад, покусывая кончик бороды, молчал и не подхватил протянутых к нему рук барышника.

Скосив на брата бельмо, барышник тоже смолк, жад-

но глотая чай и раздумывая, что предпринять для одоления этого упрянца.

А Мир-Ахмад задумался над этой заботой, свалившейся как снег на голову.

Барышник снял с головы огромную, как корзина, чалму, облокотился на подушки и выставил толстые, как поленья, ноги, обутые в латаные, изношенные ичиги. Ему не нравились, его встревожили слова мельника, что нельзя обманывать ни партию, ни правление колхоза. Это означало, что с мельником следует держаться настороже.

А Мир-Ахмад озабочен был другими мыслями: его дочь — передовая колхозница, комсомолка. Только теперь ему стало вполне ясно, что это уже самостоятельный человек и с ней нельзя обращаться, как, бывало, родители обращались со своими безропотными дочерьми. Только сейчас он увидел в своей Тансык те новые черты, о которых не задумывался прежде. И это раздумье наполнило его тревогой: «Не обидит ли ее моя отцовская бесцеремонность?» Но это раздумье наполнило его и гордостью и счастьем: «Вот она, оказывается, какая?!» И опять появилась тревога в душе Мир-Ахмада: «А как я должен поступить, если она вдруг заявит: «Выйду за того, кого сама изберу»? Это будет обидно для отца и унизит отцовскую честь! Или не унизит?»

Он сидел, поглощенный этими раздумьями, и совсем забыл о своем любезном госте.

Мир-Ахмад вел бы себя более решительно, если б не был скован старинным долгом гостеприимства, если б не был ослеплен любовью к единственному родственнику. Он верил человеку, сообщившему о свадьбе в Маргелане, где Аширмат женил сына. Слова Аширмата несколько поколебали эту уверенность, но не рассеяли всех сомнений Мир-Ахмада.

За год до этого барышник действительно женил своего базарного свистуна. Правда, барышник и тогда подумывал о дочери простодушного мельника, но рассчитал так: «Колхозники — народ самолюбивый, на свадьбах закатывают большие пиры, дело это убыточное, — устраивать такую свадьбу расчета никакого нет, а без пира обойтись не удастся». Прикинув это и в голове и на счетах, Аширмат предпочел другую сделку: породниться с тихим, смиренным кустарем с соседней улицы. Со дня сватовства до самой свадьбы между обеими семьями тянулись долгие, упорные споры, не раз кончавшиеся разрывом, но вскоре вновь переходившие в мирные переговоры.

Аширмат, объявив своим друзьям, что он женит сына, признал у них денег на свадебные расходы, но в подготовке пира проявил такую скаредность и проделал столько всяких махинаций, что родня невесты уже в самый день свадьбы отказалась выдать ее за Бакиджана. Понадобилось вмешательство соседей, чтобы примирить обе стороны и спасти свадьбу.

Барышник для расходов на пир собрал мелкие деньги, сложил их в толстую пачку, всунул в нее немало залежавшихся у него николаевских бумажек, сверху прикрыл новенькими полноценными пятерками и эту пачку вручил отцу невесты. Отец невесты, увидев обман, возмущался.

Невесте в подарок жених послал несколько платьев, стареньких, покрытых пятнами, побитых молью, оставшихся от незабвенной родительницы Аширмата, много лет пролежавших в сундуках. Некоторые платья были заняты на время у соседей с тем, что после переезда невесты в дом Аширмата их возвратят владелицам.

Для свадебного плова вместо риса послана была такая крупа, происхождение которой не смогли бы определить ни ботаники, ни бакалейщики.

О качестве халвы можно было догадаться по тому, что, по соображению бережливости, готовил ее не кондитер, а сам барышник.

Родные невесты, чтобы устранить наконец все раздоры и споры, смирились и покорились судьбе.

Свадьба состоялась.

Сноха у барышника оказалась красивой, приветливой, скромной. Она ни в чем не нарушала ни порядка, заведенного в доме мужа, ни распоряжений свекра. Она работала целые дни, не разгибая спины. Но Аширмат был недоволен ею.

В маленьком дворике, где и самим-то трудно было повернуться, Аширмат держал не менее десятка кур. Яйца, собранные за день, на другой же день утром барышник относил на базар. Но покупать корм для кур, по его убеждению, никакого расчета не было. Невестка по несколько раз в день, взяв веник, лопату и старый мешок, выходила на улицу собирать конский помет. Его приносили для кур, и когда, по мнению Аширмата, куры выклевывали из него зерна, остальное употреблялось на кизяк.

Снохе казалось невыносимой и унижительной эта обязанность, она шла на улицу с печальным видом, и за такой вид свекор невзлюбил свою невестку.

За три дня до выезда Аширмата к мельнику произошло событие, заставившее барышника еще сильнее возненавидеть жену сына. Сев на осла, он отправился в колхоз к Мир-Ахмаду.

В тот день Аширмат распекал невестку за великие провинности — она раньше времени подоила козу и своевольно зажарила Бакиджану яичницу из яиц, предназначенных для базара, ибо дома такая еда не полагалась. Тут появился Бакиджан. Он услышал скрипучий и немилостивый голос родителя и поспешил присоединиться к нему.

Увидев сына, барышник перечислил все проступки нерадивой снохи, сильно сгустив краски.

Бакиджан, подняв кулаки, кинулся на жену, чтобы подкрепить свое сыновнее почтение отцу. Жена бросилась умолять о пощаде. Неожиданно Бакиджан снизошел к ее мольбам, отошел от нее и, многозначительно подмигнув отцу, поманил его внутрь дома.

Аширмат вслед за сыном вошел в комнату. Взглянув в глаза Бакиджана, выпуклые как у рыбы, отец уловил в них какой-то беспокойство.

Выжидая, что скажет ему сын, Аширмат гадал, как понять его взгляд: он и задумчив, и мечтателен, и тревожен, а то вдруг вспыхивает каким-то огоньком, похожим не то на отчаяние, не то на отвагу.

Заметив на шее у сына новые язвы и болячки, барышник подумал, что не худо было бы опять покормить его отваром из ежей и змей.

А Бакиджан в зловещем молчании вынул из-за голенища сложенную газету и развернул ее. Дух барышника мгновенно упал: из газет никогда еще он не узнавал ничего радостного.

Пока сын развертывал «Кзыл Узбекистан», отца начала бить дрожь: «Какой-нибудь зловерный проныра пронюхал о делах моего сынка на фруктовом базаре и протащил мальчика в газете».

Нетерпеливо старик спросил:

— Свисток-то твой не отняли еще у тебя?

Бакиджан отмахнулся:

— Не о том речь.

Аширмат совсем растерялся:

«Я последние годы старался не попадаться на глаза ни одному начальнику милиции. Неужели ж выследили?»

— О чем же, если не о тебе, неужели... обо мне что-нибудь?

— И не о тебе.

Аширмат уловил в голосе сына нечто обнадеживающее, и с души словно камень свалился.

Бакиджан показал какой-то не очень четко напечатанный портрет. Там было женское лицо, под ним подпись, недоступная пониманию неграмотного человека, и статья.

— Это дочь дяди Мир-Ахмада.

— Эта девка? А чего же это они ее?.. Натворила что-нибудь?

— Повезло дяде Мир-Ахмаду. Его Тансык работает звеньевой в колхозе. Она будет стоцентнеровиком.

— Что это такое?

— Очень большие урожаи собирает. Самые наибольшие. Газета очень хвалит и ее работу, и ее хлопок. Написано как надо, видно, писал большой знаток. Теперь у вашего брата сундуки набиты деньгами, а закрома — пшеницей.

Аширмат с деловитой быстротой смекнул:

— Пускай! Это хорошо.

За последние годы торговые дела на базаре у барышника сошли на нет. Какие-нибудь ничтожные сделки удавалось провести так редко, что жизнь казалась ему конченной. Теперь его охватил вихрь радужных надежд.

— Мир-Ахмад простофиля, мужик. Надо мне к нему съездить. Я-то сумею кое-что вытянуть из него.

— И хорошо было бы не откладывать это дело. Но тут еще одно дельце можно сделать. Ведь эта Тансык теперь непременно орден получит. Теперь слава от нее не отстанет. Глядишь, ее и в председатели колхоза выберут. А может, и председателем сельсовета. Кто их знает, может, ее в начальники всего района произведут!

— Могут, — согласился Аширмат. — Они что ни захотят, все могут. Это ты верно обмозговал. Съезжу! Непременно! И уверен, вернусь не с пустыми руками.

— Это хорошо. Да только не все.

— Что же еще? Я ли не сумею взять барыша на славе племянницы!

— Я о другом жалею. Поторопили вы меня с женьшеньбой. Вот в чем промашка вышла. Был бы я холост, присватал бы дочку дяди Мир-Ахмада, и весь капитал их, и весь почет были б у нас в руках.

Украшение ослиного базара, барышник Аширмат,

наморщил лоб, обдумывая это дело. Племянница действительно могла открыть перед ним кладовую сокровищ!

— Смекалистая у тебя голова, сынок. Далеко пойдешь.

Сынок сидел напротив, почесывая на шее вспухшие железы и чирьи.

— Обмишурнулись мы, поспешили!

Отец решительно махнул рукой:

— От жены откажешься. А я завтра же направлю своего осла к дому Мир-Ахмада. В таком деле дорог каждый час. На такой товар всегда много покупателей. Надо разом брать быка за рога. С божьей помощью возьмем детку в сетку. Ты перестань улыбаться жене, ложись к ней спиной, в каждом ее поступке ищи промашки, ругай ее без стеснения. Она сама захочет сбегать от тебя. Этого нам и надо. Детей у вас не ожидается?

— Нет пока.

— Пока! То и ладно, что нет. Возьми у нее платья, которые получше. Завтра же неси на базар. У меня дела сейчас плохи, ни гроша нет. Ты ей скажи, что когда дела твои поправятся, сошьешь ей новые платья, хорошие. А эти продавай немедленно: иначе, когда она уходит вздумает, она их с собой унесет. Не зевай, смотри. Понял? Да веди дело так, чтоб было поменьше шума, побольше толку.

Свистун чувствовал себя на седьмом небе. Были б у него крылья, сам полетел бы к богатейшей Тансык. Но пока приходилось ждать и надеяться. Правда, если за дело брался такой опытный маклер, как его родитель, можно было не беспокоиться.

С особым вниманием он снова приник к газете.

* * *

Когда вечером Мир-Ахмад вернулся домой с мельницы, милейший гость лежал и так громко и безмятежно похрапывал, что если б собственный его осел пошел бы к своему хозяину и взревел, ослу не удалось бы заглушить сладкое дыхание хозяина.

Асальбиби, возившаяся около недавно отелившейся коровы, вышла навстречу мужу и позвала его на террасу.

— Что тут делается? — спросила она Мир-Ахмада.

Занимаясь делами, хлопоча по хозяйству, она все время прислушивалась к разговору гостя с мужем и кое-что поняла, но не могла связать отдельные мысли их родственной беседы.

— Родственник приехал сватать твою дочь.

— Это я поняла. Но мне неизвестен ваш ответ.

Мир-Ахмад виновато прошептал:

— Он меня уморил. Я, чтоб отделаться, обещал подумать, сказал, что, если подумаем, пожалуй, ответим согласием.

Асальбиби горько вздохнула и промолчала. Она сидела, низко опустив голову.

Мир-Ахмад и Асальбиби жили очень дружно. Это знала вся деревня, и все с похвалой отзывались об их семейном укладе. Тихий и доверчивый Мир-Ахмад никогда не делал ничего, что могло бы огорчить жену. А сама Асальбиби жила по старой поговорке: «Муж жене — учитель». Неумомимые, трудолюбивые, оба они дружно работали и жили в согласии, любили своих детей и любовно растили их. Едва ли могло что-либо произойти, в чем Асальбиби решила бы прекословить мужу. Но теперь сердце ее охватила тревога, какая-то страшная, гнетущая тоска. У нее в мыслях не укладывалось, что она могла бы отдать кому-то свою нежную, всеми любимую, уважаемую, прославленную на весь район и такую послушную дочку. Отправить Тансык в далекий, чужой дом? Это было бы то же, что посадить ее в клетку. Нет, это никак не радовало Асальбиби.

Думая так, она замечала, как росла в ней ненависть к Аширмату. Хотя она и раньше рассмотрела повадки и обычай родственника, его неожиданный приезд теперь, его грубые нравоучения, его попытки умалить красоту дочери сейчас с особой остротой поразили ее и укрепили ненависть к Аширмату, завистливому, нечистоплотному, бесцеремонному.

Правда, вспоминая, как сама была она отдана замуж пятнадцатилетней, Асальбиби думала, что Тансык в своем двадцатилетнем возрасте, пожалуй, перезрела. Это сильно беспокоило и смущало Асальбиби. Ей уже не терпелось поскорее выдать свою Тансык замуж. Но не за Бакиджана же, не в дом грязного Аширмата!

От разговора Мир-Ахмада с гостем она чувствовала, как кусок ее сердца откатывается и откатывается в бездну. Она не знала что же ей делать, соглашаться ли с мужем, возражать ли и противиться ему?

Долго сидела Асальбиби, опустив голову, подавленная невеселым раздумьем.

Мир-Ахмад, почесывая голову и делая равнодушное лицо, явно ждал ее слов.

— Ну, что ж ты молчишь? Что у тебя там, на душе-то?

— А каков жених? Я его видела, когда ему было года два или три. Он все болел и дичился. Теперь-то, верно, вырос?

— Я тоже видел его последний раз подростком. Как будто не плохой был мальчишка. Все время вертелся около меня: «Дяденька, дяденька!» Но каков у него ум, я тогда не рассмотрел, право.

— Лишь бы он не был похож на своего отца!

Мир-Ахмад невесело улыбнулся:

— Да. Родственничек сильно изменился. Характер у него появился, какой-то... Такой... Но мне жаль оскорбить память тетушки. Все-таки она вырастила меня, бездомного сироту. А ведь она сама была вдовой. Ведь и курице нужны и зерно, и вода. Человек должен быть благодарным. А чтобы дочь не попала в берлогу к этому барышнику, мы могли бы взять зятя к себе. Отдали б им комнату. Тут, в колхозе, они могли бы и работать вместе. Постарается малый, достигнет почета. Достигнет почета, и нам радость будет. Как ты думаешь? Согласна?

— Вы знаете, в наше время девушки сами себе хозяйки. Наша Тапсык из тех, которые женихов себе выбирают сами.

— Неужели же она пойдет против воли родителей? Я ли не хочу ей счастья? Я разве не люблю ее? Отцовские права у меня есть? Или их уже нет? Я же не прошу калым, не продаю дочь, как в прежнее время. Я колхозник. Я работаю, других доходов мне не надо. Но хочу я почтить память тетушки. Хочу поближе быть к единственному своему родственнику.

Асальбиби сказала с досадой:

— От простодушия это у вас. Очень уж вы доверчивы. Он на это и рассчитывает, добивается вашего согласия. Можно сказать, добился. А разве такое дело можно сразу решать?

— Но я же не решил, не дал согласия. И обещал подумать. Только и всего.

— А помните вы, как в прошлом году в доме у Тургуна скандал был? Тургун свою дочку Хамиду просва-

тал, когда она еще в люльке лежала. Сосватал за сына своего друга. Восемнадцать лет считались они сватами, каждый праздник женишок слал невесте подарки. А когда дети подросли и настало время готовить им свадьбу, девушка вдруг и отказалась от жениха. «Не выйду! Хоть убейте! Хоть тысячу раз меня прокляните, не выйду!» Ничем не могли ее убедить, родители и просили и грозили — никак! Недавно она вышла за другого.

Асальбиби вздохнула и припомнила еще случай.

— А что случилось с дочерью Мадраима с крупурушки? Дочь его, помните, в сельсовете работала. Два месяца назад, никому не сказавшись, сговорила с молодцом из соседней деревни и без свадьбы, без пира, сошлись с ним и теперь живут душа в душу. Теперь днем с огнем не найдешь девушек, что хотели бы жить по стародавним обычаям. Нет уж... Не сыщешь. А наша Тансык неужели же хуже их?

Мир-Ахмад сидел на террасе, прислонившись к столбу. Он было уже смирился с мыслью, что отдаст дочь не к чужим, а к своим людям и тем самым почтит память тетушки. А теперь он даже не жалел, что пришел домой и затеял с женой такой трудный разговор. Ведь жена оказалась права. Что можно возразить? Она говорила мягко, кротко, убедительно. Опасения ее справедливы. Слушая ее, он сам убеждался в том, как она права. Все эти случаи с дочерьми Тургуна и Мадраима он знал. Они уже раньше говорили с Асальбиби. Что ж, в самом деле, получается? Может ли он решать судьбу дочери по своему желанию, по отеческому усмотрению? Или Тансык такова, что может и без родительского согласия сговориться с каким-нибудь приглянувшимся женихом, да и выпорхнуть из родительского гнездышка.

Асальбиби отлично угадывала чувства и настроение своего мужа.

— Нечего загодя отчаиваться. Поживем — увидим, как все сложится. Подите толкните гостя, а то вся деревня от его храла оглохнет.

Мир-Ахмад так был погружен в свои размышления, что не расслышал слов жены. Мыслями он витал в это время возле своей Тансык, подыскивая убедительные слова, чтобы поднять в ней почтение к родителям и послушание их воле.

Ничего не ответив жене, он вскоре ушел на мельницу. Он даже не заметил Тансык, встретившуюся ему.

Когда Тансык переступила порог калитки, она почувствовала, что в доме происходит что-то неладное. Да леко обойдя почивавшего гостя, она вошла на террасу.

Мать упрекнула ее:

— Где это ты всегда пропадаешь? Небось, проголодалась?

— Комсомольское собрание было. Что с отцом? Он встретился мне сердитый, хмурый. Здоров ли он? Все ли у нас благополучно?

Мать решила до поры до времени скрыть от дочери свой разговор с мужем. Она постаралась говорить с ней спокойно:

— Пока все хорошо! А отец, видно, устал. Ведь годы сказываются. Ты возьми на кухне плов, кушай.

Тансык взяла из котла плов и поднялась в беседку, построенную над террасой. Там ее братья уже крепко спали. Она тихо зажгла лампу.

Застланная толстыми ватными одеялами новая никелированная кровать манила ее к отдыху. Кровать эту они купили весной, вместе с гардеробом, в магазине райцентра. Прежде такой мебели не водилось даже в городских узбекских домах.

Тансык посидела, прислушиваясь к ночной тишине. Внизу на огороде шелестели листья кукурузы. Персики протягивали к Тансык свои ветки, покрытые яркими плодами. Ветки почти доставали до кровати, если их покачивал слабый ночной ветер. Тансык сорвала один такой яркий плод, и его кожица заблестела при свете лампы золотым отливом.

Тансык взяла книгу и углубилась в нее. Книгу эту о жизни растений дал девушке агроном Соколов. Написанная на русском языке, в отдельных местах она бывала непонятна девушке. Приходилось пользоваться словарем. Тансык читала эту книгу не только дома, она брала ее в поле и в обеденный перерыв читала в тени шалаша, прилежно в нее вникая. Встречаясь с Соколовым, Тансык расспрашивала его обо всех непонятных местах книги, и агроном объяснял их ей ясным и простым языком.

Тансык читала лежа. Ветер то раздувал, то глушил пламя лампы.

Когда Асальбиби, управившись с хозяйственными делами, тоже поднялась сюда, она проворчала:

— Опять с книгой! Когда же спать будешь? Летняя ночь коротка.

— Ложитесь, мамочка, спите. Я еще немножко почитаю.

— И что это за книга? Уже несколько дней не можешь от нее оторваться. Небось, все о любви?

Тансык ласково улыбнулась, но книгу не отложила. Она достала словарь, хранившийся в нише. Словарь этот не без труда выпросила она у директора школы. Хозяин расстался со словарем неохотно и, прежде чем дать ей, обернул переплет бумагой. Поняв значение неизвестных слов, Тансык обрадовалась.

Она погасила лампу поздней ночью, когда Асальбиби еще раз, уже спросонок, начала было напоминать ей, как коротка летняя ночь в Фергане.

XVIII

Когда Уктам, проведя собрание в одной из отдаленных бригад, вернулся в правление, Мир-Хайдар сидел там один, сняв тубетейку, задумавшись, устало закрыл глаза.

Услышав шаги Уктама, старик улыбнулся, не открывая глаз, и лишь когда Уктам заговорил, взглянул на него, усадил напротив на новенький дубовый стул и налил ему чаю из низенького пузатого чайника в небольшую пиалу. Он сказал, обмахиваясь воротом белой рубахи:

— Легок на помине. Я как раз думал, где бы тебя найти. Я с полчаса назад вернулся из района.

— Что там нового?

— О «Фархадстрое» ты знаешь?

— Кто же не знает! На фронте еще читал и слышал. Мы все гордились, что на нашей земле такое строительство. А побывать там не пришлось.

— Еще побываешь. Я уже побывал. Мой кетмень одним из первых ударил там по пустыне. Хвалиться, конечно, грешно! — засмеялся Мир-Хайдар. — Да ведь иной раз хочется немножко похвалиться.

— Я помню ваше письмо оттуда к нам. Вы тогда писали, что скоро Сыр-Дарья даст стране яркий свет.

— И не только свет. Вода должна пойти оттуда по степям и пустыням. Там большой канал строится. Его воды оживят тысяч сто гектаров. А может, и больше.

— С этого и начинается наш разговор, дорогой мой. Скоро туда должно отправиться много колхозников. От

нас намечено двенадцать человек. За этим я и хотел тебя звать, милый Уктам.

Уктам весело сверкнул глазами:

— Отлично! Я записываюсь первым.

— Хорошо было бы и тебе поехать. Потрудиться на общее благо. Но тебе и здесь дел много. А пока подумай, кого отправить, как обеспечить людей всем необходимым. Рабочий инвентарь они должны от нас получить. А для тебя и в колхозе дел хватит.

Уктам подавил свое огорчение:

— В колхозе... За хлопок можно не беспокоиться. Он уже начал созревать. Вы это лучше меня знаете. Здесь я кое-что сделал, можно было бы отпустить меня на «Фархадстрой».

— Спасибо за доброе слово, Уктам! Сделал ты не кое-что, многое сделал. Сумел людей воодушевить, поднял в них дух соревнования. Тех, кто к работе относился с холодком, приохотил к делу, внушил им любовь к труду. За это тебе, милый, спасибо. Уже и сейчас видно, урожай у нас будет добрый. Скоро сбор начнем. Но к сбору надо подготовиться, это тоже требует твоего участия. Из-за этого я и задержу тебя. Потом поедешь.

Уктам нехотя согласился.

Они долго сидели, обсуждая все подробности предстоящей отправки двенадцати колхозников на «Фархадстрой». Бригадиром наметили Усарджана Султана.

Потом они вышли из правления.

Светлая августовская ночь была полна мирного покоя.

От садов, бахчей, виноградников текли густые, благоуханные, теплые струи воздуха.

С полевого стана, из глубины обширных хлопковых полей, долетала песня.

И старик-председатель, и Уктам, у которого сердце томилось от любви, замедлили шаги, чтобы прислушаться к любимому напеву и к словам незабвенного Мукими:

Я далеко, но сердцем я с тобой...

При этом напеве сердце Уктама наполнилось сладкой истомой.

Когда последние слова песни смолкли в ночной темноте, Мир-Хайдар взглянул на звезды и опять заговорил о делах.

Неожиданно для Уктама он сказал:

— Электростанцию мы будем строить. Но ты не обижайся на меня. Уктам, сначала надо закончить сбор хлопка. Иначе людей не хватит. А строить надо по половице: «Проглоти верблюда так, чтобы хвост его у тебя изо рта не торчал».

Уктам не ждал, что председатель сам заговорит об этом строительстве, и ничего не ответил Мир-Хайдару.

Старик добавил:

— Строить надо как следует. Я так и Сайрамову объявил.

— А он?

— А он мне: «Правильно! Ты, спрашивает, как шьешь халатики детям?» Я не знал, что сказать, при чем тут халатики? Сайрамов мне и объясняет: «Ты, говорит, шьешь им на рост, с запасцем. Так и капитальное строительство планировать надо: не по сегодняшним плечам мерить, а с расчетом на рост. Колхоз ведь растет, потребности его тоже растут». Вот как дело складывается, Уктам. И выходит, что ты был тогда прав, когда мы поспорили. Ты был прав, а не я.

Голос Мир-Хайдара звучал твердо и сердечно:

— Ведь знаешь, Уктам, я тоже такой был: любил задумывать строительства. Любил строить. Но во время войны другие задачи были. А теперь ты меня расшевелил. Ведь многого нам недостает. Молочную ферму, например, тоже надо построить. Детские ясли нам нужны, чтобы женские руки высвободить. Детский сад.

Уктама охватила большая радость.

— Ведь ты, Уктам, знаешь сам, нельзя же мириться нам со старыми яслями: дом обветшал. Только сад при них хорош. Да и здание это стоит близко к дороге — пыль, шум — не годится это для ребят. Дом надо строить в глубине сада, подальше от толчеи, чтобы ребятишкам было привольно, просторно. Леса у нас хватит, кирпичный завод наш подремонтруем и пустим в ход. Кирпич у нас свой. Строители свои у нас есть — Уста Азим и Уста Садык. Прикрепим к ним несколько человек в подручные, они и поставят дом комнат на десять. Такое предложение я и внесу на правлении.

— Я давно соскучился по стуку топора. Но сумеем ли поднять вместе электростанцию и ясли?..

— Люди осенью освободятся, рук хватит, а средства найдутся: в этом году мы получим хороший доход. А ты себе новый дом не собираешься строить?

— А разве мой старый плох?
— Не тесен ли он будет, когда мы тебя женим? Ведь пора. И любовь полнее, когда приходит вовремя.

— Надо ли спешить?..

— Поспешешь — людей насмешишь, это верно. Я другого опасаюсь — как бы тебя не отнял у нас колхоз «Эльбад». А?

Уктам, в темноте не видя выражения лица Мир-Хайдара, понял по его голосу, что старик улыбается.

Уктам опять не смог ничего сказать. Мир-Хайдар тронул ладонью локоть Уктама:

— Не таись! Любовь не утаишь! Я ведь все вижу. Сердце тебе верно подсказало. Эта девушка — само счастье. Но действуй смелее. Не робей. Я чувствую, что робеть тебе нет причин.

Уктам опять промолчал.

В это время они увидели, что на дороге течет вода. Мир-Хайдар заворчал на поливальщиков:

— Не берегут воду. Видишь, сколько ее зря уходит!

Об Уктамовой сердечной тайне он больше уже не заговаривал. Попросил Уктама разыскать колхозников, занятых поливом, и остановить утечку воды, а сам пошел к мельнице, неутомимо скрипевшей в этот поздний час.

* * *

Рано утром Уктам зашел к Усарджану.

Усарджан сидел на полевом стане в своем звене, просматривал свежие газеты.

Едва Уктам сказал о предстоящем выезде на «Фархадстрой», Усарджан возликовал:

— Работу организуем по-комсомольски! Можете не беспокоиться. Чести «Богатыря» не уроним.

Вместе они пошли по бригадам, рассказывали о «Фархадстрое» и постепенно отбирали людей для работы.

В девичьем звене девушки заявили о желании ехать. Но кроме Анархон и Дильшад в список никого не включили. Маленькая Хакима так обиделась за это, что тут же расплакалась, упрекая брата:

— Каменное сердце у вас, каменное!

Когда список уже был составлен, откуда-то появился запыхавшийся Сабир:

— А меня, брат Уктам! Меня-то включили?

— Работы и в колхозе немало. Ведь ты бригадир!

— Значит, мне оставаться в стороне от общего дела?

— А колхоз — не общее дело?

Сабир нахмурился и подбоченился:

— Берешь меня или нет? А, Уктам?

— Не приставай, здесь тоже нужны крепкие руки.

Сабир, сбывшись и размахивая длинными руками, ушел. Но когда Уктам направился узкой межой в правление, Сабир догнал его и схватил за руку:

— Не зря говорится: самые горькие слезы льются из-за друзей!

Уктам заметил, что Сабир дрожит от обиды, а в глазах его горе.

— Что с тобой, Сабир?

— Ты забываешь кое о чем.

— О чем же?

— Я останусь, ладно. Но тогда и Анархон пускай останется. Я дня не могу без нее...

Уктам раскланялся:

— Ага! Новые Фархад и Ширин! На дикой Сыр-Дарье Фархад свершит новые подвиги во славу прекрасной Ширин, пред царственными ее очами!

— Тебе все шуточки.

Уктам протянул руку Сабиру:

— До свиданья, Фархад!

— Ты всерьез?

— Собирайся. Ладно. Упрошу председателя, чтобы он внес тебя в список. Тогда тебя и бригадиром назначим. Согласен? А Усарджана — тебе в помощники.

— Ты настоящий друг, Уктам!

Два дня спустя двенадцать человек под полуденным солнцем поехали на арбах к станции. Все были оживлены, не могли сдержать радости, поэтому было много шума и крика.

Взволнованный Сабир запел веселую песню, а Мир-Хайдар и Уктам стояли, помахивая тюбетейками вслед уезжающим, крича им пожелания и напутствия.

Вернувшись в чайхану, Уктам прилег на помосте над прохладным арыком. Над головой сплетались густые ветки карагача. Птицы посвистывали в листве.

Уктам незаметно уснул. Открыв глаза, бодрый и отдохнувший, разминая руку, онемевшую во время сна, он попросил у Дадамата чаю.

Но Дадамат поставил перед ним полное блюдо винных ягод.

— Из своего сада, попробуйте!

Уктам уловил гордость в словах Дадамата. Дадамат находил время отлично работать в своей бригаде, держать в завидном порядке чайхану, а ранними утрами, отрывая часок от сна, возиться на своей усадьбе.

Ягоды, крупные и нежные, как масло, прозрачные, как янтарь, манили к себе, и Уктам съел их несколько штук.

— От винных ягод жажда растет. Сгоришь от них, если много съешь.

— В этом году ягоды особенно хороши. Кушайте еще, кушайте!

— В этом году ягоды, как мед. И сладки, и тают во рту.

Уктам пошел к старому мастеру.

Старик лепил глиняный забор вокруг сарая. Уктам рассказал, что к тому времени, когда начнется постройка фермы и яслей, нужно заготовить достаточно кирпича, и поэтому начинать заготовку нужно немедленно.

Худошавый, узкоглазый мастер смущенно потирал измазанные глиной руки. Он был без рубахи, костистое тело его, загорелое дочерна, лоснилось на солнце.

Уктам сказал:

— Нам придется отремонтировать печь, не откладывая. Как быть?

Уста Садык был мастером на все руки. Он за многое брался, и за что бы ни брался, все спорилось в его руках. Верно потому, что всякое свое дело он любил и всяким делом интересовался. Он ответил Уктому:

— Ремонта не потребуется. Я за печью присматривал, хоть она и бездействовала. Вы мне дайте людей месить глину да формовать кирпич. А я начну сдавать вам такие кирпичики, что звенеть будут, крепкие, как кетмень, гладкие, как фарфор.

— Отлично! Но ведь кирпича понадобится много. Сумеете?

— Сколько надо, столько сумеем! Была бы глина. Дайте несколько человек посильнее, целые горы кирпича получите.

* * *

Мир-Хайдар сам привел Уктама и колхозных строителей к месту будущей постройки.

Надо теперь же прикинуть, каков будет дом, чтобы знать, сколько понадобится кирпича для постройки.

Мир-Хайдар шагами отмерил площадку, где станет дом. Мастера Уста Азим и Уста Садык, по временам многозначительно переглядываясь, с почтительным вниманием выслушали указание председателя, заглянули в план, утвержденный в районе, и согласно покивали головами.

Уста Азим, низкорослый, густобородый, круглолицый, и Уста Садык, высокий, но почти безбородый, много и дружно поработали вместе и легко угадывали мысли и замыслы друг друга. Они с одинаковым успехом строили дома и русского типа и восточного.

Уста Азим был старше, умел красноречиво говорить и при этом так улыбался, что сразу располагал к себе собеседника. Он считался большим знатоком по восточным постройкам без металла и дерева, — из кирпича и глины. Уста Садык, неразговорчивый и суровый, не имел себе равных во всем районе по отделке зданий, по художественной резьбе и украшениям.

Мир-Хайдар спросил мастеров:

— Как вы расположите десять комнат этого дома? Помните, комнаты нужны просторные, светлые, высокие. Чтобы летом было в них прохладно, а зимой тепло.

Мастера переглянулись, что-то показали один другому руками и поняли друг друга вполне.

Потом они начертили на площадке место будущего фундамента, протянув бечевку, и Уста Азим со скромностью и достоинством разъяснил свой план. Он указал места окон, дверей, печей. Показал, где протянется крытая терраса и где станет красивое крыльцо.

Председатель сказал ему:

— Мы не приглашаем городского инженера, вполне доверяя вам. Но потребуются все ваши знания и опыт, чтобы сотворить чудо. От вас ждем чуда. Больше ничего, только это. Ведь строим для тех, кто станет хозяевами колхоза после нас, для нашего будущего поколения построим дом.

Обернувшись к Уктаму, председатель взглядом спросил его мнение. Уктам заметил:

— Дом выйдет хороший. Но будет еще лучше, если в середине построить небольшой уютный зал.

Уста Азим согласно кивнул, но Уста Садык заупрямился:

— Театр вам, что ли, понадобился?

Председатель поддержал Уктама:

— Нет, не театр. Летом ребята проводят время на воз-

духе. Здесь есть сад, широкая лужайка. Зеленая лужайка — вот здесь...

Мир-Хайдар показал рукой на сухой изрытый пустырь.

— Здесь будет зелень, цветы. А зимой? Где ребятам играть зимой, если мы для них не построим зала?

Уста Садык тяжело молчал, может, от смущения, может быть, от упрямства.

Уста Азим засмеялся, повернувшись к другу.

— Вы забыли про своих внуков, Уста Садык. А ведь они попрекнут своего деда, если он на зиму не обеспечит их местом для игры. А?

Мир-Хайдар тоже спросил Уста Садыка:

— В самом деле, где они поиграют в кошки-мышки?

Мастера наметили на чертеже и этот зал, однако объем дома расширился.

Уста Садык вдруг улыбнулся:

— Если не покупите на материалы, я вам так отделаю зал!..

Мастера дружелюбно засмеялись. Так и расстались с шутками да с прибаутками. Мир-Хайдар с Уктамом ушли в поле, а мастера остались, молча вглядываясь в пустое пространство, очерченное тонкой бечевкой. Перед их мечтательными взглядами возникал и откристаллизовывался еще прозрачный, но уже оснащенный деталями дом.

— Ну вот!.. — облегченно вздохнул Мир-Хайдар, проходя полями. — Один дом уже начал расти. Если перевыполним план сдачи хлопка, в будущем году перестроим детский сад. Как думаешь?

— В первую голову хозяйственное строительство нужно наладить. Молочное хозяйство, птицеводство никак нельзя запускать. Помещения уже устарели, тесны, стоят не на месте. Овощехранилища у нас нет, а сады разрастаются.

— Перестроим. Год за годом, шаг за шагом. Если в этом году у нас будет два строительства, в будущем сможем уже с тремя справиться. Мощь колхоза растет. Должны расти и наши планы. Но мощь колхоза тем шире развернется, чем больше простора дадим машинам. Хлопковый участок нам надо расширить еще гектаров на триста. Чтоб ни один клочок земли не пустовал! У нас еще вон те увалы пустуют. Надо и до них добраться!

Вдали желтели выжженные холмы среди живого зеленого моря. За этими холмами начинались овраги. За ними открывалась бескрайняя, бесплодная степь.

— Там пологие скаты! — сказал Уктам. — Если канал

провести поверху, удастся ли удержать воду в между-рядьях по склонам?

— Отчего же нет? — в изумлении наморщил свой почерневший от загара лоб Мир-Хайдар. — Почему же? Надо знать прихоти и характер воды. Если узнаешь ее характер, поворачивай ее куда хочешь, она всюду пойдет за тобой.

Уктам согласился, что с весны следует заняться освоением этого участка.

Перед ними забелели раскрывшиеся, словно запущенные снегом, плоды хлопчатника. Хлопок свисал с кустов, а рядом с ним — еще нераскрывшаяся, зеленая, тяжелая масса завязей.

* * *

Мастера Уста Садык и Уста Азим начали подготовительные работы на участке. Уктам часто приходил к ним, разговаривал, мечтал вместе с ними и вместе с ними уже видел в горячем летнем воздухе очертания дома, которого еще не было на свете, но который обязательно встанет здесь.

Если чего-либо не хватало мастерам, если у них появлялись вопросы, они искали Уктама и все вопросы решали с ним.

А сам Уктам частенько заходил к председателю рассказать о мастерах и посоветоваться.

Когда однажды вечером Уктам зашел к Мир-Хайдару, оказалось, что председатель уже ждал его.

— Тебе придется ехать в Ташкент!

Для Уктама это было неожиданностью.

— Зачем?

Мир-Хайдар перечислил дела, ждавшие решения в Ташкенте. Потом, подумав, добавил:

— Еще нужно нам получить грузовую машину. На днях их там будут распределять. В список мы включены, но ты найдешь там шофера и пригонишь сюда новенький грузовик. Ведь уборка на носу, машина нам очень поможет. Охотников съездить в Ташкент у нас много найдется, но я хочу, чтобы ты сам съездил. Так будет вернее.

Уктам согласился.

— Если так, я готов. Управляюсь там с делами, денек погуляю и — назад.

— Сегодня, пожалуй, уже поздно.

Уктам посмотрел на часы:

— На ночной поезд еще можно успеть.

— Тогда не теряй времени. Поторопи бухгалтера и — айда!

Бухгалтер, укрепив очки на длинном рябом носу, посмотрел на Уктама не очень любезно и неторопливо занялся оформлением документов и подсчетом денег на поездку.

Находившийся в правлении Насимджан побледнел и услужливо протянул Уктаму коробку папирос. Рука Насимджана дрожала от волнения.

— В Ташкент едете? Трудно там чего-нибудь добыться. Нужен большой опыт. Сноровка нужна, знакомство с городом необходимо. У меня там есть знакомства. Я там в каждом нужном деле знаю боковой ход.

Уктам, пуская кольцами дым, молча отошел от него. Насимджан постоял смущенный, потом засунул руки в карманы галифе, склонил, как бы в раздумье, голову набок и бочком вышел из комнаты.

После его ухода бухгалтер оживился. Руки его задвигались быстрее. Одна рука сунулась в сейф за деньгами, другая схватила перо. Что-то он записал, пощелкал на счетах и, пожимая руку Уктама, показал свои редкие, длинные зубы:

— Счастливого пути!

Когда Уктам вернулся домой, мать его стряпала пельмени. Она и удивилась, и обрадовалась столь раннему приходу сына.

— Ах, как хорошо, что рано пришел, сынок! Ничего нет вкуснее горячих пельменей.

Уктам посмотрел, как ее маленькие руки ловко лепили пельмени, складывали их рядком на вместительном глиняном блюде.

Он почувствовал, что проголодался.

— Вы мою долю сварите поскорее.

— Посиди, отдохни. Я скоро управлюсь. Вот сделаю остальное, сварю их не спеша. За это время и твоя сестричка подойдет.

— Я бы не торопился, да мне нельзя к поезду опаздывать. Я в Ташкент еду.

Тетушка Сора обмерла:

— Как в Ташкент? Что случилось?

Уктам коротко объяснил ей причину поездки.

Сора глубоко вздохнула.

Уктам вымылся в прохладном арыке, переделся, надел еще довоенные хромовые сапоги, шерстяные брюки,

китель с накладными карманами, на голову — черную, расшитую белыми завитками тюбетейку. Раскрыл шка-тулку сестры и оттуда из-под ожерелья, браслетов, ко-лечек и коралловых ниток вынул завернутые в алый шелковый платочек свои ордена и медали. Он надел их на китель.

Когда тетушка Сора принесла блюдо, полное покры-тых густым паром пельменей, он был уже готов в дорогу.

Мать залила пельмени кислым молоком и поперчила их черным перцем.

— Острая пища развивает аппетит, сынок. Тебе на до-рогу нужно съесть все, до последней крошки.

И смотрела на него, любуясь и опасливо думая: «Тьфу, тьфу, как бы не сглазить!»

— Давайте кушать вместе! — предложил Уктам.

— Я поем с Хакимой. Да и ты кушай, не торопись. Не может он тебя обождать, что ли, твой поезд? Ты только смотри, осторожно в него садись. Говорят, когда он ходит, от быстроты из него искры летят.

Мать никогда не выезжала из своего района и нико-гда не видела поезда. Уктам засмеялся, слушая ее на-сказания.

Вернулась с поля Хакима. Поставила свой блестящий кетмень к стене и посмотрела на мать, удивленная праздничным обликом брата.

— В Ташкент едет! — сказала мать.

— Ой, как хорошо! Непременно привезите хорошей литературы. Ладно?

Мать не поняла ее заказа, спутав непривычные слова.

— Мало тебе, что ли, мануфактуры? Полный сундук! Лучше попроси готовых платьев привезти.

— Хорошо, сестричка, привезу. Все, что найду хоро-шего.

Дочь объяснила матери:

— Я не о тряпках, а о книгах его прошу. Он может много разных книг достать в Ташкенте!

— В наше время нам не до книг было, дочка! Бабуш-ка моя, царство ей небесное, читала коран. Да и то по складам. За это не только в нашей деревне, а и по всей округе ее звали ученой, относились к ней с почтением.

— А велосипед? Не трудно его оттуда привезти?

— Не трудно. Но велосипед я уже заказал в Ферга-не. И уже деньги в магазине уплатил. Как только полу-чат, из первой же партии продавец для нас оставит.

Тетушка Сора строго взглянула на Хакиму:

— Не лишнее ли, дочка, ты себе позволяешь? Учить бережливой быть. Я вам говорю, как в наше время полагалось, я вам это должна сказать. А вы сами тоже думайте своей головой.

— А что за радость держать деньги в сундуке? — лукаво улыбнулась Хакима. — Одни деньги истратим, другие заработаем. Руки-то у нас есть, а работы всегда много. Погодите, на будущий год мы с братом и легкую машину себе купим! Ведь вы обещали, Уктам! Помните!

— Конечно, помню. Обязательно купим. Посадим нашу мать в машину, повезем ее, куда только она захочет!

— Будьте счастливы, детки. А я погреюсь около вашего счастья.

Уктам встал. Весело попрощался. Быстро зашагал к калитке.

В колхозной конюшне он оседлал иноходца, на котором любил ездить, и позвал с собой Джуру, чтобы привести коня назад со станции.

Уктам предложил Джуре сесть на смирную, неторопливую лошаденку, но молодой джигит сам выбрал себе резвого, пугливого коня, и, едва они выехали, конь понес Джуру, вопреки воле и к великому стыду лихого наездника.

XIX

Аширмат загостился в доме гостеприимного родственника.

Увидев в семье колхозника изобилие, он забыл даже о своем ослином базаре. Где мог еще найти он такую благодать — каждое утро горячие лепешки, прямо с пылу, с жару, да еще полная чаша сливок к ним. В полдень — жирный суп с мясом, вечером — ароматный плов. Если же случалось ему заметить, что добрая и щедрая Асальбиби затевала на вечер не плов, а еще что-нибудь, он мгновенно появлялся над котлом и почесываясь, хрипел, сиюсь придать своей хрипоте ласковое звучание:

— Ну, драгоценная тетушка, что задумали готовить на ужин? Разве не плов? Ну ладно уж. Пускай не плов! Так готовьте паровые пельмени. Ханская пища! Блюдо для избранных. Если не у богатых колхозников, так

где ж нам, бедным, попробовать такое блюдо? Сделайте-ка его! Право! А?

Асальбиби молча отставляла начатое и принималась за приготовление пельменей, она не могла отказать гостю в еде.

Случалось, что, наевшись за завтраком до отвала, Аширмат отправлялся к Асальбиби:

— Драгоценная тетушка! Я иду вам помочь. Несите-ка мне морковь, давайте я ее сам нарежу для вечернего плова. А то вы не поспеваете — вам и по дому много забот, и в поле надо работать. Да к тому же резать морковь для плова — дело не простое, тут требуется большое умение. Чем она мельче и ровнее нарезана, тем плов вкуснее. Ах, что за блюдо — плов! Какие-нибудь великие мудрецы его придумали.

И протяжно изрекал, хрипя:

— Плов — всем блюдам царь!

Между завтраком и обедом, между обедом и ужином Аширмат, не отдыхая, продолжал есть, виноград он съедал кастрюлями; выходил в сад и изо всех сил тряс там персики, затем собирал упавшие плоды и ел; от персиков он переходил к яблокам, выбирал лучшие яблоки, собирал их в полу халата и тащил к террасе. Усевшись поудобнее, он грыз их кривыми, черными зубами.

О его любви к дыням и арбузам можно было бы не напоминать — она сама собой подразумевалась. Утром он следовал пословице: «Дыню с утра едят: позже она как яд». Днем эту пословицу Аширмат забывал. Он бухарскую дыню съедал один. Сок стекал по его рукам, по бороде, по халату, руки становились липкими, но он не сдавался, пока не разделялся с ней до последней дольки. Днем, жалуясь на жажду или изжогу, Аширмат ел, смотря по настроению, либо опять дыню, либо арбуз.

Своим обжорством и беззастенчивостью гость надоел хозяевам, измучил их. Даже в соседних домах узнали его привычки и склонности. Дети, завидев его на улице, разбегались во все стороны, как от змеи. Детей Аширмат не любил, и своего сына, подобного льву, Бакиджана, воспитывал поркой.

Однажды Аширмат, вскоре после плотного обеда, попросил хозяйку приготовить плов.

Асальбиби подумала: «Верно у этого обжоры в животе дракон живет!»

В душе выругав его, она занялась приготовлением плова.

Поев, Аширмат позвал Мир-Ахмада. Едва только мельник появился, Аширмат сходил в хлев и привел прямо к террасе своего осла.

Обиженным голосом, сурово сдвинув брови, он объявил:

— Поеду уж...

Мир-Ахмад, не веря своим ушам, взглянул на жену, словно ища у нее ответа на это необычайное и столь долгожданное заявление гостя.

— Дело твое! Езжай! — облегченно вздохнул мельник, забыв выразить на своем лице огорчение предстоящей разлукой.

Асальбиби поспешно вынесла из дому два узла, каждый величиной с лошадиную голову, — подарки на дорогу.

Когда Мир-Ахмад укладывал эти тяжелые узлы в переметную суму, барышник спросил:

— Что в них?

— В черном мешке — сушеные абрикосы, а в желтом — изюм! — удивилась Асальбиби столь бесцеремонному вопросу гостя. «Где ж это слыхано, чтоб гость спрашивал о подарках! Посмотрел бы дома!»

Но гость не ограничился этим вопросом.

— Это и весь ваш подарок? Эх вы, родственники! А где же мои яблоки?

Асальбиби покраснела:

— Я совсем забыла... — И объяснила мужу: — Гость наш вчера нарвал целый мешок яблок. Я его не могу поднять! Принесите его вы сами.

Мир-Ахмад, привыкший ворочать тяжелые мешки на мельнице, едва смог поднять этот.

Аширмат взвалил мешок на осла поверх сумы, а сам устроился на ослином заду. Но почесал лоб, словно что-то припоминая:

— Дорогие мои! Я тут как-то остался один, соскучился, забрел к вам на кухню. Хозяйство у вас недурное, в достатке живете. Случайно я увидел большую корчагу. Она полным-полна топленого сала бараньего. Вы бы дали мне немножко сала. Хотя бы на десяток пловов.

Оторопевший мельник прочитал в быстром укоризненном взгляде жены: «Вот он какой, ваш единственный родственничек!»

Покусывая бороду, Мир-Ахмад опустил глаза, будто не расслышал просьбу гостя.

Асальбиби нехотя сходила на кухню, но вынесла от-

туда не корчагу, а крынку, покрытую белой тряпочкой, и протянула се Аширмату.

Мир-Ахмад попытался засунуть крынку в суму, но суму придавил мешок с яблоками, и крынка никак не влезала.

Тогда барышник снисходительно взял крынку в руку и торжественно сказал:

— Милейший и почтеннейший Мир-Ахмад! Слово, данное тобой за нашей родственной трапезой, ангелы в тот час записали пером в небесной книге. Согласно договоренности, ты здесь, а я у себя, начнем готовиться к свадебному пиру. Так? Исполнение добрых, благочестивых, угодных богу дел не следует откладывать. Едва жених и невеста узнают о свадьбе, сон покидает их, нетерпеливое ожидание сжигает их души. Но я согласен подождать. Пусть твоя озорная дочь убирает свой хлопок. Так и быть, подождем до осени. Но осенью я привезу Бакиджана, и тогда уж без промедления начнем справлять свадьбу наших молодых людей.

Мир-Ахмад молча и устало вздохнул.

В левой руке держа крынку, в правой бережно сохранныю плетъ, восседая позади мешка на ослином заду, почтенный Аширмат выехал со двора мельника.

Асальбиби счастливо вздохнула и распрямилась. Совершенно пристыженный Мир-Ахмад поспешил уйти в сад, чтобы избежать, если не упреков, то еще более горьких, молчаливых, но укоризненных взглядов жены.

А барышник ехал. И хоть груз оказался невыносимо тяжелым, осел шел бодро, — как и хозяин, осел набрался сил на даровых кормах и хорошо отдохнул.

Барышник остался вполне доволен поездкой. Он сыто икал и мерно покачивался на бодром осле. Но его разъедала, как ржавчина, зависть к богатствам тихого Мир-Ахмада. Ведь этот самый Мир-Ахмад в доме их и за родственника-то не считался. Держали его на побегушках. А когда подрос, отдали работать на чужих людей.

Барышник рассуждал сам с собой:

— Несправедливо прикатило к нему счастье. Не ему оно предназначено: он с колыбели приурочен к лишениям, а я к благоденствию. И несправедливость эту надлежит устранить, — богатства потекут в нашу сторону. Только б не упустить дочку! А уж я-то сумею вытянуть из него все. Беда в том только, что дочка не похожа на родителей: непокорная, норовистая. Горда и ост-

ра. Но и мой Бакиджан не лыком шит! Если возьмет ее в руки, пойдет как по маслу...

Осел неумолимо перебирал ножками, то вдруг поднимая рев, то вздыхая и при этом ловко перепрыгивая через арыки.

Аширмат снисходительно поглядывал по сторонам. Вдруг он увидел ветки джиды, склонившиеся до земли под тяжестью еще не созревших плодов.

Аширмат въехал в рощу, слез с осла и осторожно поставил крынку на землю.

Он кинулся собирать неспелые плоды вместе с листьями, вместе с ветками, рвал и ломал их обеими руками, приговаривая:

— Кто здесь хозяин? Хозяина нет! Что принадлежит колхозу — принадлежит всем! Обеднеет колхоз, что ли? У них этого добра вдоволь. Берн, Аширмат. Не стесняйся, голубчик. Не стесняйся, умница!

Так, подбадривая себя, целые горсти ягод он засовывал себе за пазуху. Наконец халат так оттопырился и сзади и спереди, что, отяжелев, барышник уже не мог сдвинуться с места. Несколькo веток с ягодами он засунул еще за чалму. Взглянув с сожалением на оставшийся урожай джиды, он нехотя и с трудом, бережно держа крынку, влез на осла.

Когда барышник выехал на большак, все встречные оглядывались на него, на его утыканную джидой чалму и смеялись.

Но величественно восседая позади своих накоплений, Аширмат не обращал внимания на встречающих. Отирая липкой ладонью потное лицо, он думал:

«Повезло! Ничего не возразишь: повезло! Ловко я их обкрутил. Пускай она носит свой орден сама. Ладно, пускай носит. Но доходы перейдут к Бакиджану. Это уж не ее дело распоряжаться доходами семьи, — это мужское дело. Пускай она только вздумает хоть копейку истратить без моего согласия, в бараний рог скручу. А что касается расходов на свадьбу... к этому надо подойти с умом. Пускай расходы они возьмут на себя, там у себя в колхозе. А я на себя кое-что, самое необходимое. И хватит! Фрукты заготовлены — сушеные абрикосы с изюмом есть. Хватит. Джиду посушу дома. Тоже хватит...»

Вдруг сердце Аширмата в тревоге замерло. Он вспомнил о своем сундуке. Там, под замком, он хранил сухие фрукты и сладости. У него было твердое правило: куда

бы ни случалось ему пойти, в гости ли, на праздник ли, всюду он набивал карманы хозяйским угощением, нороня захватить то, что подороже, отовсюду приносил и складывал в свой сундук всевозможные лакомства. Накопив, он выносил их на базар и продавал. А затем с удесятенным усердием начинал копить все снова. Ключ от этого сундука он прятал в потайные места. Но тут он вдруг вспомнил, похолодев, что невестка, столь долго остававшаяся дома одна, могла найти ключ и добраться до его сокровищ. Глаза его налились кровью:

— Ну, если хоть крошка там пропала, я ей все тридцать два зуба выбью к чертям! А я не зря замечал, как она поглядывала на сундук! Она непременно будет искать ключ!..

Вдруг Аширмат, сам не заметив, как это произошло, со всего размаха ударился оземь. Пятки его сверкнули в воздухе, чалма раскрутилась, отбросив в сторону всю джиду. Растянувшись, Аширмат подождал, чтобы собраться с мыслями. Постепенно он пришел в себя. Осторожно поднял голову. Поглаживая спину, встал на ноги.

Осел мирно и покорно стоял невдалеке, ожидая, пока хозяин поднимется.

Аширмат весь был облит растопившимся на солнце бараньим салом. Крынка разбилась и обмазала лицо Аширмата жиром. К жиру прилипла и пыль и всякая дорожная нечисть. Она покрыла не только всю бороду и лицо, но и халат почтенного барышника. И было невозможно представить, как он избавится от всей этой грязи, чтобы достойно въехать в славный город Маргелан.

* * *

Тансык возвратилась с окучки хлопчатника и просила, убедившись, что гость отправился восвояси.

Мать разлила парное молоко по крынкам и позвала дочь обедать.

Тансык села.

— Мапочка, уехало чучело? Двор наш стал просторнее!

— Нельзя смеяться над старшими! Он твоему отцу...

— ...единственный родственник. Они спали под одним одеялом!.. Ну и ладно, пускай хоть переселяется к нам. Но при этом не мешало бы ему вести себя скромнее. Почему это, например, он меня зовет снохой? «Ну-ка, милая сноха, полей мне на руки...»

Асальбиби пыливо взглянула на Тансык:

— У него сын есть. Может быть, дядя Аширмат думает посватать тебя за сына.

Тансык поморщилась:

— Чтоб они провалились оба...

Съев несколько ложек плова, она вдруг спросила:

— Неужели он думает об этом всерьез?

Асальбиби, опасаясь, что Тансык наругает гостю или поднимет при нем скандал, скрывала от дочери истинные намерения Аширмата. Теперь, когда он уехал, она решилась сказать правду. Тансык была настроена, по мнению матери, благодушно, и Асальбиби пододвинулась к ней:

— Он, как только приехал, сразу же заговорил об этом с твоим отцом.

— А что отец?

— Родственные отношения — тонкое дело. Обидеть родственника грех. Большой грех. Воля дочери — в руках отца. Дочери надлежит повиноваться. Испокон веков так заведено.

Тансык знала, что рано или поздно такие слова она услышит от матери. Она знала и то, что, если ей случится полюбить, она не сможет сказать любимому «да», пока это слово не одобряют родители. Вот Анархон — решительна, а в себе такой твердости Тансык не чувствовала.

Руки Тансык ослабели, она вся поникла. Ей захотелось плакать. Мать забеспокоилась:

— Не убивайся: на все божья воля. Ведь не завтра тебя отдадут. Может быть, сын и не похож на Аширмата.

Тансык вдруг ясно представила себе барышника, поучающего ее, указывающего ей путь в жизни. И в голосе девушки зазвучал непривычный для матери гнев:

— Я не собираюсь замуж. Я поеду в Ташкент. Буду там учиться. Стану агрономом. А замуж тогда пойду, когда найду человека. Сама выберу. Это будет моя воля. Если захочу, за Аширматова сына выйду, если другого полюблю, за другого выйду. Только так!

Асальбиби растерялась и, нахмурив брови, закусила губу, чтобы скрыть от дочери свою растерянность. Но в душе Асальбиби почувствовала облегчение. Ее горечь и гнетущая тоска рассеялись. Ведь она сама содрогалась при мысли о сватовстве Аширмата. Она только попыталась кое-как выйти из этого разговора с достоинством. Встав, она крикнула:

— Очень уж ты ученая стала!

И ушла.

Уктам прошел через ташкентский вокзал, и перед ним раскрылась просторная площадь.

Он закурил и неторопливо пошел через площадь к трамвайной остановке, встречая нарядных людей, блестящие автомобили, мягко и бесшумно мчавшиеся мимо него.

В трамвае он взял билет у молодой девушки-кондуктора. На ней было нарядное атласное платье, черные до синевы волосы тщательно уложены короной вокруг бархатной тубетейки. Он никак не ожидал от нее строгого окрика:

— Вы почему вошли с передней площадки?

Он извинился, но был смущен:

— Отвык от городов...

— На вокзальной остановке это со многими случается. Поэтому я и штраф с вас не беру.

В трамвайных окнах мелькали высокие дома вперемежку с одноэтажными домиками, глинобитные стены, красивые решетки оград, огромные деревья и цветы вдоль тротуаров.

Много городов за годы войны видел Уктам. Но в Ташкенте ему никогда не приходилось бывать. Он не знал, где сходить. Кондуктор гостеприимно объяснила:

— Сойдете на улице Кирова.

Сойдя с трамвая, Уктам даже немного растерялся: множество людей шло мимо, мчались трамваи и автомобили, воздух дрожал от голосов, трамвайного звона, от автомобильных гудков.

— Отвык от городов! — пожал плечами Уктам.

Он пошел мимо большого строительства. За невысоким забором поднималось огромное здание, почти достроенное. В нем удивительно сочетались формы древних узбекских построек с чертами современного монументального здания. Оно было не только величественно и красиво, но и своеобразно.

Уктам узнал его, он уже видел в газетах изображение строящегося театра. Строительство заканчивалось. Недалеке стоял столб пыли, — там сносили старые глинобитные лачуги, некогда окружавшие Воскресенский базар.

Улицы, по которым шел Уктам, казались зелеными коридорами, огромные деревья заслоняли небо, словно над головой висели зеленые тучи, и даже в полдень здесь не было томительного зноя.

Уктам вышел к тенистому скверу и сел на скамью. На солнце ярко и пестро сияли цветы. В тени бежали белокурые и черноволосые ребяташки. За деревьями мелькали разноцветные машины. Возле университета толпилась оживленная молодежь. Уктам заметил русских, узбеков, казахов, корейцев, таджиков, туркмен, — все народы, населяющие Среднюю Азию, послали сюда своих девушек и юношей, в эти строгие университетские стены.

Невдалеке от Уктама сидели двое людей, одетых в гимнастерки, но без погон. Один был еще очень молод, другой уже седоват. Около старшего лежали костыли. Оба рассматривали какой-то чертеж и, толкуя о проекте, жадно затягивались табачком. Так бывало на фронте, когда командиры присаживались ненадолго обсудить план предстоящей операции. От этих двоих на Уктама повеяло фронтовым ветром, и вдруг ему так захотелось пойти к ним, склониться вместе с ними над чертежом или картой, обменяться несколькими скупыми, дружескими словами. Но Уктам постеснялся и не заговорил.

Взглянув на часы, Уктам встал. Пора было идти в Министерство сельского хозяйства.

«Если вопрос о машине в порядке, сделаю необходимые покупки, найму шофера и дня через два — домой», — подумал он.

В длинных коридорах министерства Уктам неожиданно увидел знакомое лицо. Человек торопливо проходил мимо. Уктам сразу не мог вспомнить его имени и позвал: — Товарищ агроном!

Человек поднял голову и, озадаченный, смотрел на Уктама, идущего к нему с протянутой рукой.

— Не узнаете? — спросил Уктам, глядя на знакомый высокий, белый лоб с темной родинкой над густой бровью.

— Гм... да... Не узнаю. Всех учбулакцев знаю. А вот вспомнить... Лицо знакомое. Вы оттуда?

— Да, из «Богатыря». Могу я с вами поговорить?

— Пойдем ко мне.

— Я только на минуту, товарищ... Шадыбеков!

Уктам был доволен, что все же вспомнил эту фамилию. Шадыбеков открыл одну из дверей:

— Входи!

Шадыбеков до войны несколько лет работал начальником районного земельного отдела в Учбулаке, и Уктам случалось в те годы встречаться с ним довольно часто.

Когда Уктам опустился на стул в светлом кабинете Шадыбекова, агроном сказал:

— Вижу, и на фронте побывал! — Шадыбеков кивнул на Уктамовы ордена. — Хлопком довольны в этом году? Да нет, чего же беспокоиться, закреплять надо, а это от вас зависит. Михаил Иванович Соколов вам поможет. Замечательный агроном, талантливый. Для агрономии тоже талант нужен.

— Хлопок у нас неплох. Но, конечно, не везде одинаков. В «Эльбаде» он лучше, чем у нас. Такого, как у них, я нигде не видел. Но есть и такие председатели, что, если их спросить, выполнят ли план, только бледнеют и отворачиваются. Уже теперь в себя не верят. А ведь еще есть время поправить дела.

— Такие-то и портят все. Земля примерно у всех одинакова. Солнце одно на всех. Вода — та же. Семена — те же. Но у одних — хлопка воз, а у других — бочка слез. Все дело в людях, в руководителях, в рядовых колхозниках. Я седым стал на этой работе, знаю это твердо. Все дело в людях. Вы в «Богатыре» легкую окучку собираетесь проводить?

— Давно приступили. С учетом конкретной почвы, конечно, и с учетом самого хлопчатника. А где начинать опаживание, где окучку, это уж определяет наш председатель.

— Мир-Хайдар? Опытный старик. На глаз все определяет без промаха. И мысли у него бывают очень свежие, интересные. В прошлом году очень переживал, когда до ста процентов немножко не дотянул. Мы его вызывали на совещание мастеров хлопководства, а он ответил: «Приеду на будущий год. Если лампа мала, чтоб осветить мой дом, в столице она не вспыхнет факелом». Вот каков старик.

— Он во всех трудностях, во всех неудачах винит только себя: «Не сообразил, не предостерег, не доглядел».

— Он честный человек. Совестьливый. Надо его поддержать, помочь ему.

Шадыбеков взял какие-то бумаги и занялся ими.

— Извини, пожалуйста. Посиди. Я тут при тебе посмотрю эти диаграммы. Мне сейчас идти к министру. Как только попал сюда, так и утонул в бумагах. Для агронома настоящее место не здесь, а в поле, там он как рыба в воде. А здесь... Я истосковался по земле.

И он склонился к столу.

Уктам палил себе из графина стакан теплой, невкусной воды. Человеку, привыкшему к широкому простору

полей, кабинет этот казался тесной, душной коробкой.

Шадыбеков поднял голову:

— Баня у нас здесь! Подожди еще минутку. Мы поговорим, пока мне все это перепечатают.

Он вызвал машинистку и отдал ей бумаги. Потом расстегнул белый шелковый китель и сел.

— Ты по каким делам приехал?

Уктам рассказал и добавил, что обеспокоен, удастся ли получить машину.

— Машин мы получаем много, — сказал Шадыбеков. — Но требований на них во много раз больше.

Шадыбеков снял телефонную трубку и с кем-то поговорил. Кладя обратно трубку, агроном подмигнул:

— Понял? Машины прибыли. Еще не распределены. Но заявок много. Беги в Совет Министров к Раевскому. Он тебя ждет.

Уктам поблагодарил и попрощался. Шадыбеков просил передать сердечный привет Мир-Хайдару.

Уктам снова пошел по Ташкенту.

Красная площадь, окруженная с трех сторон молодыми деревьями, была залита солнцем. С высокого гранитного постамента, словно обращаясь к народу, Ленин протянул руку вперед.

Уктам постоял возле памятника, прислушиваясь к гулу большого города, осененного мощными кронами огромных деревьев, поднявших свои вершины в прозрачную синеву узбекского неба.

Он вошел в прохладный, тихий вестибюль Совета Министров и позвонил Раевскому.

Раевский встретил приветливо, но сокрушенно развел руками:

— В списке ваш «Богатырь» значится...

— И что же?

— Вопрос окончательно решим только завтра.

— Учтите, что я специально приехал за машиной. И без машины не уеду! — рассердился Уктам.

— Учтем! — весело ответил Раевский. — Сегодня у меня нет документов, чтобы отвечать утвердительно. А завтра, я надеюсь, все будет в порядке.

— Хорошо! До завтра!

Это означало, что весь остаток дня принадлежал Уктам.

— Значит, сегодня гуляем!

Уктам давно слышал рассказы о Джангобе и пошел в сторону Урды.

Он остановился на мосту через Анхор. Прохлада коснулась разгоряченных щек. Река быстро несла желтоватую, холодную воду, а по берегам ее, окаймленным зеленью и цветами, на усыпанных розовым песком дорожках играли дети. Смуглые, стройные юноши и легкие, похожие в своих купальных костюмах на ласточек, девушки, вытянув руки, кидались в реку с высоты моста. Им было привольно. Они стремительно рассекали воду. Голоса их звенели. Вода освежала и веселила.

Уктаму тоже хотелось окунуться. Он хорошо плавал. Этому он научился на фронте, когда приходилось под разрывами снарядов, под свистом пуль переплывать широкие, многоводные реки.

Но сегодня он стоял, любуясь рекой сверху, любуясь домами на ее берегу, стройными и красивыми, как дворцы.

Потом, не торопясь, пошел в сторону Хадры по проспекту Навои. Многоэтажные дома, большей частью еще прикрытые строительными лесами, заслоненные заборами, часто еще не доведенные до карнизов, уже поднимались над широким простором прямой улицы, уходящей далеко вперед. Новые дома повторяли черты исконной узбекской архитектуры. Их стрельчатые арки, широкие плоскости стен перекликались с зелеными стрелами молодых тополей, с тяжеловесными кронами карагачей.

Кое-где между домами, позади их, на строительных площадках еще торчали, словно комья засохшей грязи, куски глиняных хибарок, где прежде ютились ремесленники, хранили жалкие товары и жили своей темной, убогой жизнью мелкие торговцы. Проспект Навои рассек окраины базара, рассек прежние торговые ряды, протянулся вдаль, словно прямой путь к свету и счастью.

— Как хорошо, что эта светлая дорога носит имя великого Навои.

Около Шейхантаура Уктам сел в трамвай, доехал до Хадры и снова вошел в нескончаемый, пестрый, оживленный людской поток, растекавшийся по четырем направлениям от широкой Комсомольской площади.

На Джангобе, напротив Пушкинского парка, Уктам зашел в столовую.

Из столовой Уктам видел ряды чайных, тянувшихся вдоль тротуаров. Множество людей сидело в чайных: одни были заняты разговорами, другие слушали певцов, певших под ритмичный звон дутаров. Со стадиона доноси-

лись то вздохи, то страстные крики, — казалось, что какой-то могущественный великан живет там, волнуясь и ликуя, наполняя окрестность своим мощным дыханием, — это многотысячная масса людей, объединенная единым чувством, смотрела матч.

Острый запах шашлыка наполнял столовую.

— Двойную порцию! — заказал Уктам маленькому, растропному официанту.

— А что будете пить?

— «Хасилот»!

— Отлично! Прекрасное вино, — одобрил официант выбор Уктама.

Но ташкентский шашлык не понравился Уктаму:

— Эх, далеко ему до нашего колхозного!

Возгласы и крики на стадионе нарастали, переходя в гул, словно где-то невдалеке шторм закипал на морском просторе. Уктама тянуло туда. Но он опоздал. Матч кончился. Народ пошел по улицам, всю ее заполняя, громко обсуждая игру.

Уктам отправился в парк. Здесь было еще малоллюдно. В чистых, уютных аллеях шелестели фонтаны. На стендах стояли портреты знатных людей республики.

Он пошел по верхней террасе парка. Под деревьями, в густой тени, на ковриках сидели группы людей, наслаждавшихся душистым, жирным пловом. Другие в это время резали лук и морковь, предвкушая не столько самую еду, сколько предстоящий обряд приготовления плова. На очагах наготове ждали широкие котлы. Сюда могла прийти любая компания, чтобы, погуляв под деревьями, приготовить себе на вольном воздухе плов, посидеть на коврах в прохладе, отдохнуть от городского зноя и шума.

Уктам пошел отсюда к нижним аллеям и вдруг вскрикнул:

— Товарищ Салимова!

Он вскрикнул прежде, чем понял, что навстречу шла именно Камиля. Сама Камиля!

Она оглянулась, ладонью заслонив глаза от солнца.

Он не заметил, что рядом с ней шел какой-то густобровый юноша в белых шелковых брюках и в голубой тенниске с распахнутым воротом.

Сказав ему что-то, она пошла к Уктаму, а Уктам почти побежал к ней, улыбаясь и приветствуя ее.

— Я даже испугалась, когда вас услышала. Думала, показалось! Откуда вы? Не с неба ли?

Она окинула его быстрым, пытливым взглядом, будто

первый раз увидела; и, видно, осталась довольна им. Кивнула головой в сторону спутника:

— Мой брат, Латифджан.

Юноша, скромно стоявший в стороне, подошел. Уктам крепко пожал его руку:

— А я Уктам, из «Богагыря».

И объяснил Камиле:

— Сегодня приехал. Разные дела. А вы? Как это случилось, что вы здесь?

Уктам почувствовал, что теперь, когда первый порыв удивления прошел, сердце начинает то тревожно и радостно биться, то счастливо замирать, то колотиться от беспокойства.

— А я — с неба. Вчера приземлилась. Мать у меня больна. Уже месяц лежит в больнице. Сердце у нее плохое. Позвала меня к себе. Я едва вырвалась. Но ведь надо же...

— Ну, и как она?

— Врачи обещают вылечить.

— Молодец, что прилетели.

В этих его словах Камиля уловила какую-то стариковскую серьезность, отчего сам Уктам показался ей моложе, чем был. Показался почти мальчиком, и в ней шевельнулась незнакомая до того нежность к нему.

Они медленно шли по аллеям, незадолго до того политым. Земля оставалась еще влажной и свежей.

Оказалось, что на самолете Камиля летела вчера впервые. Призналась, что побаивалась, но старалась принять независимый, небрежный вид завсегдатая таких полетов. Потом поняла, что у завсегдатаев никогда такого вида не бывает.

— И не успела я освоиться с полетом, как уже приземлились: «Пожалуйте! Ташкент!»

Латифджан глубокомысленно заметил:

— Когда-нибудь, вероятно, скоро, каждый колхоз приобретет свой собственный самолет. Тогда вы, сестра, сядете, послушаете концерт или оперу в Ташкенте, а ужинать и спать — домой.

— С удовольствием! Только бы поскорее, — засмеялась Камиля.

— Самолет пригодится не только для концертов. Мы его и в хозяйственные дела запрежем! — сказал Уктам.

— Может быть, пора готовить пилотов? Надо присмотреть подходящих среди наших ребят, — опять засмеялась Камиля.

Долго ходили они по просторному парку.

Наконец Камиля сказала:

— Я больше не могу ходить.

— Что с вами?

— Я сегодня надела новые туфли. И теперь больно ногам.

Она показала свои маленькие ноги в туфельках на высоких каблуках.

Уктам, стыдливо скрывая, что любит ее стройными ногами, сочувственно покачал головой:

— Высоковаты каблочки!

А бесцеремонный Латифджан поддразнил сестру:

— Пофасонить захотели. Вот и плачете от этого.

— Я фасоню? Что это вы вдвоем на меня напали? Давайте посидим где-нибудь.

Уктам пригласил их в легкую голубую ротонду, окруженную цветниками. Здесь подавали мороженое.

Уктам разговорился с Латифджаном о его институте, экзаменах, о сегодняшнем футбольном матче, делал вид, что совсем не думает о Камиле. Но краешком глаз он неотступно следил за ней, любовался ею. Он заметил, как тонким белым платочком она отерла раскрасневшееся лицо и через узкий вырез розового шелкового платья тронула загорелую, знойную, как лето, грудь, мелькнувшую под ее платочком лишь на мгновение.

Едва ли она заметила бы его нескромный взгляд, если б вдруг в лицо ему не ударила кровь. Но он поспешил тоже отереть лицо платком, чтобы заслониться от ее взгляда.

Затем Уктам сказал ей:

— А я опоздал на футбол. Пока добрался до стадиона, матч кончился.

— Сегодня хорошо играл вратарь! — ответила она без смущения.

— Последний раз я был на футболе в Фергане. Люблю футбол. Надо бы нам в колхозе свою команду организовать, — сказал Уктам.

— У вас ребята выносливые, а ловкость приобретут тренировкой. Могут хорошие игроки получиться.

Латифджан тут же рассудил, с чего и как начать организацию команды футболистов «Эльбада». Перечислил ташкентских тренеров и, прищурившись, задумался: какой из них заслуживает приглашения в «Эльбада».

Вскоре зеленоватые высокие вазочки опустели. Первым управился со своим мороженым Латифджан.

Камиля, как старшая, покровительственно спросила:

— Хочешь еще?

— Нет, спасибо. Мне нужно идти.

— Куда это так срочно?

— Дядя велел вернуться пораньше. Вечером он ждет гостей.

— Сперва проведай маму. Отвези ей персиков и винограду. Скажи, что завтра я приеду к ней утром.

Латифджан ушел.

Уктам остался вдвоем с Камилей. Он радовался, но и робел, оставшись с ней наедине в **большом** незнакомом городе.

Камиля, заметив его робость и радость, опустила глаза. О чем он заговорит? Он легко и охотно разговаривал с Латифджаном, он был смел и находчив при брате.

После долгого молчания Уктам наконец выговорил:

— Где вы остановились?

— У дяди. У меня их здесь двое. Ведь я и сама наполовину ташкентская. Восемь лет здесь прожила. И училась здесь. Сегодня видела свою школу. Так стало грустно, хоть плачь. Зашла на школьный двор, а там — никого: ведь каникулы еще не кончились. Только со сторожем поговорила. Потом из учителей двоих встретила. Они, оказывается, знают про наш «Эльбад», следят за моей работой — разве зря они меня учили? Пожелали мне смелее идти вперед.

— Я своей поездкой тоже доволен, — начал успокаиваться Уктам. — Я, Камиля, так рад, что вас встретил! Правда, Камиля. Не подумайте чего-нибудь дурного. Я очень рад. Меня прежде одна мысль мучила. Да теперь вижу: напрасно она меня мучила.

— Это какая же? — спросила Камиля, опершись о столик руками и незаметно приблизив голову к Уктому.

— Насчет воды.

— Не понимаю.

— Помните, мы поспорили из-за полива в районе. Я грубоват был, когда спорил. Потом боялся, не приняли бы вы это на свой счет.

— Нет, шумела больше я, чем вы. И не себе же вы требовали воды, а своему колхозу. А ведь говорится же: «Ради воды не жалея бороды».

— Главное: воды-то нам хватит. Но раз уж мы из одного канала ее берем, споры всегда возможны.

Они заговорили о поливах, потом о полях, потом о хозяйстве. Оба жили интересами своих колхозов, и

разговор этот захватил их, они увлеклись и заговорили громко.

Вдруг Уктам на полуслове смолк: он заметил, что официантки смотрят на них, перешептываясь между собой.

Уктам осмотрелся — почему девушки смотрят в их сторону? Вдруг он увидел на стене большой портрет — на нем была изображена молодая колхозница среди пышных кустов хлопчатника.

Камиля, следившая за его беспокойным взглядом, почти одновременно с ним взглянула на портрет.

Уктам улыбнулся.

Она спросила:

— Почему вы смеетесь?

Уктам покраснел. Она, довольная его смущением, настаивала:

— Чему смеетесь? Ну?

— Девушка на портрете напоминает мне одну очень милую девушку из соседнего колхоза.

— Ах, так... Вам интересно на нее смотреть?

— Да, я всегда счастлив, когда ее вижу.

— На портрете?

— Нет, рядом с собой. И не знаю, есть ли у меня право бывать с ней рядом.

— Об этом спросите у своего сердца.

— У своего?..

Низко опустив голову, он долго сидел, не решаясь сказать хоть слово.

Наконец решительно поднял к ней горячий, полный любви взгляд:

— Одно мое может ли ответить за двоих?

Камиля почувствовала себя не спокойнее Уктама. Боясь, что кто-нибудь заметит ее волнение, она быстро встала.

— Надо идти. Позовите, чтобы рассчитаться.

Она вытащила из кармана платочек, где у нее были завернуты деньги. Но Уктам достал деньги быстрее. Официантка растерялась было, не зная от кого принять деньги. Но тут же, несмотря на протестующий жест Камили, сказала:

— Зачем же обижать товарища? Рассчитываются всегда мужчины, товарищ Салимова.

Камиле почему-то показалось это заявление смешным. Уктам попросил Камилю не торопиться, посидеть с ним еще хотя бы немножко.

Камиля снова села.

Уктам чувствовал себя увереннее.

— Почему вы торопитесь? Ведь встретились мы случайно. Разве это не чудо? В огромном городе, в просторном саду, мы все-таки встретились. А ведь легко могли разминуться. Вышло, как в сказке! Может быть, в театр пойдём? Или хотя бы в кино?

— В театре сегодня «Бай и батрак». Я эту пьесу много раз видела.

— Я тоже.

— Дело даже не в этом. Мне нужно сегодня зайти в одно место.

— А нельзя это отложить на завтра?

— А завтра я уже улетаю. Я даже сегодня должна была вернуться. Меня не отпустили мои двое дядюшек. Да и мама просила побывать у нее еще разок. Я и так — сама здесь, а душа — в колхозе.

— Да. Близится уборочная.

— А вы и без меня могли бы погулять и здесь, и в парк Горького съездить, и в парк Тельмана. Еще на Бешагаче стоит побывать, на Комсомольском озере.

— Ташкент велик... — грустно сказал Уктам.

— Я еду к подруге. Если не бонтесь соскучиться, поедemте со мной. Это в семью к рабочему Халилю Юлдашеву. Я их больше трех лет не видела.

Уктам не был уверен, всерьез ли хочет Камиля взять его с собой, зовет ли из одной только вежливости. Он колебался. Но взгляд ее был ясен. Уктам не заметил в нем ни лукавства, ни холодной любезности. Это был дружеский, простой, милый взгляд. Уктам принял ее приглашение.

Они прошли по уединенным аллеям, окаймленным молодыми карагачами, и вышли к воротам. Здесь было оживленнее и многолюдней. Нарядная молодежь шла по главной аллее. Встречались цветочницы с корзинами, полными благоуханных роз, с пышными яркими букетами, со скромными пучками нежных гвоздик.

У входа в парк стоял молодой музыкант и, поворачивая карнай то в одну, то в другую сторону, трубил. Мощный голос длинной медной трубы звучал, как живой, в тихом вечереем воздухе.

Уктам и Камиля задержались около музыканта, слушая этот древний, призывный голос карная.

Когда они вошли в переполненный автобус и он понес их, покачивая на переездах и поворотах, Камиля ино-

гда невольно прислонялась к Уктому или бралась за его плечо, чтобы удержаться. И ему было радостно от этих быстрых, доверчивых прикосновений, словно их связывала еще не видимая, но уже крепкая нить.

Он негромко расспрашивал ее о том, что мелькало за окнами, — о новых, незнакомых зданиях, об улицах...

Они сошли у текстильного комбината. Уктам выпрямился, расправил плечи. Камиля, утомленная душной теснотой автобуса, отряхнула помятое платье и опять пожаловалась на высокие каблукки.

Потянулись прямые, ровные улицы многоэтажных домов, балконы над тротуарами, большие магазины, площади, аллеи.

— Да здесь особый город! Не верится, что это все тот же Ташкент.

— Это — рабочий городок. И в Ташкенте он далеко не единственный. Весь город хорошо видела я с самолета. Оттуда он кажется необъятным садом. Рядом с новыми зданиями уцелело еще множество старых глинобитных кварталов, тесных улочек. На них наступают стройные ряды новых строений. Но годы нужны, чтобы перестроить такой город. Он строится и перестраивается не только внутри, не только! Он и вширь растет. Может случиться, что Каунчи в одно прекрасное утро окажется уже не в Янгйюльском районе, а в одном из районов города Ташкента.

— Как в мечтах! — сказал Уктам.

— А разве мечты нельзя сделать явью?

— Было б желание!.. — горячо сказал Уктам, почему-то смутился и с опаской взглянул на Камиллю.

На небольшой зеленой площадке, позолоченной заходящим солнцем, молодежь — русские и узбеки — с непокрытыми головами, одетые в майки и трусики, увлеченно играли в волейбол.

Уктам, любуясь игроками, подумал:

«Как идет эта одежда девушкам! Они еще стройнее, когда так легко одеты».

Он сказал:

— Завтра накуплю таких костюмов нашим девушкам.

— Каким?

— Нашим. Сестре, например. А то они носят платье до пят. Стесняются даже рукава засучить! Не знаю, правда, как старухи к этому отнесутся...

Когда он помянул о старухах, Камиля уловила в его голосе горькую обиду и негромко, грустно сказала:

— С паранджой мы расправились, а черная тень от нее еще закрывает наших девушек. У нас в «Эльбаде» один бригадир, уважаемый человек, собрался отдавать свою дочь замуж. А невеста только что кончила десятый класс. Прибегает ко мне, вся в слезах. Просит спасти ее. Я поговорила с отцом, убедила его. Весной она сама нашла себе жениха. Поженились по любви. Теперь живут душа в душу. Не сомневайтесь, покупайте сестре майку. Пусть для начала дома носит. Когда привыкнет, сама в ней начнет выходить. Говорят же русские: «Лиха беда — начало».

— Мать меня за это отругает. Это я твердо знаю.

— Строгая?

— У нее есть замечательная черта: вначале сердится, шумит, а потом махнет рукой: «Как в наше время полагалось, я вам сказала, а вы поступайте, как полагается в ваше время!» Я сестре велосипед затем же покупаю: надо начать! А другие, глядя на нее, тоже решатся ездить верхом на колесах. У наших мужчин велосипед уже вошел в обычай — не только ребята, седобородые колхозники ездят на работу на велосипедах. А из девушек еще ни одна не решилась. Пора нам сделать и тут почин. Как вы думаете?

— Конечно! Ведь наши девушки не хуже других! Если передовики живут по старинке, с кого же остальным-то брать пример? Какая у вас сестра? Комсомолка? Бойкая? У нас и девушки бывают такие, что готовы поддерживать любую болтовню старух.

— Из почтения к возрасту!

— Вот, вот!

— Нет, Камиля, моя сестра не такая. Она стоцентнеровичка. Газеты ежедневно читает. Книги мне заказала привезти.

Камиля спохватилась:

— Ой, мы, оказывается, прошли.

Они свернули на широкую, но тихую улицу. Рабочие, вернувшиеся с дневной смены, ходили с лопатами и кетменями вдоль арыков, направляя воду в палисадники.

Во дворах, за узорчатыми железными или за скромными деревянными оградами, зеленели деревья, цвели цветы. Каждый двор казался маленьким чудесным садом — столько любовного труда вкладывали хозяева в эти клочки земли. Из раскрытых окон раздавалась музыка. По радио передавали концерт. Камиля открыла небольшую зеленую калитку.

— Здесь вот и живут Юлдашевы.

Оба вошли в цветущий дворик. У стен росли яблонн, черешни, персики, сливы. Среди двора буйным костром горел цветник.

Навстречу вышел человек, седой, но черноусый, в простой холщовой рубаше. В руке он держал садовые ножницы. Камиля крикнула ему:

— Здравствуйте, дядя Халиль!

— Кого я вижу? Как она похожа на Камиллю! Иди скорее сюда, милая моя девочка! Какая ты стала! Я думал, ты забыла про нас? Сколько лет не виделись?

— Да, пожалуй, четвертый год.

— Вот видишь!

С Уктамом он поздоровался просто и дружелюбно, пожал руку так, словно они давным-давно были знакомы. Камиля спросила:

— А где Зайнаб, дядя Халиль? Тетушка здорова?

— Все в порядке. Тетушка вполне здорова. Ты-то как? Колхоз твой процветает ли? Вы, Уктам, пожалуйста, садитесь вот сюда

Под виноградником вокруг круглого стола стояли стулья. Когда все трое сели, Халиль ответил на вопросы Камилли:

— Твоя подружка Зайнаб в институте. Скоро должна прийти. Тетушка только что пошла к соседям. Это тоже ненадолго. А ты, Камиля, моя дорогая, молодец! Молодец, что вспомнила нас. Мы очень рады. Будьте как дома. Прошу вас, милые.

Камиля заволновалась:

— В какой же институт поступила Зайнаб?

— В медицинский. Исцелять нас будет. От всех недугов.

— А вы по-прежнему на заводе?

— На том же нашем дорогом «Сельмаше». А кто ж вам посылает всякие машины? Мы! В настоящий момент у меня десятый день отпуска. Занят цветоводством. А твоя драгоценная тетушка — передовиком стала. На текстильном комбинате. Ордена удостоена. Я тоже в прошлом году получил. В этом опять, говорят, представили.

— Поздравляю вас! — сказала Камиля. — А как поживает Джамиль? Он в Ташкенте?

— В Германии. Имеет несколько ранений, но до Берлина сынок все-таки дошел. Пишет часто. Лейтенант.

В это время появилась и сама тетушка Шарафат. Они крепко обнялись с Камилей, говоря друг другу ласковые слова.

Когда исчерпаны были все приветы, вопросы и восклицания, тетушка посмотрела на Уктама, отвела Камилю в сторону:

— Это твой муж? Давно?

Камиля вспыхнула:

— Сосед по колхозу.

Шарафат, поправив платок на голове, подошла к Уктаму познакомиться.

— Добро пожаловать, гость дорогой!

Накрыли стол. Дядя пригласил гостей:

— Вот персиковое варенье. Вчера старуха моя сама сварила. Попробуйте-ка!

Камиля похвалила тетушку:

— Удались персики! Только не хлопчите вы. Лучше о себе расскажите. Ведь я у вас больше трех лет не была. Что Зайнаб делала летом?

— За книгами провела все лето. Придешь домой, поговорить хочется, а она уткнется носом в книгу и сидит: сама понимаешь, какой уж тут разговор!

— Да, она никогда словоохотливой не была, — заметила Камиля.

— В меня пошла! — определила Шарафат.

Но муж что-то хмыкнул, а Шарафат смущенно покосилась на него.

— А музыку разве она бросила? В школе она была лучшей пианисткой. И на дутаре хорошо играла.

— Недавно мы ей купили пианино. Сын прислал деньги, и у меня немножко было. Уж очень Зайнаб любит музыку. А ты по-прежнему в председателях ходишь? Ты и маленькой-то была такая же, сообразительная, хозяйственная. Когда про тебя в газетах пишут, Зайнаб радуется.

— О себе мне нечего говорить. Я простой хлопковод. Делаю, что могу по этой части.

Камиля вертела в руках чайную розу.

— Я от всего сердца работаю. Хлопок люблю. Своего дела никогда не брошу. У нас вся жизнь теперь перестроена по-новому. Если со стороны взглянуть, и то видно: вместо чугунных кувшинов чай кипятим в электрических чайниках, как и вы здесь. Улицы у нас вымощены. Вместо прокопченных глиняных лачуг строим светлые дома, как в городе. Нашу деревню скоро ничем от города не отличишь. Верно, Уктам?

И сама ответила:

— Это наша задача. Мы ее решим в содружестве с городскими рабочими. Так, дядя Халиль?

— Именно так! Только не стройтесь вы вразнобой, сначала хорошенько план наметьте, тип построек определите, чтобы дом с домом переглядывались, чтобы у всего поселка единая душа была. Твое мнение, дорогой Уктам?

— Совершенно согласен. Люблю строиться. Люблю, чтоб хорошо, надолго строились.

Юлдашев одобрительно кивнул головой.

Шарафат упрекнула мужа:

— Какие мысли замечательные. Я и не догадывалась, что вы задумываетесь над такими вопросами. Почему же вы никогда со мной своими мыслями не делились? Разве я не поняла бы? Я коммунистка, мне это все дорого. Обращаетесь со мной, будто с мусульманской рабыней.

— Мусульманской? А не я ли восьмого марта тысяча девятьсот двадцать седьмого года при всем народе своими руками снял с тебя паранджу и швырнул ее в костер? Не я? А кто привел тебя в школу ликвидировать неграмотность? Не я? Кто не хотел идти работать на фабрику и утверждал, что это не соответствует обычаям? Не ты? А кто теперь на этой фабрике среди передовых? Не ты? А кто тебя в этом поддерживал? Не я? А?

— Стыдно хвастать прежними заслугами. Кто мне должен помогать в партийной учебе? Не вы, старый член партии? Кто должен...

Юлдашев перебил свою Шарафат:

— Хватит! Завтра же засажу тебя за книги. Будешь заниматься. Если вздумаешь отвиливать, уши надеру.

— Не беспокойтесь. Я лучше в кружок буду ходить. А через год посмотрим, кому надо уши драть.

Шарафат вдруг спохватилась и побежала на кухню. Камиля догадалась, что хозяйка намеревается готовить плов.

Камиля поспешила к ней:

— Тетушка, прошу вас, не обижайтесь на нас, не беспокойтесь. Мы сыты. Я только повидаюсь с Зайнаб, и мы пойдем.

— Пустой разговор! Я слушать тебя не буду. Для такой гостьи надо бы барана зарезать.

— Не нужно ничего готовить!

— Нет, нужно. Я сама приготовлю плов. Попробуй-ка отказаться.

Камиля, зная, что хлопотливая Шарафат тверда и неговорчива, смолкла. Она вышла во двор и медленно пошла по узенькой кирпичной дорожке. Весь двор был засажен, кроме цветов, помидорами, разросшимися в

пышные кусты, луком, у которого перья лежали уже сло- манные, чтобы развивались луковицы, веселой зеленью моркови, задумчивыми кустиками баклажанов, перца. Видна была заботливая рука овощевода в том, как ров- но проложены линии гряд, как тщательно прополот весь огород. На деревьях, вдоль забора, висели перекинутые через ветки плети тыков с огромными, желтыми плодами. Для прохода среди растений оставалась лишь узенькая кирпичная дорожка.

Камиля постояла, любуясь розами, и вернулась к Ша- рафат на кухню. Тетушка быстро и ловко резала мор- ковь, и под ее ножом морковь рассыпалась ровными, тон- кими соломинками.

Тетушка Шарафат предложила:

— Ты пошла бы в комнату Зайнаб, отдохнула бы не- много.

Камиля от этих заботливых слов почувствовала, что действительно устала за день.

Она прошла, минуя виноградник, к дому.

Уктам повернулся на скрип двери и подумал:

«Видно, ей наскучил наш разговор. Иначе разве она ушла бы?» Ему стало так тоскливо, что чуткий хозяин заметил его беспокойство и внезапную рассеянность и улыбнулся. Это вернуло Уктам к их разговору.

— Работа на «универсале»—самое милое дело. Удоб- рение полей у нас тоже механизировано. Земледелие уже немислимо без машин.

Покручивая кончики усов, Юлдашев гордо сказал:

— Весь завод постоянно заботится об усовершенст- вании машины. И о новых машинах. За эти годы на моих глазах столько предложений реализовано!

— Мы от вас ждем помощи при сборе хлопка.

— Будет помощь!

— А то ведь миллионы рук с утра до вечера бывают заняты только одним — выдергиванием волокна из коро- бочек. Рук не наберешься. Да и сроки!..

— Нам предстоит создать такую сложную и такую умную машину, чтобы сортность хлопка не снизилась при уборке. Эта машина уже есть. Но ее нужно усовершенст- вовать. В этом году она должна пойти на испыта- ние.

— Большое бы дело сделали!

— Сделаем. Можешь не сомневаться. Партия руково- дит этим делом. Неотступно следит за всеми стадиями работы изобретателей. Если чего не учтут конструкторы,

вы их должны поправить. Сам знаешь: нет таких крепостей...

— Которых не могли бы взять большевики! Потому мы и верим в будущее!

Так они разговаривали долго. И в этой беседе у каждого из них прорывался страстный интерес к своему делу. Вдруг Юлдашев поднял голову.

Над ним с виноградной лозы свешивались красивые плетеные клетки.

Юлдашев снял их, посмотрел и, налив воды в чашечки, прикрепленные к клеткам, снова повесил.

— Чуть было не забыл напоить бедняг!

Уктам заинтересовался:

— Любите певчих птиц?

— Эта любовь перешла по наследству. От отца.

Из клеток высунулись головки сорокопудов. Птицы начали пить.

— Отец ваш любил птиц?

— Не только любил. Они его еще и кормили.

— Не понимаю.

— Птицы всю нашу семью вынесли на своих крыльях.

— Как это?

— Мой покойный отец был мастером на все руки. Точильщиком был, каменщиком, ткачом, но от перемены профессий ничего не менялось в положении семьи. Когда он убедился, что его крепкие руки бессильны прокормить семью, он в эти большие руки взял слабенькую птичку, приручил ее, и она начала всех нас кормить. Он будто птичий язык знал — так быстро обучал птиц тому, чего от них добивался. Сорокопуд так понимал отца, что приносил ему в клюве монетку, если этого требовал отец. И вот, высокий, сильный, здоровый, готовый горы воротить, поднял он на руке маленькую птичку и пошел с ней по городу, по чайным и по базарам, показывая ученых птиц народу. Когда кто-нибудь показывал птичке монету, сорокопуд подлетал, брал монетку из рук и приносил отцу. За каждую монетку птица получала от отца одно семечко. Побродив с птицей целый день по городу, к вечеру отец приносил домой немного риса. Этим и питалась вся семья. Мне было одиннадцать лет, когда отец заболел. Тогда с птицей в руке пошел я. Меня окружили ребята и, посулив мне горсть ягод, попросили, чтобы я дал им посмотреть птичку. Я им дал, а они взяли ее и убежали. Я их не догнал. Со слезами вернулся домой. Отец утешает меня, а я говорю: «Другого-то сорокопуда у нас нет!» Он мах-

нул рукой: «Было бы желание, а то и глупую горлинку можно выучить». С тех пор у меня всегда живут сорокопуты: в память об отце. Хотя, конечно, сорокопут — не соловей.

Уктам внимательно слушал.

Юлдашев вздохнул:

— Тяжелое было время!

Потом хозяин повел гостя посмотреть садик и огород.

— Взгляните-ка на это крестьянским глазом.

— В таком деле я едва ли опытнее вас.

Мельком взглянув на голубую дверь, за которой скрылась Камиля, Уктам пошел за Юлдашевым.

А Камиля в это время оглядывала комнату Зайнаб.

Здесь, возле кровати, покрытой новым одеялом, стояла дубовая этажерка, полная книг. На столе в строгом порядке лежали тоже книги и тетради. У стены сверкало пианино, на котором высился в красном бархатном переплете альбом, стояли деревянная шкатулка и всевозможные безделушки. У двери приютился простой ореховый шкаф.

Здесь было душно. Камиля отворила окно. Вечерняя прохлада потекла в комнату, мягко коснулась лица Камили. Донеслось журчание ручейка, протекавшего мимо стройной акации. В соседнем дворе, густо заросшем деревьями, кто-то заиграл на баяне и запел:

Спят курганы темные...

Камиля сидела, глядя в окно на прохожих. С любопытством разглядывала городскую молодежь, прислушивалась к голосам и разговорам.

Сумерки сгущались. Камиля включила свет. Комната стала еще уютней. Камиля раскрыла альбом. Вдруг вошла Зайнаб.

Подруги крепко обнялись. От волнения Зайнаб даже побледнела: встреча оказалась неожиданной — мать не предупредила дочь о приходе Камили.

— Не во сне ли я тебя вижу?

— Нет, подруженька, наяву. Приехала поведать и уже давно тебя жду.

Зайнаб не изменилась: те же узкие глаза на тонком продолговатом лице, в них те же искорки.

— Наконец-то! Когда приехала? Почему ты сидишь одна? Верно, соскучилась?

— С дядей и с тетей мы наговорились. Столько лет мы

с тобой не виделись! Ты, оказывается, скоро доктором будешь. Рада твоим успехам.

— У меня успехи скромные, студенческие. А вот у тебя — это да! Это уже слава! Всех нас опередила. Я в газете читала о тебе. В «Кзыл Узбекистане» статья называлась: «Беседа с председателем передового колхоза».

Потекла девичья беседа, то громкая, то шепотком. Говорили о своих переживаниях и о своей жизни.

Камиля заметила:

— Ты стала серьезнее. Похорошела.

— Нет, что ты!

Вдруг со двора послышался голос Уктама. Зайнаб прислушалась:

— Кто бы это мог быть?

— Мой земляк со мной приехал.

— Позови его сюда посидеть с нами.

— Они с дядей разговорились. Пусть потолкуют, — смутилась Камиля и поспешила заговорить о другом.

— Кто колхозную работу сердцем любит, тому она и славу и почет дает. Ты тоже на верном пути, Зайнаб. Поработаешь как следует, глядишь, появится в Узбекистане профессор медицины Зайнаб Юлдашева.

— О, это долгая песня! Сначала надо институт закончить.

— Ты с детства любишь книги. Значит, далеко пойдешь. Я вот земледelec, а знания нужны и мне. Наука в наше время необходима всем. Нужно смотреть в оба глаза: практика и теория. Поэтому и я собираюсь учиться.

— Ты? Когда? — обрадовалась Зайнаб.

— Сейчас еще не могу, дел много. Надо намеченные планы выполнить.

— Не откладывай надолго.

— Я и теперь понемногу занимаюсь. А как следует взяться за учебу времени нет.

Вошла тетушка Шарафат. Мимоходом упрекнув дочь в позднем возвращении, тетушка присела с девушками.

— Я никуда б не ушла, если б знала, что придет Камиля.

— А я тебе в наказание ничего не сказала, когда ты пришла. «Пускай, думаю, сама найдет!» Камиля уходит собирается. Ты ее никуда не отпускай: пусть у нас останется. Меня такой деловой председатель не послушается.

— Ты собралась уйти? Что за глупости. Обязательно оставайся.

Тетушка Шарафат, взяв что-то с полки, вышла.

Камиля объяснила, почему она никак не может остаться.

Зайнаб слушала объяснения подруги с явной обидой. Но Камиля покачала головой:

— А ты, Зайнаб! Хоть бы раз побывала у нас в колхозе. Ни разу не была, да еще обижаться вздумала. Даже письма мне ни одного не написала.

— Что верно, то верно. Писем не люблю писать. Вот кончу институт, приеду к тебе в колхоз работать. Примешь?

— У нас докторов уважают. Приезжай! Вместе работать будем. Да только... Ты ведь не захочешь с Ташкентом расставаться.

— С Ташкентом? Нет, я хочу поработать в деревне. Я землю люблю. Сады, поля.

— Если так, приезжай. Кончай скорее свой институт. Отлично жить будем.

Потом Камиля расспросила Зайнаб о школьных подругах:

— Где все наши?

— Большинство в вузах. Мухаббат уехала в Самарканд. С тех пор я ее не видела. Говорят, она там на биологическом.

— Мухаббат у нас самой веселой была. Такая задира!

— А какая красавица! А голос какой! Соловей. Она для сцены была рождена. Наши девушки еще не умеют выбирать себе специальность по призванию. А Гульшан молодец. Она на геологическом и заочно — в институте иностранных языков. Хочет сразу два вуза кончить. Зимой в Москву ездила на студенческую конференцию от ташкентского студенчества. Говорят, хорошо там выступала. Она девушка усидчивая и способная.

— А с виду такая тихоня была. И одевалась всегда очень просто.

— Ну, теперь первая модница. Но одевается строго и с большим вкусом. Тебе тоже скромничать не к лицу. Вон как ты одеваешься. Хорошо! А какие туфельки!

— Я от них сегодня совсем охромела.

— Дай отдых ногам. Переобуйся.

— Пройдет. Ну, а как Башарат? Как Гульсум?

— Гульсум! Увы! Едва кончила школу, замуж вышла.

Я даже на свадьбе была, букет ей преподнесла. Теперь у нее сын растет, а сама хозяйничает по дому.

— Да, жалко Гульсум. Чего это она так. А Башарат?

— Работает в магазине на Пушкинской улице. Заведует отделом. Готовится в финансово-экономический институт. Ребята наши тоже времени зря не теряют: Исхаков Уткур в текстильном институте, Умаров...

— Это какой Исхаков?

— Что ты? Цаплю забыла?

— А! Длинный, тонкий. Когда к доске выходил, всегда облизывался и голову чесал...

— Он, он! Правда, ведь у нас еще Исхаков был...

Они припомнили многих ребят. Наконец, Камиля спросила, чувствуя, что голос ее чуть-чуть дрожит:

— А Мирза?

— Поэт-то? После школы он на фронт уехал. Добровольцем. Сердце у него было горячее. Я спрашивала ребят о нем, говорят, еще не возвратился.

Камиля искренне забеспокоилась:

— Только б был жив-здоров!

И задумалась.

Вдруг в раскрытое окно залетел жук. Гудя, он ударялся то о лампочку, то о стены, наконец запутался в волосах у Камиля. Вскрикнув от неожиданности, она выхватила его из волос.

— Вот он, догулялся!

Они рассматривали жука, пока он барахтался на ладони у Камиля. Потом Камиля вздохнула:

— Всех хочется повидать. Если выполню план по хлопку, зимой приеду надолго. Тогда всех разыщем. Ладно?

— Обязательно. Всех подруг соберем сюда. Наговоримся досыта.

— Пир беру на себя. Привезу бочонок «чараса» собственного приготовления.

Камиля взглянула на часы:

— Ты меня извини, мне пора.

Зайнаб сказала с досадой:

— Ну куда ты? Вижу, упряма по-прежнему. Мы ведь еще и не поговорили как следует.

— Это верно. Но сколько б мы ни говорили, обо всем все равно не переговорим. Продолжение — в следующую встречу, зимой. А на прощание сыграй что-нибудь.

Зайнаб, ссылаясь на то, что играть приходится редко,

что пальцы отвыкли, нехотя сыграла несколько небольших пьес.

— А ты, вижу, капризна по-прежнему. Ладно, больше не буду просить.

Но когда Зайнаб подняла голову, Камиля в ее глазах увидела столько любви, что крепко обняла подругу. А Зайнаб опять повернулась к клавишам. Комнату наполнила светлая, счастливая мелодия.

— Чайковский!

Камиля, закрыв глаза, стояла, слушала. Мысли улетели куда-то далеко. Мелодия кончилась. И тут же возникла другая...

— Шопен, вальс.

Когда Зайнаб встала, Камиля пожала ей руку:

— Люблю, когда ты играешь.

— Разве то игра? Послушала бы настоящих мастеров!..

В дверь всунулась голова тетушки Шарафат:

— Доченьки! Скорее кушать!

Когда девушки вышли во двор, Юлдашев сидел под виноградными лозами и крошил вареное мясо. Большое блюдо плова, окутанное паром, уже стояло на столе. Зайнаб с нарочитой скромностью подошла к Уктаму и познакомилась с ним.

Юлдашев подмигнул дочерн:

— Ну как, рада была с Камилей повидаться?

Зайнаб потрепала Камилю по руке:

— Еще бы! Насмотреться на нее не успела, а она уже уходит собирается.

— Это, конечно, зря.

Юлдашев переложил накрошенное мясо на гору плова.

— Если б было у них побольше машин, на уборку не уходило бы столько сил. И времени было бы больше, и Камиля сейчас не так бы спешила.

— Если руки от хлопка освободятся, — сказал Уктам, — мы их другими делами займем. У нас обширный план есть.

— Машины скоро будут. Уборку механизуем. Обещаем. Твердо обещаем. Наша техника может решать самые сложные задачи.

Тетушка Шарафат вошла, неся тонко нарезанные помидоры с луком. Юлдашев пододвинул блюдо к гостям и провозгласил:

— Прошу приступить.

Но тут же подмигнул жене:

— Не завалилась ли у тебя в уголке бутылочка?

— Завалилась! — ответила Шарафат. — И даже сюда уже прикатилась. Вот она!

Шарафат достала, словно фокусник, неведомо откуда черную бутылку «Узбекистана».

В пиалы потекло густое, багровое вино. Юлдашев, наливая, приговаривал:

— В старое время муллы запрещали вино узбекам. Ах, черт их дери, лишали нас такой радости. Всякую радость норовили задушить. Ну-ка! За здоровье дорогих гостей!

Пиалы звякнули о пиалы. Выпив ароматное вино, Юлдашев вытер усы. Шарафат пригубила. А Уктам взглядом пригласил Камиллю пить до дна. Девушки пили неторопливо, маленькими глотками.

— Не умеем мы с вами пить такое вино! — засмеялся Юлдашев, кивнув Уктаму на его выпитую до дна пиалу. — Вот девушки наши понимают толк в вине, оказываются, лучше нас.

Уктам удивился:

— Но они ведь по капле пьют. Как птички.

— Такое вино и надо пить, словно цветок нюхаешь.

— Почему же вы, дядя Халиль, нарушаете это золотое правило? — лукаво удивился Уктам.

— Сам не понимаю: чуть губами прикоснусь к вину, оно мгновенно исчезает из пиалы.

Плов был остр и ароматен.

Глаза Камилли искрились от выпитого вина. А Зайнаб разругалась.

Юлдашев потчевал Уктама, приговаривая пословицы и прибаутки.

— Ну, выпьем еще. Прошла моя молодость при царе Николае да при нашем эмире. Без веселья, без радости. А теперь труд дает наслаждение, и жизнь должна быть радостной.

Уктам поддержал его:

— Надо трудиться весело и весело жить.

Шарафат забеспокоилась:

— Но при этом не увлекаться напитками.

— Нам это увлечение не грозит! — отшутился Уктам. — Кто увлечен своим делом, тот не увлечется помехой делу. А если о вине говорить... «Узбекистан» хорош, но и наш «чарас» украшает вечера!

— Поэт! — воскликнул Юлдашев. — Вот до чего доводит вино!

— Я вам пришлю, дядя Халиль, нашего «чараса». Попробуете, может быть, и вы стихами заговорите.

Тетушка Шарафат поспешила вмешаться, вкатывая на стол огромный арбуз.

— В его возрасте трудно переходить с прозы на стихи. Вы лучше нам изюм пришлите.

Воздух наполнился свежестью и ароматом арбуза. Но Камиля, едва отведав небольшую дольку, встала. Хозяйева, после долгих уговоров, нехотя отпустили гостей.

Юлдашев с женой проводили их до переулка, а Зайнаб — до большой улицы.

Оставшись с Уктамом вдвоем, Камиля спросила:

— Не жалеете, что я затащила вас сюда?

— Что вы! Как у них хорошо, легко. Как у близких родных. Юлдашев такой... — Уктам не сразу нашел слово — ... настоящий человек.

— Куда вы думаете идти? Где вы остановились?

Уктам в ее словах уловил заботу о себе. На душе у него стало еще теплее.

— Да найду где-нибудь местечко. Пойду в гостиницу. Там не устроюсь, в чайной где-нибудь...

Камиля молча шла к трамвайной остановке. Но неожиданно остановилась:

— Знаете что? Лучше пойдете со мной, к моим дядюшкам.

— Что вы! Не беспокойтесь обо мне! — решительно возразил Уктам.

— Едете! Не спорьте, там места хватит. И церемоний они не любят. Кстати, у них сегодня гости. Младший дядя защитил диссертацию, он теперь кандидат исторических наук. По этому поводу у них сегодня пир.

Конечно, Уктаму не хотелось расставаться с Камилей. Но он опасался, что доставит ей беспокойство. Однако Камиля настанвала. Он согласился.

— Повезло мне в Ташкенте!

Она прикинулась непонимающей:

— В чем это?

— Ну как же: вас встретил — раз; с вами хожу по гостям — два..:

Он махнул рукой проходившей машине. Шофер затормозил и раскрыл дверцу.

Камиля не без усилий засеменяла к машине, едва передвигая ноги. Она усадила Уктама назад, а сама села с шофером.

— На Аклан! Только, если можете, быстрее.

Уктам был озадачен:

«Не обидел ли я ее чем-нибудь? Почему она не хотела сесть рядом?»

В лицо ударил ветер, ворвавшийся через открытое окно машины. Замелькали огни улиц, садов. Из парков доносились музыка, песни, говор. У входов в кино сверкали яркие плакаты.

Камиля вдруг подумала:

«А не обиделся ли почему-нибудь Уктам? Что-то вдруг откинулся на спинку и умолк».

Оба обернулись к нему:

— Что это вы замолчали, Уктам? Разве и вас обидела чем-нибудь?

— А можно спросить вас о том же?

— Можно. Молчу потому, что для разговоров у нас впереди много-много времени. Смотрите-ка, вот Бешагач. Большая, ярко освещенная площадь. Разноцветные огни на Комсомольском озере.

С площади машина свернула на широкую асфальтированную улицу.

— Надо бы какой-нибудь подарок купить. Есть здесь такое место?

— Можно остановиться на Чорсу, — сказал шофер.

— А это обязательно? — удивилась Камиля.

— Я же на пир еду. По обычаю, с пустыми руками на пир не ходят.

— Какой же подарок? Букет?

— Цветы не подарок в городе, засыпанном цветами.

— Это, говорят, только начало. Через несколько лет весь Ташкент станет цветником.

В рабочем городке Аклан, у бывшей заставы Кукча, машина остановилась.

Они прошли мимо чайханы, где молодежь сидела за шахматами, а старики мирно разговаривали. Свернув влево, встретили две грузовые машины, полные женщины. Женщины пели древнюю свадебную песню «Яр-яр!»

Уктам взглянул на часы:

— По всему видно, невеста опаздывает.

Камиля шла, слушая знакомую с детских лет песню. Уктам, заговорив про свадьбу, хотел было выведать сокровенные мысли Камили о замужестве. Но остерегся: замечание о запоздавшей невесте Камиля оставила без ответа.

Грузовики уехали, и песня постепенно затихла вдали.

Вдоль длинных, широких, тихих улиц стояли новые дома. Отовсюду слышалось журчание арыков.

Вьющиеся растения обвивали заборы. Иногда за ними высились деревья, полные зреющих плодов. Камиля похвалила городок за чистый воздух, за тишину и порядок:

— За последнее время район разросся. Построены красивые дома, посажены деревья.

— Воды много, зелени, цветов. Здесь и в знойные дни, я думаю, свежо и легко. Вон та улица похожа на вашу главную в «Эльбаде».

— Правда! — охотно согласилась Камиля. — Во всяком случае, я хотела бы, чтобы наша в «Эльбаде» была точь-в-точь такой. Я люблю эти места. В сороковом году дядя переехал сюда из тесной неудобной квартиры около Баланд-Мечети. Я очень рада была. Хорошо у них. Но ведь и у меня дома неплохо. Приедете ко мне?

— С тем условием, что и вы приедете к нам.

— С удовольствием!

Они вышли на ярко освещенный двор, полный праздничного оживления и шума, и остановились под деревьями:

Понскав кого-то глазами, Камиля быстро прошла вперед и подвела к Уктам своего дядю, державшего в руке стакан вина.

— Познакомьтесь, дядя Зафар, это Уктам Пасыров из наших мест.

Молодой, среднего роста человек, тряхнув взлохмаченными волосами, протянул руку.

— Добро пожаловать! — И повел Уктам с Камилей к гостям.

Он усадил обоих рядом. Принял от племянницы букет и поставил его среди других, украшавших стол.

Возвратившись, он налил в цветные хрустальные бокалы золотистое вино. Бокал показался Камиле огромным.

— Разве я выпью столько! Вы мне воп в ту рюмочку налейте.

— Председатели колхозов даже водку из таких наперстков не пьют. Не роняй чести своего «Эльбада»!

— В таком случае желаю вам: будьте здоровы и смело шагайте вперед!

Чокнувшись с дядей и с Уктамом, Камиля выпила вино.

Пир был в разгаре.

Вокруг большого стола под огромным вековым ореховым деревом сидело человек двадцать гостей. Возгласы, говор, смех не умолкали ни на минуту.

Мощная электрическая лампа покачивалась на нижней ветке, ярким светом заливая весь тенистый, заросший старыми деревьями двор.

Кроны деревьев, освещенные снизу, казались каким-то сказочным замком, легким, повисшим над землей.

Во главе стола сидел научный руководитель дяди Зафара московский профессор Сергей Васильевич Широков. Взгляд его черных глаз был пронзителен, лицо исчерчено резкими морщинами, подбородок тяжел и широк, но движения мягки и сдержанны. Ему было лет пятьдесят. Он слушал собеседников, слегка склоняясь к ним, и, прежде чем ответить, говорил:

— Видите ли...

Рядом сидел пожилой бородатый, коренастый востоковед Стеклов, откинувшись на спинку стула и сложив руки на животе. Он говорил мало. Иногда задремывал. Временами он запрокидывал голову и поглаживал пушистую, белую бороду.

Большинство гостей были историки. Но были здесь и языковеды, и литераторы, и физики. Поэтому разговор между гостями шел о культуре Согдианы и древнего Хорезма, о языке Навои, о грандиозной плотине на Амударье и об атомной энергии.

Не успели Камиля и Уктам осмотреться, как к ним неожиданно подошел профессор Стеклов.

— Хочу за ваше здоровье выпить и за ваши успехи.

Он сел рядом с ними. Рассказал об истории хлопководства, о системе орошения земель в древности. Слушать его было интересно, говорил он просто, и все становилось таким понятным, словно слушатель взглянул на рассказанное своими глазами.

Потом к ним подсел доктор технических наук Урманов. С Уктамом они выпили, спели песню, о чем-то поспорили, потом еще выпили по глотку в знак того, что согласились друг с другом.

Пир продолжался. Камиля словно расцвела. Она несколько раз чокалась с Уктамом.

Когда двенадцатилетний сын Зафара гордо прочитал «Стихи о советском паспорте» Маяковского, ему зааплодировали. Под эти аплодисменты к столам принесли плов.

— Второй плов за вечер! — засмеялся Уктам.

— В Ташкенте и не то бывает! — успокоили его.

Когда поздней ночью гости разъехались, во дворе стало необычайно тихо.

Камиля помогла убирать со стола. Уктам с Зафаром сидели в другом конце двора и пили крепкий чай, чтобы разогнать хмель.

Здесь же под деревьями Уктаму постелили постель, и он долго лежал без сна, как мальчик, считающий звезды. Мягкий ветер освежал его лицо. Он удивился:

«Какой длинный-длинный выпал на мою долю день. Неужели это сегодня я говорил о машине Раевскому, стоял на мосту через Анхор, встретил Камиллю в парке? Все сегодня!!!»

Проснувшись утром, он долго с наслаждением мылся в арыке. Зафар расстелил скатерть. Появились лепешки, чаша ароматного меду, чаша густых сливок, хрустальная ваза с виноградом...

Зафар то оживленно говорил, то заглядывал в свежие газеты.

Вдруг Уктам с беспокойством посмотрел на часы:

«Неужели она уже уехала?»

Зафар поймал его взгляд.

— Торопитесь?

— В двенадцать мне нужно в министерство. А Камилля уже уехала?

— Нет, она пошла к родственникам. Вы кушайте, кушайте, не стесняйтесь.

Через полчаса, когда Уктам уже потерял надежду увидеть Камиллю, она пришла, улыбающаяся, в белом шелковом платье, в черной тубетейке, в легких сапожках на низких каблучках.

— Выспались, Уктам? Что во сне видели?

Он неопределенно пожал плечами.

— А я побывала уже во многих местах.

Потом Камилля спросила у Зафара:

— Вот, не знаю, право, как мне быть, я уже совсем собралась было ехать, но тетюшка Шадман прислала сказать, что если я к ней не зайду, она будет огорчена и обижена. Что же мне делать? Идти к ней?

— Непременно. А в аэропорт я отвезу тебя сам, я тоже сегодня улетаю. Ты — в Фергану, а я — в Самарканд.

— В Самарканд?

— Да, там сейчас ведутся раскопки. Мне нужно ознакомиться с находками.

По лицу Камилли было заметно, что ей не очень-то хочется идти к тетке. Однако она приняла равнодушный

вид, села около Уктама и взяла из вазы кисточку винограда.

Она спрашивала Уктама о его планах на сегодня, осведомилась, когда он намерен ехать домой. Ответив, Уктам посоветовался с ней о своих делах.

К ним подошла жена Зафара. Уктам не сразу ее узнал: вчера она была в нарядном платье, шумливая и оживленная, а теперь ее облегал строгая, белая кофточка, узкая, серая юбка. Она держала несколько толстых тетрадей.

— Простите, милая Камиля. Я вас не могу проводить. У меня сегодня экзамен.

— Трудный?

— По истории литературы. За тысячу лет. Кто знает, о чем спросят. Ведь предмет-то сам еще находится в стадии изучения. Вдруг чего-нибудь не вспомню. Вот срам будет!

— Смотря по тому, как подготовилась! — поддразнил жену Зафар.

— Да ведь есть такие вопросы и такие поэты, по которым никаких исследований нет.

— Надо искать, если нет. У нас есть, где искать. Одно собрание рукописей Академии наук — неисчерпаемый клад. А вы хотите, чтобы клад для вас другие рыли... А, Зумрад, дорогая? Не так ли?

— А вы-то, дядя, помогли ей в этом деле? Ведь когда люди поднимаются в гору, они обычно подают друг другу руки. Разве не так?

— Совершенно правильно! Молодец, Камиля! — засмеялась Зумрад. — Ваш дядюшка делился своими знаниями со всеми, кроме меня, бедной. На днях я попросила перевести мне одно древнее арабское стихотворение, а он протянул мне словарь: «Ищи сама!»

— Я хочу, чтоб ты научилась самостоятельно работать.

На прощание Зумрад попрекнула Камилю, что та, не успев приехать, уезжает. Камиля развела руками:

— Мне ведь тоже предстоит экзамен. Перед народом. Хочется его на «отлично» сдать.

Зумрад попрощалась с мужем:

— Занимайтесь там с успехом древностью и не заглядывайте на чужую молодость.

— Спасибо за совет. Можете не беспокоиться! — засмеялся Зафар, а Зумрад по-дружески похлопала его своими тетрадками.

— Верю, верю.

Вскоре ушел и Уктам.

Пересев с одного трамвая на другой, он добрался до Дворца пионеров. Здесь былолюдно и шумно. Вдоль изгороди сидели продавцы цветов. На углу в киоске продавалась газированная вода и пирожные. Проходило много людей.

Уктам пошел вдоль Красной площади по тротуару, затемненному густыми виноградными лозами. У их корней по кирпичному руслу звонко бежал ручей.

Уктам вошел в серое здание с широкими окнами.

Через пять часов его новенькая машина уже мчалась по ташкентским улицам. Уктаму помогли быстро найти шофера. Но шофер оказался отчаянным, лихим и неопытным подростком.

То и дело приходилось останавливаться по свистку милиционера и вступать в длинные переговоры, давая клятвы впредь не нарушать правила уличного движения.

XXI

Во дворе возле очага сидели Насимджан и Мастура, о чем-то разговаривая. Вечерело. Мастура, как обычно, крошила мясо и лук для острого кавардака.

— Удача, удача! — прошептал Насимджан с сожалением. — Хлопчатник, чтоб он сдох, такой обильный, прости, господи, немыслимый урожай... Это все удача. Но люди подумают, будто это оттого, что Уктам хорошо организовал труд, от его умения. Верно, он красноречивый, но удача есть удача. Вот председатель наш, бедняжка, потрудился. Как следует потрудился. Это заслуги председателя, а не этого красная, зазнайки Уктама. Удача, ох, удача!

— Да нет, вы поразмышляйте-ка немного, подумайте. Уктам безжалостно заставлял работать всех. Бегал, сновал, достал удобрение, вовремя организовал прополку, полив. Нет, он заслужил похвалу. Что бы там ни было, но он заслужил... — сказала Мастура.

— Э-э! — воскликнул с раздражением Насимджан. — Все готовы кричать ему «браво», а трудился-то народ, Уктам болтун. Он трепал языком — и только. Все это удача! А как трудился Каримкул! Но бедноту сняли с работы, опозорили. Вот это называется, человеку не везет...

— Председатель совета урожайности Каримкул-ака хороший человек, но совершил ошибку. Не умел хитрить,

а человек только тогда настоящий человек, когда и хитрить может. Запомните! Обед готов, идите расстелите скатерть на террасе, приготовьтесь к обеду, — приказала она мужу и крикнула в сторону: — Эй, где ты? Принеси блюдо!

— Я собираю траву для барана, — ответила издали девочка.

— Лежебока, поворачивайся скорей!

Девочка побежала за блюдом.

Насимджан быстро приготовил салат из помидоров, огурцов, зеленого лука и присел на краю террасы. Мاستура принесла и оставила блюдо. Насимджан, словно изголодавшийся, накинулся на еду.

Мастура, положив на маленькую тарелку немного картофеля без мяса, подлила к нему соус и протянула это девочке.

— Возьми, поешь скорей и займись коровой, — распорядилась она, нахмутив брови. — Девушки, пропади они пропадом, с этих пор торопятся на сбор хлопчатника. Как по-вашему, пойти, что-ли, и мне? — спросила Мاستура, не уступая мужу в еде.

Насимджан, жадно жевавший мясо, поперхнулся и, еще не откашлявшись, сказал:

— Как хочешь. — И, давась от кашля, добавил: — Хлопок — деньги!

Мастура промолчала. Чмокая, облизнула пальцы и некоторое время сидела насупившись. Затем, сказав «посмотрим!», опять принялась за еду.

Насимджан, набив рот мясом, бормотал:

— Хватит, довольно, не приставай к Уктаму. Он парень глазастый. Ты вот повертелась вокруг него, влюбились в него. А что из твоих затей вышло? Все это пустая трата времени. Ты это прекрати, все смеются над нами. Опозорилась ты. Прекрати.

Мастура, вся покраснев от гнева, крикнула, запинаясь

— Уедем из колхоза, лучше потихоньку жить в городе. Пусть все тут пропадет пропадом.

— Мало я труда вложил, пока поднял этот дом? Хочешь — поезжай в город, хочешь — живи здесь, не мое дело, но сам я отсюда не тронусь.

— Чтоб они скорей сдохли, — сказала Мастура, отталкивая от себя блюдо. — Я заработала шуршащие новенькие деньги. Я обманом и хитростью заставила работать соседей и построила этот дом. Такой простофиля, как ты, разве мог бы построить дом?!

Он дерзил ей, она — ему. Разгорелась ссора. Насимжан выскочил на улицу.

Мастура, оставшись одна, поворчала, но, не найдя в себе сил успокоить свою досаду, побежала излить горе соседям.

* * *

Мир-Хайдар чутко относился к людям, доверял им и уважал их труд, но во всякое дело он непременно вникал сам. И чем ближе приближалась уборка, тем больше он беспокоился, тем больше был озабочен. Ни одной мелочи не забывал он. По много раз обошел председатель каждую бригаду, каждое звено. Со множеством людей поговорил, осмотрел площадки для ссыпки собранного хлопка, подумал о предстоящих перевозках урожая, напомнил шорникам, чтоб починили все хомуты и уздечки, плотникам — чтобы отремонтировали все арбы; осмотрел дороги и мосты, чтобы не было никаких задержек у возчиков. То пешком, то верхом он появлялся всюду и, если замечал какое-нибудь упущение, говорил:

— К сбору урожая надо готовиться весело, как к празднику!

Находил он время бывать и на строительстве яслей, где обстоятельно разговаривал с Уста Азимом и Уста Садыком.

Строительство шло быстро, споро. Рабочие ловко носили на спине кирпичи, пробегая по гибким мосткам: поднимали обтесанные длинные балки.

Трудности не останавливали мастеров. Они находили выход из любого затруднения — им каждый колхозник был рад помочь, чем мог, и мастера говорили:

— Если люди вместе вздохнут, горы охнут.

В тот день Мир-Хайдар пришел на стройку усталый. Он неторопливо походил вокруг новостройки. Ему нравилось это здание, он любовался им.

Мир-Хайдар сел на землю на берегу арыка, прислонившись к серому, истрескавшемуся стволу ивы. Ему принесли чайник чаю.

С лесов сошел длинный Уста Азим, поздоровался о председателем, стер с бронзового лица пот.

— Целый день провел на лесах, на пекле. Сгорел весь.

— Такому незачем было на леса лезть, ты и отсюда руку протянешь и у тополя маковку достанешь.

— А я тянусь не к тополю, а к пиале. Говорят, у председателя чай особенно хорош.

— Попробуй, пожалуйста!

— Ну как, председатель, доволен?

— Доволен, Уста Азим, а чем — я сейчас тебе скажу. Я хожу и приглядываюсь: хорошо ли это будет завтра, достаточно ли хорошо? Я насчет электростанции заупряился было, боялся размаха. По средствам ли это нам? — думаю. А меня в райкоме Сайрамов спрашивает: «У вас, отец, вышел спор с Уктамом?» Вышел, говорю, боюсь, мол, что его затеи нам не по плечу. «А если поднатужиться?» Тогда, говорю, вытянем. «А считаешь ли нужным вытягивать?» Отвечаю, что предпочел бы обойтись маленькой станцией. Я, мол, прикинул расход энергии и считаю, что пока обойдемся. А он мне в ответ такую притчу: «У тебя двое детей растут. Как ты им шьешь халатики? В обтяжку или на рост?» На рост, говорю. А он мне: «А капитальные строительства тем более следует не по сегодняшним плечам мерить, а с расчетом на рост». Я и понял свою ошибку. А эту ошибку я повторять не хочу. И радуется меня, что вы, когда тут строите, тоже вперед глядите. Вот потому и говорю вам, доволен!

— Мы рядовые колхозники. Со всеми вместе вперед глядим. Мечтаем. Хочется для этой мечты своими руками что-нибудь сделать и свое умение показать.

— Хозяйство у нас широко развернулось, Уста Азим. Колхозники работают от души. Надо, чтобы и кишлак наш стал красивым. Чтоб ни одна колхозная семья не прозябала бы в глиняных хижинах, чтобы все жили в светлых, чистых домах. Надо такие дома выстроить, чтобы их жильцы строителям сто лет говорили спасибо. А главное, чтоб хозяйственные постройки украшали наш поселок.

Невдалеке остановилась знакомая легковая машина. Из нее вышел Сайрамов и, обмахиваясь белой фуражкой, направился к председателю.

— Вот легок на помине! — заулыбался старик. — Только что тебя вспоминали.

— Добрым словом, отец?

— У кого дела хорошие, того со злобой не вспоминают!

— Спасибо, отец. Но мои дела — не мое личное дело.

— Знаю, знаю. Садитесь, чаю с дороги хорошо понить.

Положив фуражку, Сайрамов принял из рук председателя пиалу.

— Вот и лето проходит, отец. А ведь известно: «Лето копит, а осень копнит». Как насчет этого?

— Думаем все собрать, до последней коробочки. Поля наши широки, как небо. Но ни одной щепотки хлопка не оставим, все уберем.

— Значит, подготовка к сбору проходит успешно?

— Не обходится без промахов. Видно, стар я становлюсь, не везде поспеваю.

Сайрамов знал, что у Мир-Хайдара все готово. Но он знал также, что старик никогда не был ни вполне спокоен, ни вполне доволен.

— План будут выполнять не машины и не инвентарь, а люди. Как они себя чувствуют? Готовы? Уктам Пасыров дома?

— Уктам в Ташкенте. Ждем, должем не сегодня так завтра вернуться.

— Он хорошо организовал социалистическое соревнование во время ухода за посевами. Но еще лучше это надо организовать на сборе. Тут нам машины большой помощи пока не окажут. Вся тяжесть сбора лежит на живых людях. Надо расширять ряды передовиков, перевыполняющих нормы. Надо созвать мастеров сбора, отличившихся в прошлом году, поговорить с ними.

— Этого я не забыл. Люди уже собираются, разговаривают, я сам сижу с ними: обсуждаем, как лучше собирать.

— Я сейчас из колхоза «Шахматчи». Там для сборщиков нашили много красивых мешков. Прочных, удобных. Это, конечно, похвально. А о людях не позаботились. С людьми не было никакого разговора о том, как лучше собирать хлопок, где сподручнее устроить площадки для сыпки хлопка. Да ни о чем, словом, не было разговора.

Сайрамов вытащил коробку папирос и закурил.

— Истинные слова! — одобрительно кивнул Мир-Хайдар, потирая морщины на лбу. — Колхозников надо разжечь, заинтересовать. Даже подсчитать нельзя, насколько это увеличит силу колхоза. Мы этого добьемся, товарищ Сайрамов. Народ у нас дружный, работающий. А если заметим лодырей, покажем им, где раки зимуют!

— У нас еще один дурной обычай уцелел: мужчины считают сбор хлопка ниже своего достоинства. Норовят переложить весь этот труд на женщин. Этому обычаю раз и навсегда надо положить конец.

Мир-Хайдар виновато и горько улыбнулся:

— Это не обычай, а позор. Наши здоровяки ловчат, чтобы работать весовщиками. Другие — по письменной части. Третьи — бригадными поварами. Притворяются,

что поясницы у них болят, не дают сгибаться, лишь бы сохранить мужское достоинство, не заниматься женским трудом. Стыд! Я им потачки не давал и не дам, товарищ Сайрамов. Будьте спокойны. Значит, об этом позоре и до вас слух дошел?

— Не у вас одних такое положение.

— В этом году обязательно выйдут. Сил у них больше, да и выносливости больше, чем у женщин. Я им нормы увеличиваю, чтобы работали в полную силу, а не спустя рукава.

Сайрамов докурил папироску и бросил окурочек в арык.

Они еще поговорили, и Сайрамов беспокоился, нет ли чего непредусмотренного, что надлежит предусмотреть, пока есть время.

Потом обошли постройку, и Сайрамов поговорил с мастерами.

Когда Мир-Хайдар пригласил Сайрамова к себе отдохнуть и пообедать, секретарь развел руками.

— Не хочу вас обижать, отец. Но, сами понимаете, некогда.

Близился вечер.

Мир-Хайдар по дороге домой зашел в чайхану. Там сидели ребята, увлеченные игрой в шашки. Мир-Хайдар присел возле ребят и незаметно сам увлекся игрой, советовал, вместе с ними переживал промахи:

— Ага! Зевнул! Ну-ка, бей две сразу! Так! Сел! Сидишь! Ну, вот. Сиди! А мы пойдем с этой! Не нравится!

Потом вдруг вспомнил:

— Сражаются, как львы. А где коровы с телками? Загнали?

— Давно. Все уже дома.

— Ну, если так, продолжайте битву.

В это время возле чайханы остановилась новенькая, но сильно запыленная машина.

— Кто это пожаловал? — поднял голову Мир-Хайдар.

Из кабины выглянул Уктам.

Мир-Хайдар выскочил и, как молодой, кинулся к нему:

— А! Жив-здоров? Молодец, скоро вернулся. Кто это тебя довез?

— Я на собственной.

— Так быстро получил?

— Как видите.

— Ты не фокусник ли? Глазам не верю! Значит, машина у нас есть?

— Вот она. И не пустая.

Колхозники уже окружили машину и помогли перенести на склад закупленные в Ташкенте многочисленные инструменты.

Мир-Хайдар несколько раз обошел машину кругом. Постучал по кузову, проверяя, крепкое ли дерево поставили на борта. Попросил Уктама открыть дверцу и заглянул в кабину.

— А это кто такой? — с удивлением показал Мир-Хайдар на щупленького, длинноношеого, белобрысого мальчишку, с важным видом протиравшего ветровое стекло тряпкой.

— Это наш уважаемый шофер.

— С этих лет шофер? Далеко, видно, пойдет.

Мир-Хайдар велел Дадамату отложить все дела и срочно покормить шофера. А Уктама повел домой.

Хотя Уктаму хотелось поскорее повидать своих, он не решился отклонить приглашение старика и сказал шоферу:

— Заведи машину на колхозный двор. А потом вернешься к Дадамату обедать. Тут и заночуешь. А дальше посмотрим, как быть.

— Есть! — браво ответил шофер и взялся за руль. Двое из ребят, забыв про шашки, резво юркнули в кабину.

— Мы тебе покажем дорогу. Езжай!

Другие ребята растерянно и завистливо смотрели на тех двоих, поражаясь быстроте, с какой они оценили и использовали обстановку.

Уктам, ухмыльнувшись, пошел вслед за председателем.

— Опытного шофера в такой срок найти не смог. Взял этого. Эгамберды его зовут. Он уже успел полюбить нашу машину. И разбирается в ней отлично.

— Если захочет, пускай остается. Может быть, обживется у нас. А если не соизволит, посадим за руль Аскара. Ведь это только начало, Уктам. Мы еще машин купим. Гараж заведем.

Во дворе Мир-Хайдара с восторженным воплем встретила Юлдуз и помчалась к нему навстречу.

Старик поднял ее:

— Ах ты, моя звездочка! Сняешь?

Вдруг спросил ее строго:

— А это что? На кого ты похожа? Всегда была такой чистенькой, а это что?

— Винные ягоды ела.

— Ну-ка пойдем. Извини, Уктам. Не стесняйся, пожалуйста. Садись.

Мир-Хайдар повел дочку с золотистыми кудрями к арыку.

Долго он смывал с ее лица и рук липкий сок.

— Ну, беги теперь. Мама вытрет тебя.

Ветки сливы, клонясь под тяжестью черных, с голубым отливом плодов свисали над террасой. От террасы прямым зеленым коридором уходил виноградник. Приглядываясь к свисающим гроздьям, Уктам говорил:

— «Хусайни», «эчкимар», «дили кафтар», хорошие сорта вы подобрали.

— На узбекистанской земле столько чудесных сортов родится! Сотни. И люди не довольствуются этим, каждый год новые сорта выводят. Я уж про виноградные совхозы и не говорю. А у меня здесь старые, обычные сорта. Правда, лучшие из старых. Ни сил, ни времени не хватает заняться новыми — стар!

С улицы пришел Кутлук. Он за веревочку тянул за собой арбузную корку, изображавшую, по его представлению, грузовик.

Старик подозвал сынишку:

— Автомобиль свой разломал, а теперь смирился с арбузной коркой? Ну-ка, садись с нами. Довольно разбойничать. Не вертись, сиди, как серьезный мужчина.

Это было трудно Кутлуку, но он постарался перебороть себя: кому ж из малышей не лестно сидеть, подобно серьезному мужчине!

Усевшись на ковре, он принялся складывать из яблок замысловатые фигуры. Красные, желтые, зеленые яблоки послушно складывались его ловкими ручонками.

Мир-Хайдар подробно расспросил Уктама о поездке. Уктам рассказал, но о встрече с Камилей он упомянул вскользь.

Однако в глазах Мир-Хайдара тотчас промелькнула лукавая искорка, а под усами мгновенная улыбка.

— Рад, что так сложилось, — и дело сделал, и прогулялся.

И тут же заговорил о делах: о приезде Сайрамова, о предстоящих трудностях, о том, как их устранить.

Уктам сказал почтительно и твердо:

— Сбор и сдачу хлопка мы, отец, можем выполнить первыми по району. Мы подготовлены лучше других. Нужно это закрепить. Еще до моего отъезда в Ташкент многие бригады полностью подготовились к сбору. Значит, от нас зависит, как расставить силы.

Мир-Хайдар слушал Уктама, ласково глядел ему в глаза.

— Первыми в районе? — переспросил старик. — Правильно, сынок. Это мы можем сделать, если объединимся в единой воле.

Когда хозяйка внесла ужин и Уктам услышал запах жареного мяса, он едва дождался, пока хозяин предложил сесть, и с удовольствием поужинал.

— По совести сказать, за дорогу я проголодался!

Вскоре Мир-Хайдар отпустил его, понимая, что дома Уктама давно ждут.

Уктам зашел в чайхану взять оставленные у Дадамата ташкентские покупки.

Шофер сидел, окруженный молодежью. Он показывал какие-то фокусы и рассказывал городские истории. Видно было, что Эгамберды чувствует себя здесь отлично.

С хлопковых полей веяло прохладой. Деревья, сгибаясь от изобилия плодов, тихо шелестели, а подпоры под сучьями поскрипывали. Шуршали пожелтевшие листья кукурузы. В каналах, утоливших летнюю жажду полей, неподвижно сияли отраженные звезды. Голубая пыль дороги остыла и отяжелела.

Уктама ждали с нетерпением, и когда во дворе раздался его шаг, мать вскочила и побежала ему навстречу, словно сын вернулся из далекого и опасного путешествия.

Мать торопилась покормить сына, но Уктам выбрал из груды арбузов самый большой и спелый и разрезал его. Арбуз с треском развалился, наполнив двор ароматом, тонким и свежим.

Мать сидела, не сводя глаз с сына.

Хакима по нескольку раз пересмотрела каждую из привезенных книг — романы, повести, стихи, поэмы.

— Я не ждала столько книг!

— В книжном магазине торгует девушка, твоя ровесница. Я ей сказал: «Дайте все книги, которые вам самой нравятся». Не успел оглянуться, как на прилавке оказалась целая гора.

Когда книги были просмотрены, они заняли отведенное им место на полке в нише, и Хакима занялась остальными подарками Уктама. В одном из свертков Хакима нашла полосатую майку и трусики. Она удивленно взглянула на Уктама:

— Кому это?

Уктам пытливо всмотрелся в ее лицо.

— Тебе.

— Зачем?

— Носить. В свободное время оденешь, выйдешь на площадку поиграть в волейбол.

— У нас никто так не ходит.

— Остальные девушки возьмут с тебя пример.

Занятая хозяйством тетушка Сора, услышав их разговор, подошла:

— О чем это вы? Покажите-ка мне.

Хакима показала ей издали майку и поспешила завернуть.

— Нижняя сорочка. Пустяки.

— Зря только деньги тратите. Надо побольше нашить одеял разных. Запастись пышных подушек. Мне ведь надо вас к семейной жизни готовить — сына женить, дочку замуж выдать. Вот и надо о приданом думать, а не о пустяках. А вы покупаете шкафы, кровати, велосипеды. К чему это? Разве это вещи для семейной жизни? Мне вот хватит того, что осталось от родителей. Оттого, что с умом запасено. Я это говорю, добра вам желая, а вы своим умом смекайте, как в ваше время полагается.

Когда Уктам остался один, он снова задумался о Камиле. Ему хотелось наговорить ей тысячу горячих, ласковых слов.

Вдруг он услышал:

— Почему не спите?

Испуганно вздрогнув, он не сразу сообразил, что это Хакима прошла спать.

— А ты что делала до сих пор?

— «Капитанскую дочку» читала. В третий раз.

— Мы с пушкинскими стихами на фронте не расставались.

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

И мысли Уктама потекли по другому руслу: припомнились фронтовые друзья, долгие, тяжелые военные дороги.

Хлопкоуборочную страду колхоз встречал не только как начало тяжелого и важного труда, но и как большой праздник.

В клубе, в чайхане, по всем полевым станам была суета. Куда ни глянь, всюду сверкали полотнища лозунгов и призывов. Приехавшие из города агитаторы ходили по бригадам и звеньям, читали очерки и статьи из газет.

В один из таких дней с Фархадстроля вернулись колхозники «Богатыря». Лица прибывших покрывала густая пыль, но глаза возбужденно сверкали, слова звучали гордо, и люди сознавали, что выполнили, как могли, ответственное и почетное дело.

Встретили их у правления.

После встречи прибывшие разошлись по домам, но Сабир и Усарджан остались с председателем и Уктамом.

Мир-Хайдар нетерпеливо спросил:

— Ну, не опозорили нашего «Богатыря»?

— Что вы, отец! — удивился Усарджан. — Разве можно?

— То-то: «Разорись, если надо, а честь сохрани». Честь своего колхоза надо беречь.

— Мы сил не жалели! — удовлетворенно улыбнулся Сабир. — Две нормы выполнили.

— Как это? — не понял Уктам.

— Вся наша бригада в целом.

— А... Я думал в отдельности кто-нибудь.

— Если брать в отдельности, — сказал Усарджан, — то, например, Сабир перевыполнил свою норму в пять раз.

— Ох, ты! — всплеснул руками Мир-Хайдар.

— За ним никто не мог угнаться. Так работает кетменем — чудеса! И в газете о нем писали. Не один раз писали. Дезушки наши тоже оказались на высоте.

Мир-Хайдар проговорил торжественно и довольно:

— Тысячу раз спасибо, ребятки. Тысячу раз спасибо! А как там Расторопный работал?

Расторопным Мир-Хайдар прозвал Шадькула. Какое бы ему дело ни поручили, он отвечал: «Не беспокойтесь, это я сделаю, я ведь человек расторопный!» Но сам тут же забывал и редко что выполнял в условленное время.

Сабир признался:

— Первое время Шадькул меня изводил. То у него малярия, то температура. В разгар работы засядет в холодок чай пить. А пьет так, что из одной пиалы сто раз

глотнет. Ну я его взял в оборот. Кое-как справились с человеком.

Уктам спросил:

— Ты-то, Сабир, как справлялся? Небось не легко было?

— Справлялся. Конечно, надо было бригадный быт наладить, да и кетменем помогал. Когда такая масса народу занята одним делом, в сторонке не постоишь, ноги сами идут к людям.

Но о своих заслугах, успехах, о соревновании с Усарджаном Сабир из скромности умолчал.

Когда песколько часов спустя Уктам возвращался из второй бригады домой, он встретил Сабира.

Сабир, видно, только что отпраздновал свое возвращение. Он потащил Уктама:

— Ты можешь понять, как я по тебе соскучился, дорогой Уктам? Пойдем поговорим. О хлопке думать надо, но и друзей забывать нельзя.

— Ты, говорят, лихо работал на Фархадстрое. Надеюсь, и на хлопке не ударишь лицом в грязь?

— Насчет сбора не могу похвалиться. У меня в пальцах ни быстроты, ни ловкости нет.

— Полно!

— Правда...

Сабир привел Уктама к себе домой и не знал, куда и как его посадить. Наконец, расстелил одеяла по ковру на террасе. Сели, закурили. Сабир был счастлив, что бывал на Фархадстрое.

— Мы отдыхали там замечательно. Ночью либо на концерт, либо в кино идешь. А чуть свет — не ложится, хочется скорее на работу. А вот этого... — ни-ни...

Сабир поставил перед Уктамом бутылку чистой, как стекло, водки.

— Этого, милый Уктам, за все время ни капли не попробовал. Только раз случилось, глотнул глоточек, да и то моя любимая угадала по запаху. Был, разумеется, распос. И как она разнюхала, не понимаю...

— Я понимаю, дышал совсем близко.

Сабир покраснел. Уктам засмеялся.

— Как себя чувствует твоя Ширин? Когда же свадьба? Раскрой книгу своей любви, милый Фархад.

Сабир, понизив голос, искренне признался:

— Золотое у нее сердце, Уктам! Ведь я ее не за одну красоту полюбил. Не только за ее веселый нрав. А насчет свадьбы... Время покажет, Уктам. Она еще не обещала,

слова не давала, но ее согласие я чувствую. Однажды я поцеловал ее... На берегу Сыр-Дарьи...

Сабир замолчал. Его мать внесла лампу. Уктам поспешил встать и поздороваться с ней:

— Как здоровье ваше, тетя Рукья?

— Бегаю, как лань.

Сабир поддержал ее:

— Мама при сборе хлопка собирает по одному мешку за одну минуту.

— Скоро мы проверим, правду ли говорит ваш сынок.

Она засмеялась. Сабир сказал не без гордости:

— Летом ни одного дня зря не пропустила. В сердце хотя и не осталось прежнего огня, да зато жару еще много. На уборке, я надеюсь, мама покажет, как надо работать.

— Ждем ваших рекордов.

Сабир уверил Уктама:

— И дождетесь. Непременно дождетесь.

Она поговорила с ними. Затем с пренебрежением показала на водку:

— Чудаки! Сколько фруктов кругом. Сколько всяких сладостей, а вы тянетесь к этой горечи. И ведь хоть бы польза была от нее!

Когда она ушла, Сабир наполнил пиалы, и, глядя друг другу в глаза, они выпили этот молчаливый, но красноречивый тост.

Наконец, разгладив усы, Сабир придвинулся к Уктому:

— Я тебе сказал: сердце-то ее все-таки ко мне тянется. Вот на берегу Сыр-Дарьи я и убедился в этом. Днем, в самое пекло, я работал кетменем, а грунт — как гранит! Жарко, пыли наглотался. Вдруг подходит ко мне Анархон. Своей собственной рукой, собственным своим платочком вытерла мне лицо, погладила по руке.

Уктам, поддразнивая Сабир, изобразил равнодушие:

— Пожалела, наверное, видит, парень уморился.

— Э, нет! С любовью вытерла. Так, что вся усталость слетела моментально. Не веришь? А вот тебе еще факт: пошли мы с ней на берег реки от нескромных глаз подальше. Сидим. Тут я ее поцеловал. Река чистая, прозрачная. Долго сидели.

— Так чего ж ты ждешь? Готовь свадьбу.

— Одного не пойму, иной раз она задумывается. Иной раз и вздохнет. О чем? Что ее томит?

— У девушек сердце нежное. Например, об отце, может, скучает, — он еще не вернулся из армии.

Они помолчали, и Уктам понял, что Сабир ждет таких же откровенных признаний. И подробно рассказал о встрече с Камилей в Ташкенте, о своих мечтах и надеждах.

Сабир задумчиво произнес:

— Эта девушка заслуживает твоей любви.

И добавил, что слышал о Камиле на строительстве:

— Эльбадцы о ней не раз говорили. Гордятся ею.

— Выйдет ли это дело? Очень она скрытна. Может, считает меня недостойным, ровню себе ищет.

— Ты не прибедняйся! Чем ты плох?

Уктам в этих словах услышал такую уверенность Сабира, что ободрился. Сабир даже рассердился:

— Если она не видит тебя, если лучшего ждет, тогда, значит, невелик ее ум. А если умна, не может твоих достоинств не понимать. Не может, Уктам! Поверь мне.

Порыв ветра задул лампу. Деревья зашумели. Во тьме с веток посыпались, падая со стуком, плоды. Петух громко запел с карагача, куда забрался на ночлег.

Уктам встал, прощаясь. На душе стало спокойно. Он не сомневался в Камиле. Он верил в счастье.

XXII

На утреннем солнце, в темной зелени полей ярко сияли коробочки раскрывшегося хлопчатника.

Кусты тихо покачивались на ветру, сплошь осыпанные каплями свежей росы.

Усарджан взглянул в поле, и ему захотелось скорее войти в гущу растений и собирать это белое золото, как собирают ароматные цветы на лугу.

Одолев пригорок, он пошел мимо звена стариков. У самого молодого члена звена борода только что начинала серебриться; восьмидесятилетний звеньевой Алимкул уже успел вдоволь поработать с кетменем и теперь со всем звеном сидел вокруг дыни, оживленно разговаривая.

Старики увидели Усарджана и позвали его:

— Иди кушать дыню, комсомол!

— Благодарю вас за честь. Как себя чувствуете, почтенные комсомольцы?

Алимкул весело кивнул ему:

— Садись, львенок. Мы и на закате жизни храним в своих сердцах огонь молодости.

— Не удивляюсь, — вы ведь советские старики.

— Вот именно! Даже на старых ивах распускаются

листья, когда наступает весна. А разве нынешнее время не подобно весне?

Старик Мадкарим, в молодости бывший наездником, почесал короткую, тщательно расчесанную бородку. Ножом с черенком, украшенным бирюзой, отрезал большой ломоть прозрачной дыни.

— Кушай, Усарджан!

Но едва зубы Усарджана впились в ее мякоть, как челюсти его свело от холода. Старики выдерживали эту дыню в ледяной воде, чтобы освежиться ею в часы зноя.

Освоившись с холодом, наслаждаясь благоуханной дыней, он почтительно сказал:

— Какой замечательный хлопок! Вас можно уже теперь поздравить!

— Цыплят по осени считают, сынок. Вызреют все корбочки — победа за нами; ударят ранние дожди — работа пойдет насмарку! — махнул рукой Мадкарим.

— А какую осень ожидаете вы в этом году?

— Товарищ Сайрамов тоже интересовался этим вопросом, — ответил Алимкул.

Бывший наездник, вкладывая свой старинный нож в разукрашенные ножны, объявил:

— Товарищ Сайрамов, — человек пытливый. Он встретился мне в городе, расспросил обо всех делах, а я по привычке отвечал ему пословицами. Он, чтобы не позабыть их, вынул книжечку и аккуратнейше все записал. Здоровья ему и долгих лет.

Все старики согласным возгласом присоединились к этому пожеланию. Заговорили о предстоящей осени, оживленно обсуждая многочисленные приметы, по которым погоду угадывали месяца на три вперед. Кстати, вспомнили разные случаи из былой жизни. Усарджан внимательно слушал.

Старик Абдулхак, древний, но крепкий, ходивший босиком в зимнюю стужу по снегу, а в летний зной по раскаленному песку, уверенно объявил:

— Осень будет теплая, сухая.

Алимкул задумчиво вздохнул:

— А я осень жду по пословице: «На бога надейся, а сам не плошай». Не откладывая дела на завтра, спешу все сделать сегодня, тогда и ненастье тебя врасплох не застанет, и урожай успеешь собрать.

Усарджан прижал ладонь к груди:

— Вот истинная правда!

По дороге от стариков к своему участку Усарджан встретил у шалаша колхозного сторожа Баймата.

Засунув за пояс пустой рукав, веселый Баймат с увлечением обучал певчих перепелов. Усарджан поддразнил своего друга:

— Вам только бы слушать своих перепелов!

— А что? Разве вам не нравятся их голоса?

— Я думаю, вам перепела тем нравятся, что постоянно призывают: спать пора, спать пора!

— Но ведь на деле выходит наоборот: когда вы почиаете, как сурок, в теплой постельке, я бодрствую и беседую со звездами. А при сборе урожая я и одной рукой соберу больше, чем вы двумя.

Баймат вынул сперва одну, потом другую жирную, пугливую перепелку, чтобы показать их Усарджану. Услышав их тревожные возгласы, перепела звонко и самоотверженно закричали из своих клеток, перебивая и заглушая друг друга.

— К тому же, — сказал Баймат, — приглашаю вас завтра вечером на плов с перепелами. Ручаюсь, что он придется вам по душе. В честь вашего благополучного возвращения с Фархадстрога.

Когда Усарджан пошел дальше, Баймат запел свою любимую ферганскую песню:

Пока живу, твой образ предо мной, —
Я далеко, но сердцем я с тобой...

И снова занялся своими птицами.

Усарджан долго ходил вокруг своего поля, вглядываясь в него, как в лицо друга после долгой разлуки. Хлопок здесь раскрылся, как куст роз в пыльном цветнике. А Баймат пел вдалеке:

Домой вернусь — не спросишь ты меня:
Где ездил я и где сходил с коня...

Усарджан пересчитал на нескольких кустах не только раскрывшиеся коробочки, но и завязи будущих. Он убедился, что в его отсутствие звено не теряло времени зря.

В это время мимо шел конюх Кузыбай.

Когда Усарджан поздоровался с ним, Кузыбай сказал:

— Весной я проходил мимо, на твоем участке хлопок был слабенький. А теперь ты нагнал и опередил многих.

— Агротехника! — с достоинством объяснил Усарджан. — Это, милый, не лошадей пасть, тут понимать

надо, когда напоить, а когда и потомить. Нам ведь профессора дают указания.

Кузыбай, весело сощуриив маленькие быстрые глаза, посмотрел в упор.

— Значит, есть профессора, которые видят сквозь землю? И видят, как под землей растут корни? Не морочь мне голову, профессору нечего делать на поле, а ювелиру — в конюшне.

— Ошибаетесь, почтеннейший повелитель коней! Наука нужна всюду — и для роз и для коз.

— А ты ею вооружаешься?

— По силе возможности.

— Так я тебе скажу: наш неграмотный, древний Алимкул без науки всякого ученого за пояс заткнет по хлопководству. Он сам может поучить любого агронома.

— Правильно, старики наши знают хлопок. Но если их опыт подкрепить наукой, тогда дело пойдет вперед. А один опыт вперед ничего не сдвинет, дело замрет на той точке, до которой дошел неграмотный практик.

Кузыбай задумался. Покачал в раздумье головой.

— А, пожалуй, так и есть. Ежели на один опыт полагаться, больше, чем Алимкул собирал, нам собрать не удастся. А надо ведь не по Алимкулу равняться, а дальше глядеть.

— Вот теперь изволил сказать толково.

— Надо пить воду из большой реки. Так?

— Именно.

Кузыбай ушел.

Усарджан собрал свое звено. Четверо мужчин и две женщины сели в кружок под огромным тополем. Две молодухи — Батакуз и Хайринисо переглядывались и перемигивались: всегда, оказавшись в обществе мужчин, они переговаривались между собой на этом птичьем языке.

Главный поливальщик звена комсомолец Туляган Кучкаров, силач с широкой грудью и сильными плечами, просматривал районную газету.

Ловкий и подвижный, искусный при окучке, сухощавый Хасанбай сидел, сплетая из травы «чертов лапоток».

Бывший фронтовик Караджанов в пилотке, надвинутой на место потерянного в бою уха, смелый, веселый, ел глазами своего звеньевоего, словно ожидая боевого приказа.

Усарджан расспросил обо всем, что произошло без него в комсомольском звене. Комсомольское собрание, посвященное сбору хлопка, было назначено на завтра, и

следовало решить, с какими предложениями придет звено на это собрание.

Все оживились, обсуждая близкие каждому из них вопросы.

— Хлопок соберем весь. Ни волоконца не оставим. Что бы там ни было, хоть из-под снега достанем!

Хасанбай замахал руками:

— Типун тебе на язык! Какой там снег, все соберем раньше, чем появятся тучи!

Засмеялись. Караджанов решительно крикнул:

— Пускай лучше камни навалятся мне на сердце, чем снег на хлопок. Столько труда вложить, да предоставить это судьбе? Ни в коем случае! Мы-то свой хлопок соберем. Не в этом вопрос, вопрос в том, чтобы выполнить план по всему колхозу.

Вдруг молчаливая Хайринисо громко сказала:

— Не выполнять, а перевыполнить!

И тут же смолкнув, склонившись к неподвижной Батакуз, взволнованно что-то зашептала ей.

— Именно это я и имел в виду! — многозначительно поднял палец Усарджан.

Густым важным басом степенный Кучкаров произнес:

— Товарищ Усарджан, я полагаю, нет необходимости открывать прения. Как, товарищи? Вопрос ясен. Если пообещаем, сделаем. Краснеть не будем.

Усарджан согласился:

— Молодец! Имею предложение: вызвать на соревнование звено Тансык. Девушек.

Кучкаров покачал головой:

— При сборе за девушками угнаться трудно.

— Паникер! — резюмировал Караджанов.

Кучкаров покраснел:

— Всем известно: лучшие сборщики хлопка всегда женщины. У Анархон, у Дильшад, у Тансык руки работают, как машины. Можем ли мы закрывать глаза на это?

Хайринисо улыбнулась:

— Не закрывать, а открывать глаза надо. Чтобы посмотреть, как они работают, и превзойти их. Мы тоже не лыком шиты. В том-то и дело, чтоб превзойти искусных, а бесталанных интересно ли превосходить?

* * *

Утром пятого сентября все колхозники собрались на площади возле правления. У всех были маленькие, удоб-

ные мешки и фартуки. На девушках вместо рабочей одежды сверкали праздничные платья.

Мир-Хайдар поднялся на крыльцо правления. В глазах старика поблескивал молодой огонек:

— Уважаемые земляки, богатыри нашего «Богатыря!» Начинается праздник урожая... Слово дано! Настало время выполнить его.

Мир-Хайдар широким взмахом показал на поля, и от его простого, теплого слова, от этого свободного взмаха руки вдруг открылось перед всеми, словно упал занавес, бескрайнее раздолье колхозных земель. Все увидели их, словно впервые, может быть, потому, что редко случалось так вот стоять здесь, на открытом высоком месте.

Заревели медные карнаи. Зарокотали бубны. Девушки закружились в пляске. А когда с ними пошла и Анархон, Сабир, хлопая тяжелыми ладонями в такт напеву, тоже пошел в пляс.

Обойдя один круг, Сабир ухватил за пояс Уктама и потянул друга за собой. Уктам смутился от неожиданности, но, помедлив мгновение в нерешительности, двинулся, вошел в ритм и оживился.

Народ одобрительно закричал, прихлопывая ладонями, притопывая каблуками. Музыканты сильнее ударили в бубны.

Тетушка Хадича, сверкая широким атласным платьем, взмахивая длинными рукавами, тоже не удержалась и поплыла в медленном танце, как сваха на свадебном пиру.

Так, ликуя и радуясь, вышел колхоз на окраину селения и пошел на поля.

Началась уборка. Отовсюду звенели голоса. Вспыхивали песни. Слышались переключки. Руки постепенно овладевали четким ритмом сбора. Белый, как новогодний снег, хлопок, казалось, сам тянулся к рукам колхозников.

Мир-Хайдар брал хлопок благоговейно, осторожно складывая его в подвернутую полу халата.

Когда пола переполнялась, старик вываливал все в мешок кому-нибудь из сборщиков.

— Держи! Еще одна капля в твой поток.

Радость кипела в нем: бывший беспартийный, безземельный батрак, издали смотревший на чужие сокровища, теперь стоял он среди необозримых своих владений — отец колхоза, старший товарищ, почитаемый и любимый. Как хотелось ему хоть чем-нибудь отблагодарить людей за счастье, столь щедро отпущенное ему.

Его позвал звонкий девичий голос.

Он обернулся и увидел Тансык, блестящие черные глаза ее горели на смуглом лице.

— Взгляните-ка!

Она держала перед ним двойчатку — двойной плод хлопчатника на одном стебле. Такие плоды называются «барака», что значит обилие, и считалось, что они приносят счастье тому, кто их нашел, и тому, кто получит их в подарок.

— К счастью тебе, доченька!

Он благодарно принял от нее этот редкий плод и подоткнул его себе под тибетейку, как цветок.

— Мне тебя нечем тут отдарить за такой подарок. Пожалуйста, после работы позови с собой подруг и приходите все ко мне в гости. Там я и отдарю вас, милые дочки.

От такого приглашения нельзя было отказаться. И она, прижав руки к груди, почтительно и радостно поблагодарила своего председателя.

Тансык ушла на свое место продолжать сбор. Вокруг нее двигались ряды людей, склоняющихся к растениям, разгибающихся, склоняющихся опять и неуклонно продвигающихся все дальше и дальше. А председатель пошел по полям, и опять к нему потянулись, как живые, веточки, полные шелковистых плодов.

Уктам старался брать волокно из наиболее зрелых коробочек. Ему хотелось так работать до вечера. Он боялся, как бы каким-нибудь делом не оторвали его. Руки Уктам отвыкли от этого труда. Он давно не собирал хлопок. День, когда он так же собирал урожай, окончился давно. Уктам и не подозревал, как долог будет перерыв между последней шепоточкой волокна, взятой тогда, и этой, которую он первой снял сегодня. Между ними пролегли годы. Длинные-длинные дороги войны. Но первая шепотка нового урожая была, наконец, взята и давно уже лежала где-то в пушистых сугробах, собранных за этот день.

С непривычки Уктаму не хватало споровки и быстроты. Ему тяжело было сгибаться возле кустов.

Несмотря на осеннее время, небо сияло по-летнему, и день был зноен. Солнце обжигало, томила жажда. И хотя в конце поля бурно кипел огромный самовар, никто не шел пить чай, чтобы не отрываться от работы, не нарушать ее ритма.

Уже выросли на площадках высокие груды собранного волокна. Уже разгорелось соревнование, и каждому

хотелось, чтобы его гряда поднялась выше других, каждый торопливо обшаривал свои кусты, обирая белые хлопья.

Сабир Эрматов свалил волокно в свою гряду и, остановившись невдалеке от Уктама, последил за работой друга.

— Молодец, Уктам. Руки у тебя быстры и ловки. Можешь состязаться с моей мамашей. Если уж ты решил заняться сбором, иди на мой участок. Приглашаю.

— Нет. Если уж куда идти, пойду к девушкам. Там я научусь работать как надо.

Сабир насмешливо промывчал. Но Уктам объяснил:

— Ведь ты один за двоих соберешь. А у них может не хватить силенок.

— Не смейся надо мной! — прикинулся серьезным Сабир. — Не смей смеяться! А за девичье поле и у меня душа болит.

В обеденный перерыв Уктам пошел к девичьему звену.

В черные растрепавшиеся волосы девушек набились серебряные нити хлопка. Глаза возбужденно сверкали. Руки проворно и ловко мелькали в густой зелени кустов.

Уктам подошел к Тансык:

— Потягаемся?

— У нас пока Анархон и Дильшад впереди. Тягайтесь с ними.

Уктам остался здесь и вскоре втянулся в быстрый ритм работы, увлекся и забылся. Но мысль его часто улетала в «Эльбад». Ведь там тоже начали сбор, и где-нибудь по полю так же идет сейчас Камиля, склоняясь к послушным веткам кустов.

Лишь наступивший вечер прервал работу. Несмотря на усталость, девушки покинули поле нехотя.

Собрались на полевом стане отдохнуть и переночевать. Здесь пахло свежими лепешками и пловом.

Вскоре стали известны имена передовых сборщиков. В числе лучших оказались Усарджан и Хайринисо. Все удивились их успехам, ведь хлопок раскрылся еще не весь, сбор не мог проходить так скоро, как в разгар осени, поэтому результаты их работы казались неслыханными. Девушки заволновались. Они условились выйти завтра на поле еще до рассвета.

После ужина старый певец под звон маленькой домбры запел веселое сказание «Зульфизар», полное живых и ярких образов. Голос старика был слаб, но музыкален. Хорошо было слушать его в наступающей тишине, когда

с поля выплывала освежающая прохлада, а в небе загорались звезды.

Едва смолкла песня, в круг вошел молодой поэт. Ветер шевелил его волосы, а он читал стихи, полные счастливой веры в будущее и несокрушимой любви к людям:

Солнце не меркнет в сердце моем...

* * *

Вечером в правлении было шумно.

Приходили и уходили бригадиры и звеньевые. Сообщали итоги дневных работ, решали накопившиеся за день вопросы. Лица у них были оживленны, движения — быстры и решительны.

Тансык заволновалась, когда увидела входящего в правление Усарджана Султанова. За ухом у него торчал карандаш, через плечо висел порожний мешок. Тансык подошла к Усарджану:

— Поздравляю с успехом. Вы, Усарджан, первым попали на Доску почета.

— Этого не может быть. Разве можно обогнать девушек? Успех виден не в начале, а в конце, конец венчает дело.

— Все это верно, конечно. Но... вижу, вам меня успокоить хочется.

Мир-Хайдар и Уктам, придвинув к себе лампу, подсчитывали итоги сбора. Выяснилось, что дневной план в первый день колхозом перевыполнен. Предстояло закрепить и развить этот успех. Надо было привлечь все силы людей на сбор, правильно расставить эти силы, учитывая способности каждого человека. По работе первого дня уже можно было увидеть многие недочеты и промахи.

Мир-Хайдар проворчал:

— У нас болтуны еще не перевелись. Разговаривают много, а от работы — в кусты.

— Мы хоть и избавились от Каримкула, а его жена и невестка от работы по-прежнему отвиливают, будто ничего не случилось. Что с ними делать?

Мир-Хайдар нахмурился.

— Завтра утром я сам постучусь к ним в калитку. Сам постучусь! — повторил он.

— Если вам почему-нибудь неудобно, я это на себя возьму, — сказал Уктам.

— Нет. Я сам. Я этих белоручек отучу от безделья. Как Усарджан ни скромничал, по первым в почетный список вписали его: он собрал за день сто семьдесят четыре килограмма хлопка.

Список составлял Насимджан.

Уктам спросил его:

— А свою жену вы тоже внесете в этот список? Какие у нее показатели?

— О! Она в числе передовых.

— Но показатели-то какие?

— У нее золотые руки. Свое дело она выполняет исключительно исправно, артистически. Всю важность работы по сбору хлопка я ей объяснил, сказал, чтобы обеды и ужины соответствовали...

— Опять ее на кухню пристроили? У вас, видно, совести нет! Молодые будут спокойно смотреть, как суп закипает, а старухи над хлопком гнуться? Ну, знаете ли...

— Спокойно! Спокойно! — развязно возразил Насимджан. — Надо же понимать, она человек городской, к такому труду непривычна. Можно ли от нее требовать умения в грубой работе? Другое дело — кухня. Там она на высоте.

— Так пускай отправляется на базар торговать пирожками! — вскипел Уктам.

Насимджан кинулся к Мир-Хайдару:

— Спасите меня, отец, от придинок Уктам. Это желчный, недоброжелательный человек. Он невлюбил меня. За что, не могу понять. И теперь нет мне от него житья. Мы с женой трудимся, не покладая рук. А он не отстает. Заступитесь, отец-председатель!

Мир-Хайдар поднялся, молча постоял. Насимджан ободрился: в молчании председателя он увидел сострадание и сочувствие и язвительно шепнул Уктаму:

— Вы не умеете ценить труд человека. Вы не видите правды...

Мир-Хайдар перебил его:

— Вы, Насимджан, мастер говорить. У вас каждое слово звенит, как новенькая монета. Но говорите вы чепуху. Благороден и честен тот, кто в трудную пору нищет себе самое трудное дело. А вы молодую женщину прячете за котел, а сами опять норовите спрятаться за чернильницу. Котлы и без вашей жены не останутся ни пустыми, ни холодными. Уктам дело вам говорит, а вы подняли крик, как будто вас по больному месту ударили.

Насимджан позеленел и поник, бормоча:

— Я с ней поговорю. Как-нибудь ее усовещу.
Но Мир-Хайдар, не слушая его, позвал Уктама, и они ушли.

По дороге Уктам, попрощавшись с председателем, заглянул на ближайший полевой стан.

Здесь многие уже спали.

Лишь Сабир, лежа вниз животом на матраце, шепотом рассказывал что-то, видно, очень интересное.

Придвинувшись к нему, несколько человек внимательно слушали. Среди слушателей был и Усарджан.

Уктам растянулся невдалеке и закурил.

Сабир рассказывал о фронтовой жизни.

— Почему у тебя, Сабир, такие показатели? Чуть-чуть больше среднего? — спросил Уктам, когда Сабир кончил рассказывать очередной эпизод.

— Уже пронюхал?

— Это разве секрет? Мне было стыдно за тебя. Я привык тобой гордиться.

— Руки еще не освоились. Не бойся, я свое возьму. Наверстаю.

— Не хвались наперед. Руки небось и у нашего Усарджана сегодня первый день таким делом занимались, а ведь справились.

Сабир помолчал.

Молчали и остальные.

Над Уктамом тихо шелестели гибкие ветки джиды и сквозь них просвечивали звезды.

Уктам думал о Камиле.

Он слышал, что «Эльбад» уже три дня как приступил к сбору хлопка. Значит, у Камилы сейчас тоже горячее время, и она, может быть, даже забыла о нем в эти дни.

Он вдруг подумал:

«Надо собрать по всей деревне патефоны и вынести на поля. Посадить у каждого по школьнику — пускай будет больше музыки на полях. Веселее станет работать».

Вскоре он уже крепко спал.

* * *

Раньше всех в своем шалаше проснулась Дильшад. Она растолкала подруг, хотя рассвет только-только забрезжил.

Одетые легко, девушки поживались на свежем утреннем ветру.

Быстро умылись у прозрачного ручья. Мокрыми ру-

ками пригладили волосы. Наскоро закусили и побежали в поле.

Но едва поднялись на холмик, Тансык вскрикнула:
— Молодец!

Слева в поле, окаймленном редким рядом шелковиц, уже работало звено Усарджана в полном составе.

Видно было, что по холодку работалось им легко и дело у них шло споро. Об этом свидетельствовали плотно набитые мешки на животах сборщиков.

Тансык горячо сказала:

— Во что бы то ни стало надо их сегодня обогнать. А? Как, девушки?

— Непременно! Лучше быть хромым, чем отстающим! — нахмурилась Дильшад.

Прежде чем начать сбор, Тансык предупредила:

— Помните, как условились: хорошо вызревшие корбочки откладывать отдельно.

Об этом был разговор еще несколько недель назад. Тансык, по совету Соколова, решила заготовить отборные семена на будущее. Семена предстояло заготовить из своего же хлопка. Из наиболее зрелых и крупных плодов, с наиболее урожайных кустов.

Но Дильшад возразила:

— Это же нас задержит.

— Пока не привыкнем. А привыкнем быстро. Будем откладывать одну из пятидесяти. Разве это много?

Анзират тоже заспорила:

— Семенами можно было бы заняться и потом.

— Нам дороги самые ранние.

— Тебя, Тансык, не переговоришь.

— А все уже переговорено. Незачем спорить.

Хакима пошла по рядкам и звонко запела.

Работа была в разгаре, когда первые лучи солнца загорелись на блестящей белизне хлопка.

Когда Уктам проснулся, он увидел над собой ту же ветку джиды. В голубой листве краснели медной кожей спелые плоды.

Уктам обиделся, что Сабир, уходя на работу, не разбудил его. Оказалось, что сапоги с него стянуты, хотя васнул он, не успев разуться, а сверху покрывает его полосатый стеганный халат Сабира.

Уктам побежал к ручью умыться. Торопливо, стоя поел.

Забежав в звено стариков, он спросил:

— Как успехи, отцы?

— Трудно угнаться за молодыми! — пожаловались старики. — Собираем потихонечку да помаленечку, зато чисто. Качество даем, — ответил Алимкул.

— Берегите себя. Работайте по силам. Нам ваше здоровье дороже ваших рекордов.

Старик, сощутив умные глаза, вздохнул:

— Рекорды... жалко, конечно, что года уходят, а не приходят.

По дороге к большаку шли караваны с первым сбором. Шли грузовики, тяжело переваливаясь на дорожных выбоинах. Крутились огромные колеса арб; тянулись со стуком длинные брочки; важно, торжественно несли свой пышный груз верблюды.

В то утро по всему Узбекистану шли по всем дорогам такие караваны.

Миллионы рук привычно, гибко, проворно касались белых комочков хлопка. Белое, пушистое, легкое, драгоценное золото текло и текло в сокровищницу родины.

* * *

Когда Джура вышел на улицу, он встретил Каримкула — они жили по соседству.

Веселый Джура поздоровался и тут же вступил в разговор:

— Да, вчера, говорят, попало вам как следует! Но председатель прав, дядюшка Каримкул: очень уж вы упрямы, слишком зазнались.

— А? — вытаращив глаза, крикнул Каримкул. — Ты не понимаешь, в чем дело, дурень. Иди занимайся своим делом.

Помолчав немного, он добавил более спокойно, но с затаенной злобой:

— От председательства в совете урожайности отказался: пусть там управляется Уктам-карьерист!

— Очень упрямый вы человек, не любите критику, — серьезно произнес Джура. — Правда глаза колет, Каримкул-ака. А что бы стоило сходить к председателю, извиниться, осознать все свои ошибки. Председатель — человек добрый, чистосердечный. Не хорошо таить в себе обиду. Работали бы в колхозе.

— Болтунишка, всезнайка, на губах еще молоко не обсохло, а берешься учить седого человека уму-разуму! Ты что? Тоже собираешься критиковать меня? Как говорится, хочешь ковать лошадь, а лягушка задирает ногу, —

проворчал Каримкул. — Кто я такой, а кто такой председатель? Я все знаю, мне все понятно: Уктам задумал стать председателем совета урожайности, а председатель колхоза не понимает этого, видно, ослеп.

С этими словами Каримкул зашагал дальше.

Джура часто встречал своего соседа и всегда задевал его за живое шутками.

В полдень Джура бросился на землю и растянулся на спине под тенью густых карагачей, джиды и тополей, верхушки которых, серебрясь, заслоняли синеву неба. Эти деревья росли неподалеку от белоснежного хлопкового поля.

«По-моему, — сказал он себе, призадумавшись, — председатель — человек знающий, дальновидный. Это место он, кажется, облюбовал для колхозной больницы. Кажется, он как-то говорил об этом! Воздух здесь, действительно, чудесный, воды вволю. Если не пожалеть сил, это место можно превратить в цветник, в сад... Какой ветерок, какой воздух!» — И Джура с наслаждением вдыхал аромат мяты, пробивающийся сквозь прохладные листья деревьев.

Долгое время он лежал молча, наблюдая за бабочками и стрекозами, порхающими среди листьев дикого ириса, лопухов и мяты, росшей по берегу журчащего арыка, затем не без сожаления поднялся. Проходя мимо развалившегося дома, стоявшего под тенью карагача, он услышал голос Каримкула. Каримкул говорил ишану:

— Сейчас как раз пора, когда бараны жиреют. Какие вкусные сейчас барашки! У меня там, на пастбище, есть своя небольшая доля; как, небось, теперь отяжелели у них курдюки! Как они хрустят на зубах, а? Пальчики оближешь! — По тому, как пресекалась речь Каримкула, можно было догадаться, что он глотнул слюну.

— Да, да, самая пора, — хихикнул Саид Куддусхан. — Баран — смиренная, тихая тварь. Аллах выпустил барана из рая, чтобы смертные ели мясо с наслаждением. Где теперь увидишь барана? Он уже недоступен нам. Ладно, не привыкать нам, беднякам; мы покорны велениям аллаха, — покачивая головой, бормотал ишан, высокий, сухощавый, козлобородый человек с острым взглядом. На ишане был старый халат, серая рубашка, на голове — большая чалма; на ногах ичиги и кауши.

— Да, видно, справедлива поговорка, что у жирного барана жизнь коротка, — усмехнулся Джура и замедлил шаги.

Расшумевшийся Каримкул, завидя Джуру, умолк, встал и, подойдя к самовару, принялся растирать чайники между ладонями.

— Эй ты, всезнайка, что болтаешься здесь?

— Мне тоже захотелось барашка, — улыбнулся Джура.

«Кажется, смекнул в чем дело», — подумал Каримкул, искоса поглядывая на мальчика, и произнес:

— Терпение — лучшая пища хотению.

Поздоровавшись с ишаном, Джура присел в сторонке.

— Молодец, сынок, молодец, — сквозь зубы процедил ишан.

Каримкул, передавая крепкий зеленый чай, сказал:

— Хороший он малый, честный, но есть у него червоточинка: не знает обычаев, не привержен к молитве. Все юноши у нас становятся безбожниками, — и он с упреком взглянул на Джуру.

— Таков ныне бренный мир! Аллах милостив к последователям Мухаммеда, пророка нашего. Подрастут наши дети, опомнятся, поймут...

Джура громко расхохотался:

— Люди, животные, растительность, мир, солнце и звезды — все это природа! Где аллах? Где находится бог? Все это пустые слова.

Ишан Куддусхан молчал, дрожа от досады. Каримкул прикрикнул на Джуру:

— Стукнул бы я тебя, но... Бездельник, негодяй!

Наступило молчание. Джура забавлялся, вертя в руках пустую пиалушку. Разговор не клеился.

«Действительно, правильно говорят старики, что рыбак рыбака видит издалека», — вставая, подумал Джура. Он окинул взглядом развалившиеся стены обветшалого дома, еще раз глянул на ишана и Каримкула и, пренебрежительно отвернувшись, неторопливо ушел.

* * *

На другой день Джура вышел из дома ранним утром. Долго он стоял, не отрывая глаз от изумрудного хлопкового поля, раскинувшегося до самого горизонта. Он

присел возле маленького говорливого арыка, вымыл руки и, зачерпнув пригоршней ледяной воды, напился.

Звякнула цепь соседской калитки, вышел Каримкул, ведя за собой лошадь, а следом вышла и его дочь.

— Я еду в поле. Если задержусь, не беспокойтесь, — сказал он и вскочил на резвого коня.

Джура постоял, глядя ему вслед, и, когда он исчез из виду, пошел на хлопковое поле. Дочь Каримкула оказалась его попутчицей.

Девушка шла и жаловалась:

— То хлопчатник, то прополка моркови, то прополка лука. Без конца то одно, то другое. Нет ни дня отдыха. Что ни день, Уктам придумывает новое дело, а председатель его поддерживает.

— Да, работы много, даже не знаешь, за что браться. Но надо все сделать, зато потом увидим плоды наших трудов, — серьезно ответил Джура.

Дочь Каримкула была модницей. Из-под тюбетейки, сдвинутой набок, спускались сорок мелких косичек с завитками на концах; брови были сильно подведены.

— Потихе, не торопись, Джура, мне что-то начали жать ботинки, — сказала она и взяла его под руку.

— Что это отец Каримкул уехал в поле? — безразличным тоном спросил Джура.

— Все бесконечные заботы о существовании; вон на те горы он уехал, — ответила девушка, слегка прихрамывая.

— Знаю, там находятся наши чабаны, бараны, — задумчиво промолвил Джура.

— Баран — кроткое, послушное животное, стоит ему сойти с гор — и баста; если покажешь нож, он сам подставит шею; если погонишь на базар, поплетется сам, — лукаво смеясь, сказала девушка.

У Джуры не осталось никаких сомнений.

— Дело известное: мясник заботится о мясе, а скотина о душе, — ответил он с иронией.

— Базар — священное место, источник богатства, денег, ты еще зелен, недопонимаешь этого дела, — сказала девушка, улыбаясь.

Джура шел молча, поглощенный своими мыслями. Дошли до огорода. Дальше Джура пошел один.

На главной улице остановил пустой грузовик:

— Дядя, вы из колхоза «Вперед»? Едете в горы, да?

Шофер, в замасленной одежде, с грязными руками и запыленным лицом, глянул раскосыми глазами, одним глазом на Джуру, другим в сторону, и пробормотал:

— Вот тебе на, интересный ты парень! Какое твое дело, куда мне надо — в горы или в сад?

— Извините, дядя, извините, — сказал покрасневший Джура.

— Еду в город. В город! — сказал шофер, откидывая назад пыльные, растрепавшиеся волосы, спадавшие ему на глаза, и, дав сильный газ, оставляя за собой облака дыма и пыли, двинулся вперед.

Джура призадумался, затем пошел к навесу, где стояли лошади. Конюх лежал на деревянном топчане с закрытыми глазами.

«Чудак, все спит. Очень хорошо, — обрадовался Джура. Но спит он чутко, если заметит, поднимет шум», — заколебался он. На цыпочках зашел он под большой навес. Там стояли три лошади. У одной оказались повреждены копыта. Лошадь председателя была слишком велика. Джура несколько мгновений с завистью смотрел на эту лошадь. За нею — трехлетний иноходец, на котором ездить начали недавно и с большой осторожностью. Джура остановился возле него, потихоньку погладил ему холку, затем осторожно отвязал, взнуздal и вывел во двор: он был уже у самых ворот, когда вдруг опомнился конюх:

— Эге, воришка, попался!

Он подбежал к Джуре и выхватил поводья.

— Мне, отец, председатель поручил одно важное дело. Я сейчас же вернусь.

— Ого! Председатель только что сам был здесь. Почему он ничего не сказал мне? — удивился конюх.

Джура вскочил в седло, взял у конюха поводья, слегка тронул коня камчой и поскакал.

По обе стороны дороги зеленели сады. Душистые персики, по сладости не уступающие меду, золотистые винные ягоды, поблескивающие на солнце, повисшие на гибких ветках гранаты...

Джура легко скакал по твердой проселочной дороге. Когда кончились сады, по обе стороны дороги показались высокие деревья. Топот и стук копыт коня звучали четко и ритмично. Джура держался в седле, гордо выпрямившись, но был озабочен.

Джура скакал, пока не перевалило далеко за полдень. Наконец он остановился в безлюдной степи, отпустил усталого, взмыленного коня пастись неподалеку от дороги, а сам прилег в тени одиноко растущего дерева. Он был голоден. Лежа с закрытыми глазами, Джура тяжело, порывисто дышал. Затем встал и взгляделся вдаль. Там, вдали, он разглядел чайхану, где однажды побывал. Собравшись было привязать коня к дереву, он увидел на дороге маленького, черного от загара паренька.

— Посмотри за лошадью, дружок, я сейчас приду, — попросил его Джура.

— Хорошо, только побыстрее, — ответил мальчик, с завистью разглядывая коня. — Какой красивый, резвый!

— Хорош? — спросил Джура гордо. — Но будь осторожен, смотри, чтоб не вырвался. Я скоро вернусь.

— Э, ухаживать за лошадьми у меня учитеьсь, — ответил черныш.

Джура, запыхавшись от быстрой ходьбы, остановился перед высокой, красивой чайханой.

— Салам алейкум, дядя, — обратился он к пожилому чайханщику.

— Откуда ты, сынок? Ты не похож на наших. Я что-то тебя не узнаю, — сказал чайханщик.

Джура улыбаясь ответил:

— Из «Богатыря», отец. Знаете нашего председателя, Мир-Хайдара?

— Э-э... — кряхтя, засмеялся чайханщик, — это мой близкий друг. Ваш бывший председатель совета урожайности Каримкул с ишаном заглянули ко мне, попили чаю и только недавно поехали в степь. Каримкул тоже мой близкий друг.

— Да, я еду за ними, — сказал Джура. — Отец, нет ли у вас хлеба?

Чайханщик, открывая ящик, сказал:

— Слишком черствый, засохший.

— Ладно, ладно, мой желудок сейчас переварит даже камень, — ответил Джура, беря у него кусок хлеба, и опять спросил: — А нет ли у вас инжира, отец?

— Если хочешь инжира, идем в сад, там наеьсья вдоволь. Но до сада далекоовато, — ответил, словно извиняясь, чайханщик.

— Нет, отец, спасибо, у меня нет времени, — сказал Джура и, не обращая внимания на протесты старика,

сунул ему в руку деньги и убежал. Он на ходу грыз ломтик черствого хлеба. Проголодавшемуся Джуре этот хлеб показался очень вкусным.

Мальчик, приговаривая «так-так», «мо-мо», кружился возле коня, опасаясь подойти поближе. Конь, не обращая на него никакого внимания, не отрывал голову от травы.

— Дружок, — сказал подошедший Джуре, — что это ты зовешь его «мо-мо», теленок это, что ли, перед тобой не простой конь, а царь всех коней! Чтоб справиться с лошадыю, нужно иметь отважное сердце... а ты еще, видно, слабоват.

Мальчик покраснел, но постарался сохранить достоинство.

— Очень люблю лошадей, это я из осторожности, а не от страха... — ответил он важно и деловито.

Джуре сел, но посмотрел на солнце и вскочил. Торопясь, он взнуздal коня.

— Пусть бедняжка насытится, он еще голоден, — говорил мальчик.

— Э, дружок, у меня нет времени. Ехать мне еще далеко, — он встал на пень от сгнившей орешины и, легко вскочив на коня, крепко сел в седло.

— Оказывается, ты хороший наездник! — с искрящимися глазами заметил мальчик.

— Будь здоров, дружок! — И Джуре, ударив коня камчой, помчался, как ветер. Позади остались хлопковые поля. Теперь потянулась каменисто-песчаная дорога. Казались близкими широкие подножия величественных гор.

Ледяные, прозрачные, бурлящие ручьи шумели. Брызги жемчужных капель взлетали между камнями, а поток стремился вниз. Дорога извивалась, словно змея, тропинка вводила Джуре все выше и выше. По вершинам гор лениво ползли густые облака... Вечерело. В горах не успеешь оглянуться, как ночной шатер тьмы покроеет округу. Джуре, заметив первые признаки наступающего вечера, тревожно огляделся вокруг. Он выехал налегке, ничего не захватив из теплой одежды, а уже холодало. Он ударил коня камчой.

Последние лучи солнца уже угасали, когда Джуре добрался до чабанов и остановился.

— Э, не уставать вам, не уставать, молодец! — сказали чабаны, окружив Джуре.

Соскочив с коня, Джуре поздоровался со всеми, привязал коня к колышку, любовно погладил его и отпустил подругу.

— Ну как? — спросил старик-чабан у Джуры, — все ли в порядке?

— В кишлаке все в порядке. Хлопчатник раскрывается, с треском лопаются коробочки. Отец-председатель сказал: «Поезжай, светик мой, прогуляйся». Вот я и приехал, — улыбаясь ответил Джура.

— Хорошо, хорошо. В горах у нас привольно, воздух в тело впитывается, словно масло, — сказал один из чабанов.

— Молока и сметаны вдоволь. Кумыса пей сколько хочешь. Порезвись, погуляй, погости у киргизов, они народ гостеприимный, добрый народ, — сказал старик и, взглянув на Джуру, заторопился: — Э, ты ведь озяб. Иди в юрту, иди, иди! Дайте-ка ему скорее тулуп, — приказал он молодому чабану.

Закутавшись в широкий тулуп, Джура сел в глубине юрты.

— Вай-бой, как хорошо в тулупе, как бы я не растаял от тепла, — засмеялся он, наслаждаясь после горной прохлады приятным теплом.

Старик, посуетившись возле котла, в глиняной чашке принес ему шурпу, дал кусок хлеба.

— Бери, сынок, бери! Еда — дрова для тепла: человек едой обогревается. У меня найдется и конская колбаса. Отведай-ка! — Не дожидаясь ответа, старик вытащил из-под опрокинутой чашки кусок твердой колбасы и склонился, разрезая ее ломтиками.

— Э, отец! Кто же отказывается от такого угощения! — шутил Джура.

— Молодец, молодец! — ласково глядя на мальчика, закричал старик.

Выпив после обеда несколько чашек горячего чая, Джура заговорил со стариком о колхозных делах, о баранах и ягнятах. В разговоре Джура спросил:

— А Каримкул не приезжал, отец?

— Приехал, сынок. Пожалуй, скоро придет, он где-то здесь, — ответил старик.

Джура промолчал.

Когда кругом воцарилась тьма, приподняв кошму, в юрту вошел Каримкул.

— Э-э, — произнес он, увидев Джуру. — Откуда ты взялся? — В голосе его сквозило настороженное удивление.

— Приехал погулять, посмотреть на горы, на баранов, на ягнят, — спокойно отозвался Джура.

— Самая хорошая пора. Сейчас такое время, когда бараны налились жиром, — сказал Каримкул. — Погуляй дней пять-десять, воздух здесь хороший, мяса вволю, кумыса вдосталь. — Каримкул быстро собрал свои вещи и ушел в другую юрту. Затихли разговоры и смех молодых чабанов — они тоже ушли.

Джура, накинув на плечи тулуп, вышел. Дул холодный ветер. Высокие острые вершины гор высились гордо и величественно и казались таинственными. Луна, тесно окруженная сияющими звездами, медленно плыла среди рваных облаков, то показываясь, то скрываясь.

Джура расседлал коня и, отпуская его пастись, растегнул уздечку, а сам заглянул во вторую юрту. В юрте было темно, даже трудно было разглядеть, спит или еще не спит Каримкул.

Джура пошел к себе и в лунном свете увидел вдали стадо баранов. У него мелькнуло желание пройтись туда, но тропинки вокруг юрты были неровными, то обрывались над рытвинами, то круто поднимались на скользкие камни. Он вернулся в свою юрту, закутался в тулуп и, не прошло много времени, как уставший за день, крепко уснул.

* * *

Когда Джура проснулся, солнце только что выглянуло из-за гор. Он вскочил и, еще полусонный, побежал во вторую юрту повидать Каримкула.

Кроме старика, над чем-то копошившегося, там никого не было.

— Что ты так рано проснулся? Иди поспи еще, ты ведь, небось, еще не отдохнул после долгой дороги? Иди, дитя мое, иди, — заботливо сказал старик.

— Не знаете, дядя Каримкул ушел к стадам? — спросил Джура.

— Что ты говоришь? Иди вон умойся, выпей горячего молока.

— Спасибо, отец. Куда же ушел дядюшка Каримкул?

— Он еще перед рассветом отправился. А у тебя дело, что ли, к нему?

— Ох, он взял баранов? Не знаете? — торопливо спросил Джура.

— Не знаю, может, взял, а может, не взял — об этом чабаны знают, — безучастно ответил старик.

Джура торопливо кинулся к коню, быстро оседлал

его и, произнеся «эх», крепко сел в седло и погнал коня. Отъехав довольно далеко от юрт, он встретил чабана. Крепкий здоровый парень лет тридцати, с мозолистыми руками, опутив до широких густых бровей войлочную шапку, шел навстречу Джуре, приветливо улыбаясь большими искрящимися глазами.

— Дядя, вы не видели Каримкула? — с тревогой и нетерпением спросил Джура.

— Он на рассвете уехал. Зачем он тебе? — заинтересовался джигит, глядя на Джуру.

— Он погнал баранов? Сколько он взял баранов? — поспешно спросил Джура.

— Возможно, и взял. Я слышал, как вечером он говорил, что у него здесь есть с десяток баранов, — не спеша ответил чабан, удивляясь любопытству Джуры. — Зачем тебе, мальчик, дядюшка Каримкул? Зачем тебе бараны, браток? Что тебе за дело до баранов? Выспись хорошенько да погуляй на зеленых полянках. Насладись чистым воздухом, запахами цветов, ведь от их благоухания опьянеть можно!.. Погляди-ка, сколько тут всяких птиц, — вон полюбуйся на того орла!..

«Что я тебе, ребенок, что ли?» — сердито подумал Джура, но, не подавая виду, поднял голову вверх, где медленно кружил беркут. «Обязательно найду, поймаю!» — решил он и поскакал вперед.

Кругом было тихо, безлюдно, слышалось только цоканье конских копыт... Джура, устав от долгой скачки, решил и сам отдохнуть и коню дать отдых. Голодный, усталый, он, нахмурив брови, вглядывался вдаль. Вдали он заметил двух всадников. Джуре не терпелось, чтобы они скорее подъехали, но они не приближались, казалось, они не едут, а топчутся на одном месте.

— Ээ! — произнес Джура. — Ведь это Уктам-ака и прославленная Камиля-хон. Полюбуйтесь-ка на их прогулочку! Выбрали время! — В его голосе прозвучала укоризна.

Уктам и Камиля ехали не спеша, низко опустив поводья. Когда они приблизились, Джура вскочил и, выбежав навстречу Уктаму, поздоровался.

— А, Джура! — улыбнулся Уктам, но, взглянув на коня Джуры, стоящего у края дороги, облизывающего мундштук, серьезно спросил: — Что тебя занесло в такую даль? Что ты тут разъезжаешь? А лошадь? Как будто в порядке...

Джура, занкаясь и торопясь, рассказал о своих по-

дозрениях. Уктам на мгновение задумался. Камиля слушала со вниманием.

— Сколько, ты сказал, баранов? — спросила она у Джуры, нахмутив красивые брови.

— Я не смог установить точно.

— Но человек он очень хитрый, бессовестный. Возможно, у него там и была пара баранов, но к одному своему он не упустит случая прихватить десяток колхозных, — заметил Уктам.

Джура настойчиво сказал:

— Надо их захватить, каждая минута дорога, дядя Уктам. Мне кажется, что он угнал десять-пятнадцать баранов. Повадки и секреты их всех у меня как на ладони!

Уктам и Камиля весело рассмеялись над словами Джуры.

— Если он нечестный, подлый, не надо терять времени. Надо принять меры, — строго сказала Камиля.

Джура признательно посмотрел на девушку. Он мысленно простил ей несвоевременную прогулку с Уктамом.

— Ты, Джура, по этой дороге скачи скорей в кишлак. Возможно, он махнул другим путем, чтобы запутать следы. Мы ведь его не встретили, поэтому мы сейчас завернем налево. От нас он не спрячется! — сказал Уктам.

...Каримкул и Саид Куддусхан встретились в назначенном месте и сообща погнали баранов дальше. Солнце поднялось высоко и нагрело землю.

— Твари божьи, как налились жиром, еле двигаются! — радовался ишан, каблуками понукая осла. — Только жаль, что маловато их у вас.

Словно набитый мешок, тяжело покачивался Каримкул на своей лошади. Выплюнув жевательный табак, он ухмыльнулся:

— Аппетит у меня волчий; бросает он меня в огонь. Вы смекайте, как бы нам благополучно переварить это. Думается, у них нет ни костей, ни мяса, будто в них один только жир! — И озабоченно добавил: — Надо непременно поспеть к утреннему базару, поскорее от них отделяться.

Ишан бдительно следил, чтобы стадо не разбежалось, хлопотливо сгонял тех, что отбивались от остальных. Задыхаясь от волнения, он высоко над собой поднимал длинную толстую палку.

— Эй, негодяй, куда лезешь? Бе-бе-бе! — кричал он,

Каримкул, резко выговаривая слова, сердито говорил:

— Вечером вдруг откуда ни возьмись появился Джура. Если узнает о вас, наделает шуму, лоботряс, испортит нам все дело.

Покряхтывая, ишан засмеялся:

— Истинный лоботряс. Да вы не беспокойтесь, я был далеко, он меня не заметил.

— Ох, достопочтенный ишан, своим можно считать только то, что ты проглотил, а что еще жуешь или ко рту несешь, то может и сорваться!

Когда они доехали до большой чинары, решили немного отдохнуть и дать передышку баранам, пустиг их попасться. Ишан устал больше приятеля.

Каримкул достал из мешка хлеб, топленое масло. Разломал лепешку на мелкие ломтики.

— Вот это да! Ай-ай, как вкусно. Хлеб и рассыпчатое, подобное золоту, топленое масло, — радовался ишан. — Какая прелесть, какая прелесть! — покряхтывая, посмеиваясь, он торопливо толкал себе в рот ломтики лепешки. — Но было бы совсем замечательно, если бы к этому добавить по пиалушечке горячего, крепкого чая!

— Поедим хлеба с маслом, выпьем водички. Вот здесь, словно волшебный, бьет источник.

Говоря о том о сем, они съели хлеб, напились воды.

— Слава аллаху, — произнес, икнув, ишан. — Дай бог, чтобы завтра на базаре выгодно продать баранов. Дай вам бог долголетия, дорогой брат, дай вам бог богатства. Во имя Мухаммеда, пророка нашего, раздобритесь, преподнесите вашему покорному слуге кауши, ичиги и халат. Дай бог, чтобы вы всегда были на высоте положения!

Каримкул после долгого молчания пробормотал:

— Посмотрим... Там видно будет.

С трудом поднявшись, устало взгромоздились они один на осла, другой на лошадь и, покрякивая на баранов «чув-чув», вышли на дорогу. Тут вдруг появились перед ними Уктам и Камля. Одежда их и они сами были запылены, лошади под ними взмылены. Бывший председатель совета урожайности и ишан побледнели. Каримкул опомнился первым. Приблизившись к Камиле, стараясь придать твердость своему голосу, он произнес:

— Ассалам алейкум!

Затем, протягивая кончики пальцев, поздоровался с Уктамом.

— Понемногу баранов сгоняем с гор. — Заставляя себя улыбаться, Каримкул бросил взгляд сначала на Камилю, потом на Уктама. — Путь-дорога вам. В горы собрались? Что-то вас совсем не видно? Как ваш хлопчатник? — спросил он у Камили.

— Неплохо. Баранов на базар? — неожиданно спросила Камиля.

— В запасе было около десятка. Дети, расходы, а никаких приходов. Решил вывести на базар, — придавая разговору шутливый характер, ответил Каримкул.

— Гоните их прямо в кишлак, — твердо и категорически сказал Уктам. — Ваши ли это бараны, народное ли добро, разберемся. Выясним, чьи они.

Каримкул, весь покраснев, крикнул:

— Они мои. Какое тебе дело до чужого добра? — И кинулся пинать и хлестать камчой баранов. — Нашелся начальник, сами мы тебя вырастили на свою голову. Кем ты был, что теперь зазнаешься? Ведешь себя, будто ты хозяин всему колхозу, бесстыдник! Ты еще зелен, погоди, созреешь — по-другому заговоришь. Ты не очень-то... — разбушевался бывший председатель совета урожайности.

Камиля стояла словно вкопанная, но вскоре строго произнесла:

— Не следует горячиться. Если вы правы, никто не тронет вас, а если неправы — получите по заслугам.

— Что с вами? Я ведь ничего плохого не сказал вам, — спокойно и вежливо ответил Уктам Каримкулу. — Если вы правы, если бараны ваши, никто их не возьмет, разберемся, и только. Но вести себя вам надо прилично, дядюшка Каримкул. Стыдно вам кричать! — И с досадой объяснил Камиле: — Если ему правду говорят — ругается, а если будешь льстить — он тебя похвалит.

Каримкул отвернулся. Но ишан, покорно скрестив руки на груди, заговорил крстко и простительно:

— Дорогие друзья, ваш бедный слуга собирался с Каримкулом на базар, намеревались кое-что необходимое приобрести. Во имя великого аллаха, бараны принадлежат уважаемому Каримкулу, вы заблуждаетесь, вот между вами и началась неразбериха. Простите, пожалуйста. Вы требуете, чтобы баранов мы пригнали в кишлак? Пойдемте, Каримкул-ака, пусть Уктамджан поедет в горы, выяснит там все.

— Это, почтенный, моя собственность, истину говорю, — ответил огорченный Каримкул.

Камиля и Уктам о чем-то пошептались.

— Дядя Каримкул, гоните-ка их сейчас в кишлак. Право, вам не на что обижаться, — сказала Камиля.

Каримкул с трудом согласился, повернул и медленно погнался баранов в сторону кишлака.

* * *

То, что Джура встретил Уктама и Камилю вместе, было не случайным. Накануне, после заседания райкома, они долго гуляли в садике, беседа.

Вдруг Камиля, засмеявшись, остановилась.

— Завтра рано утром я собираюсь в горы. Надо посмотреть овец. Не хотите ли поехать со мной?

— Дел у меня много, — ответил, призадумавшись, Уктам. — Ладно, возьму разрешение у председателя и поеду, — добавил решительно. — Обязательно поеду! Отлично прогуляемся.

Камиля обрадовалась, но лицо ее всегда казалось строгим, она сумела и на этот раз скрыть от Уктама свои чувства.

Сегодня утром, оседлав лошадей, они отправились в путь.

— Долгое время я присматривалась к вам, — говорила Камиля. — Хороший вы человек, упрямый, горячий. Это прекрасные качества.

— Ого! Вы меня расхвалили. Не переоценили ли вы меня? Вот вы — настоящий знаток дела. Среди женщин и девушек я еще не встречал подобной вам. Вы и в хлопчатнике отлично разбираетесь, и строительное дело отлично знаете, и с людьми умеет обращаться, и рассудительны... У вас много замечательных качеств.

Уктам, переполненный нежностью к ней, хотел поцеловать девушку, но не решился.

— Вы меня превознесли до небес, однако щедры же вы на похвалы. Сама знаю, не так-то я опытна, многого еще не понимаю.

Время от времени Уктам подъезжал ближе к Камиле, наклонялся к ней, напевал ей песенки, запомнившиеся ему с детства, народные частушки. Камиля смеялась.

Вскоре после встречи с Каримкулом они добрались до места. Здесь паслись бараны колхоза «Эльбад». Радостно встретили их чабаны. Один взял за повод лошадь Камили, другой кинулся к Уктаму.

Поговорив с каждым из чабанов, спросив их о здоровье, о делах, о семье, Камиля попросила:

— Угостите-ка нас с дороги хорошим кумысом.

— Верно, пить очень хочется, — согласился Уктам.

— Есть, есть отличный кумыс! — захлопотал старый чабан и велел внуку: — Иди скорее. Неси!

Мальчик сбегал к юрте, принес полный кумыса кожаный бурдюк и две глиняные пиалы.

— Давайте поспорим, кто из нас больше выпьет! — подзадорила Камиля.

— Принимаю вызов!

Камиля пила кумыс с передышкой и, опорожнив первую чашку, увидела в руках Уктама уже пустую пиалу.

— Я сдаюсь. Вы выиграли, Уктам-ака. Раньше я легко пила кумыс, сейчас почему-то не могу.

— Неужели я один должен допить весь этот бурдюк?! Все расхотались.

Уктам, выпив еще чашку, возвратил ее старику:

— Очень крепкий, вкусный кумыс. Хватит, хватит, спасибо, отец.

Между Камилей и старым чабаном завязался разговор. Уктам пошутил с молодежью. Затем он вдруг подошел к своей лошади и, вскочив на нее, сказал Камиле:

— Поеду к своим чабанам, узнаю, каким образом Каримкул взял баранов.

Уктам уехал.

Прищурив умные глаза, старый чабан сказал ему вслед:

— Да, доченька, прекрасный это парень, решительный, деловой. Держи его, Камиля, не упускай. Он достоин того.

Все чабаны рассмеялись, единодушно соглашаясь со стариком:

— Верно, верно!..

Камиля вспыхнула от смущения, но попыталась скрыть это.

— Как говорят, всем найдется пара. Мне тоже найдется кто-нибудь, — ответила она и поспешила к родничку. Она зачерпнула пригоршней воду, освежила лицо и пошла дальше.

Трава вокруг стояла густая и сочная. Нежные, хрупкие цветы сверкали в солнечных лучах. Камиля видела это с особой ясностью, ибо ее сердце было полно любви.

Взволнованная окружающей красотой, она долго бродила одна, признаваясь сама себе, что полюбила Уктама. Она нарвала много цветов и, уткнув в них лицо, долго и глубоко вдыхала их запах. Сердце ее билось от большого, радостного чувства, но она все еще упрямылась: «Однако... Кто его знает!..» — говорила она себе.

— Какие горы вокруг вас. А воздух, а ветерок душу радуют! — сказала она чабанам, вернувшись.

Чабаны, сидевшие в кругу, пожаловались на свои заботы.

Старый, морщинистый чабан, с лицом, обрамленным редкой бородкой, сказал:

— Эх, Камия! Ремесло чабана — трудное. Овцы подобны детям. Им нужны забота, уход. Бураны и ливни в горах, бури и вихри, сколько всяких неожиданностей. А самое страшное для чабанов — волки. Всегда приходится нам быть начеку. Чуть зазеваешься — баста!

Другие чабаны рассказали Камиле то, что тревожило их.

Камия обещала сразу же, приехав в колхоз, выполнить их просьбы.

Камия и чабаны долго бродили, осматривая овец, обсуждали предстоящие дела.

Девушка вернулась в юрту усталой, но была довольна. Овцы оказались упитанными: чабаны относились к своему делу добросовестно.

Вечерело.

Камия, проголодавшись, только было принялась за шурпу, когда вернулся Уктам. Услышав топот коня и голос Уктама, Камия выронила ложку и выбежала Уктому навстречу.

Уктам, привязав лошадь, мыл руки. Камия вынесла ему полотенце.

— Почему долго не возвращались? Выяснили?

— Сначала надо закусить. Потом расскажу.

Чабаны посадили его на почетное место.

Пили чай из большого кумгана. Люди, увлеченные разговором, не торопились расходиться.

Когда Уктам и Камия остались одни, он рассказал ей, что Каримкул в прошлом году пригнал в стадо тоншего барашка и козленка, а теперь обманул чабанов и отобрал десять крупных баранов.

Наступил вечер. Ветер усилился. Над горами плыли черные, густые тучи, они казались зловещими.

— Надо ехать. Погода начинает портиться, — сказала Камиля, поглядывая на горы.

Чабаны привели им лошадей.

Ехали они до полуночи. Камиля устала, но Уктам был счастлив, чувствуя, что эта поездка их еще больше сблизила, что дружба их укрепилась.

Подъезжая к «Эльбаду», Камиля вдруг сказала:

— До свиданья, спасибо! Приходите к нам почаще.

— Я вас провожу до «Эльбада».

— Нет. Пусть лучше никто не видит нас. До свиданья. — И она погнала коня.

Уктам, увлеченный мыслями о Камиле, медленно въехал в свой кишлак. Было тихо на безлюдной улице. Лишь чайханщик суетился, стеля себе постель.

Когда Уктам добрался до конюшни, неожиданно появился Джура:

— Дядя Уктам, бараны здесь. Каримкул ворчит: «Бараны мон. Зря, мол, вы шумите. За это вас проберут».

Уктам, привязывая коня, полюбопытствовал:

— А ты что здесь делаешь так поздно? Иди спать.

— Я ждал вас.

Уктам рассмеялся:

— Будь спокоен, иди спать!

Джура исчез в темноте.

Уктам неторопливо пошел домой.

Рано утром мать разбудила Уктама:

— Вставай, сынок. Ты просил поднять тебя пораньше. Вставай! Чай тебе готов: а я ухожу в поле. Смотри не проспи.

Еще не совсем проснувшись, Уктам соскочил с постели; широко вытянув руки, потянулся.

— Сынок, покушай сметаны, а не то весь день будешь ходить голодным, — сказала старушка и ушла.

Мысли Уктама были заняты Камилей. Он улыбнулся.

После нескольких глотков зеленого чая он поспешил в правление. Председатель уже пришел.

— Слышали? — спросил Уктам Мир-Хайдара.

— О чем? — удивился председатель.

Уктам подробно рассказал, как Джура поехал вслед за Каримкулом и ишаном в горы, как Каримкул вместо одного барашка и козленка забрал десяток упитанных баранов.

— Молодец, Джура! Сообразительный джигит! Да... — погладил бороду председатель. — Вот до чего обнаглед

Каримкул! Соберем заседание, пусть за свои поступки отвечает перед народом.

Председатель покраснел от гнева, посидел, нахмурив брови, затем, резко поднявшись с места, сказал:

— Идем на хлопковое поле.

ХЛНН

Над придорожными деревьями сияло солнце осеннего полдня.

Камиля Салимова возвращалась с полей, куда ходила с парторгом и председателем совета урожайности. Прошло тридцать пять дней с начала уборочной, а дел и трудностей не убывало.

Она шла по дороге, поглядывая на возчиков, шоферов, погонщиков.

Все они двигались к городу, сосредоточенные, торопливые, везя хлопок.

Камилю встревожило письмо брата. Он ей писал из Ташкента, что здоровье матери хотя и не ухудшается, но болезнь не поддается лечению.

Мать нетерпеливо ждала Камилю. Но как могла председательница в эту пору покинуть колхоз и уехать в Ташкент?

Надо было изыскать все способы и средства, чтобы ускорить уборку. Вдруг начнутся холода или дожди!

Эти раздумья волновали Камилю.

Когда она, опустив голову, подходила к правлению, ее вдруг неожиданно окликнул знакомый голос:

— Здравствуйте!

Камиля испуганно оглянулась. По другую сторону цветника появился на коне Уктам и, не сходя с седла, смотрел на нее, улыбаясь.

Зардевшись, Камиля пошла к нему навстречу:

— Добро пожаловать!

Прежде чем она подошла, Уктам спешился. Он несколько раз пожал ей руку:

— Как живете? Как у вас дела? Все у вас благополучно?

Они присели на скамью в цветнике.

— Как это вы к нам собрались? Откуда вы?

— Я из района. Дел у нас, сами понимаете, много. Потому и не мог к вам собраться. А тут у перекрестка конь мой сам повернул в вашу сторону. Не буду же я

его сбивать с дороги, когда в ту же сторону и душа рвется.

Камиля опустила глаза:

— Вы, значит, из района? Как товарищ Сайрамов?

— Железный человек. Он сейчас занят отстающими колхозами. Они ведь тянут весь район вниз. А вы похудели.

Он не сводил глаз с ее усталого, побледневшего лица. Она взглянула на него и улыбнулась:

— Вы тоже.

Они помолчали, разглядывая песок дорожки.

Камиля, наконец, вскинула тонкие, черные брови и встала:

— Пойдемте к нам.

Он говорил, что не хочет отнимать у нее драгоценного времени, когда так нужна каждая минута, не смеет ей мешать, но охотно и торопливо шел за ней следом.

— Сейчас обеденный перерыв. Сейчас все колхозники обедают и отдыхают! — успокаивала его Камиля.

Засунув плетку за голенище, подтянув ремень, он пошел рядом с ней. Оба были рады той встрече, оба были рады идти вместе мимо чистеньких новых домов, мимо раскрытых калиток, за которыми зеленеют уютные, просторные дворы колхозников.

Он спросил ее о каком-то строящемся здании. Она ответила и тоже заинтересовалась:

— Ну как, достроили вы у себя птицеферму?

— Крышу сделали. Для достройки не хватает тесу. Может быть, вы нам поможете?

— Это вы летом снегу захотели. Откуда у нас тес? Но зимой достанем.

С этими словами они вошли во двор Камили.

Ее двор очень понравился Уктаму. Он был зелен, и растения посажены не только удобно, но и с большим знанием — виноградник, плодовые деревья, цветы. Все вместе это соединялось одно с другим, как в большом благоуханном букете.

Плоды с деревьев были уже сняты, и лишь на нескольких кустах багровели огромные шары гранатов.

Камиля ввела Уктама в небольшую беленькую комнату, посадила его, а сама вышла, закрыв за собой дверь. Вскоре она возвратилась, усев причесать волосы и погреть голову пестренькой, вышитой по ташкентской моде тюбетейкой.

— Не соскучились?

— В этой комнате отлично, все время чувствуешь, что вы где-то рядом.

— Вы сами виноваты: обещали, что будем часто видеться, а на деле... Хорошо еще, что конь ваш сюда свернул.

— Правда, я виноват. Но ведь и у себя я постоянно думаю об «Эльбаде». Я, может быть, и работал бы хуже, если б в душе не соревновался с вами.

— Со мной?

— Да, мне хочется все делать так, чтобы вы не смогли меня упрекнуть, чтоб у меня это было не хуже, чем у вас. Я, право, не знаю, как вам это объяснить, Камиля, но это так. Если б можно было, я бы каждый день к вам ездил сюда, в «Эльбад». Но ведь неловко как-то. Люди бывают всякие, невесть что начнут говорить.

— Это верно. Приходится думать, прежде чем шаг ступить. Но если совесть чиста, а желания искренни... Чего ж нам бояться?

От этих слов сердце Уктама облилось горячей волной счастья. Он встал. Прошелся по комнате. Поблуднев, сказал:

— Я очень истосковался по вас, Камиля.

Она молча опустила голову. Он несмело положил руки ей на плечи и порывисто прижал ее к себе.

Она замерла, и они долго стояли так, притихшие, и оба слышали только, как согласно бились их сердца.

Встрепенувшись, Камиля вырвалась из его рук и побежала.

Уктам сел.

«Не обидел ли я ее?»

Но она вскоре вернулась. Лицо ее сияло. Она подошла к нему и доверчиво поставила перед ним поднос сладостей.

Он взглянул на нее виновато, вопрошающе, горячо. И улыбнулся. Она ответила ему такой же улыбкой.

Сидя за угощением, они разговаривали о многом, избегая говорить лишь о себе и о своем чувстве. Говорили о председателе одного из соседних колхозов.

— Разоблачили его наконец. Теперь все его сторонятся, как чесоточной кошки. Все зло было в том, что он загордился. С колхозниками стал груб. Бывало, сидит на совещании и только покручивает свои усы. Никого кроме себя не признавал. А кокнули его — он и двух жен завел, и колхозное добро разбазаривал.

— Колхозная копейка остра. Рано или поздно она

прорежет глотку всякого, кто на нее польстится! Наш Мир-Хайдар так говорит.

Заговорили о Мир-Хайдаре. Уктам припоминал его изречения:

— Насчет чистой совести он вот что говорит: «У кого хлеб заработан честно, тот может есть его даже на улице».

Но о чем бы ни говорили они, каждая минута разговора казалась им счастливой и многозначительной, а каждое слово интересным и волнующим.

Глаза их искрились от нежности. Они брали друг друга за руки и сами не замечали этого. Головы их порой сближались и волосы соприкасались.

Камиля взяла пиалу остывшего чая и, выплеснув его, налила Уктаму горячего. Затем, незаметно взглянув на часы, огорчилась:

— Вы, может быть, из-за меня тратите попусту время?

Уктам растерялся:

— Не беспокойтесь об этом. Может быть, я у вас... Но я не могу уйти от вас так...

Лукаво прищурил глаза и повторил:

— Все равно я сейчас не уйду. Если сказать по совести, я так по вас соскучился, что не могу встать и уйти от вас... Сегодня даже на просторных наших полях мне было тесно без вас.

Камиля зарделась. Она попыталась его слова превратить в шутку и засмеялась, надменно передернув плечами. Но Уктам продолжал:

— Пет, правда, милая Камиля. Нам нельзя дальше так жить.

Брови Уктама строго и сосредоточенно сдвинулись. Вдумчиво глядя ей в глаза, он настаивал:

— Скажите, что нам мешает? Ведь все у нас зависит от сердца. Прислушайтесь к сердцу. Что оно вам скажет?..

Он склонился к ней ближе:

— Если не сможете сами того решить, может быть, с близкими людьми посоветуетесь?

Камиля гордо подняла голову:

— Я сама себе хозяйка! Я свободный человек!

Она опустила глаза.

— По правде говоря, и я о вас думаю. У меня тоже бьется сердце, но...

Уктам спросил нетерпеливо:

— Что же значит это «но»? Если б оно было даже камнем, попробуем его расколоть!

В это время во дворе раздался густой мужской голос:

— Камиля!

Она подошла к раскрытому во двор окну:

— Что тебе, Тургунбай?

— Председатель совета урожайности пришел в правление. И пастух вас там ждет.

— Иди садись с нами кушать.

— Спасибо.

На крыльце застучали тяжелые, твердые шаги.

В комнату вошел юноша, высокий, широкоплечий. Он поздоровался с Уктамом и сел рядом. На широком лице юноши, опушенном золотистой, еще не знавшей бритвы порослью, кое-где серебрились хлопковые волокна.

Камиля представила его:

— Один из наших лучших возчиков. Сидите здесь и кушайте. Я скоро вернусь.

— Может быть, мне тоже...

— Без плова я вас все равно не отпущу. Сидите.

Уктам уловил в ее словах дружескую бесцеремонность близкого человека и охотно подчинился ей. Он сидел, задумчиво пощелкивая ногтем по ппале, поглядывая на юношу, который ему понравился гордой осанкой, спокойной, приветливой улыбкой.

Вскоре они разговорились о перевозках, о транспорте.

— Дело у меня простое: мой мотор — добрый конь. Будешь держать коня в холе, он довезет тебя куда хочешь. Вы откуда сами?

— Из «Богатыря».

— Это у вас шофер-озорник?

— У нас! — засмеялся Уктам.

— Вы его образумьте. А не то мне придется им заняться.

— А что он натворил? Палку в колеса вставил?

— Хуже. Лихач. То навстречу нам летит, а перед самым носом свернет так, что чуть-чуть кузовом по оглоблям не стукнет. То сзади разгонится, обгоняет вприпирку, крылом по колесу норовит скользянуть. Или пылью нас засыпет. Это он выражает презрение современного транспорта к старинному. А ведь мы хоть и древней арбой управляем, но люди-то такие же советские, как и он сам.

— Я этого Эгамберды призову к порядку! — пообещал Уктам.

— На приемном пункте тоже нахальничает. Никакой очереди не признает. Всегда вперед лезет. И языкаст. Ему — слово, он тебе — десять. Обезьяна какая-то.

Вскоре Тургунбай встал — подошло время задать корм лошади. Когда он ушел, Уктам взял с этажерки свежие газеты и попытался читать их, но при каждом звуке женского голоса вздрагивал и прислушивался: не Камиля ли? Или читал, а думал совсем о другом, — его переполняли светлые мечты, резкие смены сомнений и счастья.

Он вышел во двор, где у kloкотавшего котла сидела седая старуха. Следя за очагом, она штопала мешки для сборщиков хлопка. Уктаму понравились ее маленькие, испещренные морщинами руки, с удивительной ловкостью владевшие шилом и шпагатом.

— О, вы, я вижу, большая мастерица, бабушка!

Старуха своими запавшими глазами оглядела Уктама с ног до головы и ласково ответила:

— Садись, сынок. Я с тобой потолкую. Вишь, дело-то какое: я для полевых работ стара. Хотела б со всеми вместе наравне поработать, да сил-то уж нету. Нету, будто их и не было. Что ж, мне без дела, что ли, сидеть? А? Скучно, дорогой, одной-то без работы сидеть! Делать ведь надо что-нибудь. Вот я и делаю, что могу. Ведь я колхозница. В целом мешке и хлопок цел будет. Что сохраню от потерь, то моим сбором будет. Посчитай, я кое-что и соберу, сидючи тут. Хлопок нам богатства дал, свет дал. Говорят, по проволоке к нам свет идет, из воды. Никак не пойму — ни в воде света нет, ни в проволоке. Откуда ж он берется?

Она опять поглядела на Уктама:

— Ты откуда взялся, сынок. Кто ты такой? Хлопковод, что ли? Видал, у нашей Камилы какой хлопок? Хорош? То-то! Она, может, в этом году в Москву будет писать: мол, слово выполнила, что обещано, то сдано. Будет писать? А?

— Непременно. Не может она не выполнить обещанного!

— То-то!

А худенькие, с синими прожилками руки по-прежнему легко и споро штопали мешки.

Она рассказала, что доводится Камиле теткой по отцу. Вспомнила старину. Вспомнила свою свекровь. И свекра. Рассказала о них так живо и ярко, что оба они встали как живые перед Уктамом, хотя времена, о

которых говорила старуха, казались Уктам сказочными, такими давними, словно никогда и не могло их быть.

Когда она поднялась, чтобы поправить дрова в очаге, Уктам вернулся в комнату, взял журналы и вдруг в одном из номеров «Огонька» увидел снимок во всю страницу. На бескрайнем, залитом солнцем поле, полным поспевшего хлопка, стояла и, улыбаясь, смотрела на Уктама сама Камиля. Рукава ее платья были засучены, а пальцы сжимали ослепительно белое волокно.

Уктам не мог оторвать глаз от ласковой и скромной улыбки, присущей только Камиле. Только ей одной!

Потом он внимательно прочитал посвященный ей очерк.

* * *

Камиля, закончив свои дела в правлении, торопилась домой, где Уктам, видно, уже заждался. Но вдруг она увидела девушку, которая шла, оглядываясь по сторонам. Камиля, пораженная, крикнула:

— Зайнаб!

Просняв, Зайнаб поставила чемоданчик прямо в дорожную пыль и кинулась к Камиле.

Оказалось, студенты медицинского института поехали в колхозы Ташкентской области помочь колхозникам в сборе хлопка, а Зайнаб решила прнехать сюда, к своей подруге.

— Да ты ли это? — все еще не верила глазам Камиле. — Ах ты, мой хлопковод!

— Попробую с тобой потягаться. Кто из нас победит?

— Ну, я вижу, с завтрашнего дня сбор хлопка по «Эльбаду» удвоится, — поддразнила ее Камиля. — Хотя бы телеграфировала, я бы тебя встретить выехала. Устала? От станции ведь далеко идти.

— Не хотелось тебя беспокоить. А со станции я доехала на арбе. Трудно ли найти дом столь знатной девушки!

Камиля, забрав чемодан подруги, повела ее домой.

Когда вошли во двор, Камиля попросила подругу идти бесшумно:

— Сейчас тебя удивлю.

Подойдя тихонько к двери, Камиля распахнула ее и толкнула Зайнаб в комнату.

— Узнаете вы эту барышню?

Уктам выронил журнал, вскочил и не находил слов, узнав Зайнаб. Поздоровался с ней как старый знакомый:

— Как поживают дядя и тетушка?

— Отец часто вас вспоминает, мама уезжает в Иваново — ее ивановские текстильщики пригласили.

— А эту вы видели, — показал Уктам портрет Камилли в журнале.

Зайнаб видела этот номер и раньше, но теперь она снова внимательно взгляделась в портрет.

Камиля хотела было отнять журнал, но Уктам ловко отвел ее руку.

Камиля сделала вид, что обижена его дерзким обращением, но никто не поверил ее нарочито нахмурившемуся лицу, и она, ласково взглянув на Уктама, погрозила ему пальцем.

Когда Зайнаб ушла помыться и почиститься с дороги, Камиля сказала:

— Какой у меня сегодня счастливый день! Неожиданно приехала самая близкая подруга! Такое совпадение!

— С чем совпадение?

— С вашим приездом.

— Значит, я тоже вам близкий друг?

— Близким стать непросто.

Уктам на мгновение задумался, ища слова, чтобы ответить Камиле. Но девушка уже вышла в другую комнату.

Уктам понял, что она не столько ответила, сколько спросила его и ждет ответа. Она и вышла затем, чтобы не мешать ему собраться с мыслями.

В окно он увидел, как она с большим пустым блюдом в руках пошла через двор к очагу.

Вскоре послышался смех и голоса обеих девушек и хриловатый басок старухи:

— Цып, цып, цып...

Куры побежали к старухе, а в комнату вошла Зайнаб с лицом, побелевшим от холодной воды.

Не успел Уктам спросить ее о Ташкенте, как Камиля внесла полное блюдо золотистого ферганского плова.

Уктам быстро и мелко нарезал мясо.

Посидев еще за веселым простым разговором, Уктам собрался домой.

— Если не побываете у нас в гостях, очень обижусь, Зайнаб. Имейте это в виду. С вами, может быть, и Камиля к нам решится приехать.

— Спасибо, Уктам! — ответила Зайнаб, неприметно взглянув на подругу.

Камиля проводила Уктама до калитки.

Когда он ушел, гда сердце у нее стало пусто, и в комнате она вернулась невеселая и растерянная. Камиля предложила подруге прилечь, а сама торопливо занялась уборкой.

Но Зайнаб достала из чемодана простые туфли:

— Я не отдыхать приехала. Не считать балки у тебя на потолке. В поле хочу! И немедленно.

Зайнаб повязала голову красной косынкой.

Камиля подумала, что воздух к вечеру посвежеет и девушке будет холодно. Она принесла ей свое старенькое пальто из черного драпа и, встряхнув, подала подруге. Затем сама повязала ей фартук.

— Вот теперь ты настоящая сборщица хлопка!

— Ты направь меня туда, где хлопок погуще. Чтобы успела побольше собрать. А то с непривычки опозорюсь перед колхозниками.

— Не беспокойся. Главное — верь в свои силы. Пойдем!

Выйдя за калитку, Камиля пошла так быстро, что Зайнаб трудно было за ней угнаться. Они свернули в переулок, и вдруг сразу, как море, перед Зайнаб раскинулось до самых дальних увалов сплошное хлопковое поле, полное созревших белых хлопьев, полное людей — мужчины в черных тубетейках и женщины в широких светлых платьях. Все были заняты уборкой, но с любопытством они поглядывали на незнакомую девушку, семенившую вслед за Камилей. С ними здоровались, а Зайнаб терялась, не зная, к ней или к Камиле относятся приветствия колхозников. Но все же тихим скромным голосом она отвечала на их приветия. Она спросила Камилю, показывая на сливающиеся с небом ряды хлопчатника:

— Когда ж ты успеешь все это собрать?

— Трудно, конечно. Но ведь ты же обещаешь нам помощь! К тому же Мир-Хайдар в «Богатыре» говорит: «Глаз робсеет, а руки выдержат». Ну, вот твой ряд. Давай посостязаемся.

Зайнаб, решительно засучив рукава, склонилась к кусту. Камиля показала ей, как одним движением руки вытягивать из коробочки весь хлопок без остатка.

Следя за ловкими, быстрыми, уверенными руками Камилли, Зайнаб начала подражать ей.

Но Камилю вскоре отозвали по каким-то делам, и она ушла, попросив Зайнаб пораньше вернуться домой и отдохнуть с дороги.

Дул осенний ветер, и в поле было свежо, но Зайнаб разгорячилась, ей было жарко.

По временам она разгибалась и поглаживала спину, но, взглянув на собранное волокно, снова торопливо склонялась к кустам: ей казалось, что собрала она до смешного мало, а отставать от других не хотелось.

Вскоре, не прерывая работы, она уже переговаривалась с ближайшими сборщиками. Кто-то угостил ее холодным чаем, кто-то — ломтиком дыни.

Юноши, работавшие на этом участке, обращались к ней почтительно, называли ее доктором. Зайнаб, всем своим девичьим сердцем чувствуя их расположение и уважение к себе, старалась быть со всеми такой же приветливой и на сборе не ударить лицом в грязь.

Когда спустились сумерки, Зайнаб собралась домой. Но с поля ушла позже всех.

Дома старуха попросила ее:

— Зажги-ка лампу-самосветку. Тронь вон ту мушку, она и вспыхнет. Сама я опасаясь, мушку эту в темноте не найдешь. А и найдешь — сам не рад! Из нее, говорят, иногда искры сыпятся.

Зайнаб включила свет:

— Ну вот, без всяких искорок.

— Хорошо, что обошлось. Смотрю на ясный свет и радуюсь: светлей, чем днем! Недаром говорят, что и в старости можно жить в сладости.

— Не жалко, бабушка, что старость подошла?

— Жизнь, дочка, протекла, как весенняя вода. Ни следа не осталось. Будто снилось. А помирать все равно нет настроения. Право.

Старуха сидела, сгорбившись, опершись на подушку. Поглядывала на девушку сверкающими из глубины морщин быстрыми пронизательными глазами: девушка нравилась ей.

Вскоре старуха, упершись руками в пол, с трудом поднялась, сгорбленная, бессильная. Но, едва став на ноги, распрямилась, гордо вскинула голову, и Зайнаб угадала в ее лице следы былой красоты, залюбовавшись независимой, смелой ее осанкой.

Такая же прямая, стройная, старуха вернулась, неся чай. Зайнаб сказала, что подождет Камилю, и старуха снова с трудом села, став опять горбатой, морщи-

нистой, оперлась о подушку, начала было спрашивать про далекий город Ташкент и вдруг умолкла.

Взглянув на нее, Зайнаб увидела, что старая крепко спит, заснув внезапно, словно сраженная стрелой.

Девушка почувствовала непроницаемую, бесконечную тишину вокруг. Лишь шелестел ветер листьями во дворе, да вдруг захлопнулся ставень.

Зайнаб вышла во двор, освещенный слабым светом месяца. По двору двигались смутные тени деревьев. Откуда-то издалека, с шоссе, доносился тяжелый гул грузовых машин. Где-то еще дальше, может быть, в соседнем колхозе, пела молодежь. Можно было разобрать слова знакомой песни.

Девушка хотела было пойти в правление или в чайхану, но улица была темна и еще не знакома. Она вернулась, достала «Анну Каренину» и пристроилась под лампой. Вскоре она забыла обо всем окружающем. Давняя жизнь захватила ее воображение. Она даже не заметила, как к ней подошел огромный пушистый кот и улегся у нее под боком.

Камиля вернулась поздно, после первых петухов.

— Соскучилась? Устала в поле? А если нет, сходи-ла бы в кино. Я, правда, забыла тебе сказать, что сегодня привезли новый фильм. У нас хороший клуб. Ну ничего, через три дня опять будет кино.

— А ты смотрела?

— У меня каждый вечер есть свое кино! Едва вы-бралась из сельсовета. С совещания. Лодырей прораба-тывали. Со сбором у нас еще не все хорошо. Мне тоже немного досталось. На обратном пути лошадь подо мной чего-то испугалась и понесла. Едва в овраг не свали-лась.

Зайнаб испугалась за подругу:

— Ой! Как же это ты?

Но Камиля беспечно махнула рукой:

— У нас такие приключения часты.

После ужина, забравшись под одеяла, подруги за-шептались о своих девичьих тайнах.

Зайнаб сказала, что Уктам достоин любви и что она одобряет выбор Камили.

Камиля сделала вид, что не понимает намека Зай-наб. Но Зайнаб лукаво усмехнулась:

— Зря ты притворяешься. В Ташкенте ты его пред-ставила как своего земляка. Но шила в мешке не ута-ишь!

Камиля виновато улыбнулась и промолчала.

Зайнаб настаивала:

— Он же любит тебя! А ты?

— Он сказал тебе что-нибудь, когда я выходила? Откуда ты знаешь?

— Вашу книгу любви я прочитала по вашим глазам еще в Ташкенте. Да и не я одна, мама тоже заметила и сказала: «Они влюблены друг в друга».

— Ты выдумываешь...

— Ничуть! А сегодня он, не отрываясь, смотрел на твой портрет, а когда журнал отложили, несколько раз поглядывал на него и вздыхал. А потом, — ты не видела, а я видела: он осторожно завернул журнал в газету и спрятал за пазуху. А когда понял, что я это заметила, у него даже волосы от стыда покраснели. Но он подмигнул мне: помалкивай, мол. А журнал все-таки увез! Это тебе не доказательство?

Камиля, заложив руки за голову, долго лежала молча. Наконец, вздохнув, призналась:

— Не знаю, что делать? Любовь, оказывается, несет с собой заботы и вопросы. Ведь у меня на плечах большой колхоз. Дела в нем не убывают, а растут. Колхоз растет, и работы прибавляется. Разве я могу из-за личных интересов бросить любимое дело? Как тут быть, не пойму. И без любви ведь не проживешь. Я то рвусь к нему всей душой, то боюсь, что вся жизнь запутается. Конечно, он мне нравится. Чего уж скрывать! Но мне еще узнать его надо. А как узнать? Надо, чтоб он вперед рвался к жизни, а не назад. А разве сразу разглядишь? Однажды я слышала мудрые слова от их председателя, от Мир-Хайдара: «Надо, девушки, не об одной весне думать, когда приходит любовь, а и о лете и об осени любви». Понимаешь?

— Понимаю. Вопрос серьезный, большой. Надо устраивать крепкую семью. Надо строить ее на доверии, на преданности. Надо по жизни идти рука об руку. А все начинается с этой любви, и Уктам мне кажется чело-вском достойным тебя.

Сомнения Камили таяли. Они тем легче уходили, что сама Камиля хотела этого. Она уже устала от долгих сомнений, пережитых молча, наедине с собой.

Она рассказала, как познакомилась с Уктамом, как с первой же встречи невольно задумалась о нем, как огнем запал он ей в душу, и огонь то разгорался, то ей удавалось заглушить его. Камиля поняла, что, если ей и уда-

ется временами заглушить его, она никогда не сможет погасить его. Как хочется ей видеть Уктама часто, постоянно около себя.

* * *

Уктам вернулся домой поздно.

Не слушая материнской воркотни, ушел к себе, достал журнал и, приблизив портрет Камилы к лампе, внимательно взгляделся в лицо любимой. В его сердце шевельнулась мужская гордость от мысли, что такую девушку он полюбил и что любим такой девушкой.

Ему хотелось показать матери этот портрет и гордо сказать: «Взгляни! Вот какая красавица станет твоей снохой. Одари меня за такую добрую весть!»

Но он смолчал. Тяжело вздохнул и подумал: «Ведь у нее еще есть недосказанное «но».

Он тщательно искал причин этого «но». Не мог найти. Все его сомнения, размышления, догадки ничего не прояснили в этом вопросе.

На другой день Уктам распределял горожан, приехавших помочь колхозу в сборе урожая, по бригадам.

В полдень полевой тропинкой он пошел в «Эльбад». По пути он несколько раз останавливался с сомнением: «А чем я ей объясню свой приход?»

Поколебавшись, он махнул рукой и остался, занявшись делами своего «Богатыря».

Но вечером сердце его опять беспокойно заняло. Он увидел Сабир, ехавшего с поля на велосипеде, и заговорил ему дорогу:

— Ну-ка, Сабир! Слезай долой, мне твой конь нужен.

— Нужен?

— Срочно.

— Пожалуйста! — растерялся Сабир и отдал ему велосипед.

Уктам тотчас вскочил на сиденье и помчался. Сабир, опомнившись, засмеялся и крикнул ему вслед:

— Держи вора!

А Уктам мчался, не оглядываясь.

В «Эльбаде» у ворот сада он неожиданно наткнулся на Камилу. Она не ждала его. Быстро справилась с гулко забившимся сердцем, взяла себя в руки и подумала: «Он, верно, явился по срочному делу».

Она остановилась, ожидая делового разговора.

Уктам вытер ладонью лоб, помялся, а потом сказал с виноватой улыбкой:

— Дело — повод, а встреча — цель...

И чтобы заговорить о чем-нибудь, поинтересовался:

— Ну как, испытали Зайнаб на уборке?

— Она молодец, молодец...

Уктам, оставив у ворот велосипед, пошел вслед за Камилей в сад.

Вечернее солнце озаряло осенний парк, и пожелтевшие листья пламенели на деревьях.

Молча побродив по безлюдному саду, по мягким коврам опавшей листвы, Камиля вдруг спросила:

— Куда-то девался журнал с моим портретом. Вы не видели?

Уктам засмеялся и отрицательно покачал головой.

Камиля настаивала:

— Ведь у меня это единственный экземпляр. Не жестоко ли отнимать его?

Уктам уловил в ее голосе обиду.

Он уже не мог скрывать накопившихся чувств. Сказал твердо:

— Ваш портрет цел, милая Камиля, он у своего хозяина.

Камиля с укором приподняла брови:

— У хозяйина? Ого!

Глядя ей в глаза, Уктам поправился:

— Ну, скажем, у товарища, у знакомого... Весь вечер я смотрел на ваш портрет и спрашивал: какие причины мешают вам отбросить «но». Так и не добился ответа. Устал и пришел к вам. Скажите лучше вы сами, что мешает нам, какое препятствие?

Камиля долго стояла молча, играя склонившимися к ее голове ветками.

А Уктам, глядя на нее, думал: «Какой, оказывается, это трудный вопрос!»

От этих мыслей сердце его упало.

Наконец Камиля прямо посмотрела ему в глаза:

— По совести говоря, трудно мне вам ответить. Подумайте сами... Что мне сказать? Как это решить?

И она отвернулась.

— Не понимаю, Камиля! В чем все-таки трудность? Ведь, как говорится, если такова судьба... Рано или поздно этот вопрос встанет перед каждой девушкой.

Она опять взглянула ему в глаза:

— Правильно. С этой стороны вопрос ясен. Тут пре-

пятствий нет. Допустим, сыграем свадьбу. Я перееду к вам домой. Все это, как в сказке и как бывает с каждой девушкой, — влюбленные достигают своего счастья. Так?

Уктам согласился:

— Коротко говоря, именно так.

И улыбнулся.

— Ну, дальше, дальше...

— Дальше? А мой колхоз? А мои строительные планы, планы благоустройства и расширения колхоза? — Конечно, на мое место найдется другой председатель — умный, дельный, трудолюбивый, знающий. Такого не столь уже трудно найти. А я? Ведь столько в эту землю вложено моих сил! Столько я здесь мечтала о будущем. Столько на будущее задумала дел... Народ наш относится ко мне, как к родной матери, с доверием. Могу ли я этим доверием не дорожить?

Уктам молчал, и голова его склонялась все ниже. Слушая, он лишь что-то беззвучно шептал про себя.

Камиля украдкой поглядывала на Уктама. Ей было жаль его до боли в сердце.

Они подошли к берегу чистого, прозрачного, как стекло, ленивого осеннего арыка.

Уктам, глядя на светлую, длинную ленту спокойной воды, утекавшей вдаль, в глубину сада, тихо сказал:

— Какой красивый арык!

Затем добавил:

— Понимаю. Вам трудно расстаться с такими чудесными местами. Вашего труда в это вложено много, Камиля. Понимаю...

Влюбленные тихо пошли обратно.

Уктам попросил извинить его и не пошел домой к Камиле. Он попросил передать Зайнаб привет и сел на велосипед.

С болью, с обидой Камиля осталась одна. Озадаченная и растерянная.

Уктам, никуда не сворачивая, прямо приехал в дом Сабира.

Сабир встрѣтил его, как желанного гостя.

— В «Эльбад» съездил? Почему так быстро? Не застал свою подружку? Не горюй, колхозники не сидят на месте. Надейся! Проходи, пожалуйста. Садись, потолкуем. Сегодня на хлопке хотел обогнать девушек, измучился до черта, а толку — никакого.

Уктам, сев на террасе, прислонился спиной к прохладной стене и попросил у Сабира папироску.

Мать Сабира зажгла им лампу, принесла большой чайник чаю и ушла доить корову. Они остались вдвоем.

Сабир спросил уже серьезно:

— Что случилось? Опять ты что-то невесел.

Уктам, то затягиваясь дымом, то попивая чай, подробно рассказал обо всем.

Сабир, по-стариковски покачивая головой, долго молчал, сокрушенно слушая грустный рассказ друга.

Наконец решительно ударил ладонью по колену.

— Она, однако, горда, твоя Камиля. Стесняется перейти в твой дом. Какие пошли девушки! А?

— Да. Таковы дела, Сабир-богатырь. Не знаю, что теперь делать.

Сабир, пряча улыбку под усы, воскликнул:

— Мне понятна ее затея! Ладно! Если уж так, мы выдадим тебя, как невесту, к ней, в «Эльбад».

Слова Сабира рассердили Уктам:

— Хватит! У меня тоже есть гордость.

Наступила тишина.

Наконец Сабир сказал с облегчением:

— Стой! А что если мы попросим нашего председателя уладить ваше дело? Ты же знаешь: Мир-Хайдар может словами расплавить любое сердце. В этом нет ему равного. Как бы ни была упряма твоя Камиля, наш председатель сумеет сломить ее.

Уктам безнадежно махнул рукой.

XXIV

Уже пятьдесят дней продолжался сбор хлопка. Но все новые и новые коробочки, созрев, лопались, и серебристо-белые волокна свисали над жесткой, потемневшей листвой кустов.

Звено Тансык, дорожа каждым часом благоприятной погоды, работало до сумерек.

Мимо, распевая под гармонику узбекские и русские песни, прошли со сбора ферганские студенты, приехавшие сюда помогать колхозникам. А девушки продолжали работать.

По сбору девичье звено шло наравне со звеном Усарджана. Но по урожаю звено Тансык опередило всех. По ее расчетам они дали уже по семьдесят шесть центнеров с гектара. В «Богатыре» еще ни разу никто не достигал таких успехов. В поле стояло еще много раскрыв-

шегоса хлопка, ожидавшего сборщиков. Но еще больше коробочек должно было раскрыться в ближайшие дни. Едва пройдет звено по рядам, оглянется, а позади уже снова столько же пушистых комьев белеет на кустах.

Накануне Мир-Хайдар долго смотрел на их поле и удивлялся:

— Счастливые у вас руки, детки! Такого урожая я, старик, никогда не видел. Когда на ваше поле смотрел, думал: от силы восемьдесят центнеров соберут с гектара. Ошибся, оказывается! Молодцы, дочери! Молодцы! Земля — мать урожая, но отец урожая — труд.

Смеркалось.

Вздрагивая от вечерней прохлады, Тансык застегнула ворот рабочей куртки и огляделась: Хакима с Дильшад набивали хлопком мешки, чтобы отправить их на сушилку. Анзират с Анархон собирали хлопок на дальнем конце поля, и в сумраке узнать их можно было лишь по платкам, желтому и голубому.

Подошел Усарджан в колпаке набекрень.

— Почтение комсомолкам-сотенницам! Помогите советом.

— Каким именно? — с любезной готовностью откликнулась Тансык.

— Не найдется ли у вас веревочки?

— Для чего вам?

— Да нам бы солнце надо привязать к горизонту, чтоб на ночь не убегало. А то не хватает дня для сбора.

— Веревочка у нас такая была, да вся вышла. А то бы не пожалели для общего дела. Это солнце за последние дни совсем обленилось: не успеет выйти на работу, как уже норовит удрать с небес. Это, говорят, осень на солнце так действует, оно, видите ли, утомилось за лето. И тем не менее, вас можно поздравить?

— Пожалуйста. Но с чем?

— Вы, говорят, сдержали слово. Дали по шестьдесят центнеров?

— А! Поздравьте. Но мы еще по восемь накинём.

— Можете накинуть больше. У вас хлопка еще много.

— Едва ли. Хвалиться нечем. А вот вами действительно можно гордиться. Умницы!

— Это нам вчера председатель сказал! В будущем, если поднажать, побольше ста дадим. Теперь борьба за каждый центнер пошла. Хлопка остается мало, собирать становится труднее. Да и насчет погоды уверенности все меньше. Пока держится, да надолго ли ее хватит? Но мы

и в непогоду под зонтики не попрячемся. Будем собирать, пока будет что брать.

— Если вам трудно станет, мы вам поможем.

— Не сомневаемся. Но рассчитывать надо все-таки прежде на себя, а уж потом — на друзей.

Подошла Анархон. Ее лицо покраснело от холодного ветра. Она сказала, что уходит, потому что хочет съездить в город к сестре.

Усарджан пожалел:

— Остались бы, Анархон. Сегодня студент Ершов делает доклад о Маяковском. Он хорошо выступает.

— Этот Ершов и на сборе отличился! — сказала Тансык.

— Тот же самый? — удивилась Анархон. — Вот молодец! Я не знала, что это тот же самый.

— А если б знали, остались бы на доклад?

— Все равно не могу! — покачала головой Анархон. — Ну, я его попрошу завтра повторить мне доклад. В обеденный перерыв.

— К утру вернешься? — спросила Тансык. — Постарайся не задерживаться, сама понимаешь.

— Конечно, понимаю! Но ты ведь знаешь: не могу не проведать.

— Передай привет Хабибе.

Наконец, Дильшад и Анзират собрались домой. Анзират, прежде чем уйти, как всегда скромно, с застенчивой улыбкой остановилась в стороне от всех.

Хакима, вытирая вымытые руки, прошла к шелковице, под которой с полудня стоял ее велосипед, ловко вскочила в седло и лихо укатила.

Усарджан, чтобы рассеять застенчивость Анзират, сказал:

— Если сегодня концерт состоится, после концерта приглашу вас танцевать. Можно? Незачем такой красавице прятаться по углам!

— Не позорьте меня, пожалуйста. Я ведь никогда не танцевала.

Тансык засмеялась:

— Танцует-то она отлично. Только наедине с собой, перед зеркалом.

Анзират рассердилась:

— Не суди по себе.

— Ну, оставим танцы. А вот на собраниях сидеть, будто воды в рот набрала, вам не к лицу. Знатная работница, а прячется в угол!

— Хорошо. Я заговорю. Но первым критиковать буду вас, Усарджан.

— Обожаю критику, только бы вы заговорили!

Дильшад полюбопытствовала:

— Какие же это недостатки собираешься ты открыть в Усарджане?

— Секрет. Например, на днях ходил как пьяный.

Все засмеялись — Усарджан слыл трезвенником. Но сам он смутился и забеспокоился:

— Неужели правда? Как же это могло быть?

...Анархон, забежав домой, наскоро оделась, прослушала материнские поучения и поручения и, захватив узелок с гостинцами, вышла на большак.

Она опоздала к автобусу — он прошел, когда она еще шла по проселочной дороге, — а ждать следующего было долго.

Анархон постояла у края дороги, ожидая оказии.

Долго никто не проезжал. Анархон собралась было вернуться домой, но, вспомнив, что сестре скоро отправляться в родильный дом, решила непременно съездить к ней сегодня.

Наконец на дороге показались огромные колеса высокой арбы.

Анархон побежала наперерез и, увидев сгорбившегося на коне возчика, весело крикнула:

— Эй, Хасанбай! Не видишь меня, что ли? Подвези-ка!

Подросток с высоты своего коня деловито проба-сил:

— В наше время девушки стали по сто центнеров весить, моя лошадь едва ли сдвинет такой груз.

— У наших девушек не было б столько центнеров, если б они были тяжелы на подъем!

— Тоже верно. В таком случае... тпру...

Арба остановилась. Анархон по спицам колеса, как по лесенке, ловко вскарабкалась на мягкие мешки хлопка.

— Сели?

— Так точно.

— Удобно вам?

— Спасибо, отлично!

— Хлопок не беспокоит?

— Когда он уже в мешках, ничуть.

— В таком случае... но!..

Хасанбай тронул лошадь и, обернувшись, сказал:

— Вот посмотрите: в будущем году я создам свое

звсно. Ахнете! И ни одной девушки к себе не приму, чтоб не мешались! Такой урожай дам!..

— Цыплят по осени считают. Иначе говоря, через год с хвостиком.

— Вы полагаете, я всю жизнь просижу на арбе? Ничего подобного: поеду на агротехнические курсы.

— На арбе?

— Что на арбе?

— Поедешь?

— Ладно, без ехидства. Лучше скажите: Вильямс — это кто? А?

Но в это время арбу тряхнуло на выбоине, и Анархон не успела ему ответить.

— Молчание! А чем замечателен Докучаев? Опять молчание? Так-с... Может быть, хоть раз про Мичурина изволили слышать?

Анархон сердито отрезала:

— Мичурин хлопком не занимался.

— Ах, так?

Хасанбай рукояткой плетки почесал себе спину и покачал головой.

— Надо иметь понятие. Верно, хлопка он не сеял. А какое это имеет значение? Он всю жизнь проводил опыты. Выработал свой метод. А метод его применим ко всем растениям на земле. Потому что это — принцип. И его опыт раскрыл нам глаза. Мы теперь знаем, что делать с хлопком, чтоб ваши сто центнеров оказались каплей, если сравнить с тем, что будем собирать в ближайшем будущем.

Он многозначительно поднял плетку:

— В ближайшем!

Но конь понял этот жест по-своему и дернул так, что Хасанбай едва не скатился наземь, а девушка повалилась на мешки.

Сумерки сгушались. Ветер перебирал и шелестел жесткой осенней придорожной листвой. По сторонам дороги там и тут вспыхивали огоньки костров.

Озябшая Анархон попыталась поглубже устроиться среди мешков.

Арба катилась легко. Хасанбай, подражая старшим возчикам, сидел на лошади, равнодушно покачиваясь. Иногда запевал веселую песенку. И, не заканчивая ее, незаметно переходил на серьезную, задумчивую песню. Это нравилось Анархон. Она слушала его хрипловатый, еще не окрепший голос и тихонько подпевала ему.

Едва доехали до границы колхоза, Анархон вдруг услышала из темноты знакомый голос, от которого сердце ее вздрогнуло.

— Ты далеко, Хасан-богатырь? Кого это везешь?

— Анархон.

Анархон молча вглядывалась в темноту.

Сабир стоял на краю дороги и смотрел вслед арбе. Девушка была благодарна ему, что он молчал и не кольнул какой-нибудь острой шуткой.

В это время с проселка на большак вышел большой караван с хлопком. Поднимая пыль, наполняя окрестность шумом и говором, караван запрудил весь большак.

Хасанбай остановил арбу. Анархон смотрела на взмыленных сильных лошадей, на крутящиеся за ними огромные колеса и вдруг вздрогнула:

— Кто это?

И тотчас испуганно зашептала:

— Не надо! Сейчас же слезайте с арбы, Сабир!

Но Сабир, глубоко и порывисто дыша от волнения, уже устроился рядом с Анархон между податливыми мешками. Анархон настаивала:

— Нас же увидят! Сойдите! Вот упрямец!

И огорченно вздохнула: он не слушался.

— Ничего. Вместе поедем. Куда это направились в такую темень?

— Сестру проведать! — Она была и обеспокоена тем, что кто-нибудь увидит ее на арбе вдвоем с Сабиром в такой темноте, но была и довольна, что с ней рядом, так близко Сабир.

— Сестру проведать? Отлично! Значит, я имею случай познакомиться со своей будущей родней.

— Едва ли там об этом мечтают.

— Вы хотите сказать, что я недостоин такого знакомства? Но своего будущего свояка я уже знаю. Хороший парень, вроде меня.

И Сабир обнял Анархон и притянул к себе.

Анархон попыталась упрямитесь, но руки Сабир были сильны, положение девушки на мешках неустойчиво, а сердце исполнено нежности.

Ее руки сами потянулись к нему. Не оттолкнуть, а обнять. Погладить упругие щеки молодца.

Постепенно караван, задержавший их, вышел на большак, скрип арб и ржание лошадей удалились, и Хасанбай поехал вперед.

Он сказал, не оборачиваясь:

— Ах, Анархон! Не зря я говорил, что тяжелы для коней такие девушки, как вы. По коню вижу, насколько ему тяжело.

Сабир, зажав ладонью рот, засмеялся.

Анархон, изображая рассерженную пассажирку, возразила:

— Попробуй-ка найти девушку стройнее и легче!

— От вашей стройности у моей лошади скоро переломится хребет.

— Какая грубость!

— Вы бы лучше Вильямса читали. Это облегчило бы вашу жизнь.

— Это цитата, что ли? Или оригинальная мысль?

— Оригинальная мысль — это кратчайшее расстояние между двумя цитатами! — не сбиваясь, изрек Хасанбай недавно услышанную остроуту студентов.

— Однако! — растерялась Анархон. — Надо лучше кормить свою лошадь, тогда ей будет легче.

Хасанбай замолчал, считая, что дальнейшая дискуссия не по силам девушке, и затянул какую-то песню.

Анархон и Сабир, уютно устроившись среди мешков, вели тихий разговор.

Сабир шептал, что сбылась его мечта кончить войну победой, а вернувшись домой, полюбить хорошую девушку.

— Чем я хорошая? — не в первый раз спрашивала Анархон, изображая удивление, а он не находил слов для доказательств, потому что на такой вопрос отвечают не словами.

Ее волновали и согревали и его слова и его молчание, когда он порывисто дышал рядом с ней.

Она шептала ему слова, которых не решилась бы сказать ни одной из самых близких подруг. Она делилась с ним мыслями, каких не высказала бы никому на свете.

Они не замечали ни пыли, летевшей вдоль дороги, ни монотонного скрипа арбы, ни звезд над ними, ни костров, мерцавших на дальних полях.

Вдруг дорога осветилась. Сабир поднял голову.

— Колхоз «Белое золото».

На дорогу падал яркий электрический свет из многолюдной чайханы, из больших окон клуба. Под деревьями висели яркие лампы, и на широких коврах всюду сидел ликующий, шумный, нарядный народ. Воздух наполнен был пряным запахом плова. Сабир толкнул Анархон:

— Празднуют. Видать, план выполнили. Не сойти ли нам попраздновать с ними.

— Они первыми в районе оказались. Но и мы скоро свой выполним. Тогда и попируем. А угощение у них, видно, богатое.

— Я не угощению завидую, а свету. На нашем пиру придется с керосином сидеть. А я бы хотел, чтобы на нашей свадьбе сияли такие вот электрические звезды.

Анархон капризно ущипнула щеку Сабира:

— Опять о свадьбе. Поговорите о чем-нибудь серьезном.

— О чем же? Разве свадьба не...

— До моей свадьбы у нас засияет электричество в каждом сарае.

— Вы собираетесь еще год сидеть в девушках?

— А вот возьму и не пойду за вас замуж.

— А не поздно ли пересматривать этот вопрос?

Счастливо засмеявшись, она молча прижалась к нему.

И он сказал ей твердо:

— Как только сбор хлопка кончим, начнем готовиться к свадьбе. Чтоб зиму зимовать вместе. Ладно, красавица моя?

— Если план перевыполним, у нас богатый пир будет. Да? И друзьям у нас будет весело.

В ответ на эти слова Сабир так крепко обнял ее, что Анархон чуть не задохнулась.

Подъехав к городу, Анархон попросила Хасанбая остановить арбу.

Молча простившись с Сабиром, вздыхая, охорашиваясь, она ушла в темноту. А вскоре, когда арба сворачивала в сторону хлопковых складов, с арбы неслышно спрыгнул и Сабир.

Легко опередив неторопливую арбу, Сабир зашел спереди и крикнул Хасанбаю:

— Эй, Хасанбай! Сдавай скорее хлопок. Назад вместе поедем.

Хасанбай от испуга едва не скатился с лошади:

— Откуда вы взяли, дядя Сабир?

— Ого! Я давным-давно тут тебя поджидаю.

— Это вас, видно, Эгамберды довез? Он говорил, что вечером поедет в город.

— Ну, будем считать, что это Эгамберды меня довез. Желаю тебе успеха.

— Взаимно! — ответил Хасанбай, подъезжая к воротам склада.

Сабир подошел к чайхане.

Эгамберды, действительно, оказался здесь. Собрав вокруг себя шоферов, он раскинул перед собой колоду засаленных карт и удивлял всех непостижимыми фокусами.

Тихо подкравшись, Сабир остановился у него за спиной.

Из рассыпанной колоды кто-нибудь должен был достать названную фокусником карту и, не заглядывая в нее, дать ее фокуснику.

Посмотрев на карту, Эгамберды говорил:

— Так. Благодарю вас. Теперь попрошу дать мне даму пик.

Кто-то из зрителей поспешно взял первую попавшуюся карту и, не взглянув на нее, подал. Сабир заметил, что это была десятка черв, а даму пик фокусник получил перед этим, она была уже у него в руках.

— Так! — обрадовался Эгамберды. — Вы угадали. Теперь я попрошу вас дать мне десятку черв.

Пораженный зритель после долгих колебаний достал какую-то карту и подал.

Она оказалась восьмеркой треф.

— Ага! — сказал Эгамберды. — Вы твердо запомните все карты, какие я у вас просил. Я к ним возьму еще одну. Она будет восьмеркой треф.

Он разгреб всю колоду и достал самую нижнюю, которую он запомнил, когда еще тасовал карты. Она оказалась десяткой пик.

— Так вот! Имея все эти карты, я напоминаю вам: я просил у вас десятку пик, даму из той же масти, о которой Чайковский придумал целую оперу, затем десятку черв, а восьмерку треф я достал сам. Так?

— Так! — подтвердила аудитория.

— Вот все эти карты. Смотрите!

Он одну за другой выбросил их на ковер.

Но изумление зрителей было нарушено, потому что Сабир схватил фокусника за вихор.

— Ой! Кто это? — смутился шофер.

— Запрягай-ка свою машину и едем домой. Тебя фокусничать, что ли, сюда прислали?

— Послали за дядей Уктамом. Он на совещании, и я его жду.

— В таком случае подождем вместе. Предлагаю с фокусов перейти на шашлык.

— А кто угощает?

— Я! — Сабир сейчас готов был угощать всю деревню.

— Ваше предложение принято.

Когда дымящиеся палочки с крепко прожаренным мясом, засыпанные белыми кольцами лука, появились перед Сабиром, Эгамберды спросил:

— Может, мне слетать за четвертинкой?

— А за чей счет?

— За ваш, я полагаю!

— В таком случае отложим ее до другого раза. Кушай! Перед посадкой за руль шофер должен быть трезв. Иначе он совершит посадку в канаву.

— Не на такого напали! Я заметил, что вас с одного глотка качает, как тростинку на ветру, а мы народ привычный.

— И давно?

— Да, собственно говоря...

Эгамберды смутился: ему еще не приходилось когда-нибудь серьезно выпивать, но хотелось выглядеть заправским, лихим шофером.

— Небось «налево» работаешь? — строго спросил Сабир.

— Честное комсомольское...

— Ты у меня смотри! Если узнаю...

— Но как быть, когда на дороге стоят люди, поднимают руку и просят подвезти? Пренебречь? Правильно! Но если среди них пожилые люди? Отказать? Не будет ли это с моей стороны неблагородно? А если стоят девушки на припеке или собирается дождь, а они стоят, или надвигается ночь? Оставить их одних на дороге? Войдите в мое положение. У меня мягкое сердце.

— И дорого берешь?

— Какой не деликатный намек! Я вполне бескорыстен.

— Смотри у меня! Одумайся, пока не поздно!

Когда подали чай, Сабир спросил:

— А ты не думаешь совсем перебраться к нам в колхоз? Условия у тебя неплохие...

— Лучше и не надо!..

— Отношение к тебе хорошее...

— Грех жаловаться.

— Так за чем же остановка?

— Колхоз мне по душе. Но у меня есть кое-какие планы.

— Какие же это?

— Хочу податься в авиацию. В военную.

В его словах Сабиру слышались восхищение и гордость.

— Вы представьте себе, дядя Сабир, разве это не счастье владеть истребителем? Ведь на свете еще не перевелись всякие там...

И такой выразительной гримасой изобразил некоего заморского деятеля, что Сабир представил его столь ярко, словно на мгновение поджигатель войны заглянул сюда, в чайхану.

— Да ты ж актер! — восхищенно воскликнул Сабир. Но Эгамберды отмахнулся:

— Какое там! Вот затем-то и хотел бы я стать летчиком-истребителем. На всякий случай. Это мне отец завещал. Он мне так сказал: «Змей пускаешь? Хорошее дело. Но лучше б было планерами заняться. Это в будущем тебе пригодится». Ясно, что он имел в виду?

— А где твой отец?

— Погиб... Герончески. Однажды из автомата уложил пятнадцать фашистов. В другой раз нескольких бросил с четвертого этажа. Подробно об этом нам написал командир Васильков в письме к моей матери, когда извещение пришло. Это письмо теперь висит у нас на стене, под стеклом, в золотой рамке.

Перед Сабиром вдруг оказался совсем другой Эгамберды — не озорник и фокусник, а сосредоточенный, целеустремленный паренек, веселый на досуге, но серьезный, чистый в своих мечтах...

Сабиру захотелось сказать ему что-нибудь хорошее, сердечное.

— Правильно, мальчик. Если хочешь, летай. Мечтай стать соколом. Стремись всегда вперед. Конечно, расти в колхозе тоже никто тебе не помешает. Но дело своей жизни надо избирать по душе, по призванию.

И Сабир, как взрослому, пожал ему руку.

Эгамберды явно взволновался.

Захлебываясь от наполнявших его чувств, Эгамберды, как ровеснику, доверительным шепотом рассказал Сабиру всякие удивительные подвиги знаменитых летчиков. О бесстрашии Покрышкина, о подвиге Гастелло он знал такие подробности, что Сабир удивился:

— Ты это все так рассказываешь, будто всю войну провел с ними рядом.

— Интересоваться надо. Тогда тебе все станет понятно. У нас сосед был шофером. Так я от него ни на шаг. Он под машину, я за ним. Он что-нибудь чинит, я сбоку. Кос-что подчитал и пошел сдавать экзамен на шофера. Мне сказали: «Молодец!» А когда узнали возраст, тут

осечка произошла. Сказали: «Молод!» Пришлось полтора года ждать, пока права дали.

Они разговаривали долго. Было уже очень поздно, когда Уктам пришел с совещания. Друзья забрались в кузов на пустые мешки.

Когда Эгамберды повел машину, резкий ветер хлынул навстречу. Машина пошла с такой скоростью, что Сабир перегнулся через борт и крикнул в кабину:

— Ты на небо, что ли, собрался взлететь, товарищ летчик?

После этого вопроса машина пошла тише, и можно было разговаривать.

Сабир спросил:

— Не ругали нас?

— Не крепко. Надо завтра поднять коммунистов, ускорить сбор.

Проносясь через колхоз «Белое золото», снова увидели пылающие костры, музыкантов, танцующих девушек. Пир был в разгаре.

Уктам крикнул:

— С праздником, друзья!

Кто-то успел их узнать и крикнул вслед машине:

— Привет «Богатырю»! Желаем успеха! Идите к нам!

Но они уже исчезли в ночной тьме, казавшейся гуще от праздничного сияния огней «Белого золота».

* * *

Сойдя с машины, Уктам направился к Мир-Хайдару, а Сабир пошел проводить друга.

Уктам хотел посоветоваться с председателем, где и как разместить сборщиков хлопка, ожидавшихся из города.

По дороге Сабир рассказал Уктаму о встрече с Анархон на арбе и как Хасанбай не догадался, что всю дорогу вез их двоих. Рассказал он и о разговоре с Эгамберды.

Они шли по темной улице, а ветер сурово шумел, старые карагачи скрипели и стонали, тополевые листья, густо устилавшие землю, шелестели под ногами. Ущербный месяц, казалось, стремительно мчался в холодном небе, прорываясь сквозь черные ключья облаков.

Издали долетал смутный гул барабанов и флейг. Уктам прислушался:

— Видно, «Белое золото» загуляло до утра!

— Недаром наш председатель говорит: «Кончил дело — гуляй смело!» — ответил Сабир.

Уктам тотчас подумал о своем «Богатыре», и сердце его тоскливо заныло: план их был выполнен пока только на девяносто два процента. Хотя на полях еще было что собирать, но эти недостающие восемь процентов все же содержали в себе многие тонны хлопка, и требовалось немало труда, чтобы овладеть ими.

— А может, не стоит так поздно тревожить старика? Пускай отдыхает. Я распоряджусь утром как-нибудь сам.

— Да, конечно, жалко его будить, — согласился Сабир.

И друзья повернули к своим домам.

Едва Уктам перешагнул порог, мать и сестра кинулись ему навстречу:

— Где это ты так долго пропадал?

— В город ездил. На собрание. А вы чего не спите до сих пор?

Хакима упрекнула с досадой:

— Хоть бы на минутку домой заглянули!

И мать сокрушенно покачала головой.

— Я все глаза проглядела. Чуть шорох услышу, так вся и оживаю: «Наконец-то идет!»

Хакима сердито заметила:

— Надо говорить маме, куда едете, когда вернетесь. А то у нее спрашивают, а она не знает, что сказать!

Уктам устало бросил в нишу свою папку.

— Кто спрашивает? К чему весь этот разговор?

— Как кто? Гости.

— Какие? К нам каждый день кто-нибудь приходит.

— Да не каждый день такие! — возмутилась мать. — Ведь нарочно к тебе ехали, бедные девушки. Ждали-ждали и уехали ни с чем.

Уктам насторожился:

— Девушки? Откуда?

— Из «Эльбада». Сама знаменитая Камиля с другой, с доктором Зайнаб. Вот кто!

Хакима рассказала подробнее:

— Лекция о Маяковском у нас была. Знаешь?

— Знаю. Ну и что?

— Когда она кончилась, я побежала домой переодеться к танцам. Было уже часов девять. Вдруг входят к нам девушки. Я удивилась: кто такие? Оказывается, к вам. Вас спрашивают. Поздоровались, познакомились. Мама, как только узнала, что это Камиля, взялась сте-

лить одеяла, а сама не разберет, где верх, где низ, Я скорей поставила самовар, кинулась за вами в правление. Там вас нет. Спрашиваю, где вы? Никто не знает. Я чуть не плачу, до того обидно! Ведь такие гости! Прихожу назад. Я о Камиле столько слышала, так с ней познакомиться хотелось! А Зайнаб, оказывается, ваша ташкентская знакомая. Накрыли мы на стол. Разговорились. Камиля все время торопилась. А Зайнаб завтра уезжает в Ташкент, хотела с вами попрощаться. Говорит, что обещала обязательно у вас побывать, без того, говорит, не могла уехать. Около часа у нас сидели. Велели вам кланяться... А мы так расстроились, что хоть плачь.

Тетушка Сора с таинственным видом шепнула сыну:

— Я кое-что смекнула. Ах ты!

— Что такое? — растерянно спросил огорченный Уктам.

— Да, видно, Камиля сватать тебя приезжала.

— Я невеста, что ли? — рассердился Уктам.

— Я ваших новых порядков не знаю. Но догадывалась: видно, по вашим порядкам полагается, чтобы заслуженный человек, как председатель колхоза «Эльбад», представил мне, матери жениха, твою невесту. Так ведь? Раскусила я вас?

— Какую мою невесту?

— Да доктора этого! Зайнаб. Это ты и в Ташкент ездил договариваться с ней! Договорились, значит? Она ничего. Я не против. Только незачем было старуху-мать обманывать. «За машиной в Ташкент еду!» Какая уж тут машина. Девушка. Обе они красавицы, умницы, воспитанные такне. Я не против.

Уктам был так огорчен отъездом гостей, что ничего не мог сказать. А мать наступала:

— Женись! Пора, пора, сынок! Нечего больше и думать. Я эту твою Зайнаб от души приму. Но, по совести сказать, Камиля...

Она не решалась сказать, что Камиля ей понравилась больше: это могло бы обидеть сына и унизило бы достоинство ее будущей снохи Зайнаб. Поэтому старуха, спохватившись, осторожно договорила:

— Камиля... Тоже милая девушка.

Уктаму так хотелось их видеть, побыть с ними хоть немного. Он уже решил было:

-- Махну-ка я к ним!

Но взглянул на часы: был уже час ночи.

Уктам вышел во двор.

Ночь стала еще темней, месяц скрывался за облаками. Сырой ветер усилился. Вдали одиноко, тоскливо лаяла собака.

Уктам вернулся в дом, хотел опять услышать о гостях, подробно, со всеми мелочами, чтобы снова мысленно пережить их приезд. Попытавшись придать своему вопросу равнодушный тон, спросил Хакиму:

— О чем же они тут разговаривали?

— Да ни о чем. Камиля меня расспрашивала о нашем звене. Как, мол, мы работали. Обещала, когда сдержим слово, приехать специально к нам, поговорить, поближе познакомиться с нами, с девушками. А Зайнаб за пятнадцать дней собрала тысячу сто килограммов. Для горожанки это очень хорошо. Они непривычные! А мама их подробно расспрашивала о родителях, какие, откуда.

— Как же не расспросить? Глядишь, они к нам в родню попадут. Надо ж их знать! Когда родниться-то думаешь? — спросила мать.

— Ладно, ладно! — отмахнулся Уктам. — Надо спать.

— Опять не сознается, — вздохнула мать, отправляясь за одеялами.

* * *

Вернувшись к Камиле, Зайнаб принялась укладывать свои вещи в чемодан. Камиля тут же ушла на заседание правления, а Зайнаб включила радио. Передавали «Пиковую даму» на узбекском языке.

Старая тетка Камили сидела в углу, молча перебирая изюм. В часы старческой бессонницы она всегда находила себе какую-нибудь работу.

Зайнаб уезжала отсюда с сожалением. На работе люди свыкаются быстро, и в колхозе Зайнаб все казались теперь родными и друзьями. У нее даже поклонники здесь завелись среди сборщиков, искренние, пылкие юноши. Ей родными стали такие старухи, как тетюшка Тута, — смелый оратор и передовая сборщица хлопка, успевшая вырастить десятерых детей. Нет, Зайнаб совсем не хотелось уезжать отсюда. Но пора было являться в институт и учиться, скорее учиться. За эти пятнадцать дней в Зайнаб не только сложилось, но и окончательно окрепло решение — закончив образо-

вание, ехать на работу в колхоз. Стать врачом в колхозе!

Старуха, оторвавшись от своего дела, подняла голову:

— Зайнаб! Доченька!

— Слушаю, бабушка!

— Ты не забудешь? Про очки-то? Непременно пришли, как только приедешь в Ташкент.

Эту просьбу старуха повторяла по несколько раз в день.

— Нет, не забуду, бабушка. Не беспокойтесь. Скоро сможете опять вышивать тюбетейки. Какне хотите. Захотите ажурные «ироки», — вышьете «ироки». Захотите вышивать бисером, — вышьете бисерные «тагдузи».

— Вот спасибо! Я и тебе тогда вышью. Ты — доктор, тебе нужно бисерную.

— Спасибо, бабушка.

— И еще не забудь. Ты мне капли для уха обещала. Здешние доктора говорят, что у меня и глухота и шум в ушах от старости. Ну, ладно. Я, конечно, не молоденькая. Но в таком громадном городе, в Ташкенте, неужели нет нескольких капель для большого уха? Не может того быть, должны пайтись. Мне это просто необходимо.

Зайнаб успокоила старуху:

— Очки пришлю. Капли найду, не сомневайтесь.

Зазвонил телефон. Зайнаб сняла трубку:

— Алло!

— Не скучаешь, Зайнабочка?

— А! Камиля! Ты откуда?

— Заседание окончилось. Скоро освобожусь. Не обижайся, что оставила тебя одну.

— Да мы тут с бабушкой беседуем.

— Про очки и капли?

— Вот, вот.

— Договорились?

— На сто процентов.

— Ну, молодцы! Я скоро к вам присоединюсь.

Зайнаб под села к старухе и попросила ее рассказать какую-нибудь сказку. Старуха в те вечера, когда оказывалась в настроении, вспоминала замечательные сказки и умела ярко и живо рассказывать их.

— Нет, доченька, слушай лучше вон тот ящик.

Сморщенной рукой она махнула на приемник.

— Он тебе и песни поет, и рассказывает, и музыкой играет. А моя жизнь прошла в темноте. В горьком труде.

В черной лачуге, закопченной. Все прошло. И нечего о ней больше рассказывать. Ну ее!

— А вот у меня дома и свет есть, и радио, а такой вот бабушки нету. И некого мне попросить рассказать сказочку.

И старуха начала рассказывать ей старую сказку, где смешались волшебные, исторические, бытовые мотивы, — сказку о Темире-богатыре.

— Было ли то, не было ли, но жил на свете некой человек... Темир-богатырь по имени...

Чем дальше текла сказка, тем больше оживлялась старуха, голос ее окреп, в нем заиграло все богатство образной узбекской речи. Лицо помолодело. Стан выпрямился. Голова гордо поднялась, и, рассказывая, старуха смотрела куда-то вдаль, словно видела там несметные войска, слышала лязг стали о сталь, ржанье коней, скрип походных арб, задернутых шелковыми занавесками...

Зайнаб слушала, как маленькая девочка, затаив дыхание, пока не кончилась вся сказка.

Зная любовь старухи к чаю, Зайнаб, дослушав, заварила крепкий зеленый чай.

Обе сидели за столом и пили чай с золотистым каттакурганским изюмом, когда вернулась Камиля.

— Ах, бесстыдницы, чаевничаєте без меня?

Присоединившись к ним, она спросила:

— Может, побудешь еще с нами, Зайнаб? Ведь как только узнали о твоем отъезде, все твои друзья приуныли. И мне стало грустно. Оставайся. Поживи у нас. Вместе на колхозном пиру отпиреуем. К Октябрьским праздникам непременно выполним план. Это наш окончательный срок. Обязаны выполнить.

Но Зайнаб просила отпустить ее.

За разговором Зайнаб неожиданно спросила:

— Ну, как поправилась тебе будущая свекровь?

Камиля ущипнула руку подруги. Но Зайнаб не отставала:

— А дом, в котором тебе придется жить?

Камиля нахмурилась, задумчиво опустила голову. Зайнаб настаивала:

— По-моему, они очень хорошие люди. И Хакима... Огонь-девушка. Она чем-то на тебя похожа. Этим самым огнем, конечно.

— Не надо говорить об этом. Подумаю — страшно становится. Разве могу я бросить людей, с которыми

столько вместе проработали? Столько вместе мечтали. Они ж мне родные теперь. Ближе, чем иные родственники.

— А если не ты к нему, а он к тебе?

— Жениха привести к себе в колхоз? Это... Да разве он согласится?

— А почему нет? Ничего особенного. Ты сама выдумываешь себе препятствия. А я не вижу никаких. Спать нам не пора?

— Ложись. Тебе нужно отдохнуть. А я хочу еще несколько писем написать.

— Писем? Кому?

— На днях группа студентов из Тимирязевской академии прислала мне письмо. Просят объяснить им, как я добиваюсь своих урожаев хлопка. Надо ответить. Мне очень полезно завести с ними переписку. Но русский язык ты лучше меня знаешь. Давай так сделаем: я напишу, а ты утром посмотришь и поправишь. Ладно?

Зайнаб воодушевилась:

— А не проще ли сесть вместе и написать?

Камиля обрадовалась этому предложению. Тотчас пододвинула бумагу к Зайнаб и дала ей ручку.

— Пиши. Я буду тебе говорить.

Камиле сразу столько захотелось сказать, и заговорила она так быстро, что Зайнаб прервала ее:

— Стой! Я же не стенографистка!

Но когда кончились приветы и Камиля начала рассказывать о работе, стало труднее выражать свои мысли. Камиля встала и, стремясь найти самые точные слова, прохаживалась по комнате. То присаживалась к Зайнаб и просила ее перечитать записанное, то снова вставала.

Наконец письмо было закончено, и обе девушки остались им довольны.

Когда, еще раз заглянув в письмо, Камиля прочла написанное, ей самой понравилось содержание. Повернувшись к Зайнаб, она засмеялась:

— Ну и почерк же у тебя! Сразу ничего не прочтешь.

Девушки легли спать уже перед рассветом. Но поднялись рано.

Неторопливо завтракали, не зная, что сказать друг другу на прощанье. Казалось, что говорить уже не о чем, что обо всем уже переговорено.

Когда Зайнаб взяла свой чемодан, а Камиля сверток

с подарками, старуха еще раз напомнила про очки и про капли.

Потом Камиля долго смотрела вслед машине, увозящей Зайнаб. Камиле было почему-то грустно и одиноко, хотя все осталось на месте, как и до приезда Зайнаб. Может быть, с ее приездом связывались какие-нибудь намерения, оставшиеся неосуществленными? Едва ли, ведь они побывали даже в семье Уктама, на что без подруги Камиля не решилась бы.

По дороге мимо Камилы по-прежнему тянулись обозы с хлопком. Из города с завода приехали рабочие на выходной день помочь колхозникам в сборе урожая. Надо было встретить их с честью и разумно распределить по бригадам.

Опять потекла обычная деловая, хлопотливая жизнь.

В полдень Камиля пошла на поля по дороге, густо усыпанной опавшей листвой. То и дело Камиля наклонялась, чтобы поднять упавшие с проехавших арб комки хлопка и потом опустить их в ящики, подвешенные для этого на придорожных тополях.

Она не успела далеко уйти, как услышала позади себя конский топот. Сердце ее дрогнуло: ей послышалось что-то знакомое в топоте коня.

Оглянувшись, она увидела Уктама верхом на вороном коне. Он был уже так близко, что она едва успела посторониться.

Уктам соскочил с седла, перекинул повод через левую руку и подошел к ней.

— А, беглянки! Не захотели меня подождать и обидели мою старушку. А о своей обиде уж и говорить не буду.

Камиля попыталась оправдаться:

— Никак не могли. Я просила Зайнаб побыть у вас еще, а она не согласилась.

Уктам привязал коня к дереву на краю дороги.

— Вместе проводим нашу Зайнаб?

Камиля безнадежно махнула рукой:

— Увы! Опоздали.

— Жаль! — с досадой ударил Уктам плетью по сапогу. — На всех фронтах я опаздываю.

Камиля посмотрела на него:

— Ладно, не огорчайтесь. Вы лучше скажите, почему столько времени не заглядывали в наши края? Если б не Зайнаб, вас и теперь, верно, не пришлось бы пови-
дать?

Он поспешил оправдаться:

— У меня за эти дни не было времени даже приче-
саться. Сами знаете, что такое уборка урожая.

Камиля строго подняла брови:

— Если захочет сердце, время найдется.

Вдвоем они прошли мимо густых посадок джиды в сторону поля.

Уктам ненадолго задумался:

— Мое сердце постоянно стремится к вам...

Сжав губы, Камиля быстро огляделась вокруг и шепнула:

— Тише...

Уктам с досадой отмахнулся, но сказал уже не так громко:

— Да никого тут нет. Мои глаза все время смотрят в сторону «Эльбада». Уши прислушиваются к вестям оттуда. А «Эльбад» молчит. Только колючки сыпет в мою сторону.

На нежных тонких губах Камилли сверкнула улыбка.

— Значит, дело не в том, что времени нет, а в том, что обида есть?

— Ладно, вы мастерица находить зацепки для своих крючков. Вместо обид было бы лучше заглянуть в корень. Мне кажется, что все ваши доводы — всего лишь отговорка.

Камиля промолчала, но ее веселые глаза потускнели. Уктам это заметил. Чтобы отвлечь ее от грустных мыслей, он заговорил об очистке аржиков.

Но Камиля не поддержала его. Она быстро уклонилась от этого разговора:

— Этим делом мы каждый год занимаемся. Придет время, займемся снова.

Они остановились, сжывая деревья, но не дотя до полей. Сбор урожая на полях был в полном разгаре.

Люди ближней бригады один к одному, как на подбор, оказались ловкими, работящими, быстрыми. Работа явно спорилась в их легких руках. Весело было смотреть на их работу.

Увидев свою председательницу, девушки приветливо помахали ей руками и затянули песню. В глазах Камилли снова появился веселый блеск. Волнуясь, она сказала:

— Могу ли я покинуть их? Они мне, каждая из них,

дороги. Ну, подумайте, могут ли они быть всего лишь моей отговоркой? Подумайте, Уктам! Я думаю. Я очень серьезно думаю.

— Не бойтесь. Я совсем не хочу делать из вас всего лишь сноху моей матери и хозяйку моей печки.

— Но ведь бывают такие, что заманят обещаниями студентку, учительницу, активную комсомолку, сделают ее женой, а потом превратят в куклу. Ведь еще есть такие мужчины...

— Строя новое, нельзя опираться на ветхие предрассудки. Неужели вы подумали обо мне...

В это время Камилю окликнули с поля. Не сказав ни слова, она по узкой тропинке поспешила на зов.

Уктам долго, глядя ей вслед, стоял и не знал, ждать ли ее, вернется ли она. Раздосадованный, что она ушла, не ответив ему, он проворчал:

— Всеми этими штучками она хочет показать мне свое превосходство.

Он решительно и торопливо пошел обратно, отвязал своего вороного и, не оглядываясь, ускакал.

Вскоре Камиля вернулась. Она с удивлением осмотрелась, нигде не видя Уктама. С надеждой побежала Камиля к джиде, где стояла его лошадь. Но там никого не было.

— Уехал! Уехал!..

Не притронувшись к ужину, который ей принесла старуха, она жадно выпила чаю. У нее ныло сердце от мысли, что Уктам уехал с обидой на нее. Камиля думала о любви, о ее глубоком значении в жизни и мысленно обращалась к Уктому: «Не пора ли мне стать матерью? Ведь я люблю детей!»

В эту минуту, впервые в жизни, в ее сердце шевельнулась ревность: «Уктам, соблюдая свое достоинство, вдруг обидится, откажется от меня, полюбит другую? Тогда что?»

Эти раздумья тревожили ее. Вздыхая, она попыталась успокоить себя: «Нет, он любит меня. И я его очень люблю! Очень!»

Еще одна из бригад в этот день закончила план. Весть об этом рассеяла тревожные раздумья Камили. Обрадованная, она пошла на полевой стан, чтобы поздравить членов бригады и воодушевить их на дальнейшую работу.

Кончался ноябрь.

Взглянув на пасмурное небо, Тансык сказала подругам:

— Погожие дни проходят. Надо нам поторапливаться.

Потирая озябшие руки, Анзираг поморщилась:

— И морозец пробирает!

По полям, с которых уже убрали сухую, годную на топливо ботву хлопчатника, с грохотом и лязгом шли тракторы, вспахивая землю под зябь.

Мир-Хайдар придерживался давнего крестьянского правила: «Одна осенняя вспашка стоит многих весенних».

Еще за месяц до этого, однажды ночью, неожиданно ударил мороз. Его никак не ожидали так рано. Но следуя примеру коммунистов и комсомольцев, колхозники не ушли с поля и к Октябрьским торжествам выполнили свой план. Тогда же, по обычаю, колхоз отпраздновал праздник урожая. Отпраздновал весело и богато.

К концу ноября было дано сто девятнадцать процентов плана. Кроме того, с полей вывезли немало арб нераскрывшихся коробочек. Ими колхозники занялись у себя по домам, расщепляя твердую кожуру и доставая оттуда комочки белого волокна.

Девичье звено уже успело собрать на своем участке не менее девяноста восьми центнеров с гектара. Оставалось собрать еще по два центнера, чтобы обещание было выполнено. Но уже и такой сбор превысил все показатели не только по «Богатырю», а по всему району. Да и по области пока лишь немногим звеньям удалось собрать урожай, близкий к этому. Но девушки помнили свое слово и хотели непременно его сдержать. Их настойчивая, самозабвенная работа продолжалась. Каждая твердила себе:

— Не меньше ста! Но постараться больше!

С этими чувствами усталая, возбужденная, озабоченная Тансык поздно вечером вернулась домой.

Едва перемагнув порог своей калитки, она увидела двух ослов, жадно поглощавших клевер в хлеву. Одного из этих ослов она узнала сразу — это был прожорливый, прыткий осел барышника Аширмата. Второй, карноухий, ростом казался меньше, но коренастее.

«Чей же второй?» — удивилась Тансык.

В эту минуту из большой комнаты вышел среднего

роста молодой человек с ввалившейся грудью и зелено-вато-бледным лицом.

Глядя на девушку рыбьими глазами, он остановился. Когда Тансык проходила мимо, он осклабился:

— Никак, Тансык? Милая моя родственница! Здравствуйте! Я сын вашего дяди! Бакиджан.

Тансык молча опустила голову, а Бакиджан взял ее руку и долго пожимал. Девушка, вздрогнув от отвращения, зашла в кухню, где мать готовила ужин. Тансык строго спросила:

— Зачем они приехали?

— Откуда я знаю? Свалились, как снег на голову. И папаша и сынок. Видела сынка-то? Как будто ничего, не дурной?

— Вот именно: ничего! Совсем ничего! — едко усмехнулась Тансык.

Мать поднесла палец к губам:

— Тише, грех так говорить: могут услышать.

Тансык зашла в комнату и села, облокотившись на подушки. Подумала, горько вздохнув: «Вот еще напасть! Проклятый барышник! Мало того, что сам явился, еще и сынка приволок. На что он нам?»

Бакиджан, однако, был отлично настроен. Увидев Тансык, он тотчас сделал вывод:

«Слава богу! Она, оказывается, еще и недурна. И даже очень!»

Подкинув корма ослам, Бакиджан негромко запел песенку, прикидывая в уме: «Жизнь входит в колею! Не завтра, так послезавтра папаша окончательно договорится с этой деревенщиной. День свадьбы будет назначен. Я съезжу домой прогнать жену. Подготовлюсь к пиру. Не более как через две недели эта красотка будет у меня в объятиях, а ее сокровища — в моих карманах. Это называется — удачное дельце!»

Выйдя из хлева, Бакиджан хозяйским глазом окинул двор. Засунув руки в карманы своей неуклюжей серой тужурки, за бесценок купленной у воринки, он, с видом городского франта, направился в большую комнату.

Когда он входил, барышник, сидя на узеньком коврике, заканчивал молитву, быстро и торопливо шепча ее.

Мир-Ахмад, гостеприимно усадив Бакиджана за угощение, потчевал его всевозможными лакомствами и спрашивал о работе.

Многозначительно подмигнув, Бакиджан с видом базарного завсегдатая ответил уклончиво:

— Служба невелика, да жить можно. Детишкам на молочишко хватает. Ну, иной раз и перепродать кое-что удается.

— Неровен час, худо это может кончиться, племянничек милый. С базарными делами лучше не связываться. Поступил бы куда-нибудь в учреждение, либо на завод, это и для души было бы спокойнее и для дома доходнее. Изобилие — от честного труда.

Аширмат, закончивший свою молитву, а может быть и ускоривший ее, чтобы присоединиться к разговору, сказал:

— Судьбу мальчика я вручаю тебе. Душа его и тело его тебе доверяются. Прими его под свое крылышко. Учи уму-разуму. Он у меня в городе за последнее время разбаловался: с дурными людьми связался. Но ты его вернешь на путь истинный. После свадьбы ребята становятся сразу серьезнее. А он, к тому же, от природы неглуп. Бог его умом не обидел, это всякий скажет. Кстати, где же моя сноха-то? Не вернулась с работы?

Мир-Хайдар покачал головой, показывая, что не знает.

— Тансык пришла, — скромно сообщил Бакиджан.

— А ты показал ей новое платье, которое мы ей купили? — гордо и спесиво спросил у сына Аширмат.

— Я вручил его тетушке.

Аширмат громко пояснил мельнику:

— Я привез твоей дочери платье в подарок. Материал замечательный. Мы с сыном долго ходили по всем магазинам, выбирали, что получше. Совсем с ног сбились! Хотелось выбрать получше, да подороже, да пофасонистее. Наконец в самом большом магазине с огромными окнами нашли!

Он взглянул, производят ли впечатление его слова на простодушного мельника. Ему не удалось этого понять. Мельник молчал. Аширмата осенило вдохновение:

— Всего навсего одно такое оказалось. Подхожу к кассе, отсчитываю деньги, даже в глазах зарябило. И кассирша глаза выпучила: «Не из колхоза-миллионера ли вы, отец?» Больших денег стоит платье. Ну уж ладно, так оно и переливается, как радуга. Вот, братец, вздумаешь делать своему зятю подарки, бери пример с меня!

Мир-Ахмад молча улыбался в усы и поил гостей чаем.

Бакиджан восхищался красноречием своего родителя: платье, переливающееся, как радуга, было ничем иным, как старым, поношенным платьем его жены, сшитым из дешевенького шелка. Но перед отъездом сюда отец с сы-

ном долго совещались, как бы избежать лишних расходов. Бакиджан послал зачем-то свою жену к соседям, быстро достал из сундука ее последнее платье, ибо вся ее остальная одежда ушла на базар раньше. Платье это сунули в переметную сумку и повезли как подарок жениха.

Жена Мир-Хайдара внесла огромное блюдо плова и под села к ним.

У Аширмата не хватило терпения ждать, пока нарежут мясо и пригласят гостей. Он протянул руку к плову и скомандовал:

— Сын! Бери, ешь! Теща твоя—непревзойденная мастерица по части плова.

Бакиджан всем телом наклонился над блюдом. Оба так накинулись на плов, словно объявили соревнование рук и зубов.

Гостеприимные хозяева, неприметно переглядываясь, поспешили вытереть руки и отклониться от блюда.

Бакиджан ни разу не поднял головы, пока блюдо не было начисто вылизано.

Аширмат, наломав в блюдо лепешек, тщательно вытер ими весь жир и съел ломти до единого. Только тогда он отвалился на подушки, по лежал с закрытыми глазами, наслаждаясь сытым теплом, растекавшимся по всему телу.

Отдышавшись, он спросил Мир-Ахмада, сколько удалось в этом году заработать в колхозе.

— Как никогда! — гордо ответил Мир-Ахмад. — Народ очень доволен! Нам причитается больше десяти тонн хлеба. Это только хлеба, не считая всего прочего.

— Так много? — поразился Аширмат. — Ты правду говоришь? Десять тонн!

Аширмат попытался расстегнуть ворот своего камзола.

— Да, ведь если напечь лепешек из этого зерна, можно целый год ими торговать! Не год, а два, три года. А денег сколько?

— Еще не подсчитывали. Но что-нибудь тысяч около сорока.

— Да ты ж банкир! Банкир! Вот это удача! А знаешь, от чего тебе так повезло? Это все мой сынок Бакиджан, у него такая легкая рука: за что он ни возьмется, все течет в дом. Это счастье он и привел к тебе за собой! Он! А когда ты примешь его под свое крылышко, твое богатства еще более возрастут. Не все люди удачливы, не все пять пальцев на руке одинаковы. Это я не раз

проверял. Вот я тебе расскажу: купил я раз осла. Тоший, развалина. Но он много мне разных удач принес. Дела у меня тогда здорово поправились. Я купил огромный сад, дом построил.

Аширмат бросил в пиалу четыре больших куса сахара и сказал сыну:

— Ты уж сам привези весь этот хлеб. Будь тут за хозяина, дорогой Бакиджан. У Мир-Ахмада и без того немало забот. Да смотри, от весов ни на шаг не отходи, когда хлеб вешать начнут. Кладовщики — это жулье!

Поглядев на отца рыбьими глазами, Бакиджан возмутился:

— Пускай только попробуют!

— Молодец! — одобрил Аширмат и толкнул в плечо Мир-Ахмада. — Большую часть зерна, небось, продашь? Иначе на что же оно. Не успеешь оглянуться, год прошел, получай новое. Но продавать зерно ты мне поручи. Поплешь ко мне раз в неделю арбу зерна, и довольно. А остальное это уж мое дело. Я сам его сбуду с толком. Лучше меня никто не сумеет его продать.

Мир-Ахмад неопределенно пожал плечами.

Асальбиби сидела молча, украдкой поглядывая на открытую болячками шею Бакиджана.

Бакиджан догадался, что отец сейчас заговорит о дне свадьбы. Чтобы не мешать этому разговору, он тихо встал и скромно вышел из комнаты. Походил по двору, заглянул к ослам, неслышно подошел к окну маленькой комнаты и незаметно прошел мимо. Он успел увидеть Тансык, сидевшую возле лампы. Она что-то писала.

Бакиджана вдруг охватила несвойственная ему смелость и решимость. Не раздумывая, он распахнул дверь и вошел в комнату.

Тансык испуганно подняла голову и побледнела. Она мгновенно спрятала наполовину исписанный листок под свой низенький столик. Она писала ответ группе советских воинов в Берлин.

Бакиджан подсел к ней и спросил озабоченно:

— Когда начнем перевозить зерно, Тансык? Ведь время дорого. Вы меня познакомьте с кладовщиками. Докажите подводу. А перевезу я сам.

Тансык растерялась. Она помолчала, отвернувшись, и, не поворачивая к нему головы, сказала:

— Успеется.

Бакиджан деланно засмеялся:

— Воля ваша. Беспokoюсь, потому и говорю, милая

Гансык. Если успеть все привезти до дождей, спокойней будет. И дядя Мир-Ахмад то же говорит.

— Отец — человек простодушный. Он, чтоб человека не обидеть, со всем соглашается, что бы ему ни говорили.

Бакиджан облизнул губы, откашлялся и подумал: «Что-то слишком уж ты своенравна. Я тебя от этого отучу. Возьму тебя в руки. От одного моего взгляда тебя будет в дрожь бросать! Недолго тебе осталось привередничать».

Тансык, словно задыхаясь, глубоко и тяжело вздохнула. Она в душе рассердилась на отца, что он потакает таким родственникам.

Бакиджан положил руку на колено девушки.

— Может быть, съездим со мной в город, Тансык?

С негодованием отбросив его руку, Тансык отодвинулась. В глазах ее сверкнули гневные огоньки.

— Рукам волю не давайте. А если соскучились по городу, скатертью дорога.

— Я вам много интересного показал бы в городе, прекрасная королева. Вместе по магазинам ходим. Лучшие платья будете по своему вкусу выбирать. Мужчины в этом деле мало что смыслят.

Тансык даже закрыла лицо руками, чтобы скрыть гнев и возмущение. Она уже хотела кинуться к дверям, как вдруг услышала голоса подруг и вздохнула с облегчением.

Девушки, с шумом и смехом ворвавшись в комнату, вдруг смолкли, переглядываясь: перед ними, раскрыв рот от удивления, сидел не знакомый им Бакиджан.

Тансык, спеша скрыть замешательство, спросила:

— Где же вы застряли? Я вас давно жду.

Девушки вывалили два мешка нераскрывшихся коробочек, чтобы посидеть вечер вместе, открывая их.

Бакиджан, поднявшись, несколько минут стоял с деревянным лицом, которому он хотел придать гордое, неприступное выражение, потом вышел.

Анархон не могла скрыть неприязни к нему:

— Кто это?

Тансык равнодушно ответила:

— Родственник.

Анархон насмешливо объявила:

— И красив, и воспитан.

Анзират заметила:

— И поздороваться-то прилично не может.

Тансык хитро подмигнула:

— А мне известно, что он равнодушен к тебе.

Все засмеялись. Началась беспечная девичья болтовня, шутки и песни.

Анархон, гордясь, рассказала подругам о своей недавней встрече с Сайрамовым.

— Такой веселый, оживленный! С нашим председателем шутил. А наше звено назвал золотым.

— Он это настроение упорным трудом заработал. План по району перевыполнен!

— Он сказал, что завтра к нам приедут фотограф и корреспондент из Москвы. Будут с нами беседовать.

— Эх, скорее бы у нас перевалило за сто, — нетерпеливо передернулась Дильшад. — Ведь чуть-чуть не хватает. Так обидно, что...

— Вот вычистим все до последней коробочки и наберем свои сто. Авось наберем! — решила Хакима.

— Все, что наберется сверх ста, будет свадебным подарком нашей Анархон! — засмеялась Дильшад.

— Верно! — одобрила Тансык. — В честь такой свадьбы мы непременно перевыполним наше обязательство. Дядя Сабир нам ведь так много помогал!

— Не болтайте зря! — одернула их Анархон.

Так сидели они до полуночи.

Уложив набранный хлопок в мешки, весело съели большой арбуз и разошлись по домам.

Едва они ушли, пришла Асальбиби.

— Что-нибудь случилось, мама? — тревожно спросила Тансык. — Вы что-то невеселы.

Асальбиби устало опустила голову возле дочери и вздохнула:

— Вот наказание свалилось на нашу голову! Аширмаг требует, чтобы твой отец назначил день вашей свадьбы. Всю душу по ниточке вытягивает. Я сидела, сидела, опустив голову. Больше сил нет.

— А что отец? — дрогнувшим голосом спросила Тансык.

— И отцу нелегко сказать «да», он боится тебя обидеть. А отказать смелости у него нет. Тогда обещал, не подумав, а теперь причин для отказа не найдет. Слово отца для дочери священо, детка. Вот он и сидит там, как на углях.

Тансык горько усмехнулась:

— Мамочка, уж не кривите вы душой. Скажите, что и вы согласны на эту свадьбу. И конец. А я завтра сама им покажу, где раки зимуют. Расскажу все это дяде Ук-

таму, а уж он сумеет их выставить отсюда со всеми их ослами.

— Да разве можно так! — ужаснулась мать. — Они ж родственники. Еще обидятся. Отец сам не рад. Как-нибудь хочет выпутаться. Потерпи немножко.

— Как же терпеть? Сын-то еще нахальнее своего папы. Сел тут около меня, вздор всякий начал нести, будто я ему уже жена. Эта гадина, видно, норовит в колхоз пробраться.

— В отца! Но ты не глупи. Не ведет же тебя отец к ним в дом немедленно. Ложись-ка спать!

Но Тансык долго еще не могла уснуть: на душе у нее было беспокойно. Потом вдруг встала и разбудила мать:

— Найдите отца. Скажите ему: пускай всю вину валит на меня. Он потом сам поймет, что я была права.

* * *

После обильного и вкусного завтрака Бакиджан вышел на улицу прогуляться.

Солнце то скрывалось в низких тучах, то проглядывало, и тогда все вокруг вспыхивало праздничным светом, становилось нарядным, хотя поля были давно опустошены, а деревья голы.

Завернувшись в подбитый тоненьким слоем ваты халат, Бакиджан пошел по колхозным улицам. Встречая солидных пожилых людей, он думал, не председатель ли колхоза это, и подобострастно кланялся им.

Наконец он решил разыскать свою Тансык. От мальчишек он узнал, где находится участок девичьего звена, и отправился туда.

Еще издалека, увидев Тансык, он изменил свою вялую походку на лихую и легкую, насколько мог. Подойдя ближе, широко раскланялся:

— Здравствуйте, милая Тансык.

Мельком взглянув на него, Тансык промолчала и нахмурилась. Она отвернулась, делая вид, что ищет кого-то из подруг; девушки работали на поле, где еще не были убраны пожухлые кусты хлопчатника, и обрывали с них последние раскрывшиеся коробочки.

Сладким голосом Бакиджан пропел:

— Ведь устали, небось? Бросьте вы эти коробочки. Ведь ничего не осталось, все убрали. Чего зря надрываться. Сядем-ка лучше да потолкуем. Не беспокойтесь, ваши подруги нас тут не заметят.

Непависть сверкнула в глазах Тансык.

— У вас есть стыд? А еще родственник! Гость!

— Надо покориться судьбе, Тансык. Видно, придется нам спать на одной подушке. Ведь я к вам прилетел на крыльях любви. Побеседуем, душу отведем, а после, хоть горы хлопком взвалите на мои львиные плечи, все для вас подыму!

Бледная, как полотно, Тансык уже не могла сдержатъ ярости:

— Этот бред выбросьте из головы! Не то что спать на одной подушке, мне и смотреть на вас тошно.

И торопливо ушла к подругам.

Бакиджан стоял, раскрыв рот, выпучив глаза.

Разгневанный, удивленный и струсивший, он вернулся в дом мельника.

Аширмат, восседавший на почетном месте на мягких одеялах и подушках, встретил сына отеческими вопросами:

— Что с тобой, женишок? Что голову повесил? Устал? Соскучился? Не тужи. Небось скоро твоя царевна появится.

— Вы тут белены, что ли, объелись? Жулик вы! — завопил непочтительный сын. В голосе его появился визг.

Аширмат, быстро и деловито вскочив с подушек, кинулся к окну: нет ли посторонних ушей?

Затем надвинулся на сына и прохрипел:

— Чтоб у тебя язык отсох, гадина! Не можешь и здесь скрыть своего подлого нрава? Что у тебя случилось?

Бакиджан, растопырив пальцы, словно намеревался напасть на отца, взвизгнул:

— Дело-то рассыпается! Жулик! Заморочил мне голову, а девка-то не дается в руки. Не хочет и слушать меня.

Аширмат облегченно вздохнул:

— Девушки тогда и хороши, когда капризны. Потерпи. До свадьбы недалеко.

— Она так и пронзила меня зменным жалом. Сват, тоже!

— Сам виноват? Куда полез? Не нашел оврага подалее? Надо было девушку уговорить, приласкать, увести куда-нибудь с глаз долой. После уж никто б спорить не стал. Сыграли б свадьбу без лишнего шума да и без пустых расходов. А уж я оседлал бы мельника. А ты птенец. Не смог? На себя и пеняй. Я чем виноват?

— А вы своему братцу скажите твердо и ясно: пускай обломает девку. Больно высоко заносится!

Аширмат закашлялся, будто что-то у него застряло в горле. Хотя он и напускал на себя бодрый вид удачливого дельца, сердце начало тревожно ныть. Холодок со стороны мельниковой семьи он почувствовал еще накануне вечером. Как ни оживленно говорил он о предстоящей свадьбе, Мир-Ахмад не поддерживал разговора, не разделял с ним радости от предвкушения грядущих событий. Мир-Ахмад молчал, почесывая висок, переводил разговор на что-нибудь другое, а жена его Асальбиби, красная, как пион, отводила глаза в сторону и сокрушенно вздыхала. Аширмат ждал другого. Он ломал голову над загадочной переменной в отношении родственников к себе. И никак не мог найти причины. Единственное, что пришло ему в голову: «Видно, много у мельника забот. Оттого ему и не до свадьбы. А всего вернее — бояться лишних расходов. Ага! Вот, верно, настоящая причина: испугались расходов!»

И как ни кричал он сыну, что тревоги его бессмысленны и беспричинны, в глубине души собственные сомнения росли, грызли, раздирали его нутро. Надо было несколько дней потерпеть, выпытать намерения своих родственников.

— Не расстраивайся, сынок. Отец твой знает, как надо обделывать дела. Тут дело верное. Не сорвется.

Но этими словами он пытался прежде всего успокоить и уверить самого себя.

— Не сорвется! Не горюй. Девка покапризничает да и покорится. На то и девки, сынок. По себе знаю. Она девушка богатая. А они, чем богаче, тем привередливей.

Эти собственные свои рассуждения постепенно успокоили барышника. Он уже мирно и беззаботно вздохнул.

— Сходи-ка выбери дыньку получше. Либо арбуз. Такого изобилия, как здесь, и в раю не сыщешь.

Дня через три, сидя за гостеприимным столом, за обедом с хозяевами, Аширмат вернулся к разговору о свадьбе:

— Давайте уж окончательно решим вопрос. Установим срок, да и по рукам!

Но хозяева отмалчивались и не потчевали, как бывало, а только подавали еду, отводя глаза в сторону. Эта холодность вывела барышника из равновесия:

— Чего молчите? Что у вас там на душе? Ну-ка! Выкладывайте! Давайте наличными.

— Пойми, Аширмат! — набравшись смелости, сказал

застенчивый мельник. — По совести скажу: я один виноват. Я тогда сболтнул, не подумав. А подумав, признаюсь: никакой свадьбы не будет. Невозможно это.

Аширмат взревел страшным голосом, требуя объяснений.

Но Мир-Ахмад не дрогнул. Наоборот, голос его окреп. Робкий, стеснительный со своим, он почувствовал враждебность в глазах Аширмата, и она преисполнила его твердости. Чем больше росла враждебность Аширмата, тем несокрушимее становилась твердость Мир-Ахмада.

— Спрашиваешь, почему? Да потому, что дочь не согласна. А наши коммунисты одобрили ее решение. Да и сам я советовался.

— Это ж нарушение обычаев ислама! С кем же понесло тебя советоваться?

— Колхознику в каждом серьезном деле полезно знать мнение наших коммунистов.

Асальбиби тоже решительно и спокойно вставила свое слово:

— Да и ваш Бакиджан тоже, оказывается, грубиян, невоспитанный юноша.

Мир-Ахмад поддержал ее:

— И это верно. Надо вещи называть своими именами.

Аширмат на этот раз забыл про еду. Весь позеленев, будто яд проглотил, долго он рычал, кричал и взвизгивал плаксивым голосом о родственных чувствах, о благословенной памяти незабвенной тетушки.

Мир-Ахмад оставался непоколебим. Весь запас аширматовских убеждений и доводов вдребезги разбился о непрístupную твердость мельника.

Мир-Ахмад сказал:

— Ты родственник. Когда захочешь, зимой ли, летом ли, двери мои перед тобой открыты. Приезжай. А если обидишься, бог тебе судья. Вот тебе ответ. И весь мой сказ.

Мир-Ахмад встал и почувствовал, что целая гора свалилась у него с плеч. Бодрым молодым шагом пошел он к себе на мельницу.

Разгневанный Аширмат остался на ковре, понося и проклиная Мир-Ахмада, катаясь от ярости по полу, и ничего не мог сделать. Сознание своего бессилия кидало его то в ликую ярость, то в отчаяние. Ведь надежда на колхозное добро была его последней надеждой — с ослиного базара жизнь вырвала его, как гнилой зуб. Успехи Бакиджана тоже держались на ниточке. Год назад он

лишь случайно избежал суда, расставаясь с должностью кассира, а на базаре начался уже опасный для свистуна разговор о его проделках. Женитьба сына на Таисык теперь, когда она стала невозможной, казалась Аширмату особенно необходимой.

Вскоре явился сын.

Видя отца в столь жалком состоянии, Бакиджан не смог сдержать своего негодования:

— Не отец — негодяй! Жулик! Не купец, а тряпка! Едем отсюда. Лучше есть из собачьей миски, чем с блюда этой деревенщины.

Аширмат, стукнув кулаком по скатерти, встал. Бормоча угрозы, намотал кое-как на голову свою неизменную засаленную чалму, кряхтя и охая проковылял к ослам.

Асальбиби так быстро вынесла ему из амбара переметный мешок, что всякий мог понять, как давно она приготовилась к отъезду гостей.

Барышник взял мешок, прикинул его вес, перекинул через осла и уселся сверху.

Однако отъехав несколько шагов, крикнул:

— Верни немедленно платье. Пускай твоя девка наряжается в саван!

— Ваш подарок в мешке. Носите на здоровье, — ответила Асальбиби. И про себя прошептала: «Чтоб тебе самому поскорее нарядиться в саван!»

Молча, не глядя друг на друга, отец и сын отправились восвояси, остервенело колотя ни в чем не повинных ослов.

Выехав на дорогу, Бакиджан излил на родителя всю накопившуюся желчь, не стесняясь крутых выражений. Старик не остался в долгу. Его ярость росла. Он не мог представить себе, как это простой деревенский мельник посмел так обойтись с завсегдатаями городского базара, которых весь город знал в лицо. Они ехали, обмениваясь столь нелестными друг для друга словами, что вот-вот могли перейти от слов к действиям.

— Не вы ли, ослиный жулик, уверяли меня, что, войдя в деревенский дом бедняком, я выеду из него на вороном коне, оседланном золотой сбруей? Вы это говорили, старый хрен! Пустомеля!

Аширмат не успел ничего подобрать в ответ, и сынок продолжал:

— Не вы ли требовали, чтоб я немедленно выгнал из дома жену? Хорошо еще, что я не успел исполнить вашего распоряжения! Был бы я теперь хорош!

Аширмат мог только замахнуться неизменной грязной ослиной плеткой.

— Замолчи! Проклятое отродье! Не ты ли хотел взлететь орлом! А ворона осталась вороной. Проворонил свое счастье.

Так они беседовали и на дороге, и на остановках. Выражения становились круче, и редкое из них можно выговорить в семейном доме.

К полночи они возвратились к себе домой.

На покосившейся калитке висел огромный замок.

— Куда это унесло твою суку? — не без ехидства спросил отец.

Тихая, кроткая жена Бакиджана никогда по вечерам не выходила из дому. Бакиджан постучал к соседям.

— Моей хозяйки нет ли у вас?

— Ее нет, а ключ ваш у нас.

— А она?

— Ушла к родителям. Как только вы уехали, так она и ушла.

— И с тех пор не приходила?

— Нет, ни разу.

Аширмат обмер:

— А что было у нее в руках?

— Я за ней не присматривала! — сердито ответила соседка.

Бакиджан с отцом поспешили в дом. Они все перерыли, заглянули во все ящики, тыча в них коптящей лампой без стекла.

Все имущество, и на террасе, и в комнатах, оказалось цело. Не было только зимнего пальто, жакетки и платка Бакиджановой жены, лежавших в сундуке. Значит, она отлично знала, куда они прятали ключ от сундука! И тем не менее — все цело. Это ошеломило их. Не столько обрадовало, сколько напугало. Ссоры словно и не было. Они соединились в общей тревоге.

Бакиджан выскочил к отцу на террасу. Барышник успокоил его:

— Женщины всегда цепляются за свои тряпки. Это она припрятала, чтобы мы не продавали ее вещи.

На следующий день Бакиджан тщетно прождал свою жену до вечера. Потеряв терпение, сам отправился за ней, хотя и считал это ниже своего достоинства.

Теща сказала ему, что дочь ее не хочет с ним разговаривать.

— А где она? — спросил он грозно и повелительно.

Но теща вместо ответа перечислила ему все издевательства и оскорбления, перенесенные дочерью в его доме. И отрезала:

— Теперь кончено. Зачем явились? За моей дочерью? Вы ее считали плохой, негодной, не заслуживающей высокой чести состоять в браке с таким львом, как вы. Зачем же она вам? Нет, теперь она уж не пойдет к вам. Найдите себе достойную. А дочь и без вас обойдется. И очень легко.

В глазах Бакиджана потемнело от гнева. Он топал ногами и визжал:

— Пускай она покажется, проклятая! Я ей сам скажу... Я ее голодом заморю.

— Ее нет дома. Она работает на шелкомотальной фабрике.

Бакиджан был оглушен этим ударом. Не помня себя, он кинулся к фабричным воротам. Он долго ждал, пока смена работала.

Когда прогудел гудок и со двора пошли бесчисленные работницы, расходясь по домам, Бакиджан смотрел во все глаза, чтобы не проглядеть свою Матлубу. Но одна волна работниц схлынула, а жена его не показывалась. Он уже собирался было бежать переулками к ее дому, чтоб перехватить Матлубу там, на случай, если проглядел ее здесь. Но во дворе появилась новая волна женщин, и среди них — его жена.

— Матлуба! — завопил он, не помня себя.

С красной косыпкой на голове, в пальто, хорошо сидевшем на ее ладной фигуре, молодая женщина оглянулась. На лице ее играла яркая, озорная улыбка. Улыбка вмиг погасла, едва она узнала мужа своего Бакиджана.

Она нехотя отошла от своих новых подруг.

Силясь сдержать душившую его злобу, Бакиджан захрипел:

— Ты взбесилась, что ли? Как посмела без спросу, без моего согласия... Идем немедленно домой! Там поговорим. А хочешь работать, я тебе сам найду работу. Это мое дело.

— Спасибо. В вашем доме у меня никаких дел нет. Я сама нашла себе дело.

— А я тебе развода все равно не дам. Так и знай! Не дам! И от меня никуда не уйдешь! На небо залезешь, и оттуда за ноги вниз стащу. Под землей спрячешься, за волосы вытащу!

— Руки коротки. Скоро придете в суд, там навсегда

попрощаемся. Если и не дадите развода, насильно с вами жить меня не заставят. Свидетели на суде дадут вам характеристику.

Бездна разверзлась перед ним.

— Свидетели? Какие?

Она знала и о кассе, и о свистке.

Посмела б она только намекнуть на что-либо такое неделю назад.

Язык его окаменел.

Матлуба так решительно пошла от него прочь, догоняя подруг, что Бакиджан не успел опомниться. Бежать за ней было бессмысленно: она шла уже не одна. И как легко решал он прогнать ее, так невыносимо стало ему без нее, когда не он, а она разорвала их семейные узы.

Ошеломленный, взбешенный, спешил он домой, чтобы обрушить все накопившиеся чувства на своего родителя, чтоб выместить на нем все. Он забыл, что сам вполне разделял все папашины взгляды. Забыл, что разница между ними заключалась лишь в том, что Бакиджан требовал решительности и напора, а барышник был труслив и патриархален.

В конце маленького, величиной с ладонь двора, в тесной кухне, напоминающей мышиную норку, Аширмат готовил похлебку. Из развалившейся трубы во двор полз едкий дым и чад.

— Что ж сноха еще не пришла, а? — спросил он у возвратившегося сына.

Бакиджан, еще больше нахмурившись, с раздражением передал сцену у фабрики:

— Говорит, что ее нога больше не переступит порог вашего дома, хочет разводиться со мной, — закончил он рассказ и вдруг закричал: — Вы разбили мне семью, отняли мой покой, буду наклеивать на мою голову!

— Ах ты, негодяй, горе мое, уйди вон отсюда! — крикнул Аширмат. Высоко подняв деревянную поварешку, отец замахнулся на сына. Бакиджан, дрожа от ярости, отступил и сел на краю террасы.

— Во-первых, виноваты вы, чтоб сгорела ваша могила, — произнес он, задыхаясь, — потащились в колхоз, там вдоволь нахлебались упреков и вернулись обратно ни с чем.

— Негодный, — прохрипел Аширмат, — твое поведение мне не нравится, сыночек! Вырастил, вынянчил, о проклятый осел, чтоб ты ослеп! Где уважение, где благодарность отцу? Виноват ты сам: не умеешь управлять

женой. Надо было похвалить ее за то, что поступила на фабрику, она бы растаяла и вернулась обратно. Женщина, словно ртуть: в какую сторону направить, в ту сторону и покатится. А ты, грубиян, невежда, начал разговор с грубостей, я знаю тебя, голубчик!

— Довольно, надавали вы мне всяческих советов! — крикнул, потеряв терпение, Бакиджан.

Перебранка привлекла соседей. Бакиджан, задыхаясь, жаловался на отца. Словно деревянную палку с набалдашником, высоко подняв поварешку, старик опять кинулся на сына.

— Полно вам, успокойтесь, — уговаривали их соседи.

— Когда Матлуба уходила, у нее от горя из уст выходило пламя, вот она и решила больше никогда сюда не возвращаться, — сказал старик сосед. — А молодуха была славная, такая кроткая, тихая. Жаль, жаль...

Кухню наполнил едкий дым. Сырые щепки дымились и гасли. Похлебка и не думала закипать. Аширмат то закрывал, то открывал грязную, измазанную копотью деревянную крышку котла. Бросив в котелок щепотку соли, он попытался опять раздуть огонь. Вдруг он вспомнил, что уже раньше положил соль. Тут же попробовал похлебку — пересолил! С руганью он наполнил до краев глиняный кувшин с отломанной ручкой, вылил воду в котел, затем, помешав, опять опустил крышку.

Наконец похлебка сварилась. Чтобы смягчить соль, Аширмат положил горсть красного перца. Наполнив до краев глиняные чашки острой и соленой похлебкой, он направился к террасе, присел в дальнем углу и сказал:

— Ну, сынок, наломай лепешку.

Бакиджан положил на сальную серую скатерть сухую лепешку, стукнул по ней кулаком и, раздробив на мелкие кусочки, положил в похлебку.

Проголодавшись, он с жадностью было набросился на содержимое чашки, но тут же сморщился:

— Ни, ни, ни... похлебка и пересоленная и переперченная!

— Накроши побольше лепешки. Верно, суп острый. Перец полезен человеку. Нажимай, нажимай, — приговаривал, наклонившись над чашкой, Аширмат.

С большим трудом одолев свою порцию, Бакиджан вошел в темную комнату и, тяжело вздохнув, растянулся на своей постели.

Спозаранку старик приоткрыл скрипящую дверь и просунул в нее голову. На нем был широкий вылинявший

халат, только что вынутый из сундука и потому крепко пахнувший нафталином. На голове красовалась огромная, словно котел, грязная чалма.

— Голубчик мой, сынок, вставай, вставай. Не опоздай на базар. Сейчас самая пора. Я тебе чаю заварил, выпей — и в путь-дорожку, — заботливо бормотал Аширмат.

Бакиджан, широко открыв глаза, мгновение смотрел на отца, но тут же резко повернулся на бок.

— Вставай, вставай, сынок, — настаивал Аширмат.

— Оставьте меня в покое, ко всем чертям ваш базар, — проворчал сын.

— Эге, вы еще остаетесь в невежестве, братец мой, базар подобен широкому морю, он полон сокровищ, был бы ум. Если вы будете пускать, где нужно — угрозу, а где пужно — сладкую речь, деньги ручьем потекут в ваш карман.

Бакиджан молчал, уткнув голову в подушку.

— Я ухожу, — сказал Аширмат, — и приглашу больших людей посредниками, не оставлю дела — и невестка вернется...

Сделав два-три шага по направлению к выходу, он вдруг опять вернулся назад.

— Да не забудь, положи ключ на свое место. Знаешь ведь куда... — сказал он и, солидно переваливаясь из стороны в сторону, вышел на улицу.

— О, он сегодня вытащил свой чекмень из сундука, к чему бы это? — шептались на улице люди.

— Очень к лицу ему эта грязная, криво подвязанная чалма и кожаные кауши, вай, вай, вай! — засмеялся один из стоящих на улице.

Самодовольно и гордо, важной походкой Аширмат прошел через маленькую площадь, заворачивая то в одну, то в другую узенькую улочку, и пошел к дому отца невестки.

Возле ворот встретились ему сваты. Аширмат чинно и солидно протянул было руки, но отец Матлубы едва подал ему кончики пальцев и удивленно произнес:

— Эге, так рано ушли из дому!

— Присядь, свет мой, у меня к тебе дело, — сказал Аширмат, присаживаясь на скамейку возле ворот. — Так где же наша миленькая невестка, как дорогое ее здоровье? Бедняжка, она очень милое дитя. Скромная, кроткая. Я питаю большую любовь к ней, как к дочери. Иногда, когда я скучал, она читала мне такие стихи, что я не мог удержаться от слез.

— Полно, спасибо, нет надобности в ваших похвалах, — не сдержав себя, пробурчал сват.

Аширмат покраснел от досады и, заслоняя лицо рукой, охрипшим голосом, громче обычного, продолжал:

— Э, неблагодарный, а ну, позови ее, поговорю с ней самой. Но, однако, братец, возьмите себя в руки, ведь невестку я люблю, как свою родную дочь.

— Дочь рано утром ушла на фабрику, — ответил, нахмурив брови, сват. — Но воля ее, я не буду вмешиваться.

Вдруг обиды всколыхнулась в его сердце, и, не в силах сдержать себя, он крикнул:

— Наглые вы, наглые, обманули меня; дочь свою я бросил в огонь. Я сгорал от стыда перед людьми, теперь хватит, поумнел я!

— Жизнь колышется, подобно морю, — кротко сказал Аширмат, стараясь смягчить свата. — Я пошел, как говорится, на все, но свадьбу сделал хорошую. Ведь недаром говорится: «Свадьба не бывает без обиды».

— Полно вам, не говорите о свадьбе. Что было, то прошло. Мне только жаль мою дочь, она натерпелась в вашей трущобе. Ходила она у вас в лохмотьях, ела черствый хлеб, всюду собирала кизяк, чтобы кормить одну-единственную курицу. Яичко, которое курица едва успевала снести, вы бежали продавать на базар. Стыд, позор!

Аширмат, побледнев, вскочил :

— Пророк наш сказал, что курица божья тварь, чистое и священное существо. Если сноха собирала для нее кизяк, этим она творила доброе дело. Потом не забудьте, что прожить не совсем легкое дело.

— Полно, не учите меня. У дочери своя воля, но, мне кажется, напрасно вы хлопочете, — сказал отец Матлубы и, даже не попрощавшись, ушел.

Аширмат до вечера проштатался по улицам, встретился с некоторыми своими знакомыми, но ничего утешительного не услышал от них, кроме: «Пожалуй, бесполезно», «Посмотрим», «Подумаем».

Итак, бедный несчастный Аширмат усталым и расстроенным вернулся домой. Ничего не сказав сосредоточенно и зло глядевшему Бакиджану, он пошел дать птице зерна, затем, остановившись возле террасы, промолвил:

— Кое-что получается, наберись терпения. В этом деле нужны хитрость и ум, а ты еще зеленый.

Бакиджан, отвернувшись от него, ответил:
— Довольно, хватит вам! Не нужен мне больше базар, не надо мне впредь свистка, я отрекаюсь от них.
С этими словами он вскочил и ушел.

XXVI

Стряхнув снег с каракулевой папахи и с шинели, Уктам вошел в кабинет Сайрамова.

Не выпуская руки Уктама, Сайрамов подвел его к жаркой печке:

— Озяб? Садись здесь.

И сам сел рядом.

От печки слегка пахло свежей краской. Видно, топить начали недавно. Да и снег повалил лишь накануне.

Сайрамов раскрыл коробку «Казбека», и оба закурили.

За окном крупными хлопьями летел снег. Кивнув на окно, Сайрамов озабоченно сказал:

— Рановато зима явилась. Могла бы немножко повременить. Какого вреда ждешь от нее?

— Никакого. Явилась в самый раз. Если в сердце огонь, наружный холод не страшен.

— Это верно. Огонь в сердце — это главное. Надо его беречь. Надо его раздуть жарче.

Сайрамов дружески положил руку на плечо Уктама.

— Значит, как ни спешила зима, а мы ее обогнали?

— Именно так, товарищ Сайрамов! — скромно подтвердил Уктам.

— Какие же планы, когда осень прошла?

— Планы? Вы разве забыли? Гидростанция.

— Помню. Еще летом говорил о ней с Мир-Хайдаром.

— Я знаю. Но сперва надо было собрать урожай с полей, чтобы не распылять колхозные силы. А как теперь?

— А теперь надо начинать. Думаю, во всем колхозе у нас не найдется никого против. А это большое счастье — выполнять волю народа. Когда вы думаете начать?

Но в это время дверь приоткрылась, и раздался звонкий голос Камили:

— К вам можно?

Сайрамов встретил девушку приветливо и просто.

Уктам никак не ожидал увидеть здесь Камилю.

Он пожал ее озябшую руку и наклонился к печной дверце, чтобы скрыть свое волнение и успокоить сердце. Он сделал вид, что очень занят топкой, а Камиля развязала и сняла свой большой пуховый платок и села рядом с Сайрамовым.

— Ну, как идут дела, Камиля?

— Приезжала в МТС и решила посоветоваться с вами. Вопросов много. А в связи со снегом новые появились...

— Хорошо, что приехала. Вот Уктам привез большой план. Послушаем его вместе.

— Им теперь можно за большой план приниматься. Они нынче вон как выдвинулись. Им сейчас можно широко шагать! — улыбнулась Камиля, скосив озорной глаз на Уктама.

Уктам уловил в ее словах что-то такое, что сразу ободрило его.

— Можно подумать, что мы вас обогнали! А на деле вы по своему колхозу дали сорок шесть центнеров с гектара, а мы едва дотянули до сорока.

Вскоре опять заговорили о гидростанции в «Богатыре».

От волнения или от нетерпения Уктам говорил громче, чем всегда:

— Это наша ближайшая цель. Средств хватит. И свои мастера есть.

— Есть? — спросил Сайрамов. — Свои? Из своих колхозников?

— Да. А как же! Наши ребята ведь тоже работали на Фархадстрое. Да и на других больших стройках. Там они набили руку. Каждый освоил какую-нибудь специальность. А в целом, нет такой строительной профессии, чтоб у нас не нашлось на нее своего специалиста. Отличную школу прошли.

Сайрамов задумался, вычерчивая острым карандашом замысловатые фигурки. Потом спросил Камилю:

— А что скажете об том вы?

Камиля не ожидала вопроса и замаялась:

— Я?

Она посмотрела прямо в глаза Уктаму:

— Хороший план. Значит, у них будет станция намного сильнее нашей. Так и надо. Мы своей пока обеспечены. Но до поры до времени. Скоро нам свою придется усиливать. Наша ошибка в том, что хоть мы и смотрели вперед, да недостаточно далеко.

Когда в общих чертах план определен и наилучшие сроки строительства были намечены, Сайрамов неожиданно спросил:

— А вы никогда не думали об освоении новых земель?

При этом и Уктам, и Камиля уловили на себе его внимательный и серьезный взгляд, хотя Сайрамов улыбался.

У Камили загорелись глаза:

— Не думали? Да это мечта наша! Если б нам было где развернуться!

Уктам мечтательно покачал головой:

— Земли у нас маловато. Сами знаете: тесно нам. Куда ни глянь — граница. Дальше — сосед. Мечтаем о таких местах, где год от года можно шире и шире расширять крылья. Я вам признаюсь, товарищ Сайрамов, иной раз думаю: хорошо б в Голодную степь податься.

— Степь эта широка и просторна. Это верно. Там много земли отвоюем. Станет степь цветущей землей. Но там свои хозяева есть — колхозы-переселенцы. Нам предстоит еще и Аму-Дарью взнуздать. Там тоже новые земли зацветут.

Он повернул озаренное внутренним огнем счастливое лицо к висевшей возле стола карте своего района; быстро нашел земли «Богатыря» и «Эльбада» и задержался между ними, потом поднял палец чуть выше штриховки, означавшей возвышенности.

— Взгляните-ка! Вы знаете это место? Оно называется Куш-Кунмас. Подумайте, что значит это название? Оно значит: «Птица не сядет». Это место, как заплатка на нашей долине. Такое место, что и птице там незачем садиться.

— Знаю это место. Но ведь потому оно и пусто, что воды там взять неоткуда.

— А вот я вам скажу. Вода не только орошает землю. Она дает и электроэнергию. Так? Если мы на реке построим электростанцию, она будет нам перекачивать воду туда, куда нам понадобится. Подумали ли вы об этом? Мы будем ее качать снизу вверх, на Куш-Кунмас. Надо только с толком выбрать место для гидростанции. Оживут десятки тысяч гектаров. Вот какое раздолье рядом с нами. Между вами, друзья. Как раз на равном расстоянии от Уктам и от Камили.

Глаза Сайрамова весело заиграли лукавыми искорками.

Лоб Уктама, хмурившийся от думы, разгладился.
— Построить мощную станцию! Вот это мысль! Но задача серьезная.

Сайрамов дружески толкнул Уктама:

— А коммунисты и должны серьезные задачи решать. В этом наша сила.

Уктам нетерпеливо постучал по столу:

— Когда же начнем?

Камиля поддержала невысказанную мысль Уктама:

— Хочется взяться поскорее!

— Такое дело один колхоз не подымет. Нужны силы всего района. По крайней мере, нескольких сельсоветов. Нужно обстоятельно подготовиться. А не то подумают: Сайрамов, сидя у теплой печки, несбыточные мечты...

— Какие там несбыточные? — перебил Уктам. — Что же может быть реальнее?

— Я давно думал об этом. Однажды я ехал по той степи. Мы провожали руководящих работников, членов правительства. Они заинтересовались степью. Вышли из машин. Походили, посмотрели. Опыт у них большой. Вот тогда и родилась идея оживить эту степь, поискать пути для ее освоения. Эту идею нам надо донести до масс. Разъяснить ее. Воодушевить народ на это дело. За землю, за воду, за свет наш народ всегда готов бороться. А эта стройка даст нашему району все эти три вещи.

— Отлично! — повторил Уктам. — Отлично!

— Вот то, что нам нужно! — подтвердила Камиля.

— Вызовем специалистов, изучим степь вдоль и поперек, от края и до края. Исследуем ее всю, потом поеду в Ташкент просить разрешения, советов, помощи. Как, милая Камиля?

Камиля, мечтательно смотря на карту, кивала в знак согласия.

Сайрамов помолчал, с лукавой улыбкой поглядывая на Камилю с Уктамом, и сказал:

— Может быть, эти новые земли помогут и вам решить вопрос, который вам кажется неразрешимым?

— Кому? — не поняла Камиля.

— Вам двоим! — засмеялся Сайрамов.

Глаза Уктама горячо взглянули на Камилю, и она смутилась, но не спрятала глаз.

Сайрамов, просяив, с воодушевлением досказал свою мысль:

— Для ваших творческих сил открывается широкое

поле деятельности. Постройте новые колхозы. Новую жизнь вам предстоит создавать на пустыре, куда сейчас даже птица не садится. Отец этого плана — труд, труд! Трудом, как ключом, вы отомкнете все сокровища, скрытые в этой земле. И эти сокровища будете тратить на человеческое благо и радость. Безграничные перспективы! А, друзья?

Он, чуть склонив голову набок, сощурил глаза.

— Вы как решаете — взять там себе по отдельному колхозу или один на двоих? Правда, этот вопрос значення не имеет: думаю, это обстоятельство не может быть преградой для вас?

— Совершенно верно! — волнуясь, но твердо ответил Уктам. — Не может быть преградой. Если партия найдет нужным, поставит нас простыми колхозниками работать кетменями в одном звене. Будем работать в одном звене. А если партия пошлет нас в разные концы нашей великой страны, будем работать за тысячи километров друг от друга, — лишь бы сердца наши бились заодно, лишь бы мечты и мысли наши были едины!

Камиля так взглянула на Уктам, что в одном этом взгляде выразилась ее любовь, искренняя, большая. Лицо ее стало прекрасным.

— Товарищ Сайрамов! Уктам ответил вам за нас обоих.

Сайрамов пожал им руки. И это рукопожатие словно порвало все, что разделяло Камилю и Уктам, словно навсегда соединило их.

На прощание Сайрамов сказал, что на днях состоится совещание, посвященное освоению Куш-Кунмаса, и что он ждет их обоих на это совещание.

Когда они вышли из кабинета, мела метель. Деревья стояли в пушистом, как хлопок, снегу.

Камиля сказала:

— Я домой. А вы?

— Провожу вас.

Она ничего не ответила, пошла к коновязи. Отвязывая свою лошадь, улыбнулась...

— Если никаких дел у вас здесь нет...

— Нет! Едемте!..

Выехав из города, они придержали лошадей и поехали тише, негромко разговаривая.

Камиля, повязавшись своим пушистым платком, то приоткрывала лицо, чтобы легче было ей говорить, то снова заслонялась концом платка от ветра. На ветру

лицо ее покраснелось, на длинных, тонких бровях таяли звездочки снега.

— Утром выглянула — снег! Кому бы, думаю, написать снежное письмо!

По древнему узбекскому обычаю, едва выпадет первый снег, пишутся письма друзьям, и в этих письмах, после поздравлений с первым снегом, заказываются вечеринки. Снежное письмо полагается вручить другу лично и тотчас скрыться. Удастся убежать — получивший устраивает пир для всех, кто перечислен в письме. Если же автор письма удрать не успеет, вечеринку обязан устроить он сам, а за нерасторопность ему тут же мажут лицо сажей.

— Ну, и кому же...

— Вам! Если б вы не так далеко жили, утром сама отнесла бы вам. Непременно!

— Удивительно! И я встал рано. По солдатской привычке выбежал во двор, вытерся белым снегом, вдруг вспомнил: снежное письмо! Кому? Захотелось написать вам! Только вам! Видно, наши мысли начали совпадать, наши души сливаются в одну душу.

— Во всем ли?

— Мое сердце, Камиля, заодно с вашим!

— А может быть, оно понадобится вам одному?

Когда проехали около половины дороги, Уктам показал на гряды холмов:

— Вон за теми холмами лежит эта степь.

Камиля увидела сквозь летящий снег белые смутные холмы.

— Далеко до них?

— Давайте свернем туда, посмотрим.

Камиля пожала плечом:

— Кто же не видел степи?

— Мне хочется взглянуть на нее другими глазами. Я бы поставил там шалаш, чтобы вдоволь на нее насмотреться.

— Я теперь не успокоюсь, пока не начнем там работу. Замечательно это будет! Но, если туда свернуть, мы там застрянем до ночи.

Уктам взглянул на часы:

— Час дня. Вы хорошо ездите?

— С детства.

— К вечеру вернемся.

Камиля молча свернула с дороги. Хлестнув лошадей, они поскакали по гладкому снежному полю.

Постепенно остались позади возделанные поля. Исчезли и голые деревья.

Перебираясь через балки и овраги, они выехали наконец на плоскогорье, откуда открывалась бескрайняя степь.

В лицо им ударил вольный степной ветер, бросая волнами снег и завивая его в воздухе.

Камиля закрыла платком все лицо. Лишь глаза ее пытливо и зорко выглядывали, всматриваясь вдаль.

Ее конь шел вслед за конем Уктама.

Этот путь наполнял Камиллю каким-то необъяснимым восторгом. Кровь кипела в ней. Сейчас Камиля готова была ехать за любимым хоть всю жизнь, хоть на край света.

А Уктам чувствовал себя хозяином этой необозримой степи, оглядывая ее смелым взглядом, направлял коня туда, где хотелось побывать и посмотреть.

Наконец они остановились.

Край этой ровной земли сливался с небом, терялся в снежной мгле. От коней шел пар. Кони всхрапывали. Уктам рулеткой плетки потрепал шею своего вороного и посмотрел на Камиллю:

— Мы в самом сердце степи. Придет сюда вода, поднимутся тут сады. Просторно!

Они смотрели восхищенными глазами. А вокруг изпод снега, из мерзлой земли, торчали лишь голые сухие стебли степной колючки.

Они видели не бесплодный пустырь, а будущий сад, который своими руками, в любви и согласии, они создадут здесь.

И на этот мир, видимый лишь одним им, невозможно было насмотреться вдоволь.

Она говорила, стоя с ним рядом:

— Люди боялись сюда заходить; летом — зной, зимой — стужа. Тетушка мне рассказывала: «Здесь есть заколдованная пещера. А пещеру стережет свирепый дракон, извергающий пламя из пасти».

— Страшная сказка кончена, Камиля. Пещеру расколдуюем, дракона запряжем воду качать, а сокровища из пещеры достанем для народа. Сокровищ тут неисчерпаемые залежи, а ключ к ним — вода. Вместо дракона, извергающего суховей, повеют прохладные ветры из тенистых роц и садов.

— Сколько же земли вы предполагаете взять здесь для своего колхоза?

- Земли? Тысячу — под хлопок, пятьсот — под клевер и под луга, сотню — под сады и сто — под виноград.
- Значит, вина у нас будет вдоволь?
- А помните, Навои писал о вине. Как это хорошо:

Эй, Навои! Дом души и вином радуй тоже, —
Куда входит вино, туда горе не вхоже.

Камиля шепотом повторила слова поэта.

Уктам, наклонившись к ней, обнял ее, сняв с ее лица платок, увидел темные, ласковые, родные глаза.

Когда рот ее оторвался от его горячих губ, она отвернулась, стыдясь его взгляда. Голова кружилась. Ей стало жарко.

Снегопад прошел. Уктам ласково смахнул с ее воротника снег.

Они долго молчали, то беря друг друга за руки, то глядя в белую, бескрайнюю даль.

Наконец Камиля спросила:

— Ну, что ж? Поедем? Ведь скоро вернемся в эти места.

— Задушить страшного дракона?

Сначала они ехали медленно.

Потом, звонко засмеявшись, она хлестнула озябшего коня, и он понес ее в стремительном беге, а Уктам мчался рядом.

Иногда они останавливались, чтобы оглядеться и определить направление. Тогда снова руки их соединялись, и опять губы тянулись к губам.

Уже в сумерках выехали они на большак. Волнение их утихло, и, словно почувствовав это, лошади пошли устало и тихо.

— Вот мы и прогулялись! — вздохнула Камиля. — А вы, оказывается, настойчивый! Еще хорошо, что мы не заблудились.

— А вы боялись?

— А чего? Подо мной добрый конь. Рядом со мной.. Она повернулась к нему лицом.

— Со мной...

— Ну, кто?

— Добрый друг.

— Только друг?

— Разве этого мало? Ведь я еще не могу сказать: милый муж?

Когда доехали до полей «Эльбада», Камиля попро-

сила не провожать ее дальше. Не выпуская ее рук, Уктам, как мог, старался отдалить разлуку.

— Позвонить Сайрамову? Сказать ему о нашей поездке, о степи? — спросила Камиля.

— Обязательно! Расскажите ему. Он увидит, как близок нам его план.

Расставаться не хотелось. Оба медлили. Наконец расстались.

Уктам, вернувшись к себе в колхоз, зашел в чайхану. Из-за снегопада люди сидели в душном, закрытом помещении. Пили чай, играли в шахматы. На дощатом помосте оркестр колхозной самодеятельности исполнял то тихие и задумчивые песни, то игривые, звонкие пляски.

Уктам увидел Сабира и подсел к нему.

— Что-то глаза у тебя блестят! — заметил Сабир.

Уктам улыбнулся, но ничего не сказал. Он взял пиалу чаю и держал ее, не отпивая. Он слушал музыку, а мысли его странствовали где-то далеко, по степи, по эльбадской дороге.

Когда завязался разговор, Уктам рассказал собеседникам о сайрамовском плане, о своей поездке по снежной степи.

Сабир широко вздохнул:

— Вот это по-нашему! Слыхали? Ты, Уктам, держись за это дело. Собери людей, организуй их. Мне дашь самый трудный участок.

Неразговорчивый, сильный, большерукий Шо-Назар медленно и строго сказал:

— Стройка стройкой, а весна весной. О стройке подумаем, а для весны пора работать. Сто центнеров берем-ся собрать?

— Не берем-ся, а уже взялись! — поспешил заметить юркий Шакир.

— Я о том и говорю — взялись.

Уктам взглянул на Сабира:

— На сто?

— Да, решили испытать свои силы. Сегодня заключили договор.

Шакир объяснил:

— Завтра начинаем вывозку удобрений. А то комсомольцы нас обгонят, они народ скорый, ловкий.

— А девушки замахнулись на сто десять! — подзадорил их Уктам.

Когда Уктам уже собрался домой, Сабир удержал его и шепотом заговорил о своей свадьбе. Члены его бригады

одобряли Сабира и торопили отпировать, пока не началась подготовка к весне.

Уктам, видя волнение Сабира, напустил на себя равнодушный вид.

Шакир говорил:

— У Сабира сердце истаяло. Девушка сон потеряла. Если откладывать их женитьбу, они, пожалуй, оба растут.

Незаметно подмигнув Шакиру, Уктам сказал:

— А разве она еще не раздумала выходить за Сабира? Я что-то слышал об этом. Не припомню от кого.

Сабир, насупив брови, беспокойно пробормотал:

— Типун тебе на язык!

Уктам засмеялся и обнял Сабира:

— А у тебя к свадьбе-то все готово?

— Да я в один день одену ее с головы до ног! Надо только день свадьбы назначить.

Шакир поддразнил его:

— Да она сама богаче тебя. На что ей твои наряды? Они больше ста собрали с каждого гектара, а сколько мы? У них всего больше. Так что спесь свою убавь.

Уктам по просьбе Сабира обещал на следующий день побывать у Анархон и поговорить с ее родителями.

Широкое лицо Сабира расплылось в улыбке и порозовело сквозь густой загар.

Накинув на плечи шинель, Уктам ушел из чайханы. Снег пошел. Вызвездило. Мороз крепчал.

В правлении, у маленькой чугунной печки, мирно разговаривали Мир-Хайдар и восьмидесятилетний Алимкул.

Красивая белая борода Алимкула падала на новый шелковый халат. На шелку плясали алые отсветы огня из открытой печной дверцы, а Мир-Хайдар перемешивал пылающие угли.

Председатель сказал, кивнув на Алимкула:

— Выслушай, милый Уктам, новое желание отца.

— Слушаю!

Но Алимкул, с ласковым лукавством взглянув на Уктам, промолчал. Мир-Хайдар объяснил:

— Машину купить хочет.

— Славное желание! — одобрил Уктам. — Борода седа, а душа молода. Но я одного боюсь...

— Чего это? — встревожился старик.

— Не вздумается ли после новой машины и новую жену взять?

Борода вздыбилась и задрожала от смеха, а Мир-Хайдар добавил к словам Уктама:

— Одна сбывшаяся мечта рождает десять новых. Я бы, пожалуй, и сватом выступил, да жаль бабушку Нуринисо, — каково-то ей соперницу в дом пускать!

Алимкул, насмеявшись, сказал:

— У меня недавно правнук родился. А вы измываетесь над прадедом, бесстыдники! Ай-яй! Я взглянул и не сдержался, слезы сами полились: такой крошечный тигренок! Дождался правнука! Дай бог каждому такую старость. Моя старуха тоже слезы лила. Женское сердце слабо. Вы не думайте, с машиной я решил твердо. Дом у меня в полном порядке. И комнат и террас всем хватает, хоть семья и велика, слава богу! Что ж, мне деньги в сундук, что ли, закрывать?! Я в жизни никогда сундукам не кланялся. Так пускай деньги эти гуляют по родной стране, а я сяду в свою машину. В николаевское время у меня на дворе даже осла не было. А теперь пускай машина сверкает. Я в этом году дал столько центнеров с гектара, сколько мне лет, — восемьдесят один. А на будущий год столько дам, сколько прожить хочу — сто! Самое меньшее — девяносто с лишним.

— Завтра же закажу для вас машину, отец! — обещал Уктам и пожал грубую, заскорузлую стариковскую руку.

Потом рассказал о разговоре с Сайрамовым, о будущем бесплодной степи и о своей поездке в эту степь.

Уктам рассказывал подробно. Сам волновался. Многие пояснял и дополнял. Но старики, переспрашивая, требовали новых подробностей, вникали во всякую мелочь, твердили:

— Чудеса! Там же птица не садилась! Мы ж те места стороной обходили. Оттуда мошкара налетала. Там сухой зарождался. Ну и времена!

Мир-Хайдар почесал ладонь.

— Десять, а то и пятнадцать тысяч гектаров новой земли. Вот это кусочек! В наше колхозное хозяйство неплохой приварочек.

И покачал головой:

— А мы-то с тобой, Уктам, хороши! Хотели из старой мельницы электростанцию строить! Этакую глупость десять лет назад еще можно было понять! А мы с тобой!.. А? Знаешь, что я тебе скажу? Надо думать о такой электростанции, чтобы десять колхозов она напитала. Десять!

Уктам молча развел руками. Еще помолчал. Посмотрел в глаза Мир-Хайдару:

— Десять? А может, пятьдесят или сто?

— А ты против?

— Это от наших, от местных условий зависит — пятьдесят или сто, или десять. Правда ваша, отец, в том, что не стоит мельчить. Вот в «Эльбаде» электричества еще хватает, но уже в обрез. А ведь недавно строились. Если ж мощную станцию ставить, она сразу всем нам силу даст. Только бы место для нее правильное найти, да всем вместе для постройки собраться. Вот и все.

— Значит, согласен со мной?

— Тут, отец, всякому ясно: вы подальше, чем я, заглянули.

— Ну то-то. В тот раз я отстал. Теперь — ты.

— Значит, оба вперед идем, а не топчемся на одном месте.

Алимкул ласково похлопал Уктам:

— Головы у вас у обоих светлые.

— То не наши головы! — ответил Уктам. — Нас партия направляет. У нее миллионы глаз, ей виднее. Чего мы не доглядим, она покажет.

— Партия? — задумался Алимкул. — Если она говорит: ищи счастья на новой земле, — я ей верю. Буду искать счастье там. Потому что я ей верю! Так сделаем — пускай здесь, на обжитой земле, остаются мои внуки с правнуками, а я уж с тобой, Уктам. Туда пойдем. А то вы придете туда, а там — ни одного старика!

Он заулыбался:

— Что ж это у вас за жизнь будет без стариков? В ней крепости не будет, спокойствия. Я уж с вами. Ладно? Я хочу сам посмотреть, как степь станет садом. как птицы в сад налетят. Послушаю, как они песню там запоют. Как первая там роза зацветет. Как первый хлопок из земли выглянет. Кому это доводилось видеть? Никому! А мне доведется, если пойду туда с вами, Уктам. Вот что заманчиво. Нет, обязательно пойду. Переселенцем меня считай. Ладно?

Мир-Хайдар смотрел на Алимкула с веселым удивлением:

— Помните, отец, в прежнее время тот считался как благородный, кто в Мекку ходил, а у крестьян в наше время тот благороден, кто извечно непаханную землю вспашет, кто в пустыне розу вырастит и первый урожай соберет. Вот благородство крестьянина.

— Вообще — советского человека! — поправил Уктам.
— И то верно: перед каждым своя есть пустыня. Да не каждый на нее с кетменем идет. Иной стоит на краю да из-под деревьев на нее смотрит.

Вскоре Алимкул поднялся.

— По своей старушке соскучились? — поддразнил его Мир-Хайдар.

— Угадал! Она ведь еще ничего не знает. А я пойду, скажу: собирайся! Пускай заранее знает. Пускай готовится.

Уктам тоже встал:

— Значит, отец, вы у нас первый агитатор по этому вопросу?

— А ты, мальчик, не смейся! Первый! Я первый. А что?

— Счастлив, что так.

— То-то.

Уктам вышел с председателем.

Мир-Хайдар решил на другой день ехать к Сайрамову, обсудить подробно поход на степь, а по пути поговорить об этом с председателями соседних колхозов.

Когда, поскрипывая снегом, Уктам шел домой, заслонившись воротником шинели от колючего ветра, он догнал колхозников, возвратившихся из чайханы. Они спорили о степи. Значит, уже рассказали всем о сайрамовском плане и все приняли это к сердцу, никто не остался равнодушен.

Уктам замедлил шаги и шел сзади, слушая колхозников. Он услышал немало лестных слов о себе и постарался отстать еще больше, чтобы его не узнал кто-нибудь.

В теплой комнате, устроившись по привычке у окна, хотя за окном лишь смутно мерцали зимние звезды, тетушка Сора стегала одеяло.

Хакима так углубилась в какой-то роман, что когда Уктам вошел, она взглянула на него отсутствующим взглядом и снова уткнулась в книгу.

Уктам взял другую книгу и сел возле сестры.

Тетушка Сора, взглянув сквозь очки на своих детей, вздохнула, говоря, будто самой себе:

— Дочка молчит с самых сумерек. Ни одного слова! Теперь новый читатель объявился. Не то школа, не то читальня у нас дома. Видно, мне, чтоб поговорить, в клуб ходить придется.

Чистым и ясным было небо в день свадьбы Сабир. Снег стаял. Дул теплый ветер, тихо покачивая голые ветви, и всем казалось, что вот-вот деревья покроются весенней листвой, хотя стояло зимнее время.

На голову Сабир надвинул круглую лисью шапку, надел черное пальто с меховым воротником и опоясался зеленым шелковым платком. Из-за платка возник спор с матерью. Сабир противился, но мать настояла на платке, без этого свадебный наряд сына ей казался неполным.

В этот день во всем мире не могло быть человека счастливее Сабир. Даже старые друзья, балагуры и шутики, с детских лет сдружившиеся с Сабиром, в этот день разговаривали с ним, как бы стесняясь, почтительно и степенно.

Жених не считался с затратами. Деньги текли без счета. Друзья и родственники начали свои поздравления с утра.

Отведав изобильно расставленных угощений и лакомств, уходили на работу, обещая вернуться вечером к свадьбе.

Уктам и Сабир уговорились, что свадьбу отпразднуют без излишних традиционных обычаев, предпочитая веселье церемониям, а живое общение гостей патриархальным обрядам. Невестина сторона согласилась с этим.

Хотя свадебный пир готовился в доме жениха, но и у Анархон весь дом с утра тоже наполнился людьми. Рано утром, в сопровождении подруг, Анархон побывала в бане, а когда вернулась, оказалось, что весь дом полон гостей, родственников, знакомых, соседей. Все приносили дары невесте, сладости, печенья, вещи. Чтобы посидеть с подругами, пришлось просить комнату у соседей. Там Тансык заплела невесте черные, как уголь, волосы в косы, похлопала ее по плечу и пожелала:

— Будь счастлива.

Девушки ее звена, словно и тут соревнуясь друг с другом, надели лучшие свои платья и принарядились так, что каждая из них казалась невестой, и незнакомец, пожалуй, не угадал бы, какая же из них празднует сегодня свою свадьбу; на груди у каждой сверкали ордена и медали, на руках — именные золотые часы, полученные осенью от правления колхоза за выдающийся успех их звена. Эти часы вручил им Мир-Хайдар, пригова-

ривая: «Почаще на свои часы поглядывайте, чтобы ни один ваш час не пропал даром, мои дорогие!»

Когда Анархон пригласила подруг к угощению, они сели вокруг нарядной скатерти и затараторили, перебивая друг друга, горюясь высказать переполняющие их мысли и чувства. Сразу стало в девичьей комнате шумно, весело, празднично.

Вдруг Анархон опустила голову и замолчала. Анзират толкнула ее локотком:

— Чего пригорюнилась? Не грусти, девушка, радуйся, ликуй, ты ведь и тут нас обогнала!

— А мне кажется, что я вас теряю. Смотрю на вас, будто прощаясь. Словно вы от меня уходите, оставляете меня одну.

Заметив слезы на ее глазах, все засмеялись. Дильшад обняла ее:

— Не мы от тебя, а ты от нас уходишь. Не мы тебе, а ты себе выбрала жениха. И ни ты от нас, ни мы от тебя никуда не денемся. Все останемся вместе. В этом и радость наша, что всю жизнь будем вместе работу работать, вместе и праздники праздновать, вместе и пиры пировать.

Тансык даже рассердилась:

— Препрежнее это, что ли, время? Препрежде выдали б тебя замуж, и спросить не спросили б, хочешь ли, не хочешь ли, любим жених, противен ли. Отдали б, ты плакала б, а остальные пировали да подшучивали б. А нынче ты первая шути, пируй да радуйся, а мы слезы будем лить, что от тебя отстаем. Всплакнем, что ли, девушки?

Все опять засмеялись, и у Анархон полегчало на душе.

Анзират рассказала, что тетку ее в препрежнее время отдали в такое место замуж, откуда ехать — не доехать.

— Бабушка моя после теткинкой свадьбы так и не повидала свою дочку ни разу, словно не замуж выдала, а на кладбище отнесла.

Анархон сердито сдвинула брови:

— У меня есть своя голова. У меня свое звено. От него я никуда не уйду. Не затеряюсь.

— Нет! — крикнула Дильшад. — Мы свое звено должны сохранить нерушимо. Соревнование вот-вот начнется. Ведь мы на сто десять теперь даем обязательство!

Анархон успокоила ее:

— Теперь у нас есть опыт. Мы закалены. Лишь бы весна не подвела.

Хакима испуганно взглянула на подруг:

— Боюсь. Весна нам может приготовить загадки — как начнутся дожди, холода, град — холодно становится.

— Весна весной, а человек — хозяин природы. Она набедакурит, а мы настоящим на своем. В этом и красота — бороться за свое и настаивать на своем! — ответила Хакиме Тансык.

После полудня в девичью комнату пришли новые гости — девушки, женщины. Большинство из них были знатными хлопководами. Пришла знатная сборщица хлопка Хасиятой, маленькая, коренастая, с веселыми глазками на круглом лице. Два ордена Ленина блестели на ее груди, а Хасиятой, когда ее усаживали на почетное место, смущалась, стеснялась, старалась сесть так, чтобы не быть на виду.

Взялись за дутары. Начались песни, пляски, танцы. Незаметно наступил вечер.

И хотя дом жениха находился почти рядом, за невестой прислали машину.

Анархон вышла в другую комнату и вскоре вернулась в новом наряде, еще богаче и красивее.

Окруженная подругами, она попрощалась с матерью и родственниками.

Потом впереди своего звена пошла к машине.

С ней сели Тансык, Анзират и знатная Хасиятой.

Машина двинулась к дому жениха, но так медленно, что окружившие ее пешие гости должны были еле передвигать ноги, чтобы не обогнать поезд невесты.

Анархон волновалась и словно впервые видела свою улицу, с любопытством оглядывалась по сторонам.

Не доезжая до Сабирова дома, остановились, чтобы все отставшие подошли.

Выйдя из машины, постояли на краю дороги.

Закат разлил по небу золотые реки и озера.

Откуда-то издали слышался рокот трактора.

Проезжая на своей арбе, Хасанбай затянул задорную песенку, и Анархон улыбнулась, вспомнив, как они с Сабиром одурачили его.

Наклонившись к Тансык, Анархон спросила:

— Завтра ты ведь придешь?

— Вечером. Ведь с утра мы выходим в поле.

Наконец Анархон пошла к дому Сабира, а на полшага позади двинулась за ней ее свита.

Опустив прозрачный шелковый платок до самых глаз, Анархон шла твердо и спокойно.

У входа в дом их встретил колхозный оркестр.

Со двора слышались приветственные крики и аплодисменты.

Тансык взяла руку Анархон и провела невесту через порог дома жениха. Невеста не успела понять, как оказалась в нарядно убранной комнате, рядом с Сабиром.

Сердце билось. Не было сил поднять с лица платок и осмотреться.

Вдруг голоса и шум смолкли.

Она услышала голос Мир-Хайдара:

— Живите долго. Живите счастливо. Живите, чтоб много детей ваших продолжало вашу славу и ваше дело. Трудитесь дружно, чтоб счастье ваше росло всю вашу жизнь. Пусть лица ваши останутся всю жизнь светлыми перед глазами народа. Пусть любовь ваша, орел и орлица, укрепляет ваши крылья всю вашу жизнь!

Одобрительный гул прокатился по комнате.

Зазвенели пиалы.

Подав маленькую, тонкую пиалу своей невесте, Сабир тихо сказал:

— Из уважения к словам председателя, выпейте хотя бы это.

Тансык тоже сказала ей:

— Пей, моя красавица, все пьют за тебя, все смотрят на тебя, все хотят тебе радостей. Все ждут, чтобы ты выпила первой.

И Анархон маленькими глотками пила темное, почти черное, густое узбекистанское вино за свое вечное счастье.

Тансык сняла с головы Анархон прозрачный платок, и без него невесте стало вдруг невыносимо стыдно.

Только теперь невеста увидела всю свадебную комнату — столы, поставленные вдоль всех четырех стен, многочисленных колхозников, сидящих за столами, разряженных, украшенных орденами и медалями.

Стол сверкали разнообразными блюдами, яркой посудой, полной всяческих кушаний и лакомств.

Через раскрытую дверь и окна виден был двор, озаренный пламенем факелов, полный гостей. Там раздавались гулкие удары бубна, согретого над костром, ласковые напевы флейт и свирелей.

Усарджан провозгласил тост за будущий урожай:

— Он принесет счастье нашим новобрачным. Он укрепит их дом и украсит их любовь.

Поднимали тосты:

— За богатыря жениха. За невесту красавицу.

— За победу «Богатыря», без которой и новобрачным невесело будет глядеть в глаза людям.

Музыка наполняла весь дом.

Чаши ударялись о чаши.

Пир разгорался.

Вошел Уктам.

Его усадили рядом с Сабиром, и Сабир сердито упрекнул друга:

— С полдня тебя ждал. Не стыдно?

— Из-за твоей свадьбы я ног под собой не чую, а ты попрекаешь?

— Ладно, пей штрафную.

И Сабир подал ему полную пиалу.

— Штрафуешь? — удивился Уктам. — Я с утра просидел в райкоме на совещании. Единодушно решено: оживить степь! Начнут с того, что поставят надежную плотину и образуют гигантское водохранилище. Представляешь? Не о пятнадцати, а о двадцати пяти тысячах гектаров идет речь. Из Ташкента выезжают специалисты для разведок и проектов. Вот каков мой свадебный подарок тебе!

— В таком случае отставим эту пиалу, нальем другую, не штрафную, а премиальную.

И выплеснув вино, Сабир налил пиалу снова.

— Будем пить за тебя, Уктам.

— Нет. Предоставь мне слово.

И Уктам встал:

— Скажу вам не тост, а поздравление. Новость скажу. Тут все уже знают, что на страшный пустырь, где птица не садится, скоро сядут доблестные орлы колхозных полей. Сейчас вынесено окончательное решение: начать работы в этой степи. Предлагаю выпить за удачу! И за тех из нас, кому посчастливится участвовать в этом деле! За самого старшего из наших степняков, за дедушку Алимкула, за самого счастливого из богатырей «Богатыря», за Сабира с его красавицей женой, за тех, кто рядом с ними пойдет в эту степь создавать там жизнь и растить сады.

Гулом голосов и звоном пиал откликнулся пир на слова Уктама.

И Анархон, не пожелавшая отстать от всех в этом тосте, шепнула Тансык:

— Ты уж посмотри за мной, опьянею. Лицо горит. Не то попадет мне от мамы.

— Мама твоя в соседней комнате пирует. Но только мамина власть кончилась. Ты теперь сама себе голова. Сама должна думать.

— Ой, милая, это...

Она махнула рукой, не договорив.

Уктам среди этого торжества чувствовал тоскливое одиночество на душе. Он хотел бы сидеть здесь рядом с Камилей, но она была у себя в «Эльбаде», куда он проводил ее после совещания.

Уктам не сказал Сабиру, что приехал бы гораздо раньше, если бы не провожал Камилю в «Эльбад», если бы, провожая, не оттягивал минуты разлуки, если бы не старался подольше побыть с ней. Разве мог он не проводить ее, разве мог он не задержать ее руку в своей руке?

Он не сказал Сабиру и о тех горячих, страстных слухах, что говорили они друг другу, когда по небу закат разливал золотые реки и озера.

Долго длилось веселье:

Когда после плова встали из-за столов и вышли на озаренный факелами двор, музыканты заиграли плясовые песни, и под мерные удары бубнов в круг вышла Хакима и пошла в плавном танце. Вслед за ней пошли и другие девушки. Даже застенчивая Анзират не устояла перед искушением.

Женщины запели узбекскую свадебную песню древних времен, времен Навои и Улугбека, песню, звеневшую еще над старым Самаркандом и над зеленым Гератом. Затем эта песня сменилась новой, женщины запели про солнечную жизнь, радость своей счастливой доли, гордость своей независимой жизни:

Девушка чадру зарыла, пусть истлеет, яр-яр...

Чадру зарыла.

Девушка смахнула пот, лицо белеет, яр-яр...

Лицо открыла.

Колхоз родимый полюбила всей душой, яр-яр...

Родимый дом.

Своим трудом озолотила колхоз большой, яр-яр...

Своим трудом.

Сложила песню, запела песню ловко, яр-яр...

Сама поет.

Она ударница на сборе хлопка, яр-яр..
Вперед идет.
Вошла невеста, а где костер зажжен? Яр-яр..
Горит горой.
Жених-герой, молвой прославленный, где он? Яр-яр..
Жених герой.

И песня эта поднималась до самых звезд, сливаясь с дымом свадебного костра, растекаясь по окрестностям, как буйный огонь.

XXVIII

Солнце, несколько дней игравшее с облаками в прятки, пятнадцатого января не показалось совсем.

По небу плыли тяжелые низкие тучи. Студеный ветер жег лица людей.

Но люди «Богатыря» были радостны, возбуждены, словно в колхозе наступил большой праздник.

Голоса гудели возле правления. Здесь на подводы и автомашины грузились инструменты, инвентарь, продовольствие.

Мир-Хайдар, одетый в теплый тулуп, давал указания. Он ходил неторопливо, спокойно. Уктам, собрав небольшую библиотеку из книг, подаренных шефами, укладывал ее в ящик.

Наконец загудели моторы, скрипнули колеса арб, но их стародавний скрип тотчас потонул в оглушительной трескотне двинувшихся одновременно тринадцати мотоциклов, купленных недавно передовиками «Богатыря».

Впереди мчался мотоцикл Сабира, а за спиной мужа устроилась Анархон.

На арбах и грузовиках развевались алые знамена, раздавались песни.

Мир-Хайдар и Уктам, закончив последние дела, тоже сели на коней и поехали за караваном.

Уктам не верил глазам: по всей степи бурлила и кипела жизнь. Всюду сновали группы людей, горели костры, то тут, то там алели на ветру флаги колхозных станов.

А новые и новые караваны прибывали со всех сторон, развернув красные знамена, с музыкой, с песнями.

Уже нелегко было найти тут своих односельчан.

Однако Уктам вскоре разыскал их. Одни устраивались в новых бараках, другие — в землянках.

Нашел Уктам и Сабира, только что растопившего печь в своей землянке. Уктам удивился:

— Эге! Да, я вижу, ты стал неженкой? Холодка испугался!

— Не я! Как тебе не стыдно! Меня сам черт не возьмет. А вот жена прозябла. Обязан я жену согреть?

— Обязан!

Огонь в печи разгорелся. По стенам землянки побежали его отсветы, попеременно с тенями, словно кто-то закрутил цветное кино. Сразу потекли волны тепла.

Уктам спросил:

— Ты, небось, совсем застудил жену. Впереди всех мчался. По такому холоду. О чем ты думал?

— О степи, поскорей бы до нее добраться.

— А о жене и забыл!

— Ого! Она меня в спину всю дорогу толкала: «Нельзя ли поскорей, сил нет ждать, хочу нашу степь увидеть!» Анархон сидела рядом, закутавшись в стеганое пальто. Сабир с беспокойством посмотрел на Уктама:

— Как ее продуло! Не заболела бы.

— Об этом не беспокойтесь! — ответила Анархов. — Мне здесь болеть некогда. А согреться надо. Противный мотоцикл. Сколько раз могла свалиться. Едва уцелела.

— На будущий год я куплю вам закрытую машину.

— Не беспокойтесь. Я ее сама куплю, если понадобится.

— Я не более как каблук на твоих туфельках. Я всего лишь шофер твоей машины. Но не будь жестокой, красавица! — ударил себя в грудь Сабир.

В эту минуту в землянку вошел Усарджан с огромным медным чайником в руках.

Сабир спросил:

— Вы нам принесли чаю?

— А за водой вы ходили? Здесь, пока найдешь глоток воды, десять километров бежать надо.

— Зачем же вы явились?

— Поставить нашу воду на ваш огонь.

— А дров вы натаскали? Здесь пока одну хворостинку найдешь, сорок километров ползти надо.

— В таком случае нам легко договориться — наша вода, ваш огонь, а чай пополам.

— Согласен! Ставьте вашу воду сюда на огонь. Завт-

ра наладят доставку воды, и тогда условия могут измениться.

— Действительно. Потому что вместе с водой привезут и топливо. Тогда вам придется раздобыть себе собственный чайник.

Анархон достала из мешочка золотистый кишмиш и подала к чаю.

Маленькая, как ладонь, пиала с горячим ароматным чаем да щепотка кишмиша в придачу наполняли сердца таким мирным уютом среди необозримой заснеженной степи, что землянка казалась лучшим зданием в мире.

Землянка нагревалась. Временами с оттаявших стен, шурша, осыпалась земля. Но и это только веселило друзей.

Этот вечер надо было использовать, чтобы устроиться и оборудовать свои жилища. Не желая мешать Сабру, Уктам вскоре пошел посмотреть, как устроились люди в других землянках, и в одной из них встретил старика Алимкула.

— Как дела, дедушка?

— Они меня не хотели брать сюда: «Холодно!» Уговаривали до весны в колхозе посидеть. Ан нет! Я не таков: «Вы, говорю, хотите воду добывать, а меня позовете чай пить? Чай-то пить всякий пойдет, а я хочу воду добывать, мой интерес в этом!»

— Трудно вам здесь будет!

— Если душе хорошо, солома покажется мягче пуховой постели.

— Это верно. Но я не вижу гаража для вашей машины! — пошутил Уктам, оглядывая тесную землянку старика.

— Машину все равно весной куплю. Буду отсюда ездить в «Богатырь» внуков проведывать.

В одной из чайхан Уктам устроил красный уголок. Разместил там книги, повесил плакаты, поручил заведывание уголком одному из комсомольцев.

Теперь предстояло самое сложное: разыскать Камилю в этом необъятном лагере.

Едва он вышел из красного уголка, сердце его словно оборвалось: широко шагая, Камиля шла мимо.

Уктам почти побежал наперерез ей, и хотя пробежать пришлось всего несколько шагов, так запыхался, что сразу не смог сказать ни одного слова.

Камиля, занятая сотней срочных дел, вздрогнула и не сразу сообразила, что перед ней Уктам.

- Боже мой! Откуда?
- Неважно! Нашел наконец!
- Долго искали?
- Уже насмехаетесь?
- Уктам! Как не стыдно?

Они долго стояли, держа друг друга за руки. Наконец она спросила:

- Ну, куда же нам теперь идти?
- Где вы остановились?
- Далековато отсюда. А вы?

Уктам показал и позвал к себе. Нет, она не могла взглянуть к нему сейчас — слишком много дел на сегодня. Они пошли рядом.

Задувал ветер. Небо, казалось, опустилось так низко, что можно достать рукой. Холодало.

- Сейчас был доклад главного инженера.
- Астахова?
- Да. Я была на докладе.

По земле потянуло песок, перемешанный с мокрым снегом.

Скрипели колеса арб. Отовсюду слышался стук топоров, молотков. Визжали пилы. Народ устранился, размещался. Стронлись бараки. Пылали очаги под большими котлами. Кое-где на крышах землянок, полыхая алым кумачом, бились на ветру знамена колхозов.

А рука Уктама по-прежнему держала и грела теплые, милые пальцы Камнли.

Неожиданно, словно прорвав какую-то невидимую преграду, на них обрушился такой удар ветра, что они едва устояли.

Камнля прижалась к Уктому.

В них ударило несколько крупных капель, и вслед хлынул густой, непроглядный, зимний ливень. Укрыться было негде.

Камнля, пригнувшись, закрыла лицо платком. Обняв ее, укутав ее шинелью, Уктам зажмурился. Он даже говорить ничего не мог: холодные струи заливали лицо.

Так же внезапно ветер стих. Ливень кончился. Камнля высунулась из шинели.

- Чуть не унес нас ураган!
- Сильный был ветерок. Едва устояли.
- Но ведь устояли! А потому что вместе.

Когда дошли до землянки, где жила Камнля, девушке пришлось долго вытряхивать из своего платка песок.

— Целый пуд! Ну вот, кажется, все. Входите, Уктам! Вместе пообедаем.

Уктаму хотелось войти.

Но он знал: если сейчас зайдет, ему захочется побыть здесь подольше. А дел было много. И у нее было много дел: ее ждали в эльбадской бригаде.

Уктам пошел к своей стоянке.

Возле большого костра, горевшего под котлом, грелся, разговаривая с поваром, Мир-Хайдар. Сабир руководил постройкой землянок: навешивали двери, вырубали ступеньки. Многие чистили и точили инструменты, как бойцы свое оружие перед боем.

Когда все наконец улеглись спать и в лагере затихло, Уктам ушел в степь.

В темноте ничего не было видно. Лишь изредка, вдалеке, то мелькнут автомобильные фары, то ветер вскинет жар прогоревших костров, словно вздохнет всей пастью огнедышащий дракон, и красные угольки вдруг покатаются по ветру, пока не загаснут где-нибудь в сыром песке.

Уктам остановился и посмотрел в сторону землянки Камили:

«Что делает сейчас Камиля? Спит? А если пойти к ней? Нет. Ее можно оскорбить, если к ней явиться среди ночи».

В лицо ему ветер бросал песок. Мороз забирался за воротник.

Уктам, сам этого не замечая, медленно шел в ее сторону.

Наконец около какого-то песчаного холма остановился. Не мог понять, куда он зашел?

Оглянулся и понял, что совсем рядом с этим холмом притулилась ее землянка. Узкое стекло низенького окна темнело, замеченное песком. Значит, Камиля уже спала.

Торомясь, чтобы никто не увидел его здесь, Уктам пошел к себе. Лег, накрылся одеялом, прибавил света в лампе, взял томик «Молодой гвардии», раскрыл книгу.

Время шло. Снаружи слышался шум бурана. Сквозь буран, откуда-то издали, долетал вой шакалов.

* * *

Поутру саженные медные трубы — карнаи — затрубили с высокого холма, сзывая людей на митинг.

Народ окружил трибуну.

На трибуну поднялись представители области и районов.

Сайрамов распахнул свое старенькое кожаное пальто, снял шапку-ушанку и хрипловатым голосом открыл митинг.

Много было ораторов. От женщин выступала Камиля. Она заканчивала свою речь, когда Сайрамов поманил к себе Уктама:

— Приведи кого-нибудь из стариков.

— Наш восьмидесятилетний Алимкул здесь.

— Вот это новость! Попроси его сюда.

Когда Алимкул неторопливо подошел, Сайрамов шепнул ему:

— Слово предоставляю вам, отец. Скажите, что лежит на душе.

Аплодисменты и приветствия прокатились громом, когда старик, опершись о перила, повернулся к собравшимся.

Алимкул, взявшись за бороду, помолчал, глядя на небо, ища нужные слова. Но когда опустил глаза и увидел сотни знакомых, веселых, ласковых глаз, мягко и спокойно заговорил:

— Пусть проклято будет старое время, когда земледелец отдавал одну руку богатею, а на второй руке тоже не все пальцы принадлежали крестьянину: два грызли чиновники, два других — церковники и только один палец оставался на долю того, кто возделывал землю. Одним пальцем крестьянин кормил свою семью. О чем мог мечтать тогда человек, владевший всего одним пальцем?! И таким было все наше крестьянство.

Он повернулся к Сайрамову и сказал:

— Наша партия освободила нам обе руки. Дала землю и воду. Дала знания и машины. Такими принципами сюда оживить эту землю. Сегодня мы открываем ворота на новое поле. Оно просторно. Ого, как просторно!

Он взмахнул руками так выразительно, что всем показалось, будто старик сильным ударом земледельца толкнул невидимые ворота так, что они распахнулись во всю ширь, и за ними раскрылась беспредельная земля и широкая бурная река в глубоком русле.

Предстояло запрудить реку. Когда люди собрались на ее берегу, река крутила пенные водовороты, дикая, неукротимая, горная река.

Как обуздать ее, как подчинить ее, как заставить ее служить людям? Ведь поколения безземельных крестьян влачили жалкое существование, а никому и в голову не приходило оросить никому не принадлежащую землю — как, чем, какой силой мог бы взять ее земледелец прежних времен?

И вот взялись люди за это дело сообща, взялись колхозы. Сотни рук одновременно подняли тяжелые каменные глыбы, поволокли их к берегу и в указанном месте принялись низвергать эти глыбы вниз.

Река не сдавалась, словно проглатывала огромные камни, то отбрасывала их к берегу, то, перекатывая через них валы, уносила камни вниз. Но люди упорно сбрасывали в русло новые и новые глыбы, а река продолжала катить свои волны так, словно не было этих глыб. На этом участке работали Усарджан, Сабир, Уктам.

В разгар работ около Уктам появилась Камиля.

Он поднял к ней засыпанное песком и пылью лицо: — Вы что здесь делаете?

— Думаете, пришла вам полюбоваться? Работать пришла.

— Женщины направлены на дорожное строительство. Там у них сил хватит, а здесь...

Камиля насупилась:

— Можете сами туда направляться. А я тяжелой работы не боюсь.

Ниже по течению река намывала тяжелые камни, как песчаную косу. Это и нужно было для предстоящего сооружения плотины. Уктам, качнув огромный камень, приноровился к его тяжести. Изловчился, вскинул его на грудь и понес к реке.

— Все то же! — с досадой сказал он, вернувшись. — Река подбросила мой камушек, как пробку.

— Кустарщина! — поморщилась Камиля. — Так только изучают характер реки. Плотину будут строить иначе...

И не успела она договорить, как загудели моторы экскаваторов. Мощные машины, лязгая стальными челюстями, загребли в свои пасти груды заготовленных камней и низвергли их в реку. Один за другим брали они камни и сбрасывали вниз. Они работали бесперебойно, четко —

одна пасть, откинув нижнюю челюсть, поднималась, чтобы отвернуться от реки к камням, другая в это время сбрасывала камни в реку.

Бригадиры, работавшие на каменоломнях, кирками, ломами дробили скалы, и щебень грузили на грузовики.

Грузовики везли их через равные промежутки к берегу, сваливали перед ковшами экскаваторов и возвращались на каменоломни.

Была своеобразная красота в этом четком ритме работ.

Гул машин разносился по стенному раздолью.

Сквозь этот гул, тут и там, звучали песни строителей.

По вечерам возле чайхан и столовых запевали свирели и флейты пол размеренный рокот бубнов.

* * *

Старый Алимкул сидел, отдыхая за чайником горячего чая. В этакое холоде он с наслаждением пил горячий ароматный напиток, заваренный крепко, густо.

Целое утро работал старик, заткнув за пояс полы халата, на выгрузке песка с машин. Его мягкая борода разметалась на ветру. В таком виде он сел пить чай.

Неожиданно перед ним остановились главный инженер Астахов и начальник строительства, бывший председатель колхоза, заместитель председателя райисполкома Арсланкул Балтабаев. За ними следом шла, увязая в песке, сотрудница водхоза, белокурая, голубоглазая женщина.

Они тоже пришли сюда пить чай и сели около Алимкула. Астахов поклонился старику.

— Как ваше здоровье, отец? Не узнаете меня?

— Как не узнать, товарищ инженер. И наш разговор помню.

Астахов объяснил своим спутникам:

— Мы в 1942 году, осенью, встретились. Тогда Алимкул замечательную речь сказал. Патриотическую, горячую. Я потом на фронте часто вспоминал его слова; они мне запомнились как отеческое напутствие.

Арсланкул присоединился к Астахову:

— У нашего старца и слова золотые, и руки золотые.

— Когда узбеки идут рука об руку и плечо к плечу с русскими, дела наши всегда золотыми будут, товарищ инженер. Вон глянь: из Москвы сюда прибывают машины. Русский народ посылает их нам.

— Правильно, отец! — ответил Арсланкул и посмотрел на Астахова. — Как, товарищ? Не пора ли нам на участки?

— Пора, пора! Иссчет машин, отец, у нас ожидается большая партия машин еще также из Ташкента, с узбекских заводов. Машин ждем много. В этом месте кончим дела, на новые пустыри переберемся. На золотой Фергане не оставим ни одного пятна ржавчины.

— Спасибо, товарищ. Спасибо тебе. Мы, старики, знаем цену земле. Направляй работу, а мы всегда поддержим! Приходи ко мне вечером в землянку. Чаем угощу. Заварю покрепче.

— Спасибо, обязательно приду.

Когда Астахов с Арсланкулом ушли, белокурая женщина тоже встала, взяла пустой мешок и закинула на плечо. Старательно подбирая узбекские слова, сказала:

— Пойду немного поработаю.

— С мешком? Разве у тебя нет другой работы?

— Есть. Но сегодня я свободна. Могу поработать в вашей бригаде.

— Пожалуйста, я тоже иду туда.

Когда они дошли, перерыв кончился и землекопы уже брались за кетмени. Предстояло выносить грунт со дна канала.

Старик насыпал в ее мешок немного глины и спросил:

— Как тебя зовут?

— Галя. Семенова Галя. А вас, отец, прошу добавить мне глинки-то. Я такой легкий мешок носить не буду.

— А поднимешь?

— Добавьте, пожалуйста.

Она не успокоилась, пока он ей не насыпал норму. Ловко вскинула груз на спину и понесла.

Вскоре она вернулась и снова раскрыла мешок.

Так они работали до вечера.

Старик удивился:

— Какая ты тоненькая, дочка, а сильная. Дай тебе бог доброго мужа.

— Мужа мне не надо. У меня уже есть.

— Счастлив он, имея такую жену!

— У меня и детей уже двое.

— Кто же у тебя муж? Как же это он тебя отпустил в такую пустыню?

— Он здесь, со мной. Астахов мой муж.

Старик был удивлен. Он разводил руками, говорил ей похвалы и похвалы Астахову:

— Отличный муж достался! Достойный!
Лицо Гали покраснелось. Она взглянула на часы и
сказала старику:
— Ну что же, пора кончать, папаша.
Галя попрощалась и ушла.
Старик сказал ей вслед:
— Эта женщина — хороший человек.

* * *

Анархон с Тансык работали на дорожном строительстве. Здесь трудилось много женщин, приехавших из разных колхозов.

Строящаяся дорога, прямая, как стрела, длиной в двадцать пять километров, должна была выйти на большак.

Мир-Хайдар появился на этом участке неожиданно, девушки обрадовались. Он шел к ним в развевающемся по ветру стеганом халате.

— Ну как, нравится здесь? Тяжеловато на холодном ветру, да земля-то какова! Не земля — жир! Какие урожаи с нее соберем! Ого! Края вашей дороги тополями обсадим. Главные арыки — шелковицей. Шелководство разведем. Ну, Анархон, собираешься сюда переселяться?

Анархон решительно кивнула ему в знак согласия.

Он посмотрел на стройную Тансык:

— А ты, мельникова дочка? Молодцы! Обязательно переезжайте. Какие поручения у вас: мне надо домой съездить.

— Поручений нет, а приветы всем друзьям просим передать. Очень просим. Пускай не скучают: нам тут так хорошо, что лучше и не может быть. А они пусть там без нас работают в полную силу. Мы, мол, приедем проверим.

Вечером девушки собрались в кино.

Шел снег. Ветер нес влажные хлопья, слепил людей, забивал снег за воротники, в рукава. Согнувшись, девушки пробирались в сумерках, когда из метели перед ними появился Уктам.

— А, дядя-Уктам! Здравствуйте!

— Далеко ли, красавицы?

— В кино.

— А... Ну, желаю вам счастья.

— Взаимно, дядя Уктам!

Тотчас снег заслонил их друг от друга, но Уктам подумал: «А почему бы не пойти в кино и нам с Камилей?»

Одна беда: забыл спросить, в каком бараке разместилось кино?»

Вынул карманный фонарик и, время от времени зажигая его, пошел к землянке Камили, рассчитывая, что с ней вместе они как-нибудь разыщут этот барак.

Когда опять вспыхнул фонарик, почти прямо на Уктама из снега выехал всадник и, круто осадив коня, крикнул:

— Эй, кто это? Стой!

Уктам осветил лицо всадника, сразу зажмурившегося от света, и узнал одного из механиков.

— Товарищ Хамидов! Откуда?

— Хорошо, что встретил тебя, Уктам. В песчаных холмах застряли наши машины. С материалами и оборудованием.

Хамидов сидел в седле, весь облепленный снегом. Конь тоже был в снегу, тяжело дышал, раздувая ноздри.

— Что же делать?

— Не знаю, как сюда добрался. Надо немедленно помочь. Не то люди замерзнут.

— Сейчас подыму людей.

— Скорее сажай их на грузовик, самых сильных бери. Надо балки захватить, цепи. Следом пусть тягач идет. Людей одень потеплее. Захвати продовольствия побольше. Там ни у кого ничего нет.

Уктам побежал по землянкам.

Усарджан в своей землянке читал газету под лампой. Сабир у себя одевался, собирался в кино. Он тотчас снял с себя галстук, бросил его в угол и сказал Анархон:

— Пойдем на другой сеанс.

Анархон заставила мужа поверх пиджака надеть ватник, обмотала ему вокруг шеи шерстяной шарф, подала лисью шапку.

Растроганный таким вниманием Сабир сказал Уктаму:

— Если бы я согласился, она и кормила бы меня из своих рук.

Через полчаса машины были готовы. Прежде чем сесть в кабину, Хамидов проверил, все ли взято. Оказалось, взяты даже такие запасы, каких сам он и не предусмотрел.

— Ого! Бензин захватили? Хорошо. Ну, друг, держи прямо. Нам только бы до тугаев добраться, а дальше мы их найдем.

Они поехали, вслушиваясь в почную тьму. Степная ночь молчала. Снег затихал, но белая пелена, сливаясь с небом, не давала им никаких примет.

— Куда ж мы едем? — спросил Хамидов.

— На авось. Пойди поищи-ка ваш тугай! — сердито отметил шофер.

— Держи на большак. Найдешь?

Шофер свернул вправо. Хамидов ругал тех, кто отправил груз ночью и без проводников.

Колхозники сидели в кузове, тесно прижавшись друг к другу. Ветер летел им навстречу с воем и свистом. Уктам временами пытался приподняться и взглянуть в степь. Но перед ним расстилалась все та же однообразная снежная пелена.

Сабир крикнул:

— Когда же этот проклятый холод кончится?

Уктам взглянул на свои светящиеся часы.

Ехали уже около двух часов.

Машина остановилась. Хамидов выпрыгнул из кабины, чтобы размяться. Попробовал закурить. Но он с утра ничего не ел. Папироса показалась ему горькой, и он свирепо швырнул ее в снег.

Колхозники топтались вокруг, спеша размять и разогреть застывшие ноги. Сабир предложил идти на понски пешком. Уктам не согласился:

— Нет, поедем. Но шоферу надо смотреть во все глаза. Тут вьется такой овраг, что, если туда заглянуть, голова кружится, а если упадем туда, — крышка!

— Да, ехать надо осторожно.

Снова тронулись.

Все зорко взглядывались во тьму.

То застревали в песчаных холмах, то продирались сквозь заросли. Один раз шофер затормозил на самом краю глубокой балки.

Долго блуждали, пока наконец выбрались на большак.

Проехав несколько километров большаком, Хамидов снова свернул в степь.

Теперь он часто выходил из машины, приглядываясь к предметам. Еще ехали часа полтора, когда вдруг неожиданно увидели в стороне смутные огни.

Все радостно закричали. Повернули прямо на эти огни и вскоре нашли застрявшие машины.

Там все были удивлены, что их спасители появились совсем не с той стороны, откуда ожидалась помощь.

На одной из машин оказался Эгамберды.

Услышав его звонкий голос, Сабир обрадовался:

— И ты здесь, фокусник?

— На это раз фокус сорвался! — мрачно откликнулся Эгамберды. — Нет ли горяченького шашлычка в кармане?

Сабир сунул ему кусок лепешки:

— На первое время обойдись вот этим!

Приступили к делу.

Все вокруг было покрыто холмами зыбкого песка, зарослями тугая. Люди работали, с трудом откапывая увязшие в песке колеса машин, подтаскивая бревна и цепи, чтобы помочь грузовикам сдвинуться с места. Пошел в ход тягач.

Под утро караван прибыл к назначенному месту.

* * *

Работы в степи с каждым днем разворачивались все шире и шире.

Трудностей было много. Но чем было трудней, тем с большим жаром работал народ.

Уктам не терял ни минуты. Вел партийно-просветительную работу, находил время и для физического труда.

Его не пугали ни зловещая дикая степь, ни темная, сырая землянка, на благоустройство которой жаль было времени, — все это даже нравилось ему, казалось уютным.

Если случалось поехать по делам к себе в колхоз, он спешил управиться там поскорее и нетерпеливо возвращался сюда. Здесь какой-то внутренний огонь загорался в нем, согревал его, воодушевлял.

Однажды, зайдя под вечер к Камиле, он, по обыкновению, хотел посидеть и поговорить с ней. Но у нее оказались эльбадские активисты, обсуждавшие сложные хозяйственные вопросы.

Уктам посидел молча.

Когда эльбадцы ушли, Камиля оставалась сосредоточенной, озабоченной.

В этот день на строительстве рвали скалы.

Оба заговорили об этих взрывах:

— Целые горы снесли, и оказался на их месте отличный строительный щебень. Грузи в машины да вези на постройку дамбы.

— Недостаточно еще у нас здесь механизированного транспорта. Много ли перевезешь на арбах? Нужны грузовики с металлическими кузовами. А их мало. Я предложение внес.

— Какое, милый?

— Гидромонитор. Слышали? Это не новое дело, но у нас их не применяют. А я предложил с их помощью вести линии головных каналов. Со мной согласились. Говорят, это намного может ускорить дело.

— А где возьмут для них воду?

— Я и это учел. Воду можно подвести по небольшому каналу. Она потом будет следовать за машинами, промывающими дальше путь для канала.

— Главное, Уктам, смелости во всем нужно больше. Искать новых способов работ, новых путей. Посидите тихонько, посмотрите журналы. Мне нужно письмо написать.

-- Может быть, я пойду к себе, а к вам зайду завтра?

— Мне будет веселее, если вы останетесь. Садитесь рядом. Вот сюда. Хорошо? Это не помешает вам прийти и завтра.

Уктам присел рядом на табуретке. Он сидел молча. Курил. Чугунная печка, потрескивая, топилась. Уютно, чисто, тепло было в этой землянке. Из ниши, выдолбленной в стене, Уктам достал, не вставая, книги и журналы. Сидя здесь, он забыл, что находится в глухой степи, что вокруг студеный ветер да вой шакалов.

Закончив писать, Камиля разогнулась:

— Написала к себе в колхоз. В правление. Боюсь, как бы они не ослабили темпов. Подготовка к весне не должна снижаться из-за того, что нас там нет. Перечислила им, чего нельзя упускать.

— Да, зимой готовится весна, как весной готовится лето.

— Вот, верно! И еще одно письмо напишу. Маме.

— Она уже в «Эльбаде»? Как ее здоровье?

— Нет, все еще в Ташкенте. Она из больницы выпилась. Живет у дяди, у своего брата. Сердце у нее больное. То пишет, что ей хорошо, то вдруг становится плохо. Иной раз ночами не сплю, думаю, как ей помочь, чем? Какими средствами поставить ее на ноги? Если на курултай хлопководов выберусь, тогда повидаяюсь с ней. Побуду с ней немного.

— Если будет правильный, хороший уход, она поправится. Для больного сердца главное лекарство — покой.

Когда, закончив письмо, Камиля потянулась за конвертом, Уктам спросил:

— А от меня ей передали привет?

— А она спросит: кто этот человек, посылающий мне поклонь? Что я ей отвечу? Кто этот человек?

Уктам замялся. Она смотрела на него с ласковой и лукавой улыбкой:

— Кто же он, милый? Ну?

Уктам взглянул на нее так серьезно, так твердо, что она, ожидавшая от него какой-нибудь шутки, даже растерялась. Он ей сказал:

— Напиши: от сына вашего, от Уктама, поклон.

— Нет, ее сын с ней. Латифджан там. Я не только озадачу и напугаю, если она узнает, что так, без нее, без тоя, без совета, сразу, словно с неба, свалился на ее голову сын Уктам. Подумали вы об этом? Не таково у нее сердце, чтобы сейчас ей такие загадки загадывать. Лучше передам от вас привет Латифджану.

— В качестве кого я посылаю ему поклон?

Она не ответила, склонилась к письму, приписала и потом прочла:

— «Сердечный привет от твоего брата Уктама». Ну? Согласны с такой припиской?

Голос ее был ласков. Глаза Уктама загорелись радостным огнем. В каждом ее слове, в каждом ее движении чувствовал он ее любовь.

Отложив запечатанные письма, они тихо сидели рядом, негромко разговаривая.

Ей хотелось поехать учиться. Она сказала об этом Уктому. Он ответил, глядя ее руку:

— Наступили времена, когда колхозу нужны самые разные специалисты. Кадры нужны. Нужно их из нашей молодежи готовить.

— А сколько понадобится людей, чтобы до конца освоить эту степь?

— Все надо взвешивать на весах будущего, мерить мерой коммунизма. Мне кажется, что и нам самим надо быть не только передовыми людьми сегодняшнего времени, но и оценивать себя с точки зрения будущего.

— Трудно это. Ведь глаза-то у нас сегодняшние. Как мы сможем посмотреть на себя будущими глазами?

— Короче говоря, нам нужно обоим учиться. Вырастим в этой степи первый урожай и попросим отпустить нас. Поедем вместе с Ташкент.

— Или в Москву!

— Решено!

От таких планов и мечтаний отвлек их маленький, круглый, добродушный эльбадец, явившийся с огромным арбузом в руках.

— Попрошу оказать честь возрадившему и сохранившему.

— Ого! Да такой арбуз хоть на выставку вези.

— А ничтожными мы недостойны потчевать нашу уважаемую председательницу! К тому же, дядя Уктам, это же лучший из тех, что мы с тобой сюда захватили. На наших землях такие арбузы рождаются, что...

Он не мог подыскать сколько-нибудь достойного определения и только развел маленькими пухлыми ручками, словно хотел показать, что на их земле вырастают арбузы по меньшей мере с земной шар.

Несмотря на то, что в эту пору арбузы были уже редкостью и для хранения требовалось особое внимание, несмотря на все удовольствия от прохладной, сладкой мякоти, они не смогли съесть даже половины арбуза.

После этого лакомства втроем сели играть в домино.

Еще первая партия не была окончена, как в землянку вошел почтальон.

Он вытащил из сумки газеты, журналы, несколько писем и телеграмм и передал их Камиле.

Вскрыв одну из телеграмм, Камиля вдруг побледнела:

— Уктам!

Уктам быстро взглянул на телеграмму:

«Маме плохо. Немедленно выезжайте. Латиф».

Что мог сказать Уктам, чем утешить?

— Может быть, мама соскучилась? Больные бывают капризны. А Латифджан, чтобы вас вытащить туда, послал телеграмму?

— Нет, зря он не станет меня пугать. Что-то случилось. Застану ли я ее в живых? Ведь сердце такая вещь...

У простодушного толстяка глаза наполнились слезами: горе любимой председательницы он чувствовал, как свое личное горе. Он неслышно вышел из землянки. Почтальон стоял, прислонившись к стене, словно был виноват в этой злой телеграмме.

— Что же делать? — спросила Камиля.

— Надо ехать. Немедленно. К поезду уже не успеть. Надо спешить в Фергану. Утром оттуда можно вылететь самолетом.

— Да, другого выхода нет.

Она принялась быстро собирать необходимые вещи. Уктам сказал:

— Я вас провожу.

Но Камиля решительно запротестовала, и Уктам не стал спорить с ней в такую минуту.

Поручив дела секретарю комсомольской организации, Камиля вышла из землянки.

Толстяк эльбадец уже держал оседланных лошадей. Почтальон должен был тоже вернуться в «Эльбада».

Втроем они сели на коней и поскакали в зимнюю почь.

Уктам вернулся к себе и лег, укрывшись с головой. На душе было тоскливо. Он представил себе, как скачет сейчас Камиля в глухой степи, как ей одиноко и тяжело. «Я должен был проводить ее хотя бы до «Эльбада». Нельзя ее сейчас оставлять одну. Как я из понял этого сразу?»

Он торопливо встал. Оделся. Выбежал из землянки. Никому ничего не говоря, оседлал коня и поскакал в степь.

Он нахлестывал коня и мчался вперед, через холмы и выбоины. Чуть не вылетел из седла, когда конь, испугавшись, шархнул в сторону.

Наконец Уктам догнал путников.

Толстяк, завидев неведомо откуда взявшегося всадника, кинулся было на Уктама, но Уктам успел окликнуть его.

— Хорошо, что подали голос. Не то я одним ударом выбил бы вас из седла.

— Едва ли вы удержались бы при этом сами.

Уктам хотел отвлечь Камиллю от тяжелых мыслей. Она грустно попрекнула его:

— Какой беспокойный вы. Зачем нас догнали?

Отдыхали бы, ведь завтра опять дела будут.

Он не ответил ей, поехал рядом, заговаривая то об одном, то о другом.

Она не всегда ему отвечала, но часто поглядывала на него, лихо сидевшего в седле. Только теперь она почувствовала, как дорог, как он близок ей. У нее и раньше бывало это чувство, но каждый раз ей казалось, что вполне она осознает это только теперь.

Они ехали долго.

Чистое небо, усыпанное звездами, сияло голубоватым, мерцающим светом.

Кони, то взбираясь на холмы, то спускаясь в лощины, шли бодро.

XXIX

Солнце ласково светило. Воздух был прозрачен и чист. Во всей ровной степи не удержалось ни клочка снега, хотя земля оставалась еще темной, и ни ростка травы не выглянуло пока нигде.

Сабир со своими товарищами рыл котлован. Работать приходилось в жидкой грязи, смешанной с мелкой галькой. Черная грязь, казалось, не убывала, хотя выбрасывали ее из котлована день и ночь.

Астахов, уезжавший на несколько дней в Ташкент, вернувшись, прежде всего приехал на котлован и спустился к Сабиру. Строители верили большому опыту и знаниям главного инженера. Его простота, его мужество, его смелость всем пришлись по душе.

Астахов внимательно присмотрелся к работе бригады. Он заметил, что дела идут быстрее, чем прежде. Это обрадовало его: люди не уставали, а наоборот, овладевали мастерством и совершенствовались.

Тяжелой, сложной работы здесь было еще много. Астахов решил механизировать участок. Но как это сделать, он еще не знал.

Медленно вышел он наверх из котлована. Шел, задумавшись, не слыша ни шума, ни голосов.

На длинной насыпи, протянутой на многие километры, Астахов встретил жену.

— Когда вернулся?

— Часа два назад.

— Как ребята?

— В порядке. В полном повиновении у бабушки.

— Почему ж не явился ко мне сразу?

Астахов стоял, молча улыбаясь.

— Ты и по Ташкенту ходил в этом наряде? Хорош!

— Нет! Что ты! Теща немедленно привела меня в порядок, едва я ступил на порог. А как у тебя здесь?

Она стала рассказывать ему о работе.

Он ее прервал:

— А как ты в овраг свалилась?

— Уже узнал?

— Мне даже место показали. Я заглянул, у меня в глазах потемнело.

— Пустяки. Вчера проверяла отметки высоты. Налетел порыв ветра, целая буря. Я хотела было укрыться, но споткнулась и сорвалась. Пришла в себя уже внизу, в каких-то кустах. Если бы не эти кусты, дело было бы скверное. А так только ноги поцарапала. Сбежались люди, вытащили.

— Всегда ты лезешь напролом. Ни осмотрительности, ни осторожности. Надо помнить, что у нас дети, Галочка.

— Ну хорошо, хорошо. Буду осмотрительной. Новостей в Ташкенте много?

— Много. Вечером расскажу.

* * *

Прошла неделя со дня отъезда Камили.

Вечером Уктам сидел в землянке, не зная, куда себя девать.

Он зажег лампу, снял со стены дутар и негромко заиграл свои любимые напевы.

В землянку вошла Тансык. Хотя она и считала, что оставаться наедине с молодым мужчиной было зазорно, однако так любила музыку, что на этот раз пренебрегла своим строгим правилом.

Она молча села в уголок. Уктам, перебирая струны, сказал, что она представлена к награде.

Тансык, растерявшись, не успела ему ответить, а он уже заиграл старинный классический напев «Рохат».

Сладостным, счастливым покоем, мирной радостью наполнилась душа Тансык от этой мелодии.

Вдруг дверь землянки раскрылась. Рука Уктама дрогнула на струнах, и мелодия оборвалась.

Уктам не верил своим глазам: к нему вошла Камиля.

— Играйте, играйте, Уктам. Я послушаю.

Уктаму хотелось кинуться к ней, прижать ее, сказать, как томительно ждал ее, как невыносима разлука с ней.

Но рядом сидела Тансык, и Уктам постеснялся выражать при девушке свои чувства.

Он только пожал Камиле руку, пытливо приглядываясь к ней. Заметил бледность и какую-то тихую скорбь на лице.

А она тайком взглянула на него, здороваясь с Тансык.

— Как съездили? Благополучно ли?

— Схоронили мы свою маму.

Уктам опустил голову. Боль сдавила его сердце из-за этой почти неизвестной женщины — старушки, мечтавшей о счастье своей Камили, но так и не дождавшейся этого счастья.

От простого ответа Камили слезы подступили к глазам Тансык, и девушка незаметно ушла.

Камиля погладила голову Уктама:

— Поздно теперь горевать. Простите меня. Я нарушила ваш покой.

— Что вы говорите, Камня! Я взял дутар, чтобы успокоиться. Я ведь истосковался без вас.

— А разве я не вижу этого? Ведь я к вам сразу пришла. Еще нигде не была. Я только что приехала.

— Застали маму?

— Нет. Уже готовили похороны.

— Почему вы мне не сообщили?

— Никому не сообщала. И в «Эльбаде» еще не знают. Черной вестью друзей не обрадуешь.

Она взяла отложенный в сторону дутар и подала его Уктам.

— Сыграйте.

— Что?

— То, что играли, когда я вошла.

— «Рохат»? Это древняя мелодия. Классическая. Название означает покой, отдых, счастливое раздумье.

— Я знаю.

Он сыграл это со страстью, вдохновенно.

— Еще что-нибудь?

Она встала, затянула пояс на своей куртке.

— Пойдемте. Дела не стоят. Раз вернулась, надо приступать к обязанностям. Что у нас за эти дни произошло?

Уктам предпочел бы долго-долго сидеть с ней. Несмотря на то, что он вышел следом.

Их окружила тихая светлая ночь. Молодой месяц изогнулся высоко в небе. На земле там и тут горели костры. Вдали пробегали огни автомобилей. Слышался, ставший привычным и оттого как бы слившийся с тишиной, гул работающих машин — экскаваторов, гидромониторов, тягачей.

Они шли, и он вкратце рассказывал ей о самом главном, что сделано за эту неделю на строительстве.

Вдруг она взяла его за руку, прислонилась к нему плечом и шепнула:

— Сыграйте еще что-нибудь, милый Уктам.

Он удивился:

— На чем?

И удивился еще больше: оказалось, что, тороясь за ней следом, он вышел из землянки с дутаром в руках и нес его, не замечая этого.

— Вы совсем вскружили мне голову!

— Правда?

И уловив не то недоумение, не то обиду в его голосе, она поспешила приласкать его руку и сказала:

— Верю, верю...

Уктам замедлил шаги и заиграл задорную, веселую песню.

Звон струн в чистом воздухе звучал громко, и кто-то, невидимый в темноте, одобрительно крикнул:

— Ой, молодец! Как хорошо...

Возле ее землянки они остановились.

Он обнял ее, прижал к себе и долго не отпускал, целуя.

Приглаживая прядку на ее виске, сказал:

— Милая моя, родная моя, не надо горевать. Не надо печалиться. Пусть мирно спят те, кто от нас ушел. Пусть живые живут долго и счастливо. Впереди много у нас дел. Нельзя опускать руки.

— Правда, я не одинока. Друзей у меня много... И вы, милый. Вот вы, мой милый!

Когда задумчивый, помахивая дутаром, возвращался он к себе, его позвали к старому Алимкулу.

Старик принимал почтенных гостей — Астахова и его жену. Он угощал их зеленым чаем. Расстелил перед ними традиционную узбекскую скатерть-самобранку, полную всяких сладостей, орехов, сушеных плодов и лепешек.

— Давно хотелось поведать вас, отец, — говорил Астахов, — да дела цепляются одно за другое, никак не мог выбраться!

— Знаю, знаю. Понимаю. Кушайте, милые гости.

— Не беспокойтесь. Не надо нас ничем угощать...

— Для таких гостей надо бы пир устроить, барана зарезать. Но это за мной. Когда поставлю здесь свой дом, тогда позову вас к себе в гости, тогда и попируем по-настоящему.

Старик хвалил Астахова, хвалил его жену Галю. Алимкула удивляла мужественная выносливость этой худенькой женщины, берущейся за любое дело. Его удивляло, как легко инженер разбирался в десятках различных машин, умея направить каждую из них с толком и с пользой.

Астахов сказал:

— Теперь на больших стройках множество машин. Чтобы в них разобраться, надо их знать!.. А день ото дня их больше становится. Если в наше время инженер хвастает тем, что рабочие у него ворочают тяжести, это не умно: значит не умеет пользоваться машинами. Везде, где можно, надо облегчать труд людей. Не мы для машин, машины для нас.

Они разговаривали долго, дружелюбно.

Астахов рассказал об огромных планах орошения и

электрификации Ферганской долины. Это похожее на мечту строительство — в отдельных частях уже завершенное, в других — начатое, в третьих — запланированное на ближайшие годы — разволновало старика.

Когда в поздний час Астаховы собрались уходить, старик снял с гвоздика мешочек, достал оттуда два больших темных граната и подал гостям:

— Примите этот скромный подарок... В прежнее время мы это называли «зелень бедняка».

— Почему бедняка, когда эти гранаты так хороши?

— Так мы называем всякий подарок, сделанный от души. В давние времена в Самарканде или в Бухаре праздновали свадьбу знаменитого ученого. И к нему пришло много гостей. И каждый, по обычаю, принес ему какой-нибудь подарок. Дарили ковры и золототканые халаты, золотые чаши и резвых коней. И случайно позвали на пир нищего старика, проходившего в тот день через этот город. Старику нечего было понести на свадьбу. Он сорвал с дерева зеленый листок и почтительно преподнес жениху. Все удивились. Но жених, больше чем всем другим дарам, обрадовался этому подарку, ибо подарен он был от всей души, от чистого сердца. И с тех пор маленькие, бедные подарки называют «зеленю бедняка».

Астахов понял скрытый в этой притче смысл и тоже от чистого сердца обнял Алимкула.

XXX

Наступила вторая весна в степи, освоенной колхозниками.

На мартовском ярком солнце сверкали просторные окна мощной гидростанции.

Уктам со своей семьей первым переселился на молодую землю.

Следом за ним еще в начале февраля, когда по степному раздолью гуляли зимние выюги, девяносто семейств из «Богатыря» перебралось сюда, и вместе с семьями из других соседних колхозов они основали новый мощный колхоз.

Мир-Хайдар проводил своих земляков на новую жизнь с честью. На прощальном пиру сказал горячие и добрые напутственные слова, полные любви и веры в будущее.

Много работ и забот выпало на долю переселенцев. Много. Но была радость в этих работах, такой душевный подъем переживали колхозники, так весело и уверенно смотрели в свое будущее, что какие бы ни встречались трудности, за все брались дружно, все преодолевали.

С каждым днем росло в колхозе число хозяйств. Прибывали новые переселенцы. Приезжали семьи из дальних районов области.

Росли новые колхозы.

Еще не было ни благоустроенных улиц, ни зеленых двориков, ни цветников, ни садов. Лишь по голой дороге шли и шли грузовики, подвозившие множество новых и новых переселенцев.

Жизнь начали в землянках, но рядом уже возникали планы улиц, площадей, усадеб, садов. Планы, намеченные пока всего лишь колышками, но уже ясные тому, кто умел представить себе за этой наметкой близкое будущее, тому, кто умел мечтать.

Солнце весны торжественно и неторопливо проходило свой путь по чистому, прозрачному небу.

Пышная узбекская весна пролила на степь свое изобилие и щедрость.

Заколыхались алые тюльпаны среди нежной зелени густых трав.

Люди вышли на поле, чтобы закрепить дары весны, чтобы солнце не успело их выжечь и ветер развеять.

Колхозные табуны, стада и отары вышли на привольные пастбища. Выпасы тоже предстояло орошать, чтобы луга не иссыхали, чтобы корма не иссякали, чтобы скот жил и жирел в холе.

Алимкул взял на себя озеленение колхозных земель. Тополями он обсадил дороги. Бригады молодежи, возглавляемые им, соревновались между собой.

Сидя в собственной машине с семнадцатилетним внуком за рулем, он ездил из конца в конец по своим землям, всюду поспевая, чтобы присмотреть и посоветовать:

— Деревья — это наша стена от ветров, от песков, от суховеев. Дерево! Уважай, береги его. Сперва позаботься об этой стене, а уж потом о крыше над головой.

Озеленение!

Эта задача казалась неисчерпаемой: предстояло обсадить и каналы, и головные арыки. Но там уже не тополи потянутся острыми вершинами к небесам, а рас-

кидистые шелковицы зашелестят своей яркой листвой, чтобы развивалось и процветало колхозное шелководство. Там свесят к воде серебряную листву плодородные ветки джиды с бронзовыми, пологими на финики плодами.

А еще надо было запастись саженцы для озеленения улиц и дворов. Надо было посадить грецкий орех, чтоб в его тени укрываться от зноя, и платаны, чтоб жили тысячу лет, храня память о тех, кто посадил их.

Надо было вырастить карагачи, чтобы их похожие на гигантские шары, темные до черноты кроны высились над площадями.

Надо было над водоемами посадить плакучие ивы, чтобы нежные нити их ветвей свешивались к самой воде своей вечно свежей, словно только что распустившейся зеленью.

А впереди предстояло еще сажать сады. Огромные колхозные сады и уютные маленькие садки возле жилых домов.

И когда все это представил себе Алимкул, сердце его наполнилось восторгом.

Радость вызвало собрание в колхозе, на котором выступил молодой застенчивый архитектор и попросил осмотреть выставку. Едоль стен висели проекты жилых домов, планировки селения, школы, клуба, ясель, больницы, молочных и птицеводческих ферм, хозяйственных строений.

Сайрамов, привезший архитектора, сказал:

— Посмотрите проекты. Мы приняли их. Такими могут быть ваши дома и постройки, если вы не внесете к ним поправок и дополнений. Осмотрите их внимательно. Обдумайте их. А потом поговорим, обсудим каждый проект в отдельности.

И перед собравшимися раскрылись белые домики, светлые и стройные, окруженные живой зеленью изгородей, общественные дома, утопающие в цветах, осененные кронами деревьев.

— Это мечты? — спросил Сабир.

— Это то, что начнем строить на днях. Материалы отпущены, лес уже сюда везут. Жилые здания и часть общественных закончим к осени! — ответил Сайрамов.

— Нет возражений! — засмеялся Сабир.

Сабир и Анархон в новом колхозе были назначены бригадирами. И их бригады соревновались между собой, и успехи каждой из бригад укрепляли у Сабира и

Анархон уважение друг к другу. Глубже, полнее становилась их любовь.

Уже и первые награды выпали на долю степных колхозников, хотя наградили их за работу еще на старых землях. Звания Героя Социалистического Труда удостоилась Тансык и получила Золотую Звезду вместе с Мир-Хайдаром. Получив это звание, Тансык перешла в молодой колхоз к Уктаму, а колхоз послал ее учиться в Ташкентский сельскохозяйственный институт.

В «Богатыре» доходы колхоза значительно возросли. Родильный дом и детские ясли были достроены, клуб отремонтирован. Но и эти постройки Мир-Хайдар возводил бережливо и даже скуповато — он заботился об увеличении урожая, о расширении скотных дворов, молочных ферм, об увеличении отар и табунов. Надо было найти новые выпасы, новые луга для заготовки кормов на зиму. Заботы росли и росли у старика. Чем больше было достижений, тем больше возникало новых забот.

Электрифицированные машины появились в колхозе. Надо было организовать обучение колхозников, возникали новые колхозные профессии.

Болела у Мир-Хайдара душа и за тех, кто переселился из «Богатыря» в степь. Если выпадал свободный день, старик мчался в новой машине туда помочь советом или инвентарем.

...Стоя среди хлопкового поля, Сабир и Анархон рассматривали всходы. Анархон ревниво приглядывалась, не обогнал ли хлопок Сабира всходы в ее бригаде.

В это время невдалеке они увидели двух всадников. Они быстро ехали куда-то на дальние поля, — ведь земли колхоза занимали не одну тысячу гектаров.

— Видишь? — спросила Анархон.

— Уктам с Камилей. Парторг с председательницей.

— Подходят они друг другу!

— Уктам уже звал меня. На днях я буду командовать у него на пиру, на свадьбе.

— На днях?

Сабир улыбнулся жене и ласково поглядел вслед другу.

Золотая долина простиралась из края в край.

Журчала, ворковала, звенела вода в арыках. Тихо лепетала в тысячах маленьких ручейков, пущенных на хлопчатник. И этот светлый лепет воды казался песней вечной любви и неугасимого счастья.

Айбек

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ III

ВЕТЕР ЗОЛОТОЙ ДОЛИНЫ

Перевод с узбекского

Редактор Е. АНДРЕЕВА
Художник В. ШУМИЛОВ
Художественный редактор М. КАРПУЗАС
Технический редактор Е. ПОТАПОВА
Корректор А. РТВЕЛАДЗЕ
ИБ № 3262

Сдано в набор 03. 10. 85. Подписано в печать 11. 05. 86. Формат 84X108^{1/32}
Бумага типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл.
печ. л. 21,0+0,42 вкл. Усл. кр.-оттисков 21,42. Уч.-изд. л. 22,86+0,33 вкл.
Тираж 45 000. Заказ № 1024. Цена 1 р. 90 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 700129. Ташкент,
ул. Навои, 30.

Набрано и отматрицировано в типографии изд-ва «Таврида», г. Симферополь,
ул. Генерала Васильева, 44.

Отпечатано в типографии № 1 Государственного комитета УзССР по делам из-
дательств, полиграфии и книжной торговли, Ташкент, ул. Хамзы, 21.

Айбек

Собрание сочинений: В 5-ти томах. Т. 3. Ветер золотой долины: Роман / [Редкол.: А. Лрипов и др.; Сост.: З. С. Саиднасырова, Н. Ф. Каримов; Пер. с узб. С. П. Бородин]. — Т.: Изд-во лит. и искусства, 1986. — 400 с.
84Уз7

Роман «Ветер золотой долины» — первое эпическое полотно Айбека, написанное о борьбе узбекских хлонкоробов за высокий урожай, за восстановление коллективного хозяйства в послевоенные годы. В романе писатель с любовью и мастерством изображает самоотверженный труд советских людей, беспредельно преданных своему делу.

И.И. Сост.

84 Уз 7